M 68
121

кн 4 т. 1

РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

СОЧИНЕНІЕ

ИВАНА ВѢЛЯЕВА.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

Въ Сунодальной Типографіи.

1872 года.

84

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

РАЗСКАЗЫ.

М 68/121

ИСТОРІЯ

ПОЛОТСКА,

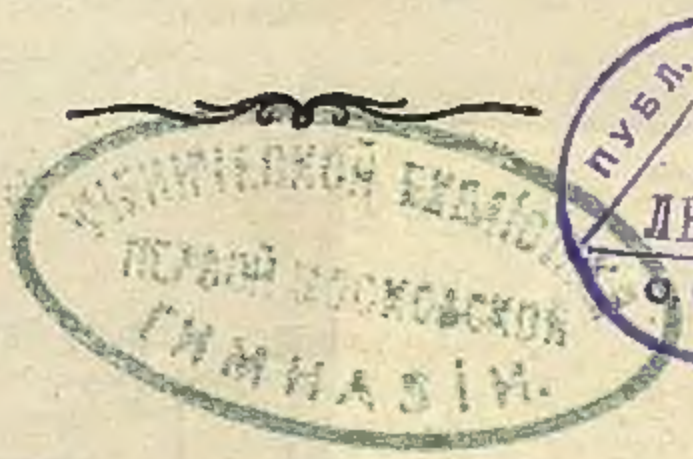
ИЛИ

СѢВЕРО-ЗАПАДНОЙ РУСИ,

ОТЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ

ДО

ЛЮБЛИНСКОЙ УНІИ.



Ф. 31-12163

МОСКВА.

Въ Синодальной Типографіи.

1872 года.

2007042950

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СТРОЙ ЖИЗНИ ПОЛОТСКА

И

ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА

ЛИТОВСКАГО.

РАЗСКАЗЪ ПЕРВЫЙ.

СТРАНА.

Полотскъ, одна изъ первыхъ колоній великаго Новгорода, построенный Новгородцами еще въ незапамятныя доисторическія времена, съ своими обширными владѣніями составлялъ особую отдѣльную страну, носившую названіе Полотской земли и составлявшую значительную часть Русской земли. Полотская земля во времена историческія очень рано сдѣлалась независимою и самостоятельною, а при Владимирѣ святомъ уже какъ бы выдѣлилась изъ Русской земли вообще; но только какъ отдѣльное княжество въ родѣ Владимирова сына Изяслава, который еще въ малолѣтствѣ вмѣстѣ съ матерію своей Рогнедою былъ отправленъ княжить въ Полотской землѣ. Впрочемъ это выдѣленіе нисколько не препятствовало Полотской землѣ, по своему внутреннему устройству и по народному характеру, и выдѣлившись оставаться Русскою землею, удерживая за собою типъ своей метрополіи—великаго Новгорода. Мѣстный лѣтописецъ Быховецъ, близко знакомый съ устройствомъ Полотской земли, какъ родины, прямо говоритъ: «мужи Полочане управлялись вѣчемъ, какъ Великій Новгородъ». А посему Полотская земля, не смотря на выдѣленіе, постоянно считалась и называлась Русскою землею и у Русскихъ людей, и у иноплеменниковъ ближнихъ и даль

нихъ. И тамошніе князья, не смотря почти на постоянно враждебныя отношенія къ другимъ Русскимъ князьямъ, считали себя Русскими князьями и постоянно признавались таковыми у другихъ князей даже тогда, когда княжеская власть отъ выродившихся потомковъ Изяслава Владимировича перешла къ Литовскому князю Гедимину и его потомкамъ.

Древнѣйшая исторія Полотской земли намъ мало извѣстна; отъ старѣйшаго нашего лѣтописца Нестора мы только знаемъ, что Полотскъ былъ старѣйшею, едвали не первою колоніею Новгорода великаго еще въ доисторическія времена. Несторъ пишетъ: «Славяне (Ильменскіе или Новгородцы) почали держать свое княженіе въ Новгородѣ, а другое на Полотѣ, гдѣ они назвались Полочанами, отъ рѣки Полоты; а отъ нихъ произошли Кривичи, которые сидятъ въ верховьяхъ Волги, Двины и Днѣпра, у нихъ же городъ Смоленскъ». Полотская земля въ цѣломъ своемъ объемѣ простиралась съ юга на сѣверъ отъ рѣки Припети до Балтійскаго моря, и съ востока на западъ отъ Днѣпра до Нарева и можетъ быть до верховьевъ западнаго Буга, гдѣ стоитъ крайняя колонія Полочанъ,— Полтовескъ или Пултускъ, и до устьевъ Немана. Вся эта обширная страна, обхватывающая собою цѣлый сѣверозападный край нынѣшней Русской земли, находилась въ подчиненіи и зависимости отъ древнѣйшей Новгородской колоніи въ здѣшнемъ краю,— Полотска, который здѣсь былъ старшимъ городомъ, отъ котораго зависѣли всѣ младшіе города здѣшняго края, какъ пригороды, на обще русскомъ или на славянскомъ основаніи: «на чемъ старшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ». Но власть Полотскаго

вѣча была не одинакова надъ всею здѣшнею страною, она измѣнялась по мѣрѣ отдаленія отъ Полотска. А посему Полотскія владѣнія, подобно Новгородскимъ, можно раздѣлить на три разряда. Къ первому разряду принадлежалъ самъ Полотскъ съ своимъ округомъ, какъ гнѣздо Новгородской или Ильменской Славянщины въ здѣшнемъ краю; ко второму разряду принадлежала Полотская земля, на которой стояли Полотскіе пригороды, и къ третьему разряду Полотскія колоніи въ земляхъ: Летголы, Литвы, Корси, Жемойти и Ятвяговъ.

Полотскъ былъ построенъ въ углу, образуемомъ впаденіемъ рѣки Полоты въ Двину на границахъ Летголы съ Литвою. Самое построеніе Полотска при сліяніи двухъ рѣкъ, защищавшихъ его съ трехъ сторонъ, обращенныхъ именно къ враждебнымъ сосѣдямъ, показываетъ, что этотъ городъ, также какъ Псковъ, былъ первоначально построенъ для защиты Новгородскихъ колоній въ тамошнемъ краю отъ немирныхъ сосѣдей иноплеменниковъ. Мѣстность, выбранная строителями для Полотска, по тогдашнему времени была самою выгодною для обороны отъ непріятелей. Хотя здѣшніе Новгородскіе колонисты были окружены сильными врагами съ двухъ сторонъ, т. е. Летголою и Литвою; но какъ сіи враги принадлежали къ различнымъ племенамъ, нерѣдко враждебнымъ другъ другу, то Полочане, какъ истые Новгородцы—ловкіе колонисты, всегда могли поставить дѣло такъ, что въ данное время противъ нихъ стояло враждебно почти всегда только одно племя, а другое оставалось или нейтральнымъ, или даже въ союзѣ съ ними. А посему, пользуясь такими выгодами мѣстности, Полотскъ еще во времена допсторпческой древности пріі-

обрѣлъ значительную долю самостоятельности и уже находился въ слабой зависимости отъ Новгорода. Въ древнихъ Скандинавскихъ сагахъ, задолго до Рюрика, перваго Русскаго князя въ Новгородѣ, мы уже имѣемъ хотя не ясныя извѣстія о Полотскѣ, какъ о богатомъ и сильномъ владѣніи, имѣвшемъ своего государя, находившагося въ нѣкоторой зависимости отъ Новгорода. Одна изъ древнѣйшихъ Скандинавскихъ сагъ упоминаетъ о Полотскомъ князѣ Палтесѣ, который находился подъ рукою Новгородскаго князя Квиллана. Нашъ старѣйшій лѣтописецъ Несторъ на первыхъ же страницахъ своей лѣтописи указываетъ на Полотскъ, какъ на Новгородскій пригородъ, который Новгородцы уступили приглашеннымъ ими Варяго-Русскимъ князьямъ, вѣроятно по его отдаленности и слабой зависимости отъ Новгорода. По словамъ Нестора, князь Рюрикъ, по смерти братьевъ своихъ, сталъ раздавать города своимъ мужамъ—кому Полотскъ, кому Ростовъ, кому Бѣлоозеро. Изъ этого свидѣтельства очевидно, что Полотскъ, наравнѣ съ Ростовомъ и Бѣлымъ озеромъ, былъ уступленъ Новгородцами приглашеннымъ Варяго-Русскимъ князьямъ въ непосредственное управленіе, а слѣдовательно искони былъ Новгородскою колоніею и въ тогдашнее время еще находился хотя въ слабой зависимости отъ Новгорода; иначе Новгородцы не могли бы его отдать Рюрику и его братьямъ.

О древнѣйшей исторіи собственно города Полотска до насъ не дошло подробностей; и мы можемъ только заключать, что Полотскъ, какъ Новгородскій пригородъ, былъ устроенъ по образцу Новгорода или Пскова и управлялся вѣчемъ; о чемъ, какъ мы уже видѣли,

у насъ имѣется прямое извѣстіе мѣстнаго лѣтописца Быховца. Принявши въ соображеніе какъ происхожденіе Полотска отъ Новгорода, такъ и засвидѣтельствованное мѣстною лѣтописью вѣчевое устройство Полотска по Новгородскому образцу, мы должны принять, что и прочія подробности городскаго устройства въ Полотскѣ были также чисто Новгородскіе, т. е. Полотскъ, подобно Новгороду и Пскову, дѣлился на концы и улицы, и каждый конецъ и каждая улица составляли отдѣльную въ своемъ внутреннемъ управленіи самостоятельную общину, съ своими выборными старостами и съ своимъ уличанскимъ и кончанскимъ вѣчемъ, подчиненнымъ вѣчу цѣлаго города Полотска. Такимъ образомъ Полотскъ, подобно Новгороду, составлялъ союзъ уличанскихъ и кончанскихъ общинъ. Новгородскіе порядки до того были усвоены Полотскомъ, что всѣ Полотскія грамоты носили форму грамотъ Новгородскихъ и писались такъ же какъ и Новгородскія грамоты, отъ князя или отъ его намѣстника и отъ всѣхъ мужей Полочанъ. Мало этого, самая народная святыня, соборный храмъ и въ Новгородѣ и въ Полотскѣ носили одно названіе,— церковь Святыя Софіи. Всѣ формы и порядки Новгородскаго устройства сохранялись въ Полотскѣ даже при Литовскихъ князьяхъ вплоть до введенія Магдебургскаго права; такъ договорныя грамоты Полотска съ Ригою и Ливонскими Нѣмцами, дошедшія до насъ, даже въ XV столѣтіи писались такъ: въ грамотѣ 1409 года: «отъ намѣстника Полотскаго отъ Монтигирда и отъ всѣхъ мужъ отъ Полочанъ къ ратманомъ. Што есте со княземъ Семеномъ миръ взяли и съ мужи Полочаны, чтобы то такъ и здер-

жали тотъ миръ крѣпко, а мы такъ и держимъ крѣпко, доколѣ изыдетъ». (Руск. Ливон. акты, стр. 104); или въ грамотѣ 1405 года: «се мы Полочане, вси добрые люди и малые надѣючись на Богъ святаго, Софія милость и князя великаго Витовта здоровье, хочемъ съ тобою князь Мастерю любовь держати и съ твоею братьею со всѣми ридели. Такожъ хочемъ съ вами Рпзьскіи ратмане и со всѣми рпзьскіи куицы межи себе пріязньство держати и любовь на обѣ стороне крѣпко.» (ibid стр. 120). Въ сихъ и во многихъ подобныхъ грамотахъ такъ и слышится Новгородскій духъ, Новгородскій строй Полотскаго общества.

Полотскъ, уподобляясь Новгороду по своему общественному строю и по своимъ порядкамъ, уподоблялся ему и въ другихъ отношеніяхъ; такъ онъ былъ однимъ изъ богатѣйшихъ городовъ Русской земли въ древности и велъ обширную торговлю, и Полочане, подобно Новгородцамъ, славились своею торговою предпріимчивостію и способностью къ колонизаціи. Успѣхамъ Полотской торговли конечно много способствовала выгодная мѣстность; ибо на первыхъ же порахъ Полочанамъ была открыта большая и удобная торговая дорога по Западной Двинѣ, которая прямо вела ихъ къ Балтійскому морю и къ торговымъ сношеніямъ съ западною Европою и въ особенности съ Скандинавіею, о чемъ говоритъ Несторъ уже на первыхъ страницахъ своей лѣтописи. У него о западной Двинѣ сказано: «А Двина идетъ на полуночье и внидетъ въ море Варяжское; тѣмъ же по Двинѣ можно идти изъ Руси въ Варяги, изъ Варягъ до Рима, отъ Рима до племени Хамова». Это подробное описаніе пути по Двинѣ и по морю довольно ясно на-

мекаетъ, что этотъ путь былъ знакомъ Полочанамъ. А что Полочане дѣйствительно въ свое время хорошо умѣли пользоваться этою большою торговою дорогою, этому лучшимъ свидѣтельствомъ служатъ Полотскія колоніи по Двинѣ вплоть до Балтійскаго моря. То же подтверждаетъ о знаменитости Полотской торговли по Двинѣ и о грозномъ господствѣ Полочанъ въ тамошнемъ краю пѣвецъ Слова о полку Игоревѣ; онъ, описывая междоусобія князей, разорившія Полотскую землю, говоритъ: «Уже Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ Полочанамъ подъ кликомъ поганыхъ». Кромѣ Двины Березина открывала Полочанамъ дорогу къ Днѣпру и наконецъ Неманъ велъ ихъ въ глубину Литовскихъ и Ятвяжскихъ пущей и лѣсовъ и открывалъ имъ пространное поприще для колонизаціи, которымъ Полочане и пользовались, какъ истые колонисты Новгородскіе, отважные и предпріимчивые. Все это поставило Полотскъ въ такое положеніе, что онъ даже по прекращеніи Полотскаго княжества долгое время былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ городовъ тамошняго края и пользовался значительною самостоятельностію.

Вторый разрядъ Полотскихъ владѣній составляла *земля Полотская*, на которой стояли Полотскіе пригороды съ ихъ волостями. Граница этой земли на востокѣ упиралась въ правый берегъ Днѣпра, гдѣ она сходилась съ границами Смоленскими и Черниговскими; на югѣ Полотскія границы простирались до лѣваго берега Припети, гдѣ сходились съ границами Волынскими; на западѣ Полотская земля терялась въ дикихъ лѣсахъ Ятвяжскихъ, придерживаясь теченія Немана и его притоковъ; на сѣверѣ, по свидѣтельству

лѣтописи Быховца, граница Полотской земли очерки-валась угломъ, образуемымъ впаденіемъ рѣки Виліи въ Неманъ, и на сѣверовостокѣ упиралась въ лѣвый берегъ Западной Двины. Всѣ Полотскіе пригороды, размѣщенные въ показанныхъ границахъ Полотской земли, можно распредѣлить въ четыре ряда, какъ по мѣстности, такъ и по древности ихъ построенія.

Первый рядъ Полотскихъ пригородовъ составляли города, построенные Полочанами въ первыя времена ихъ колонизаціи, когда Полочане съ ихъ колоніями еще не переходили на правый берегъ Березины; они шли по восточной границѣ Полотской земли, и размѣщались въ трехъугольникѣ, образуемомъ Днѣпромъ, Березиной и верховьями Двины. Здѣсь находились слѣдующіе города или пригороды: Витебскъ, старѣйшій Полотскій пригородъ, построенный въ странѣ, первоначально занятой Латышами, на границахъ Новгородскихъ и Смоленскихъ владѣній; на югъ отъ Витебска на Днѣпрѣ — Орша, бывшая предметомъ постояннаго спора между Полочанами и Смолнянами; на югъ отъ Орши, при верховьяхъ рѣки Друча— Друцкъ, въ прежнее время богатый и значительный городъ; южнѣе Друцка на рѣкѣ Олпсѣ, притокѣ Березины, Кличевъ; недалеко отъ устьевъ Березины Стрежевъ, одинъ изъ самыхъ южныхъ пригородовъ Полотска въ придпѣпровскомъ краю. Въ этомъ же трехъугольникѣ на югъ отъ Полотска ближе къ Березинѣ тянется еще рядъ Полотскихъ пригородовъ, таковы: Туровля, Камень, Лепель, Лукомля и Островъ почти по Березинѣ.

Вторый рядъ Полотскихъ пригородовъ составляли города, построенные Полочанами по переходѣ черезъ

Березину на западъ. Здѣсь по самой Березинѣ на правомъ ея берегу были города: Борисовъ, Березина, Свислочь и Голынка; за тѣмъ по рѣкѣ Свислочи: Изяславль, Городецъ, Минскъ и Изборскъ, напоминающій сименный ему городъ въ Псковской землѣ; Логойскъ на Гойнѣ, впадающей въ Березину съ правой стороны. Въ этомъ-же рядѣ, не доходя до Немана и не переходя Случи, къ югу на притокахъ Припети Полотскими колонистами были построены города: Дудичи на рѣкѣ Птичи при ея верховьяхъ, Шацкъ на западъ отъ Птичи, Слуцкъ на Случѣ, притокѣ Припети, Туровъ и Мозырь на Припети. Нѣкоторые изъ сихъ городовъ, особливо по Припети, по всему вѣроятію были построены не Полочанами, а Дреговичами, которые, по свидѣтельству Несторовой лѣтописи, пришли въ этотъ край съ юга и прежде Полочанъ, и оставались здѣсь и тогда, когда сюда придвинулись Полотскія колоніи. Такъ, относительно лѣваго берега Припети нельзя навѣрное сказать, что здѣсь построено Дреговичами и что Полочанами. Здѣшніе Дреговичи, какъ Славяне, по всему вѣроятію мало-по-малу слились съ Полотскими колонистами, какъ съ Славянами же,—чему, конечно, кромѣ одноплеменности, много способствовало и то, что и тѣ и другіе нуждались во взаимной помощи для болѣе успѣшной борьбы противъ сосѣднихъ инородцевъ Ятвяговъ и Литвы.

Третій рядъ Полотскихъ пригородовъ начинается по переходѣ черезъ Случь и идетъ по притокамъ Припети съ лѣвой стороны и по притокамъ Немана также съ лѣвой стороны. Здѣсь первыми городами были, не переходя еще Мречи, Копысь и Вязна, за

Меречью на рѣкѣ Лани Клецкъ и Несвижъ, Сновъ, которому двойника находимъ у Сѣверянъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, Великіе Луки, напоминающіе Великіе Луки въ Новгородской землѣ, Кожанъ городъ на Улѣ, Пинскъ на Пинѣ. Здитовъ на Ясольцѣ, Дрогичинъ на одномъ изъ притоковъ Пины, Городна тамъ же. Въ этомъ направленіи вплоть до западнаго Буга идутъ города: Дивинъ Городокъ на одномъ изъ верхнихъ притоковъ Мухавца, Городецъ и Кобринъ на рѣкѣ Мухавцѣ, Берестье, нынѣ Брестъ-Литовскъ, при впаденіи Мухавца въ западный Бугъ, Мѣльникъ, Дрогичинъ на правомъ берегу западнаго Буга, Брянскъ двойникъ Брянска у Сѣверянъ, Бѣльскъ между Наревомъ и Бугомъ; Новгородъ и Полтовескъ или Пултускъ на рѣкѣ Наревѣ, двѣ крайнія западныя колоніи Полочанъ, уже не въ Полотской землѣ. На сѣверъ, отъ городовъ лежащихъ по притокамъ Припети и Буга, слѣдуетъ рядъ Полотскихъ городовъ по Неману и его притокамъ: Могильно, Турецъ, Новгородокъ или Новгородъ Литовскій на верхнихъ притокахъ Немана съ лѣвой стороны, Слонимъ на рѣкѣ Шарѣ, Зельва на рѣкѣ Зельвѣ и Волковыйскъ на Росп. Всѣ сіи прнеманскіе города, какъ и Городна или Гродно, были построены въ землѣ Ятвяговъ и Литвы.

Четвертый рядъ Полотскихъ пригородовъ составляли города лежащіе на сѣверъ отъ Полотска по западной Двинѣ и ея притокамъ. Таковы были Дисна на сѣверозападъ отъ Полотска, при впаденіи Дисны въ Двину; Друя на сѣверо-западъ отъ Дисны на Двинѣ; Брячеславль, нынѣ Бряславль, на юго-западъ отъ Друи на озерѣ Дрѣсвяты, Видзы на югъ отъ Бря-

числавля, и наконецъ Свѣнчаны на югозападъ отъ Видзы. Сѣверные города почти всѣ лежали на границахъ съ Литовскими и Латышскими поселеніями; они были какъ бы передовыми постами, откуда Полочане высылали свои колоніи въ глубь Литовской и Латышской земли, которыя колоніи уже не составляли Полотскихъ пригородовъ.

Всѣ города Полотской земли считались пригородами Полотска и, по общему порядку на Руси, особенно въ Новгородскихъ колоніяхъ, должны были зависѣть во всемъ отъ старшаго города—отъ Полотска, и конечно въ древнѣйшее время зависѣли отъ него; но въ послѣдствіи времени связь Полотскихъ пригородовъ съ самимъ Полотскомъ на столько ослабла, что нигдѣ въ Русской землѣ пригороды не пользовались такою независимостію отъ старшаго города, какъ въ Полотскихъ владѣніяхъ. Мало этого, всѣ древніе пригороды въ разныхъ краяхъ Полотской земли подчинили себѣ сосѣдніе позднѣйшіе пригороды. Таковое рѣзкое измѣненіе въ отношеніи пригородовъ къ старшему городу представляетъ отличительную характеристическую черту Полотской исторіи, и вслѣдствіе таковаго отношенія пригородовъ къ старшему городу въ Полотской землѣ образовалось нѣсколько городскихъ группъ, примыкавшихъ къ тому или другому пригороду; такъ напримѣръ были города Минскіе, примыкавшіе къ Минску; были города Туровскіе, зависѣвшіе отъ Турова; были города собственно Полотскіе, тянувшіе къ Полотску, и под.

Таковой разобщенности пригородовъ отъ Полотска и образованію отдѣльныхъ городскихъ группъ съ одной стороны много способствовало то, что дви-

женіе Полотской колонизаціи было не въ одну сторону. Полочане, какъ должно полагать, встрѣчая препятствіе для своей колонизаціи въ одномъ направленіи, оборачивались въ другую сторону. Такъ, встрѣтивъ препятствіе къ переходу черезъ Днѣпръ, они спустились къ Припети и по ея притокамъ съ лѣвой стороны пробрались до западнаго Буга, гдѣ древнѣйшею ихъ колоніею было Берестье, нынѣшній Брестъ Литовскій. Отъ Берестья они поворотили на сѣверъ, и между Бугомъ и Неманомъ прошли до Гродна и разсыпались своими поселеніями по Нареву до Полтовеска. *) Подвигаясь отъ Полотска въ прямомъ направленіи къ западу, Полочане перешли только Березину и должны были остановиться у Вилін, гдѣ встрѣтили сплошное населеніе Литвы, которая хотя и вступила въ сношеніе съ Полотскомъ и быть можетъ признала свою зависимость отъ Полочанъ; но

*) Лучшимъ доказательствомъ, что путь древней колонизаціи по лѣвому берегу Припети до Буга и Нарева пройденъ именно Полотскими колонистами, а не кѣмъ другимъ, служитъ то, что по этому пути разсыпано и до сей поры сохранилося множество наименованій урочищамъ, совершенно одинаковымъ съ наименованіями въ Новгородской землѣ, у Сѣверянъ и у самихъ Полочанъ въ мѣстностяхъ ближайшихъ къ Полотску. Такъ рѣкамъ, текущимъ въ Припеть, Цнѣ и Бобрику, мы находимъ соименницъ не вдалекѣ отъ Полотска на сѣверъ; или рѣка Свислочь, впадающая въ Березину, на востокѣ Полотскихъ владѣній находитъ себѣ соименницу въ Свислочи, впадающей въ Неманъ на западѣ Полотской земли; или рѣка Наревъ съ притокомъ Наровой, впадающая въ западный Бугъ, и рѣка Нарова въ Новгородскихъ владѣніяхъ, или городъ Визна на Наревѣ и городъ Визна близъ Слуцка въ краю, прилегающемъ къ Припети, или Голынка на Березинѣ и Голынка на Свислочи, впадающей въ Неманъ, или Брянскъ на Нурцѣ и Брянскъ у Сѣверянъ, ясно говорятъ, что Полотскіе колонисты, подвигаясь впередъ, давали новымъ урочищамъ старыя названія урочищъ своей родины.

тѣмъ не менѣе не была колонизована Полотскими пригородами. Точно также на сѣверъ отъ Полотска по Двинѣ Полочане своими колоніями лѣпились только у Двины и не проникали въ глубь Ливи и Летголы, хотя и брали съ нихъ дань. Таковый порядокъ колонизаціи не по одному направленію ближайшимъ своимъ слѣдствіемъ имѣлъ то, что Полотскіе пригороды, разсыпанные на огромномъ пространствѣ и отдѣленные отъ Полотска землями Летголы, Литвы и Ятвяговъ, естественно должны были стягиваться въ отдѣльныя группы по сосѣдству, и даже не имѣли возможности надолго поддерживать непрерывную и постоянную связь съ своею метрополіею. Общій видъ Полотской земли представлялъ не сплошную округленную массу непосредственныхъ владѣній, а страну, разчлененную чужими еще не колонизованными землями. Полотская земля была какъ-бы огромною подковою или полукругомъ, въ который съ сѣверо-запада врѣзывались большія пространства земель, покрытыхъ непроходимыми лѣсами и заселенныхъ воинственными иноплеменниками.

Съ другой стороны Полочане, своими колоніями спускаясь по Днѣпру и Березинѣ до Припети, должны были встрѣтиться съ Славянскими племенами, уже прежде ихъ занявшими мѣста по Припети и ея притокамъ, именно на востокѣ съ Дреговичами, по словамъ Нестора простиравшимися на сѣверъ почти до Двины, съ Пинянами и Бужанами, сидѣвшими по верхней Припети съ притоками и по Бугу. При встрѣчѣ съ Славянскими племенами, Полочане естественно не могли относиться къ нимъ какъ къ иноплеменникамъ; между ними много было роднаго, оди-

наковаго; при томъ же Славяне здѣшняго края, Пиняне, Бужане, могли имѣть опору въ своихъ одноплеменникахъ по ту сторону Припети, ежели бы Полотскіе колонисты стали прибѣгать къ насилію; посему здѣшняя колонизація Полочанъ должна была имѣть иный характеръ, чѣмъ колонизація въ краю иноплеменниковъ. Полочане здѣсь волей-неволей должны были оставить неприкосновеннымъ многое изъ прежняго быта здѣшнихъ Славянъ; и слѣдовательно въ здѣшнихъ городахъ, большею частію построенныхъ еще до прибытія сюда Полочанъ, не могло быть строгой подчиненности въ отношеніи къ Полотску (который собственно и не былъ ихъ метрополіею), какая замѣчается въ другихъ краяхъ, колонизованныхъ Новгородцами. Дреговичи и другія племена, жившія по Припети и Бугу, хотя и подчинились вліянію Полочанъ и слились съ ихъ колоніями въ здѣшнемъ краю, и такимъ образомъ вошли въ составъ Полотской земли; тѣмъ не менѣе много удержали своего племеннаго, даже большею частію сохранили свой языкъ, ближе подходящій къ Малороссійскому, чѣмъ къ Бѣлорусскому или Полотскому, и имъ не даромъ присвоено наименованіе Черной Руси въ отличіе отъ главнаго племени Бѣлой Руси или Полочанъ— колонизаторовъ. Все это естественно должно было внести нѣкоторое внутреннее раздвоеніе въ Полотскую землю, по которому югъ Полотской земли или прибрежье Припети и Буга значительно разнились отъ сѣвера или прибрежій Двины и Березины, или Бѣлая Русь и Черная Русь, хотя они и не составляли двухъ отдѣльныхъ земель и не имѣли никакого поземельнаго разграниченія, ибо и на сѣверѣ и на югѣ были разсыпаны

колоніи одного и того же Полотскаго племени. Это же племенное раздвоеніе было одною изъ главныхъ причинъ, что въ послѣдствіи при Рюриковичахъ на лѣвый берегъ Припети имѣли большое вліяніе Кіевскіе и Волынскіе князья.

Третій разрядъ Полотскихъ владѣній составляли По- Колоніи Полотска.
лотскія колоніи въ чужой землѣ, которую Полочане еще не успѣли привести къ окончательному обрусѣнію, гдѣ инородческій элементъ еще сохранилъ свой типъ и значительно противился Полотскому вліянію. Къ таковымъ владѣніямъ принадлежали Полотскія колоніи въ земляхъ Летголы, Ливи, Литвы и Ятвяговъ, гдѣ большинство рѣшительно состояло изъ инородцевъ старожиловъ, гдѣ Полотскія колоніи являлись какъ бы островами въ морѣ, и инородцы управлялись сами собою, своими племенными князьями или старѣйшинами и только находились въ союзническомъ или даннической отношеніи къ Полочанамъ, и не препятствовали имъ въ своей землѣ заводить Полотскія колоніи, и даже устроивать свои княжества и облагать туземцевъ иноплеменниковъ данью, какъ это напримѣръ было въ низовьяхъ западной Двины въ земляхъ Летголы и Ливи. Полотскія колоніи въ чужой землѣ раздѣлялись на три вида какъ по своей мѣстности, такъ и по отношенію къ нимъ туземцевъ иноплеменниковъ.

Къ первому виду принадлежали Полотскія коло- Въ Ливоніи.
ніи внизъ по теченію западной Двины до самаго ея устья, гдѣ находились Полотскія княжества Кукейносъ и Герсикъ, или правильнѣе Берсика (можетъ быть Бережки или Берестье, перепутанныя Латышомъ лѣтописцемъ). Объ отношеніяхъ этого края къ По-

лотску и вообще о состояніи его, но русскимъ источникамъ мы не имѣемъ никакихъ извѣстій, кромѣ общаго указанія Несторовой лѣтописи, что тамошнія племена даютъ дань Руси. По Ливонскимъ же лѣтописямъ видно, что при устьяхъ Двины были два удѣльныя княжества, гдѣ сидѣли князья изъ дома Полотскихъ князей, и что княжества сіи состояли въ зависимости отъ старшаго или великаго князя Полотскаго. Впрочемъ изъ тѣхъ же Ливонскихъ лѣтописей видно, что устья и низовья Двины не составляли собственно Полотской земли, и при князьяхъ изъ Полотска тамошніе жители-туземцы имѣли своихъ племенныхъ старѣйшинъ и только платили дань Полотскимъ князьямъ и признавали надъ собою ихъ владычество, какъ могущественныхъ и грозныхъ государей. Слѣдовательно Полотскіе города въ здѣшнемъ краю были небольше, какъ колоніи въ чужой землѣ, и ихъ построеніе главнымъ образомъ вызывалось необходимостію для поддерживанія власти Полотска надъ тамошними туземцами и для обезпеченія торговаго пути по Двинѣ, которымъ Полочане дорожили даже и тогда, когда этотъ край былъ уже занятъ Нѣмцами, какъ свидѣтельствуютъ всѣ договорныя грамоты Полотска съ Ригою и Ливонскимъ орденомъ.

Чтобы яснѣе видѣть положеніе Полотскихъ колоній въ здѣшнемъ краю, достаточно прослѣдить исторію первыхъ Нѣмецкихъ поселеній въ Ливоніи; эта исторія ясно говоритъ объ отношеніяхъ Полотска къ здѣшнему краю. По свидѣтельству древней Ливонской хроники (Генриха Латыша), первый проповѣдникъ латинства, пріѣхавшій сюда съ Нѣмецкими купцами, Мейнардъ, просилъ дозволенія у Полотскаго

князя для свободнаго проповѣданія. Хроника прямо говоритъ: «священникъ Мейнардъ, получивши дозволеніе отъ Полотскаго князя Владимира, у котораго Ливонцы (Ливь), были въ подданствѣ, и принявши отъ него дары, смѣло приступилъ къ Божіему дѣлу и построилъ церковь въ Икесколѣ». Значитъ, Ливонія на столько была въ зависимости отъ Полотскаго князя, что безъ его дозволенія Латинцы не могли проповѣдывать своего вѣроученія тамошнимъ туземцамъ-язычникамъ. Но изъ дальнѣйшаго разсказа той же хроники видно, что Полочане мало обращали вниманія на это владѣніе и пользовались только данью съ тамошнихъ жителей, и даже не управляли ими; такъ что въ слѣдующую зиму Мейнарду съ Икескольцами пришлось защищать тамошній край отъ нападенія Литовцевъ и построить въ Икесколѣ за́мокъ, названный Укскулемъ и другій за́мокъ Гольмъ. Преемникъ Мейнарда Бертольдъ началъ прямую войну съ Ливонцами, отказавшимися отъ латинства, и привелъ Германскія и Готландскія войска. Все это совершалось въ продолженіи 12 лѣтъ; и ни князь Полотскій, и ни Полочане, получая исправно дань отъ Ливонцевъ, не обращали на это никакого вниманія и не думали вступиться за своихъ исправныхъ данниковъ. Преемникъ Бертольда епископъ Альбертъ построилъ уже Ригу, учредилъ ливонскій орденъ меченосцевъ, воевалъ и заключалъ союзы съ Жемойтью, Литвою и Куронами (Курляндцами); а Полотскій князь и Полочане смотрѣли на все это какъ бы сквозь пальцы, какъ будто бы Нѣмцы распоряжались не въ Полотскихъ владѣніяхъ, и рѣзали и крестили не ихъ данниковъ Ливонцовъ.

Наконецъ, на осьмомъ году своего епископства, Альбертъ нашелъ нужнымъ войдти въ прямыя сношенія съ Полотскимъ княземъ Владимиромъ, подобно Мейнарду, и отправилъ свое посольство въ Полотскъ; между тѣмъ Ливонцы, сильно угнетаемые Нѣмцами, пришли съ жалобою къ Полотскому князю и просили его защиты. Владимиръ, какъ и слѣдовало ожидать, принялъ сторону своихъ данниковъ Ливонцевъ, и, отпустивши къ Альберту его пословъ, сталъ готовиться къ походу, но прежде отправилъ своего посла въ Кукейносъ для разбора споровъ между Нѣмцами и Ливонцами. Княжескій посолъ потребовалъ Альберта въ Кукейносъ на опредѣленный срокъ для разбора дѣла. Альбертъ не принялъ приглашенія, и, увѣдомленный тайно о приготовляемомъ походѣ Полотскаго князя, сталъ наскоро готовиться къ войнѣ и пригласилъ къ себѣ Летголу или Латышей, бывшихъ тогда во враждѣ съ Ливонцами; Ливонцы съ своей стороны пригласили Литовцевъ и захватили недостаточно защищенный за́мокъ Гольмъ; но прежде нежели успѣли подойти къ нимъ Полочане съ своимъ княземъ, Нѣмцы съ своими союзниками разбили Ливонцевъ и обратно взяли за́мокъ Гольмъ, Ливонцы снова обратились за помощію къ Полотскому князю. Наконецъ Владиміръ съ войскомъ явился на Двинѣ и осадилъ Голмъ; но, простоявши подъ городомъ одиннадцать дней и не успѣвши его взять или сжечь, удалился съ своею ратью домой. Этотъ неудачный походъ Полотскаго князя своимъ прямымъ послѣдствіемъ имѣлъ то, что Ливонцы, потерявъ надежду на защиту отъ Полотскихъ князей, принуждены были принять латинство и подчиниться Нѣмцамъ; такъ что Ал-

бертъ въ слѣдующую же поѣздку въ Германію уже передалъ Ливонію подъ покровительство германскаго императора, и на слѣдующій годъ вся Ливонія до границъ Эстоніи или Чуди была обращена въ латинство. А въ слѣдъ за тѣмъ Кукейносскій Русскій Князь Вячеславъ, чтобы удержать за собою свое небольшое княжество, принужденъ былъ отдаться въ покровительство епископа Альберта со всѣмъ своимъ княжествомъ, которое и передано ему снова отъ имени Рижской Богоматери уже на вассальныхъ правахъ, и въ слѣдъ за тѣмъ явился въ Кукейносѣ небольшой Нѣмецкій гарнизонъ какъ бы для защиты города отъ Литовцевъ. Но Вячеславъ скоро увидалъ, для чего присланы къ нему Нѣмцы, и, не откладывая въ даль, перебилъ ихъ, а самъ обратился за помощію къ Полотскому Князю Владиміру; но прежде нежели пришла Полотская помощь, Нѣмцы успѣли прогнать Вячеслава и заняли Кукейносъ.

По взятіи Кукейноса Нѣмцами, за Полотскими князьями въ здѣшнемъ краю осталась Берсика, гдѣ княжилъ Всеволодъ, послѣдній боецъ за Русское дѣло въ Ливоніи, который въ союзѣ съ Литовцами велъ постоянную борьбу съ нѣмецкими насильниками, и пользуясь полнымъ довѣріемъ Литовцевъ, какъ женатый на дочери одного Литовскаго князя, сильно вредилъ Нѣмцамъ. Изъ Берсики предпринимались всѣ набѣги Литовцевъ, въ Берсикѣ Литовцы всегда находили готовую переправу черезъ Двину и въ Берсикѣ для Литвы всегда было убѣжище и защита въ случаѣ неудачнаго набѣга. Наконецъ въ одиннадцатомъ году Албертова епископства дошла очередь и до Берсики. Альбертъ, чтобы заразъ покончить съ

Всеволодомъ, собралъ большое войско изъ Нѣмцевъ и крещеныхъ Ливонцевъ и Латышей и взялъ съ бою Бересику, а Всеволода заставилъ бѣжать за Двину. Такимъ образомъ со взятіемъ Бересики исчезло послѣднее Полотское владѣніе въ Ливонской землѣ. Альбертъ хотя и отдалъ Бересику опять Всеволоду, но уже на ленномъ правѣ, съ тѣмъ, чтобы онъ былъ вассаломъ Рижской Богоматери.

Впрочемъ Нѣмцы Рижане еще чувствовали себя не совсѣмъ крѣпкими въ Ливоніи, Литва и Полочане еще сильно ихъ безпокоили; связь Ливоніи съ Полоцкомъ еще не прекращалась; Полотскіе князья еще не отказывались отъ своихъ правъ на Ливонію и получали оттуда дань. А посему въ 1210 году, передъ начатіемъ упорной борьбы съ Эстоніею или Чудью, Альбертъ нашелъ нужнымъ заключить миръ съ Полотскимъ княземъ. Условія мира состояли въ томъ, чтобы Полотскій князь не препятствовалъ свободной торговлѣ Нѣмцевъ съ Полотскомъ; а Нѣмцы съ своей стороны обязались платить дань за Ливонцевъ; даже епископъ самъ обѣщался доставлять ему дань въ Полотскъ. Но Ливонцамъ было не подъ силу платить двѣ дани, Нѣмцамъ и Полотскому князю: и потому они просили Полотскаго князя, чтобы онъ освободилъ ихъ отъ Нѣмцевъ, а епископа Альберта, чтобы онъ не требовалъ съ нихъ дани въ пользу Полотскаго князя. Полотскій князь для разрѣшенія этого дѣла назначилъ Альберту срокъ для съѣзда и потребовалъ отъ него, чтобы Нѣмцы не принуждали Ливонцевъ къ крещенію, а оставили бы это на ихъ добрую волю. Альбертъ на это требованіе отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ, и переговоры кончились тѣмъ, что Полот-

скій князь отказался отъ дани съ Ливонцевъ и потомъ заключилъ съ Нѣмцами миръ, предоставляя имъ и Полочанамъ свободную торговлю. Но тѣмъ дѣло о Ливоніи еще не кончилось. Русскій Князь Всеволодъ еще владѣлъ Берсикою хотя и на правахъ вассала Рижской Богоматери; и Нѣмцы, чтобы окончательно раздѣлаться съ нимъ въ 1214 году ворвались ночью въ Берсику, ограбили бывшихъ тамъ Русскихъ и князя, и завладѣли городомъ; такъ кончилось послѣднее владѣніе Полотскихъ князей въ Ливоніи. Тѣмъ не менѣе Полочане еще не думали совершенно отказаться отъ Ливоніи, и въ 1215 году Полотскій князь Владимиръ, побуждаемый Эстонцами, Латышами и частію Ливонцами, сдѣлалъ послѣднюю попытку противъ Нѣмцевъ, и, собравъ большую рать, отправился прямо къ Ригѣ, но отравленный Нѣмцами, при самомъ началѣ похода умеръ и его рать разбрелась по домамъ.

Этотъ разсказъ Ливонской хроники о водвореніи Нѣмцевъ въ Ливоніи ясно говоритъ, что Ливонія до прибытія Нѣмцевъ принадлежала Полотску, и что по низовьямъ Двины тамъ было два Полотскихъ княжества, Кукейносъ и Берсика; что старшій великій князь Полотскій получалъ съ Ливоніи ежегодную дань, и что Ливонцы признавали его своимъ верховнымъ государемъ и защитникомъ. Но изъ того же разсказа видно, что Ливонія еще не причислялась къ Полотской землѣ, и была только провинціею, волостью Полочанъ, и при томъ волостью предоставленною въ непосредственное распоряженіе князей, и что Полотскихъ колоній тамъ было очень немного, вѣроятно только по Двинѣ, какъ важному торговому пути, и

Ливонцы, кромѣ ближайшихъ къ Кукейносу и Берсикѣ, оставались при своихъ правахъ и обычаяхъ. Полочане, по заведенному Новгородцами и ихъ колонистами порядку, не думали принуждать Ливонцевъ силою къ перемѣнѣ ихъ образа жизни и общественнаго устройства, предоставляя это доброй волѣ самихъ Ливонцевъ. Тѣмъ не менѣе власть Полочанъ въ Ливоніи была довольна сильна и не отрицалась самими Ливонцами, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что Нѣмцы, не смотря на тогдашнюю слабость Полотскихъ князей, запутанныхъ въ междоусобіяхъ и спорахъ съ своимъ вольнолюбивымъ народомъ, и посему мало думавшихъ о своихъ интересахъ въ Ливоніи, только послѣ тридцатилѣтней упорной борьбы, поддерживаемой многочисленными отрядами бойцевъ, ежегодно вызываемыхъ изъ Германіи, успѣли утвердиться въ этой сторонѣ и сами нѣсколько разъ должны были признавать себя въ нѣкоторой зависимости отъ Полотскихъ князей. Да и по смерти Владимира Полотскаго, долго еще считали свои владѣнія въ здѣшнемъ краю не безопасными отъ Полочанъ и Литовцевъ; долго еще Ливонцы и Латыши или Леттола враждебно смотрѣли на Нѣмцевъ и склонялись къ Полочанамъ; русскимъ духомъ долго еще пахло въ этой сторонѣ, задавленной Нѣмецкими насильниками.

Въ Литовской землѣ.

Второй видъ Полотскихъ колоній составляли колоніи въ Литовской землѣ. Колоніи сіи имѣли совсѣмъ иный характеръ противъ колоній въ Ливоніи и у Латышей; Полочане какъ-то скоро успѣли сойдтись съ Литвинами, такъ что интересы Литвы и Полотска сдѣлались общими интересами для того

и другаго народа, хотя Полочане и Литовцы оставались при своихъ обычаяхъ, при своемъ строѣ общественной жизни и исповѣдывали не одну вѣру. А посему незамѣтно вся Литовская земля на югъ отъ Виліи, по признанію самихъ Литовцевъ, сдѣлалась Русскою или Полотскою землею и засѣлилась Полотскими городами, гдѣ почти нераздѣльно жили и Литовцы, и Полочане; собственно же Полотскими колоніями въ Литовской землѣ уже назывались колоніи на сѣверъ отъ Виліи. Здѣсь колоніи Полочанъ, эти обычные передовые посты Новгородской цивилизаціи, къ сѣверу простирались до Лифонскихъ и Куронскихъ (Курляндіи) земель, а на западъ по Нѣману вплоть до впаденія этой рѣки въ море. На эти Полотскія колоніи, кромѣ другихъ признаковъ, о которыхъ мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ, указываютъ Славянскія, даже чисто Русскія названія рѣкъ, впадающихъ въ Неманъ съ правой стороны. Рѣки сіи являются какъ бы ступенями поступательнаго движенія Полотскихъ колоній къ западу въ глубь Литовской и Жомойтской земли. Первая изъ сихъ рѣкъ, самая восточная по своимъ верховьямъ въ здѣшнемъ краѣ, получила названіе *Виліи* или, какъ пишется въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ древнихъ памятникахъ, *Веліи*, т. е. Великой, и не напоминаетъ ли сіе названіе рѣки Великой въ Псковской землѣ, или рѣки Вильи въ Новгородской губерніи (Пол. соб. зак. указатель № 5225), и съ тѣмъ вмѣстѣ не показываетъ ли прямо, что колонія шла отъ Новгородскихъ колонистовъ Полочанъ. За Вилією къ западу слѣдуетъ рѣка Святая, также названіе не рѣдко встрѣчающееся у Новгородскихъ колонистовъ, и повторяющееся въ нѣсколь-

кихъ озерахъ, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ Полотской земли. Далѣе къ западу слѣдуютъ рѣки съ чисто Русскими названіями,—Невѣжа, Дубисса, Юра и наконецъ Русь, одинъ изъ восточныхъ рукавовъ Немана, куда вѣроятно Полочане съ своими колоніями пришли уже тогда, когда сами стали называться Русью, Русскимъ народомъ. Кромѣ рукава Немана въ Литовской землѣ встрѣчаются нѣсколько рѣчекъ съ названіями Роси, Россы и Русы. Названія сіи, встрѣчающіяся и въ другихъ краяхъ Новгородскихъ колоній, были самыя древнія и могли быть даны только Полочанами, старѣйшими Славянскими или Русскими знакомцами съ здѣшнимъ краемъ и только при ихъ поселеніяхъ въ тамошней мѣстности. Кромѣ рѣкъ мы встрѣчаемъ въ этомъ краю древнѣйшіе города и другія урочища съ Славянскими или Русскими названіями, таковы: Юрборкъ на рѣкѣ Юрѣ, Вилкомиръ на рѣкѣ Святой, Вильна на рѣкѣ Вилiи, Поневѣжъ на рѣкѣ Невѣжѣ, Россіены, въ Шавельскомъ уѣздѣ, мѣстности Тверь, Лукники, Поезеры, Подубись, Зубовка, Грузди. Россіены по свидѣтельству лѣтописей, былъ одинъ изъ древнейшихъ городовъ на Жемойти и до сего времени сохранившій слѣды древнихъ земляныхъ укрѣпленій, что прямо указываетъ на колонію Полочанъ, когда они уже стали называться Русью (*). Теперешнее мѣстечко Ворно въ Тельшевскомъ уѣздѣ, называвшееся въ древности Мѣдники, также указываетъ на Русскую древнюю коло-

*) Надобно замѣтить, что въ лѣтописяхъ Литовскихъ и Нѣмецкихъ Полочане преимущественно встрѣчаются подъ именемъ Русскихъ, и это названіе вѣроятно они употребляли сами въ отличіе отъ Литовцевъ, Поляковъ и Нѣмцевъ.

нію въ этомъ краю. Мѣстечко Ростовскъ и рѣчка Истра въ Поневѣжскомъ уѣздѣ, тамъ же рѣчка Нарчувка, Дунай, Карачунка, Стервица и Дисна, и озеро Дисна и Цно въ Ново-Александровскомъ уѣздѣ, указываютъ на свое Русское, именно Полотское происхожденіе, и съ тѣмъ вмѣстѣ свидѣтельствуютъ о древнихъ Полочанскихъ поселеніяхъ въ здѣшнемъ краѣ. О судьбѣ здѣшнихъ колоній мы не имѣемъ надлежащихъ извѣстій, но судя по характеру отношеній Литвы и Полочанъ другъ къ другу, болѣе братскихъ и мирныхъ, мы почти безошибочно можемъ заключить, что какъ Литовская земля на югъ отъ Вилiи, болѣе густо населенная Полотскими колоніями, обратилась въ Русскую или Полотскую землю, такъ на оборотъ рѣдкія колоніи Полочанъ на сѣверъ отъ Вилiи слились съ тамошними Литовскими племенами, собственно съ Литвою, Девялтвой, Жомойтью и другими, и тамошніе города и мѣстечки, гдѣ Полочане жили смѣшанно съ Литвою, сдѣлались Литовскими. Но тѣмъ не менѣе колоніи сіи сдѣлали свое дѣло,— онѣ успѣли болѣе или менѣе связать судьбы всей Литвы съ Полотскомъ, частію сообщили свое устройство Литовскимъ племенамъ и даже многіе свои обычаи, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, когда дойдетъ очередь до народонаселенія въ Полотской землѣ и колоніяхъ.

Въ землѣ Ятвяжской.

Третій видъ составляли Полотскія колоніи въ Ятвяжской землѣ. Отношенія Полочанъ къ Ятвягамъ были собственно воинственныя, враждебныя. Ятвяги крѣпко стояли за неприкосновенность своей земли, и землю эту можно было колонизовать только съ бою; а посему Полотскія колоніи въ Ятвяжской

землѣ носили собственно характеръ пограничныхъ крѣпостей и подвигались внутрь страны понемногу, по мѣрѣ оттѣсненія Ятвяговъ въ глубь непроходимыхъ болотъ и пущей. Путь Полотчанъ къ Ятвяжской землѣ лежалъ по лѣвому берегу Припети на Случь, Цну, Пину и Ясольду. На этомъ пути Полочане шли не одни, они здѣсь нашли Дреговичей, которые, какъ мы уже видѣли, прежде Полочанъ заняли берега Припети. Есть въ тамошнемъ краю темное, но ни сколько не противорѣчащее исторіи преданіе, что Дреговичи еще до прибытія въ этомъ краю Полочанъ вели продолжительную войну съ Ятвягами; слѣдовательно прибытіе Полочанъ здѣсь какъ нельзя болѣе было кстати. Дреговичи конечно были рады Полочанамъ, грознымъ и воинственнымъ, при помощи которыхъ борьба съ Ятвягами сдѣлалась успѣшнѣе. Гдѣ въ первый разъ Полочане встрѣтились съ Ятвягами, на Ясольцѣ, на Цнѣ или на Случи, мы объ этомъ не имѣемъ извѣстій; но уже въ первомъ столѣтіи Русской исторіи мы встрѣчаемъ важный Русскій городъ, очевидно Полотскій, на самой юго-западной границѣ Ятвяжской земли,—Берестье, нынѣ Брестъ-Литовскій, къ которому вѣроятно ходилъ Владимиръ святый во время своей войны съ Ятвягами, и куда бѣжалъ Святополкъ, окончательно пораженный на Альтѣ. Кромѣ Берестья и впереди этого города на востокъ мы находимъ, какъ уже было сказано выше, въ этомъ краю передъ Ясольдою Кожанъ городокъ на Цнѣ, Погостъ на Бобрикѣ, Островъ на Мышанкѣ, Слонимъ на Шарѣ, Пинскъ на Пинѣ за Ясольдою и за нею же Дрогичинъ, Хомскъ, Дивинъ Городокъ, Кобринъ при верховьяхъ Мухавца и вто-

рый Дрогичинъ на Бугѣ. Всѣ сіи города болѣе или менѣе составляли Полотскую землю уже до Владимира святаго; ибо Полочанамъ нельзя же было построить Берестья, не занявши мѣста, лежавшія на пути, и не утвердившись тамъ, хотя конечно Ятвяги еще не отступали отъ сихъ владѣній и продолжали дѣлать набѣги.

Затѣмъ слѣдовали Полотскія колоніи собственно въ Ятвяжской землѣ, уже на памяти исторіи бывшія въ постоянномъ спорѣ у Русскихъ съ Ятвягами; онѣ лежали на сѣверъ и на западъ за Слонимомъ, въ глубинѣ Ятвяжской земли. Таковы были: Зельва на рѣкѣ Зельвѣ, Волковыскъ на притокѣ Россы, Свислочь при верховьяхъ рѣки Свислочи, впадающей въ Неманъ, Наревъ при верховьяхъ рѣки Нарева и другіе города по Нареву, а также Бѣльскъ на Бѣлой, и наконецъ въ болѣе позднее время Городна или Гродно на Неманѣ. Такимъ образомъ вся Ятвяжская земля съ юга и запада была опоясана Русскими или Полотскими колоніями, которыя шагъ за шагомъ углублялись въ нее, оттѣсняя Ятвяговъ въ глубину непроходимыхъ лѣсовъ и пущь; и по мѣрѣ оттѣсненія Ятвяговъ колоніи сіи изъ передовыхъ боевыхъ постовъ, или крѣпостей, обращались въ города, и земля ими занятая дѣлалась Полотскою землею. А что колоніи сіи принадлежали именно Полочанамъ или ихъ колонистамъ и шли съ востока на западъ или отъ Днѣпра и Березины къ Западному Бугу, а не съ Буга къ Днѣпру, на это лучшимъ доказательствомъ служатъ, какъ мы уже упоминали, доселѣ сохранившіяся названія рѣкъ, озеръ, городовъ и другихъ урочищъ, которыя напоминаютъ или приднѣпровскія

названія, принадлежащія Сѣверянамъ, соплеменникамъ Полочанъ, или Новгородскія, или прямо Полотскія. Не повторяя названій приведенныхъ выше, я здѣсь укажу только на нѣкоторыя новыя названія, подтверждающія ту же мысль о движеніи отъ Днѣпра къ Западному Бугу. Такъ мѣстечко Островъ на Мишанкѣ указываетъ на Островъ въ Псковскихъ владѣніяхъ и на многія мѣстности съ такимъ-же названіемъ въ ближайшемъ разстояніи отъ Полотска по Днѣпру и Березинѣ; или вторый притокъ Немана назападъ за Шарою Росса или Рось съ мѣстечкомъ Россою прямо говоритъ о своемъ происхожденіи изъ Приднѣпровья или Новгородской земли: или Сновъ у Несвижа и Сновъ въ Черниговскихъ владѣніяхъ, или Новгородъ на Наревѣ указываетъ на Новгородъ Литовскій, также на Новгородъ великій родину Полочанъ.

Полотскія колоніи въ Ятвяжской землѣ, особенно западныя, какъ отдѣленныя отъ Полотской земли Ятвягами, находившимися въ постоянной борьбѣ со всѣми сосѣдями, были не больше какъ военные посты и никогда не имѣли тѣсной связи съ Полотскомъ, а напротивъ нерѣдко находились подъ вліяніемъ Волынскихъ князей, особенно во время Романа Мстиславича и его сыновей Даніила и Василька, которые успѣли было подчинить себѣ весь этотъ край. Только уже по истребленіи Ятвяговъ и по пресѣченіи Изяславова потомства въ Полотскѣ, когда Полотскою землею стали владѣть Литовскіе Князья изъ дома Гедимина, прибугскія и принеманскія колоніи Полочанъ слились съ Полотскою землею и вошли въ составъ великаго княжества Литовскаго. Полочанами

этотъ край только былъ намѣченъ для присоединенія къ Полотской земли; Полочане, постепенно оттѣсняя Ятвяговъ, можетъ быть отъ Случи или Цны, только открывали тамошнія земли для Русскаго міра, развѣдывали эту невѣдомую страну непроходимыхъ болотъ и пущей, постоянно пролагая себѣ путь далѣе на западъ. Тамошніе города, устраиваемые Полотскими колонистами, были не болѣе какъ передовые посты для защиты отъ Ятвяговъ, и даже менѣе чѣмъ передовые посты, а скорѣе вѣхи для указанія пройденнаго пути; города сіи еще не показывали прочности владѣнія краемъ они то были захватываемы Ятвягами и разоряемы, то опять возвращаемы и возобновляемы Полотскими колонистами. Таковые же города здѣсь строили и Волынскіе Князья, состоя почти въ постоянной войнѣ съ Ятвягами и считая этотъ край Ятвяжскою землею. Такимъ образомъ Полотскія колоніи въ Ятвяжской землѣ имѣли свой особенный характеръ: они не походили ни на Новгородскія колоніи въ Заволочьѣ, гдѣ Новгородцы были полными господами; ни на колоніи Псковичей въ Чудской землѣ, гдѣ Псковичи старались сблизиться съ Чудью; ни на колоніи самихъ Полочанъ по низовьямъ западной Двины, гдѣ Полочане собирали дань съ тамошнихъ старожиловъ, ни тѣмъ менѣе на колоніи въ Литвѣ и на Жомойти, гдѣ Полотскіе колонисты принимались какъ свои, какъ братья. Здѣшнія же колоніи не имѣли за собой ни того ни другаго ни третьяго ни четвертаго, или все это имѣли только въ будущности, когда окончательно будутъ побѣждены или истреблены не укротимые Ятвяги. На долю здѣшнихъ колонистовъ досталось пробиваться впередъ на западъ, защищать

и заселять отбитую землю, что̀ они и продолжали дѣлать во все время владычества Полотска, и кончили уже при помощи Литовцевъ, во время владычества Вильны и Литовскихъ Князей.

РАЗСКАЗЪ ВТОРЫЙ.

л ю д и.

Страна, составлявшая Полотскія владѣнія, до прибытія туда Полочанъ, была уже заселена различными племенами инородцевъ и частію Славянскимъ племенемъ,—Дреговичами. Здѣсь, на самомъ западѣ жило воинственное племя Ятвяговъ, преимущественно по лѣвому берегу Немана, и въ доисторической древности далеко простиралось по лѣвому берегу Припети; такъ что почти весь уголъ, образуемый Припетью и Неманомъ, первоначально принадлежалъ Ятвягамъ. За Ятвягами къ востоку по правому берегу Немана, а въ верховьяхъ этой рѣки и по лѣвому берегу до верховьевъ Березины и до западной Двины, а на западъ до устьевъ Немана и частію по прибрежью Балтійскаго моря жили разныя племена Литвы, находившіяся въ родствѣ съ Пруссами за Неманомъ. По правому берегу Двины жили Летгола или Латыши, и противъ Латышей на западъ по лѣвому берегу Двины въ ея низовьяхъ и по морскому берегу были селенія Ливи или Ливонцевъ, и на западъ отъ Ливи жили племена Корси или Куроновъ. Въ приднѣпровьѣ, на самомъ востокѣ Полотской земли, по свидѣтельству Нестора между Припетью и Двиною жило пришедшее съ Дуная Славянское племя Дреговичей. А

Полочане, Новгородскіе колонисты, по сказанію Нестора, первоначально поселились въ углу, образуемомъ впаденіемъ рѣки Полоты въ Двину, и оттуда сперва направились къ юговостоку къ Днѣпру, гдѣ въ послѣдствіи раздѣлились на собственно Полочанъ и Кривичей. Кривичи, перебравшись на лѣвый берегъ Днѣпра, образовали отдѣльную область Смоленскую; отъ Полочанъ же отдѣлились Сѣверяне, перешедшіе на лѣвый берегъ Днѣпра южнѣе Кривичей, и образовали область Сѣверскую по Деснѣ, Сулѣ и Семи; собственно же Полочане остались на правомъ берегу Днѣпра и распространились на югъ по Припети и на западъ почти до Бѣлой воды, до Вислы, и до устьевъ Немана. Объ этомъ мы имѣемъ прямое свидѣтельство у Нестора, который говоритъ: «Почаша Словени держати свое княженіе въ Новгородѣ, а другое на Полотѣ, иже Полочане; отъ нихъ-же Кривичи, иже сидятъ на верхъ Волги и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра, ихъ-же градъ есть Смоленскъ, тоже Сѣверъ (Сѣверяне) отъ нихъ».

Происхожденіе Ятвяговъ намъ неизвѣстно ни по какимъ источникамъ; мы только можемъ сказать, что Ятвяги по происхожденію своему не принадлежали ни къ Славянамъ, ни къ Пруссамъ, ни къ Литовцамъ, а составляли особое самостоятельное племя, можетъ быть остатокъ какихъ нибудь древнѣйшихъ старожиловъ здѣшняго края. Изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ памятниковъ извѣстно только то, что Ятвяги были самымъ воинственнымъ народомъ и постоянно находились во враждебныхъ отношеніяхъ ко всѣмъ своимъ сосѣдямъ, выключая одного племени Пруссовъ, называвшагося Бортями, съ которыми иногда

Ятвяги.

еще Ятвяги вступали въ союзъ. О Ятвягахъ даже не упоминаетъ Несторъ при перечисленіи инородческихъ племенъ, имѣвшихъ какія либо отношенія къ Руси; первое извѣстіе о Ятвягахъ встрѣчается у Нестора нераньше 983 года; подъ этимъ годомъ сказано: «иде Володимеръ на Ятвяги и взя землю ихъ». Но очевидно Русскіе не въ первый разъ узнали Ятвяговъ при Владимирѣ; ибо въ договорной грамотѣ Игоря съ Греками, писанной въ 945 году, въ числѣ Русскихъ пословъ упоминается Ятвягъ Гунаревъ; слѣдовательно знакомство Русскихъ съ Ятвягами было уже при первыхъ князьяхъ. Но какъ мы не имѣемъ никакихъ извѣстій о походахъ въ Ятвяжскую землю ни при Олегѣ, ни при Игорѣ, ни при Святославѣ, то слѣдовательно можно принять, что первое знакомство съ Ятвягами началась еще до прибытія Русскихъ князей, и именно первыми знакомцами были Дреговичи и Полочане. Гдѣ въ первый разъ Полочане встрѣтились съ Ятвягами, мы не имѣемъ прямыхъ извѣстій; но какъ Полочане, спускаясь изъ Полотска на югъ, прежде всего проникли въ землю Дреговичей до Припети, то по всему вѣроятію здѣсь была и первая встрѣча Полочанъ съ Ятвягами, они здѣсь явились защитниками Дреговичей отъ враждебныхъ сосѣдей. Объ этой встрѣчѣ лѣтописи не упоминаютъ; но есть мѣстное народное преданіе, что Пинскъ, Кожанъ городокъ и даже Туровъ построены въ защиту страны отъ Ятвяговъ, что въ этомъ краю были частыя битвы съ Ятвягами, и что ихъ земля въ древности простиралась до Березины. Послѣ Владимира ходилъ на Ятвяговъ его сынъ Ярославъ, великій князь Кіевскій, въ 1038 году, вѣроятно въ союзѣ съ Брячиславомъ,

княземъ Полотскимъ, для поддержанія Полотскихъ колоній въ этомъ краю. Никоновская лѣтопись о послѣдствіяхъ этого похода говоритъ: «и Ярославъ не могъ взять Ятвяговъ; значитъ настоящій походъ ограничивался только отогнаніемъ Ятвяговъ отъ Берестья и другихъ тамошнихъ колоній.

Послѣ Ярославова похода въ 1038 году лѣтописи уже не упоминаютъ о походахъ Русскихъ князей въ Ятвяжскую землю до XII столѣтія, когда начались походы Волынскихъ князей отъ Берестья къ Зельвѣ и Ясольдѣ. Въ XII столѣтіи, именно въ 1113 году, были два похода Волынскаго князя Ярослава Святополчича на Ятвяговъ; подъ 1113 годомъ сказано въ лѣтописи: «ходи Ярославъ на Ятвяги второе и побѣди ихъ». Куда собственно ходилъ Ярославъ, къ Берестью или къ Зельвѣ и Ясольдѣ, изъ лѣтописей не видно; и за тѣмъ до 1196 года мы не имѣемъ никакихъ извѣстій о Ятвягахъ. Но подъ 1196 годомъ Волынская лѣтопись говоритъ: «той же зимы ходи Романъ Мстиславичь на Ятвяги, отмщеватися; ибо воевали его волость»; и когда Романъ вошелъ въ ихъ землю, то они не могли противустать его силѣ, бѣжали въ свои тверди; а Романъ пожегъ волость ихъ, и отмстився возвратился во свояси».

По смерти Романа, пользуясь безпорядками въ Галичѣ и на Волыни, въ 1205 году Ятвяги въ союзѣ съ Литвою сдѣлали набѣгъ на Волынскую землю; въ лѣтописи сказано: «сѣдящу Александру въ Володимери, а брату его Всеволоду въ Червенѣ, Ятвяги и Литва повоевали Турійскъ и около Комова и до Червеня, и бились у воротъ Червенскихъ. Бѣда была землѣ Володимирской отъ воеванья Литовскаго и

Ятвяжскаго». Въ 1227 году Ятвяги воевали около Берестья; ихъ здѣсь нагнали князья Данiилъ и Василько изъ Владимира; причемъ два Ятвяжскихъ предводителя Штуръ Мундуничь и Стегутъ Зебровичь наткнулись на Владимирскій полкъ; и Штуръ былъ убитъ Даниломъ и Вячеславомъ, а Стегутъ Шелвомъ. Данiилъ, преслѣдуя бѣжащихъ Ятвяговъ, нагналъ Небра и язвилъ его четырмя ранами, а тотъ вышибъ у него копье дубиною. Василько, услыхавши о боѣ брата, явился къ нему на помощь, и Небра отъ нихъ ушелъ, а прочіе разбѣжались. Въ 1229 году Данiилъ и Василько отправляясь въ Ляхи на помощь Конраду, оставили въ Берестьѣ Владимира Пинскаго съ Угровчанами и Берестьянами стеречь землю отъ Ятвяговъ. Въ 1235 году Данiилъ съ своими союзниками пошелъ на Ятвяговъ и пришелъ къ Берестью весною, но за половодьемъ не могъ идти въ ихъ землю. И вмѣсто Ятвяжской земли Данiилъ ударилъ на Берестье, которое тогда было въ рукахъ у рыцарей храма, взялъ городъ, захватилъ ихъ старѣйшину Бруно и возвратился во Владимиръ. Въ 1248 году Ятвяги воевали около Охожь и Бусовны и поплѣнили всю тамошнюю страну, ибо тогда еще не былъ построенъ Данiиломъ городъ Холмъ. За ними погнался Василько и нагналъ ихъ у Дрогичина, который они хотѣли взять приступомъ и уже бились у Дрогочинскихъ воротъ. Появленіе Василька заставило ихъ вступить съ нимъ въ бой. Бой этотъ былъ самымъ несчастнымъ для Ятвяговъ, они не могли выдержать натиска Васильковой дружины и потерпѣли полное пораженіе, Василько ихъ гналъ нѣсколько поприщь. Въ этой погонѣ Ятвяги поте-

ряли, кромѣ множества народа, сорокъ князей, и тутъ же погибли два злые ихъ воителя Скомондъ и Борутъ, опустошавшіе Пинскую землю.

Въ 1250 году Конрадъ Лятьскій прислалъ посла къ Васильку звать на Ятвяговъ; но за снѣгомъ и мглою походъ не состоялся, и союзники, дошедши только до рѣки Нура, воротились. За то въ слѣдующемъ году Даніилъ и Василько пригласили Семовита Мазовецкаго, и взявши помощь у Болеслава Лятьскаго, собрались въ Дрогичинѣ и перешедши болота вступили въ землю Ятвяжскую. Ляхи не вытерпѣли, зажгли первое селеніе Ятвяговъ, и тѣмъ сильно помѣшали полному успѣху похода, подавши пожаромъ вѣсть Ятвягамъ. Вечеромъ же Злинцы и вся земля Ятвяжская прислали къ Даніилу Небяста съ предложеніемъ оставить имъ Ляховъ, а самому идти назадъ. Даніилъ на это не согласился; и ночью Ятвяги напали на Ляховъ, огородившихся острогомъ. Ляхи оборонялись крѣпко и сулицами, и головнями и камнями, но Ятвяги шли на проломъ и уже вступили въ рукопашный бой; тогда Семовитъ обратился къ Даніилу за помощію, Даніилъ выслалъ своихъ стрѣльцовъ, которые и отогнали Ятвяговъ отъ острога; тѣмъ не менѣе во всю ночь отъ нихъ не было покоя. На утро собрались все Ятвяги и пѣшіе и снузницы (вѣроятно на тѣлегахъ), наполнили лѣсъ и зажгли свои колымаги, т. е. станы; и началась страшная лѣсная битва, въ которой сильно досталось и Ляхамъ и Русскимъ, Васильковы воеводы Лазарь уже потерялъ свое знамя, а Ѳедоръ Дмитріевичъ палъ на рѣкѣ Нарвѣ. Наконецъ Даніилъ приказалъ спѣшиться Яцельту съ своимъ полкомъ; и только послѣ этого

дрогнули Ятвяги, а Русскіе и Ляхи погнались за ними, забирая плѣнниковъ и пожигая страну. Но Ятвяги и разбитые еще не думали уступить битвы; они перешли рѣку Олегъ и стали заманивать преслѣдующихъ въ тѣснины. Даніилъ, замѣтивъ это, остановилъ преслѣдованіе, и сказалъ воинамъ: «развѣ вы не знаете, что христіанамъ крѣпость пространство, а поганымъ обычай биться въ тѣсныхъ мѣстахъ». Отыскавши просторное мѣсто, Даніилъ велѣлъ поставить станы и укрѣпить ихъ; тогда Ятвяги обратились на станы, стали приступать къ нимъ и потеряли много своихъ князей. но не могли ни выбить изъ становъ, ни заманить къ переходу черезъ рѣку Олегъ ни Русскихъ, ни Ляховъ. Между тѣмъ Русскіе и Ляхи, забравшись въ глубь нынѣшней Бѣловѣжской пущи, потеряли всѣ слѣды къ выходу, и только на другой день имъ удалось поймать языка, который и вывелъ ихъ на дорогу черезъ рѣку Локъ. За тѣмъ пришли на помощь къ Ятвягамъ Пруссы и Ворть, но, увидавъ множество силы Лятьской и Русской, уговорили Ятвяговъ прекратить бой, и всѣ разошлись по домамъ. Послѣ сего Даніилъ направился къ Визнѣ и перешелъ свободно рѣку Наровь. Такъ кончился дорого стоившій обѣимъ сторонамъ походъ, давшій возможность многимъ христіанамъ избавиться отъ плѣна, и тѣмъ прославившій князей.

Въ 1252 и 1253 годахъ Ятвяги за деньги были союзниками Даніила противъ Миндовга Литовскаго; а въ 1255 году Даніилъ, уже получившій отъ Римскаго папы титулъ Короля, въ союзѣ съ Семовитомъ Лятьскимъ пошелъ войною на Ятвяговъ, можетъ быть по просьбѣ самого Семовита. Во время этого

похода Левъ, сынъ Даніиловъ, узнавши, что Стекынтъ съ Ятвягами осѣкся въ лѣсу, пошелъ къ его осѣку; Ятвяги вышли изъ осѣка, а снузницы, бывшіе со Львомъ, разбѣжались: но Левъ не сробѣлъ, а напротивъ, слѣзши съ коня, началъ сильно биться, поддерживаемый своею небольшею дружиной, вонзилъ сулицу въ щитъ Стекынта и убилъ мечемъ какъ самого Стекынта, такъ и его брата, послѣ чего Ятвяги обратились въ бѣгство. Между тѣмъ Даніилъ занялъ домъ Стекынта, куда явился и Левъ и представилъ отцу оружіе Стекынта и его брата. За тѣмъ отъ Ятвяговъ пришелъ Комать, обѣщая Даніилу, что Ятвяги соглашаются быть у него въ подданствѣ; но Ляхи, союзники Даніила, завидуя таковому исходу настоящей войны, стали тайно пересылаться къ Ятвягамъ и сулить имъ помощь, только бы они не подавались Русскому князю. Тогда Даніилъ приказалъ воевать Ятвяжскую землю, разорилъ домъ Стекынтовъ и велѣлъ выстроить въ томъ краю на одной горѣ городъ Рай.

Въ слѣдующемъ 1256 году Даніилъ съ своимъ братомъ Василькомъ и съ сыновьями Львомъ и еще молодымъ Шварномъ пошелъ на Ятвяговъ, къ нему пришелъ также Романъ изъ Новгорода Литовскаго съ тестемъ своимъ Глѣбомъ и Изяславомъ Свислочьскимъ, а также Семовитъ съ Мазовшанами и отъ Болеслава помочь,—Судомирцы и Краковляне, и всѣ большою ратью вступили въ Ятвяжскую землю, и прежде всего захватили Ятвяжское селеніе Олыдикищу: сыновья Даніила, Левъ и Шварнъ тихо обошли это селеніе и изсѣкли всѣхъ жителей, кромѣ одного, котораго привели къ Даніилу. Этотъ плѣнникъ объ-

явилъ, что Ятвяги собрались въ селеніе Привища. Даніилъ, по указанію плѣнника, распорядился, чтобы и это селеніе также взять нечаянно; но одинъ Ятвяжанинъ, успѣвши убѣжать изъ Олыдикищи, подалъ вѣсть своимъ въ Привищи; впрочемъ эта вѣсть нѣсколько опоздала, и прежде нежели Ятвяги успѣли путемъ приготовиться, стрѣльцы Даніиловы уже начали бой на одномъ концѣ селенія, и въ слѣдъ за тѣмъ явился и самъ Даніилъ съ сыномъ Львомъ и началась страшная битва въ воротахъ селенія. Три раза Ятвяги отбивали приступъ и три раза Даніилъ и Левъ лично водили свои полки и заставляли Ятвяговъ отступать. Наконецъ Даніилъ и Левъ послѣ страшныхъ усилій успѣли продраться въ ворота, заваленныя въ нѣсколько слоевъ трупами побитыхъ, окончательно завладѣли селеніемъ и обратили въ бѣгство защитниковъ селенія Ятвяговъ, Злинцевъ, Крисменцевъ и Покѣнцевъ, а неуспѣвшихъ убѣжать изсѣкли или побрали въ плѣнъ. Даніилъ самъ остался ночевать въ Присвищахъ, а на другой день отправился съ сыномъ жечь и плѣнить всю тамошнюю землю, и пожегши селенія: Тапсевича, Буряля, Раймоче, Комата и Дора, и плѣнили города, зажгли домъ Стекынта и остановились на селѣ Корковичахъ, и очень дивились, что такое множество войска и коней могло найдти для себя припасовъ на двухъ дворахъ, и что̀ не успѣли поѣсть, то сожгли. На другой день пошли плѣнить и опустошать Ятвяжскую землю, и такой нагнали страхъ на храбрыхъ прежде Ятвяговъ, что нигдѣ не встрѣчали противниковъ. На ночь полки Даніиловы остановились въ болотахъ и въ островахъ (т. е. въ лѣсахъ); а на утро пріѣхали Ят-

вяги, отдавая заложниковъ и прося мира, опасаясь чтобы Русскіе не избили плѣнниковъ. За тѣмъ Даніилъ возвратился домой и началъ готовиться къ новому походу. Ятвяги, узнавши объ этомъ, отправили къ нему своихъ пословъ и дѣтей и съ ними дань, обѣщаясь быть у него въ подданствѣ и строить въ своей землѣ города. На другой годъ Даніилъ послалъ Константина Положишила собрать дань съ Ятвяговъ. Константинъ собралъ дань черными куна-ми и бѣль серебро. Даніилъ изъ Ятвяжской дани далъ даръ Лятьскому воеводѣ Сигнѣву, чтобы и Лятьская земля вѣдала, что Ятвяги платили дань Королю Даніилу.

Послѣ этого похода русскія лѣтописи не упоминаютъ о Ятвягахъ до 1260 года, когда къ Даніилу пришла вѣсть изъ Ляховъ, что Татары проникли въ Ятвяжскую землю; по этой вѣсти Даніилъ пригласилъ къ себѣ своего сына Льва, съ которымъ уговорился послать засаду къ Визнѣ; но напередъ отправилъ къ Ятвягамъ двухъ развѣдчиковъ, которые бы разузнали, гдѣ брать Даніиловъ Василько, отправившійся воевать Литву вмѣстѣ съ Татарами; но развѣдчики попались въ руки Татарамъ, и тѣмъ дѣло кончилось, или вѣрнѣе на этомъ прервался разсказъ лѣтописи. Изъ разсказа же этого, къ сожалѣнію прерваннаго, можно заключить, что Ятвяжская земля въ это время уже принадлежала Литовскому князю Миндовгу. И дѣйствительно Миндовгъ около этого времени и даже нѣсколько раньше распоряжался Ятвяжскою землею, какъ своимъ достояніемъ, и назывался княземъ Ятвяжскимъ. Такъ у Польскаго лѣтописца Длугоша читаемъ подъ 1260 годомъ: «Миндовгъ вели-

кій князь Литовскій, собралъ большую рать изъ Литовцевъ, Русскихъ, Ятвяговъ и Жемойти, и изъ другихъ невѣрныхъ народовъ, вступилъ въ Мазовецкую землю и страшно опустошилъ эту страну. За тѣмъ перешелъ въ Пруссію и предалъ огню всѣ тамошніе города, построенные рыцарями, которые не смѣли выступить противъ него и попрятались по своимъ замкамъ. А прежде этого Миндовгъ въ своихъ грамотахъ, притворяясь католикомъ, отдалъ тѣмъ же рыцарямъ Ятвяжскую землю съ Жемотью и другими землями. Чтобы отмстить за это опустошеніе Пруссіи Нѣмецкіе рыцари въ слѣдующемъ 1261 году, собравши большое войско, отправились опустошать земли: Ятвяжскую, Литовскую и Жемойтскую; но ихъ войско, зашедши слишкомъ далеко въ Литовскіе лѣса, было со всѣхъ сторонъ окружено Литовцами и Ятвягами, потерпѣло полное пораженіе и только немногіе успѣли спастись, остальные были убиты или попались въ плѣнъ.

По Длугошу въ 1264 году Болеславъ стыдливый государь Краковскій и Судомирскій, чтобы покончить съ Ятвятами, опустошавшими его пограничныя владѣнія, собралъ многочисленное войско со всѣхъ своихъ земель и вступилъ въ Ятвяжскую землю. Ятвяги вышли ему на встрѣчу и вступили въ битву подъ предводительствомъ своего старшаго князя Комата. Ятвяговъ было гораздо меньше, чѣмъ Поляковъ; но они сражались такъ храбро, что Поляки могли одолѣть ихъ только множествомъ. Поляки нѣсколько разъ возобновляли нападеніе, посылая свѣжія войска; но не могли прорвать ихъ строя; Ятвяги, даже потерявши своего князя Комата, продолжали сражаться и всѣ до

одного пали въ неравномъ бою. Послѣ этой битвы Ятвяжская земля уже болѣе не возставала и все племя Ятвяговъ какъ бы исчезло; оно частію отдалось Болеславу и было окрещено силою, а частію соединилось съ Литовцами; и съ тѣмъ вмѣстѣ исчезло и самое имя Ятвяговъ». Но здѣсь ораторствующій Польскій лѣтописецъ, по обычаю своихъ соотечественниковъ, хватилъ черезъ-чуръ.

На самомъ дѣлѣ Ятвяги еще въ продолженіи 20 лѣтъ напоминали о своемъ имени Полякамъ, и самъ же Длугошъ, похоронившій Ятвяговъ въ 1264 году, еще нѣсколько разъ упоминаетъ о ихъ нападеніяхъ на Польскую землю. Такъ подъ 1268 годомъ онъ говоритъ, что Литовцы и Ятвяги напали на Куявію, и произвели тамъ опустошеніе и свободно возвратились домой съ богатою добычею и множествомъ плѣнниковъ. Или по словамъ того же Длугоша въ 1274 году, Левъ Даниловичъ князь Галицкій водилъ Татаръ, Литву и Ятвяговъ на Люблинскую и Судомирскую землю, и произвелъ тамъ страшныя опустошенія. А по Русскимъ лѣтописямъ мы дѣйствительно знаемъ, что Ятвяги въ 1273 году признали надъ собою власть Льва Галицкаго и его братьевъ князей Волынскихъ. Въ Волынской лѣтописи подъ этимъ годомъ сказано: «Вздумали князья пойдти на Ятвяговъ, и по наступленіи зимы послали своихъ воеводъ,—Левъ Андрея Путивлича съ своею ратью, Владиміръ Желислава съ своею ратью, и Мстиславъ Владислава Ломоногаго съ своею ратью. Воеводы, вступивши въ Ятвяжскую землю, взяли Злину; а Ятвяги собравшись не посмѣли вступить съ ними въ битву. И потомъ Ятвяжскіе князья: Минтеля, Шурпа, Мудейко и Пе-

стило, пришли ко Льву, Владимиру и Мстиславу просить мира и получивши миръ отъѣхали въ свою землю». Съ сими-то мирными и послушными Ятвяжскими князьями очевидно Левъ и ходилъ на Люблинскую и Судомирскую землю въ 1274 году. Наконецъ подъ 1276 годомъ Длугошу снова пришлось хоронить уже похороненныхъ имъ Ятвяговъ; подъ симъ годомъ онъ говоритъ: «остатки Ятвяговъ, которые соединились съ Литовцами, мстя за свое прежнее пораженіе, вмѣстѣ съ Литовцами вступили въ Люблинскую землю тремя полками, и начали опустошать тамошній край. Они, собравши множество плѣнниковъ и добычи, уже возвращались домой, какъ Лешко Черный, государь Краковскій, нагналъ ихъ у Нарева и далъ битву. Не смотря на упорное сопротивленіе особенно Ятвяговъ, битва эта кончилась въ пользу Поляковъ. И Ятвяги, чтобы не возвращаться домой разбитыми, иные удавились, а иные побросались въ Наревъ и потонули, такъ что только очень немногіе остались въ живыхъ. Вѣроятно этотъ же походъ описывается подъ 1278 годомъ такъ: Ятвяги три дня воевали около Люблина и возвратились домой съ великою честію и множествомъ плѣнниковъ; и съ ними вмѣстѣ Литовскій князь Тройденъ посылалъ на Польшу своего брата Сирпутья съ Литовскими полками. Ежели Длугошь и Русскія лѣтописи описываютъ одинъ и тотъ же походъ подъ разными годами: то значитъ побѣда Лешко Чернаго есть только реторическое украшеніе Длугоша. А ежели принять, что въ Русскихъ лѣтописяхъ описывается другой походъ; слѣдовательно Ятвяги на Наревѣ не потерпѣли такого страшнаго пораженія, о которомъ говоритъ Польскій

лѣтописецъ. Во всякомъ случаѣ Наревскій бой не истребилъ Ятвяговъ; ибо подъ 1279 годомъ мы читаемъ въ русскихъ лѣтописяхъ, что въ этомъ году въ Ятвяжской землѣ былъ сильный голодъ, и Ятвяги прислали пословъ къ Владимиру Васильковичу князю Владимиро-Волынскому, которые говорили ему: «пріѣхали мы къ тебѣ отъ всѣхъ Ятвяговъ, надѣючись на Бога и на твое здоровье, господине, не поморп насъ, но прокорми для себя же, пошли къ намъ продавать свое жито; а мы ради купимъ; чего хочешь воску ли, бѣли ль, бобровъ ли, черныхъ ли куницъ, серебра ль, а мы ради дать.» И Владимиръ изъ Берестья послалъ къ нимъ жито съ своими людьми по Бугу и Нареву, которыхъ ночью избили Поляки подъ Полтовескомъ, а хлѣбъ разграбили.

Такимъ образомъ и второй разъ придуманные Длугошемъ похороны Ятвяговъ па Наревѣ, по свидѣтельству Русскихъ лѣтописей, оказываются преждевременными. Да и у Польскихъ лѣтописцевъ: Мартына Бѣльскаго, Кромера и Гваньини, Ятвяги вмѣстѣ съ Литовцами воюютъ въ Люблинской землѣ еще въ 1281 году, и только въ этомъ году разбитые Лешкомъ Чернымъ окончательно погибаютъ. Но очевидно, Польскіе лѣтописцы и здѣсь прибавили много лишняго; цѣлый народъ, какъ бы онъ ни былъ истощенъ разными несчастіями, не могъ же погибнуть въ одной битвѣ. По всему вѣроятію Ятвяги, окруженные со всѣхъ сторонъ врагами, наконецъ принуждены были подчиниться сильнѣйшему и болѣе близкому по мѣсту жительства; а таковымъ врагомъ въ то время для Ятвяговъ были Литовцы, а не Поляки, сами слабые и раздпраемые междоусобіями; и въ Литов-

ской лѣтописи Быховца дѣйствительно около этого времени мы встрѣчаемъ извѣстіе, что Велпкій Князь Литовскій Тройденъ, услыхавши, что перемерли князья Ятвяжскіе, запялъ Ятвяжскую землю по согласію съ ея жителями и сталъ называться княземъ Ятвяжскимъ и Дойновскимъ. Какъ бы то ни было 1281 годомъ оканчиваются извѣстія о Ятвягахъ; послѣ этого года о нихъ уже не упоминается ни въ Русскихъ, ни въ Литовскихъ, ни въ Польскихъ лѣтописяхъ. Вотъ всѣ свѣдѣнія о Ятвягахъ, какія только дошли до насъ въ разныхъ лѣтописяхъ. Свѣдѣнія сіи далеко не полны и не представляютъ связной исторіи Ятвяговъ; тѣмъ не менѣе по нимъ мы попытаемся составить хотя краткій очеркъ о Ятвяжскомъ племени, занимающемъ значительное мѣсто въ исторіи Полотской земли. Изъ сихъ свѣдѣній можно вывести слѣдующія данныя о Ятвягахъ.

1-е. Дошедшія до насъ свѣдѣнія единогласно свидѣтельствуютъ, что Ятвяги были самое воинственное племя; они почти никогда не отказывались отъ битвы, и скорѣе готовы были пасть костьми, чѣмъ обратиться въ бѣгство, ежели представлялась какая нибудь возможность удержаться; а посему всѣ битвы съ ними были самыя упорныя и побѣда надъ Ятвягами доставалась дорого. Но сіе воинственное племя было рѣшительно одиночнымъ среди племенъ и народовъ его окружающихъ, и за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, и то только въ позднѣйшее время, ни откуда не имѣло поддержки. Что было причиною таковаго изолированнаго положенія Ятвяжскаго племени, мы рѣшительно не знаемъ. Но очевидно оно зависѣло не отъ одного дикаго характера Ятвяговъ,

а скорѣе самый характеръ сложился вслѣдствіе того, что это племя, можетъ быть остатокъ древнихъ племенъ, уже исчезнувшихъ въ доисторическія времена этого края, очутилось заброшеннымъ между враждебными племенами пришельцевъ, противъ которыхъ должно было упорною борьбою отстаивать свое существованіе и независимость, и шагъ за шагомъ отступать въ глубину своихъ непроходимыхъ болотъ и лѣсовъ, и такимъ образомъ на памяти исторіи слишкомъ три столѣтія продолжать свое существованіе, памятное не побѣдами и успѣхами, а только упорною и почти всегда несчастною борьбою. Исторія застаетъ Ятвяговъ въ положеніи Американскихъ краснокожихъ, только съ большими достоинствами и съ вызовомъ на сочувствіе.

2-е. Племя сіе, какъ бы обреченное на медленную и мучительную смерть, судя по мѣстнымъ преданіямъ въ доисторическую древность владѣло на югѣ всѣмъ лѣвымъ берегомъ Припети отъ истоковъ до устья и на сѣверъ до Немана и по Нему, а съ востока на западъ отъ устья Березины до западнаго Буга и Нарева; но съ наплывомъ въ здѣшній край новыхъ племенъ, особенно Славянскихъ, первоначально придерживавшихся Днѣпра и его притоковъ, оно должно было постоянно отступать къ западу. Сперва нижнее теченіе Припети было постепенно занято Славянскимъ племенемъ Дреговичей, пришедшихъ съ Дуная; потомъ къ Дреговичамъ присоединились Полочане и Кривичи, которые постепенно стали выдвигать свои колоніи по притокамъ Припети, Березины и Немана, постоянно придерживаясь рѣкъ и постепенно шагъ за шагомъ подаваясь на западъ и съ тѣмъ вмѣстѣ

также шагъ за шагомъ оттѣсняя отъ рѣкъ въ глубину лѣсовъ и болотъ несчастное племя Ятвяговъ, и на очищенной Ятвягами землѣ строя свои города и селенія. Такъ что къ тому времени, когда здѣшній край болѣе или менѣе началъ свое историческое бытіе, Ятвяги большею частію были уже оттѣснены отъ лѣваго берега Припети; города и селенія Дреговичей и Полочанъ вверхъ по Припети уже протянулись до западнаго Буга и Нарева. За Ятвягами остались только Гродненская и Бѣловѣжская пущи съ прилегавшими къ нимъ громадными лѣсами и непроходимыми болотами; отсюда Ятвяги время отъ времени дѣлали набѣги на прежнія свои земли, гдѣ уже были колоніи Полочанъ и селенія Литовцевъ, а также на сѣверо-западную окраину Волыни и на Польскія сосѣднія земли, имъ также когда-то принадлежавшія; и разумѣется своими набѣгами вызывали страшную месть Романа Волынскаго и его сыновей Даніила и Василька, а также Литовскихъ и Польскихъ князей, кончившуюся, какъ и должно было ожидать, къ концу XII вѣка ежели не полнымъ истребленіемъ Ятвяжскаго племени, то покрайней мѣрѣ уничтоженіемъ его самостоятельности и исчезновеніемъ его имени въ лѣтописяхъ и другихъ памятникахъ.

3-е. Внутренное устройство Ятвяговъ, судя по дошедшимъ до насъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ, представляетъ ихъ раздѣленными на нѣсколько племенъ или родовъ съ своими племенными князьями. Таковыя племена или роды по исчисленію лѣтописей были: 1-е Злина или Злинцы, 2-е собственно Ятвяги, 3-е Крисмепцы, 4-е Покенцы, 5-е Корковичи; но вѣроятно были и другія племена, о которыхъ не упо-

минаютъ лѣтописи; ибо судя по множеству князей, встрѣчающихся въ лѣтописяхъ, должно полагать, что Ятвяжскихъ племенъ было гораздо больше изчисленныхъ пяти; такъ напримѣръ въ 1248 году въ одной битвѣ съ Василькомъ Романовичемъ Волынскимъ Ятвяги потеряли сорокъ князей.

Какое собственно значеніе имѣли князья у Ятвяговъ, у насъ на это нѣтъ ясныхъ указаній въ лѣтописяхъ; тѣмъ не менѣе есть намеки, что князья были какъ бы представителями своихъ племенъ или родовъ; такъ напримѣръ въ 1271 году, по взятіи Злины Волынскими князьями, явились къ нимъ въ станъ Ятвяжскіе князья Минтеля, Шюрпа Мудейко и Пестило съ просьбою о мирѣ. Есть также указаніе, что между Ятвяжскими князьями были и старшіе князья, вѣроятно сильнѣйшіе, могущественнѣйшіе, отъ которыхъ какъ бы зависѣли прочіе; такъ подъ 1255 годомъ лѣтопись упоминаетъ о старѣйшемъ Ятвяжскомъ князѣ Стекынтѣ, а въ 1264 году въ войнѣ съ Болеславомъ Краковскимъ и Судомирскимъ старшимъ княземъ былъ Комать, который кажется заступилъ мѣсто Стекынта, павшаго въ бою съ Львомъ Даниловичемъ въ 1255 году. Но кромѣ князей у Ятвяговъ, кажется, были еще знатные и сильные люди, составлявшіе какъ бы аристократію богатства, или физической силы, или умственнаго превосходства. Сіи сильные люди имѣли свои дружины и нерѣдко дѣлали набѣги на сосѣдей. Такъ при описаніи Даніилова похода въ 1227 году лѣтопись упоминаетъ о какихъ-то знаменитыхъ Ятвяжскихъ воителяхъ Штурѣ Мондуничѣ, Стегутѣ Зебровичѣ и Небрѣ, которыхъ не называетъ князьями; такъ же подъ 1248 годомъ встрѣчаются два злые воин-

ника изъ Ятвяговъ Скомондъ и Борутъ, погибшіе съ сорока Ятвяжскими князьями въ сраженіи съ Василькомъ Романовичемъ. О Скомондѣ лѣтопись говоритъ: «Скомондъ былъ волхвъ и кобникъ нарочитъ, борзъ же какъ звѣрь, ходя пѣшій повоевалъ Пинскую землю и другія страны; и былъ убитъ нечестивый, и голова его была взоткнута на колъ.» Извѣстіе, что Скомондъ воевалъ пѣшій и былъ волхвомъ и кобникомъ, прямо указываетъ на Скомонда не какъ на богача или родовитаго человѣка, а какъ на храбраго и сильнаго воина и притомъ увлекавшаго за собою соотечественниковъ особенною хитростію, какъ бы волшебствомъ. Или подъ 1251 годомъ упоминается Ятвягъ Небяста, котораго Ятвяги прислали къ Даніилу Романовичу для переговоровъ. Впрочемъ и весь народъ въ Ятвяжской землѣ, кажется, не оставался безъ участія въ общественныхъ дѣлахъ, особенно когда дѣла касались всей Ятвяжской земли. Такъ подъ 1266 годомъ лѣтопись говоритъ, что Ятвяги, разбитые Даніиломъ Романовичемъ, видя опустошеніе своей земли, прислали къ нему пословъ отъ всей земли и заложниковъ просить мира, причемъ отправили къ нему дань и обѣщались быть ему покорны и строить города въ своей землѣ. Или въ 1279 году во время голода Ятвяги прислали пословъ къ Владиміру Васильковичу Волынскому, которые говорили князю: «пріѣхали мы къ тебѣ отъ всѣхъ Ятвяговъ (а не отъ Ятвяжскихъ князей), не помори насъ голодомъ, но прокорми, пошли къ намъ жито продавать.» Въ обоихъ случаяхъ князья въ сторонѣ, о нихъ и не упоминается, а дѣйствуетъ весь народъ, вся земля Ятвяжская. Аристократія или большіе люди

у Ятвяговъ раздѣлялись на большихъ людей по своимъ личнымъ достоинствамъ, вышедшихъ изъ народа и безвѣстныхъ по происхожденію, каковы напримѣръ: Скомондъ, Борутъ, Небяста и Небра, и на большихъ людей по происхожденію, или родовую аристократію, происшедшую отъ знаменитыхъ предковъ, таковы напримѣръ: Штуръ Мондуничь, Стегутъ Зебровичъ.

4-е. Ятвяги жили селеніями и отдѣльными дворами, а также лѣтописи упоминаютъ и о городахъ Ятвяжскихъ; слѣдовательно Ятвяги, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время, были уже народомъ осѣдлымъ, и жили не однимъ звѣроловствомъ и скотоводствомъ. Впрочемъ кажется скотоводство и не было у нихъ въ большомъ ходу; ибо послы Ятвяжскіе въ 1274 году, просившіе Владиміра Васильковича, чтобы прислалъ къ нимъ жито продавать, говорили князю: мы ради купимъ, хочешь ли воску, бѣли ли, бобровъ ли, черныхъ ли кунъ, серебра ли, мы ради дадимъ». Здѣсь въ перечисленіи товаровъ, предлагаемыхъ Ятвягами, нѣтъ и помину о произведеніяхъ скотоводства, а напротивъ есть намекъ на торговлю, ибо серебро, предлагаемое князю, могло быть пріобрѣтено или при помощи торговли, или грабежемъ у сосѣдей. О значительномъ же земледѣліи и вообще о земледѣльческомъ хозяйствѣ Ятвяговъ, особенно богатыхъ людей между ними, можно судить по слѣдующему извѣстію лѣтописи подъ 1256 годомъ; въ этомъ году при нашествіи Даніила съ братомъ и Лятьскими князьями на Ятвяжскую землю, Даніилъ, разбивши Ятвяговъ, остановился со всею ратью своею и Польскою на ночь въ селѣ Корковичахъ, и нашелъ тамъ такое обиліе во всѣхъ запасахъ, что лѣтопись прямо гово-

ритъ: «и очень удивительно было, что такое множество воиновъ насытились, какъ сами, такъ и кони ихъ, на двухъ дворахъ, а что не могли поѣсть сами и кони ихъ, то остатки сожгли». Значитъ хозяйство было громадное и Ятвяги довольно занимались земледѣліемъ. Лѣтописи упоминаютъ о слѣдующихъ селеніяхъ въ землѣ Ятвяжской: подъ 1256 годомъ Болдыкище, Привище, Олыдыкище, Корковичи, а подъ 1271 годомъ Злина. Селенія сіи по всему вѣроятію были многолюдны, и едвали не заселялись каждое особымъ племенемъ или родомъ. Такъ селеніе Злину населяло особое племя, называвшееся по лѣтописямъ Злинцами, или селеніе Корковичи по самому родовому названію своему показываетъ, что оно было населено особымъ племенемъ или родомъ, Корковичами. Судя по описаніямъ, сохранившимся въ лѣтописяхъ, селенія огораживались осѣкомъ или плетнемъ и имѣли ворота, которыя затворялись и запирались при нападеніи непріятелей. Ежели непріятель былъ силенъ, то на защиту селенія собирались жители сосѣднихъ селеній; такъ на защиту селенія Привище въ 1256 году сошлись Ятвяги, Злинцы, Крисменцы и Покенцы и крѣпко стали защищать ворота; когда же стрѣльцы Даніиловы ворвались было въ ворота, то въ воротахъ завязался страшный бой, который продолжался до тѣхъ поръ, пока не явился туда самъ Даніилъ съ своимъ сыномъ Львомъ, и послѣ страшныхъ усилій наконецъ не ворвался въ ворота по трупамъ своихъ и Ятвяговъ, лежавшимъ въ три ряда; послѣ чего Ятвяги защищавшіе селеніе обратились въ бѣгство.

Кромѣ селеній, какъ мы уже сказали, въ Ятвяжской землѣ по мѣстамъ были обширные дворы князей

и большихъ и богатыхъ людей; такъ подъ 1255 годомъ, Волынская лѣтопись упоминаетъ о домѣ сильнѣйшаго Ятвяжскаго князя Стекынта, который былъ разоренъ по приказанію князя Даніила Романовича; вотъ подлинныя слова лѣтописи объ этомъ разореніи: «и домъ Стекынтовъ весь погубленъ бысть, и до нынѣ пусто стоитъ». Настоящія слова лѣтописи указываютъ, что домъ Стекынта состоялъ не изъ одного двора или строенія, а представлялъ собою цѣлую мѣстность съ своимъ населеніемъ, составлявшимъ княжескихъ слугъ и рабовъ, которые въ 1255 году были разогнаны, и все собранное въ дому разорено, пограблено. А подъ 1256 годомъ та же лѣтопись говоритъ: «По взятіи селенія Привища Русскіе князья на утро пошли плѣнять и жечь землю, и зажгли Таисевичи, Буряля, Раймоче, Комата и Дора, и грады плѣняли, а наипаче сожгли домъ Стекынта». Въ настоящемъ разсказѣ лѣтописи Таисевичи, Буряля, Раймоча, Комата и Дора не названы ни городами, ни селами; не были ли это, подобно дому Стекынта, отдѣльные усадьбы и дворы сильныхъ и богатыхъ Ятвяжскихъ землевладѣльцевъ, а можетъ быть и князей; такъ мѣстность Комата указываетъ на извѣстнаго сильнаго Ятвяжскаго князя Комата. Въ настоящемъ разсказѣ лѣтописи упоминается также о Ятвяжскихъ городахъ, какъ сказано въ лѣтописи: «и грады ихъ плѣняху». Но какое было различіе между укрѣпленными и обширными селеніями, а также укрѣпленными дворами князей и сильныхъ людей, и между городами, на это мы не имѣемъ никакихъ указаній, а также мы не знаемъ, кѣмъ были населены сіи города, когда Ятвяжскіе роды и племена жили въ

селеніяхъ, а сильные и богатые люди на отдѣльныхъ дворахъ. Но какъ бы то ни было, по свидѣтельству лѣтописей, въ Ятвяжской землѣ было три разряда жилищъ: 1-е *села* или селенія, составлявшія общее жительство Ятвяговъ, ихъ обычную форму жительства; 2) *домы* или дворы, усадьбы Ятвяжскихъ князей и богатыхъ и сильныхъ людей, и 3-е *города*, которыхъ значеніе неизвѣстно, но которые очевидно значили не то, что Русскіе города; ибо въ 1256 году Ятвяги, прося мира у Даніила Романовича, «обѣщались быть у него въ работѣ и городы рубить въ своей землѣ». Изъ этого свидѣтельства видно, что Русскій городъ былъ не одно и тоже съ Ятвяжскимъ городомъ; въ противномъ случаѣ Ятвягамъ не зачѣмъ было обѣщаться рубить города въ своей землѣ, а Даніилу требовать этого.

5-е. О религіи Ятвяговъ мы не имѣемъ никакихъ сколько нибудь подробныхъ свѣдѣній, знаемъ только, что Ятвяги были язычники и въ Русскихъ лѣтописяхъ назывались погаными, а вѣра ихъ поганствомъ, Польскіе же хронисты называли ихъ болванохвальцами; но были ли у нихъ храмы или какія священныя мѣста, а равнымъ образомъ имѣли ли боговъ, и что именно обоготворяли Ятвяги, намъ неизвѣстно. Только одинъ изъ Польскихъ лѣтописцевъ Кадлубекъ утверждаетъ, что Ятвяги вѣрили въ переселеніе душъ изъ одного тѣла въ другое, и отъ того ни одинъ изъ нихъ на полѣ битвы не обращался въ бѣгство и не позволялъ непріятелю взять себя живымъ. Но конечно можно было сражаться не обращаясь въ бѣгство и не отдаваясь непріятелю живымъ, и безъ вѣрованія въ переселеніе душъ, ибо къ этому могло

быть много иныхъ побужденій; слѣдовательно одиночное свидѣтельство Кадлубека не совсѣмъ надежно. Такъ же не надежно и свидѣтельство Длугоша, который говоритъ, что Ятвяги по языку, образу жизни, религіи и нравамъ имѣютъ большое сходство съ Литовцами, Пруссами и Жемотью; ибо на это сходство даже не намекаетъ Волынская лѣтопись, которая хотя сколько нибудь говоритъ о религіи Литовцевъ; а конечно болѣе должно вѣрить составителю Волынской лѣтописи, близко знакомому съ Ятвягами и ихъ современнику, нежели позднѣйшему писателю Длугошу, жившему уже тогда, когда въ народѣ исчезла и память о Ятвягахъ. Насыпи или курганы, встрѣчающіеся на берегахъ рѣкъ и въ лѣсахъ прежней Ятвяжской земли, до сего времени извѣстные въ народѣ подъ именемъ Ятвяжскихъ могилъ, свидѣтельствуютъ, что Ятвяги по своей религіи хоронили тѣла своихъ покойниковъ въ землѣ, а не сожигали ихъ; Литовцы же по своей религіи не хоронили, а сожигали тѣла покойниковъ, какъ объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ Быховецъ.

6-е. Относительно народнаго характера Ятвяговъ всѣ дошедшія до насъ извѣстія говорятъ единогласно, что Ятвяги были народъ храбрый, воинственный и неукротимый, и до того вольно-любивый и неуступчивый, что въ битвахъ защищали каждую пядь своей земли, такъ что ихъ скорѣе можно было истребить, чѣмъ принудить къ подданству; по крайней мѣрѣ они такъ вели себя до войнъ съ Русскими, Литовцами и Поляками во второй половинѣ XIII столѣтія. Всѣ битвы съ Ятвягами были самыя упорныя, продолжавшіяся по цѣлымъ днямъ, и иногда

возобновлявшіяся по нѣскольку дней сряду. Ятвяги преимущественно бились пѣшіе, хотя и имѣли коней, тѣмъ не менѣе бой пѣшій считали для себя болѣе удобнымъ, коней же употребляли болѣе запряженными въ телѣги или колымаги, которыя служили у нихъ какъ бы подвижными стѣнами для сдѣланія укрѣпленій на самомъ полѣ битвы въ виду непріятеля. Ятвяги любили биться въ закрытыхъ и тѣсныхъ мѣстахъ, въ лѣсахъ между болотами и въ осѣкахъ, какъ прямо о нихъ говоритъ Князь Даніилъ Романовичъ: «поганымъ тѣснота деряжье есть обычай на бранѣ». Впрочемъ они не отказывались отъ боя и въ открытыхъ мѣстахъ, гдѣ немедленно дѣлали засѣку, ежели это было можно; а въ противномъ случаѣ, огораживали себя возами или колымагами, откуда бились сулицами и даже каменьями, но когда возы или колымаги оказывались не совсѣмъ надежною защитою, то мгновенно зажигали ихъ и, прикрывшись щитами, быстро бросались въ бой съ непріятелемъ, чѣмъ нерѣдко обращали въ бѣгство своихъ противниковъ. Особенно ужасны были Ятвяги своею быстротою и неукротимою храбростію въ набѣгахъ на сосѣдей; здѣсь они нападали не только на селенія, но и на города, смѣло лѣзли на стѣны, бились въ рукопашную въ городскихъ воротахъ; ихъ ничто не удерживало, одинъ падалъ, другой спѣшилъ заступить его мѣсто. Даже сбитые съ поля и обращенные въ бѣгство, они по нѣскольку разъ останавливались и бросались въ бой съ преслѣдовавшимъ непріятелемъ. Ихъ князья и воеводы, обыкновенно разъѣзжавшіе верхомъ на коняхъ, въ крайнихъ случаяхъ слѣзали съ коней, чтобы въ рукопашь биться пѣши-

ми впереди простыхъ воиновъ. Любя пѣшій бой, Ятвяги не чуждались и коннаго, и были искусны въ управленіи конемъ и крѣпко и ловко сидѣли въ сѣдлѣ. Такъ подъ 1252 годомъ Волынская лѣтопись говоритъ: «въ битвѣ съ Нѣмцами, союзниками Миндовга, вышла на нихъ Русь съ Половцами и стрѣлами, а Ятвяги съ сулицами, и гонялись за ними на полѣ подобно игрѣ». Или въ слѣдующемъ году Ятвяги ѣхали на помощь къ Даніилу Романовичу также на коняхъ.

При таковомъ внутреннемъ устройствѣ Ятвяжской земли и при такомъ народномъ характерѣ Ятвяговъ, выработанномъ ихъ исторіею и жизнію, нельзя было и думать о мирной колонизаціи въ ихъ землѣ. Ятвяги, какъ населеніе той или другой мѣстности, для Полочанъ-колонизаторовъ не могли служить никакимъ подспорьемъ или помощію, а были прямымъ препятствіемъ, помѣхою колонизаціи. Съ Ятвягами особенно въ древнее время нельзя было вступить въ договоръ; Ятвяжскую землю можно было занимать только силою съ бою, постепенно, понемногу отодвигая туземцевъ въ глубину ихъ лѣсовъ и пущей, и каждую отвоеванную такимъ образомъ мѣстность закрѣпляя построеніемъ города и совершенно очищая ее отъ старожиловъ туземцевъ. Такъ дѣйствительно и дѣлали Полочане, постепенно выдвигая свои города съ прибрежій Припети въ глубину Ятвяжской земли; и какъ это дѣлалъ временный преемникъ Полочанъ князь Даніилъ Романовичь, которому въ 1256 году принужденные имъ Ятвяги, прося у него мира, въ числѣ главныхъ условій изъявляютъ согласіе на построеніе Русскихъ городовъ въ своей землѣ, какъ самый

вѣрный знакъ полной покорности. Такимъ образомъ Ятвяги, какъ въ древности, такъ и въ болѣе позднее время, когда они уже были окружены почти со всѣхъ сторонъ Русскими городами и колоніями, никогда не входили въ составъ ни Русскаго ни Литовскаго населенія въ здѣшнемъ краю, но всегда оставались чужими, хотя иногда бывали союзниками и даже данниками Русскихъ или Литовскихъ князей. Союзничество и данничество Ятвяговъ всегда были временными и не надежными; и Русскіе и Литовскіе князья такъ и смотрѣли на это союзничество и данничество; они хорошо знали, что только та часть Ятвяжской земли тверда за ними, которая заселена Русскими или Литовскими людьми, на которой уже стоятъ Русскіе или Литовскіе города и изъ которой уже выгнаны Ятвяги. Хорошо зная это, они такъ и вели дѣло и покончили почти совершеннымъ истребленіемъ Ятвяговъ. Они иначе и не могли поступать, ибо Ятвяги не поддавались ни на какое соединеніе съ сосѣдями, и на всѣ окружающіе народы смотрѣли какъ на непримиримыхъ враговъ и держали себя также, какъ непримиримые враги. Не даромъ Бѣлоруссы даже и теперь говорятъ о всякомъ злодѣѣ и разбойникѣ: *Выляда якъ Ятвинга.* Постепенное сперва стѣсненіе, а потомъ и истребленіе Ятвяговъ было полное, такъ что слѣды существованія этого народа въ собственной его землѣ остались только въ лѣтописяхъ и въ народныхъ названіяхъ нѣкоторыхъ урочищъ; такъ недалеко отъ Гродна многіе курганы носятъ въ народѣ названіе Ятвяжскихъ могилъ, или въ Лидскомъ уѣздѣ между Щучиной и Каменкой два селенія носятъ названіе Ятвяжска; это вѣроятно были послѣднія убѣжища

Ятвяговъ, и одно называется Ятвяжскъ Русскій, а другое Ятвяжскъ Польскій, потому что въ одномъ, Русская церковь, а въ другомъ Польскій костелъ. Также въ Волковыйскомъ уѣздѣ есть селеніе Ятвизь неподалеку отъ Волковыйска на рѣкѣ Руси; въ Бѣлостокскомъ уѣздѣ также есть два селенія, большой и малый Ятвяжскъ по рѣкѣ Бобру, не подалеку отъ Суховоли.

Исторію Ятвяжскаго племени и въ тѣхъ немногихъ отрывкахъ, которые дошли до насъ въ Русскихъ и Польскихъ лѣтописяхъ, нельзя читать безъ особеннаго грустнаго расположенія духа. Какая-то страшная тяжелая судьба гнететъ это воинственное и когда-то могущественное племя. На памяти исторіи, неговоря уже о временахъ доисторическихъ, цѣлыя четыреста лѣтъ борется это несчастное племя за свою родную землю, за свою независимость, за свою народную жизнь, и терпитъ цѣлыя четыреста лѣтъ неудачъ и несчастій, не смотря на изумительную энергію. Ятвяжская земля, облитая, упитанная кровію своихъ защитниковъ, усѣянная ихъ костями и костями враговъ, шагъ за шагомъ уходитъ изъ-подъ ногъ своихъ прирожденныхъ хозяевъ, достается ихъ непримиримымъ врагамъ и постепенно застроивается чужими городами и селеніями; а несчастные хозяева отгоняются какъ дикіе звѣри въ глубину непроходимыхъ лѣсовъ и болотъ. Да и здѣсь имъ нѣтъ покоя, и дикіе и непроходимые лѣса и болота ихъ не защищаютъ, неотступные настойчивые враги и сюда проникаютъ, окружаютъ ихъ со всѣхъ сторонъ, такъ сказать, оцѣпляютъ ихъ своими городами, города постепенно все глубже и глубже выдвигаются впередъ и съ тѣмъ

вмѣстѣ стѣсняютъ кругъ привольныхъ лѣсовъ. Тщетно Ятвяги, какъ загнанный въ загородь звѣрь, бросаются то въ ту, то въ другую сторону и дѣлаютъ отчаянные набѣги на своихъ враговъ сосѣдей; за каждымъ набѣгомъ слѣдуетъ месть, за каждый набѣгъ Ятвяги платятся тяжкимъ кровавымъ пораженіемъ и большею или меньшею потерею своего привольнаго лѣса, на которомъ ставится чужой городъ. Наконецъ за Ятвягами остается почти одна Бѣловѣжская пуща, гдѣ теперь доживаютъ свой вѣкъ зубры, также выгнанные изъ сосѣднихъ странъ; Ятвягамъ нѣтъ уже болѣе привольнаго житья, и они вымираютъ медленно, неслышно, незамѣтно для исторіи, безъ похоронъ. Такъ что никто не можетъ указать, куда же дѣлись эти страшные прежде Ятвяги, или въ какое именно время исчезли; всѣ только знаютъ, что ихъ теперь нѣтъ, что они исчезли съ лица земли. Да иначе не могло и быть. Ятвяги отстаивали свою дѣдовскую жизнь лѣсныхъ обитателей, а вокругъ ихъ постепенно развивался новый строй жизни, враждебный и совершенно противоположный ихнему строю; вокругъ ихъ росла могучая цивилизація, борьба съ которою не могла имъ обѣщать ни чего добраго.

ЛИТВА.

Совсѣмъ другое положеніе занимали въ здѣшнемъ краю Литовцы, и по своему положенію въ послѣдствіи имѣли совсѣмъ иную судьбу противъ Ятвяговъ. Литовцы по происхожденію своему одноплеменники съ древними Пруссами, которыхъ истребили Нѣмцы, географически раздѣлялись на двѣ неравныя

половины. Часть Литвы, жившая ближе къ устью Немана и къ морю, по низменности мѣста называлась Жмудью, Жемойтью (т. е. нижнею Литвою отъ Литвою отъ Литовскаго слова жемасъ нижній), а другая часть, гораздо большая, жившая по Неману, Святой и Вилiи, въ мѣстахъ сравнительно возвышенныхъ, называлась вышнею Литвою, или верхнею. Древнѣйшими границами разселенiя Литовскихъ племенъ были: на западѣ Балтiйское море и нижнее теченiе Немана, который здѣсь отдѣлялъ Литву отъ Пруссовъ; на югѣ границею также былъ Неманъ въ своемъ верхнемъ теченiи, отдѣлявшiй Литву отъ Ятвяговъ, занимавшихъ здѣсь лѣвый берегъ Немана; на востокѣ отдѣляли Литву отъ Летголы или Латышей верхнее теченiе Березины и западная Двина, на правомъ берегу которой жили Латыши; а на сѣверъ Литовскiя племена сходились съ племенами Ливи и Корси, или съ Ливонцами и Куронами. Нижняя Литва или Жемойть жила отъ устья Немана до рѣки Святой. Верхняя Литва жила на востокъ отъ рѣки Святой и дѣлилась на четыре племени. Первое племя, собственно Литва, жило по сѣверному или правому берегу Вилiи; второе племя, Девялтва, жило на сѣверо-востокъ отъ Литвы до границъ Летголы, или до Западной Двины; третье племя Рушковичи и четвертое Булевичи жили на югъ отъ Вилiи до Немана и Свислочи, впадающей въ Березину, т. е. до древнихъ Ятвяжскихъ границъ и на востокъ до Березины. Впрочемъ позднѣе эти два племени не рѣдко пробирались и за Свислочь даже до Припети, но только на время, постоянно же утвердиться здѣсь они никогда не успѣвали.

Племена сіи еще дѣлились на удѣлы по князьямъ; такъ въ Волынской лѣтописи подъ 1215 годомъ мы читаемъ имена Литовскихъ князей, приславшихъ посольство къ Волынскимъ князьямъ Даніилу и Василько Романовичамъ. Здѣсь собственно Литовскими князьями названы: Старѣйшій Живинбудъ, затѣмъ младшіе князья: Давьятъ, Довспрункъ, Миндовгъ братъ Довспрунка, и Вилькивилъ братъ Давьятовъ. Жемойтскіе князья: Ерьдивилъ, Викнытъ; князья племени Рушковичей,—Кинтибутъ, Вонибутъ, Бутовитъ, Вижѣикъ и сынъ его Вишлій, Китеній, Плакосова; князья племени Булевичевъ,—Вишимутъ, его же убилъ Миндовгъ, а жену его взялъ за себя, и братьевъ его побилъ Едивила и Спрудѣйка; князья Дяволтвы,—Юдки, Пукѣикъ, Бикши и Ликѣикъ. Отъ всѣхъ сихъ князей были отправлены посланники; слѣдовательно каждый изъ сихъ князей княжилъ въ своемъ особомъ отдѣлѣ общаго племени; и слѣдовательно каждое изъ пяти племенъ дробилось по князьямъ на удѣлы точно такимъ же порядкомъ, какъ и въ Русской землѣ. Впрочемъ таковый порядокъ принадлежалъ ли Литвѣ искони, или заимствованъ отъ Русскихъ, когда они явились въ этомъ краю, — на это мы не имѣемъ никакихъ указаній, ибо не имѣемъ никакихъ извѣстій объ устройствѣ Литовскихъ племенъ до прибытія сюда Славянскихъ колонистовъ изъ Новгорода великаго. Извѣстія, сохраненныя позднѣйшими Литовскими и Польскими лѣтописцами, выключая сказочнаго извѣстія о Палемонѣ, пришедшемъ изъ Рима, относятся къ тому уже времени, когда въ здѣшнемъ краю существовали Славянскія колоніи изъ Новгорода, когда Полотскъ былъ уже построенъ и находился въ спо-

шеніяхъ съ Литовскими племенами; слѣдовательно когда уже здѣсь находилось въ полной силѣ Русское вліяніе изъ Полотска и Полотскихъ пригородовъ.

Судя по дошедшимъ до насъ указаніямъ какъ Русскихъ такъ и Литовскихъ лѣтописей, различныя племена Литвы не имѣли между собою общей связи, и каждое племя жило отдѣльно и независимо. Общею, такъ сказать физіологическою для всѣхъ Литовскихъ племенъ связью были только языкъ и вѣра или религія, и можетъ быть память объ общемъ происхожденіи отъ одного корня, и въ слѣдствіе этого болѣе или менѣе общіе обычаи для всѣхъ племенъ и одинаковый образъ жизни. Языкъ Литовскій былъ общимъ не только для всѣхъ племенъ Литвы, жившихъ на востокъ отъ Немана, но и для Пруссовъ, жившихъ за Неманомъ на западъ. Литовскій языкъ, не смотря на значительную примѣсь славянскихъ и другихъ иноязычныхъ словъ, есть языкъ самостоятельный, какъ въ лексикологическомъ, такъ и въ граматическомъ отношеніи, и примѣсь чужеязычныхъ, особенно славянскихъ словъ, указываетъ только на раннія и близкія сношенія Литвы съ Славянами. Знатоки Литовскаго языка относятъ его къ древнѣйшимъ Европейскимъ языкамъ, и ставятъ въ числѣ прямыхъ и непосредственныхъ потомковъ языка Санскритскаго. И хотя Литовцы до позднѣйшаго времени не имѣли своей азбуки, да и теперь ихъ азбука есть не больше какъ Латинская или вѣрнѣе Польская азбука, плохо принаровленная къ звукамъ Литовской рѣчи, *) и

*) Употребленіе древними Литовцами рунъ, или своеобразныхъ начертаній употреблявшихся ихъ жрецами, еще не доказано, и основывается только на догадкахъ и произвольныхъ толкованіяхъ неизвѣстныхъ начертаній на камняхъ, и на Нѣмецкихъ извѣстіяхъ о какихъ-то будто бы надписяхъ на древнихъ Литовскихъ знаменахъ.

литературныхъ памятниковъ на Литовскомъ языкѣ, кромѣ народныхъ пѣсенъ, очень мало; тѣмъ не менѣе языкъ этотъ пользуется такимъ богатствомъ словъ и способностью словопроизводства, что на немъ доступно выраженіе разнообразнѣйшихъ и даже отвлеченныхъ понятій чисто въ духѣ языка, помимо иноязычныхъ словъ, исторически вошедшихъ въ составъ этого языка.

Относительно Литовской религіи также должно сказать, что она одна изъ древнѣйшихъ религій съ явными слѣдами на связь съ Греческою, Индійскою и Парскою миѳологіями, а равнымъ образомъ древними языческими вѣрованіями Славянъ. Такъ Литовскій богъ свѣта или мудрости *Корось* прямо напоминаетъ Славянскаго бога Хорса, также выражающаго свѣтъ, или Греческаго Аполлона; а другое названіе того же Литовскаго бога мудрости — *Будте* намекаетъ на Будду Индійскаго, или Литовскій Богъ земли *Земенникасъ* въ самомъ названіи своемъ указываетъ на Славянское божество Земенникъ. *Знічь* огонь также божество извѣстное у Славянъ. *Перкунасъ* или *Перкунъ* богъ грома и молніи напоминаетъ Русскаго Перуна, также Бога грома и молніи. *Покла* или *Пекола* подземный богъ ада также напоминаетъ Славянское пекло—адъ. *Ладо*—Богъ весны, юности и красоты, извѣстенъ также и подъ тѣмъ же именемъ и Русскимъ Славянамъ, и въ Русскихъ пѣсняхъ, которыя поются въ весеннихъ хороводахъ, также какъ и въ Литовскихъ хороводныхъ пѣсняхъ ему придается прилагательное *Дидъ* - великій, по Русски Дидъ-Ладо, а по Литовски Дидисъ - Ладо. Кромѣ того Литовцы подобно Грекамъ имѣли своего Марса бога войны-

Каваса или *Кавляса*, своего Нептуна - бога воды и морей-Атримпоса, свою Веперу-богиню Любви Мильду, свою Юнону - богиню свадебъ-Ганду и покровительницу женщинъ-Лайму.

Языкъ и религія Литовцевъ, какъ они извѣстны по дошедшимъ до насъ памятникамъ, прямо говорятъ, что Литовцы поставили себя въ отношенія къ появившимся въ этомъ краѣ Славянамъ несравненно благопріятнѣйшія тѣхъ отношеній, въ которыя себя поставили Ятвяги. Литовцы очевидно встрѣтили новыхъ пришельцевъ мирно и вступили въ тѣсныя дружественныя связи съ ними, которыя повели оба племени къ взаимнымъ обмѣнамъ не только произведеній промышленности, но даже въ языкѣ и религіи, и тѣмъ самымъ способствовали мирной колонизаціи Литовской земли поселеніями Полочанъ, которые проникли не только къ ближайшимъ къ Березинѣ и Двинѣ Литовскимъ племенамъ, но даже въ отдаленную Жемойть, гдѣ уже въ глубокой древности, какъ уже было сказано, мы встрѣчаемъ чисто Славянскіе и даже Русскіе города—Вилькомиръ на рѣкѣ Святой, Поневѣжъ на рѣкѣ Невѣжѣ, Россіены между Дубиссою и Юрою и Мѣдники въ Тельшевскомъ уѣздѣ, среди сплошнаго Жемойтскаго населенія. И, что̀ всего замѣчательнѣе, нѣтъ нигдѣ и намековъ на какую либо вражду и ссоры между туземцами—Жемойтью и Новгородскими колонистами—Полочанами. Дѣло колонизаціи идетъ мирно,—ни туземцы не мѣшаютъ пришельцамъ, ни пришельцы туземцамъ. Туземцы свободно и спокойно живутъ около городовъ, построенныхъ пришельцами, и пришельцы смѣло селятся между туземцами и, не смотря на разноплеменность, живутъ другъ съ дру-

гомъ какъ одинъ народъ ; Литвины не враждуютъ противъ религіи Полочанъ и Полочане противъ религіи Литвиновъ,—Перунъ и Перкунасъ , Коросъ и Хорсъ одинаково уважаемы и тѣмъ и другимъ племенемъ. Даже христіанство, принятое Полочанами и непринятое Литвинами, нисколько не нарушило согласія пришельцевъ съ туземцами; ибо восточная православная церковь въ Россіи никогда не знала принудительнаго обращенія язычниковъ и не преслѣдовала другихъ религій, предоставляя каждому по добровольному убѣжденію исповѣдывать ту или другую вѣру. Такъ что христіанство не только не нарушило мира и согласія между туземцами и пришельцами, но кажется еще болѣе сблизило ихъ; ибо нельзя же отрицать, что не всѣ Литвины остались при своемъ старомъ язычествѣ, а напротивъ значительная часть ихъ вмѣстѣ съ пришельцами Полочанами приняла христіанство , что̀ доказывается мученическою кончиною нѣкоторыхъ христіанъ Литвиновъ при насильственномъ введеніи Латинства въ Литовской землѣ. Часто упоминаемые въ лѣтописяхъ опустошительные набѣги Литовцевъ на сосѣднія Русскія земли нисколько не отрицаютъ мирныхъ и дружественныхъ отношеній Литвы къ Полочанамъ и спокойной колонизаціи Литовской земли Полотскими поселеніями; ибо упоминаемые лѣтописями Литовскіе набѣги были направлены или на Новгородскія, или на Волынскія, или на Черниговскія, или на другія Русскія владѣнія, но никогда на Полотскія. Напротивъ того, набѣги сіи нерѣдко производились Литвою заодно съ Полочанами и преимущественно были только местію за обиды сосѣдей Полотской или Литовской земли; при

томъ же въ лѣтописяхъ, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, Литва и Полочане принимались заодно, и подъ именемъ Литовскихъ набѣговъ разумѣлись и набѣги Полотскіе.

Но еще замѣтнѣе мирное и дружественное отношеніе Литвы къ Полочанамъ въ обыденныхъ народныхъ обычаяхъ и повѣріяхъ, какъ они доселѣ сохраняются у народа и въ Литвѣ и на Руси. Обычаи сіи во многихъ случаяхъ такъ сходны между собою, или даже одинаковы, что Литовцы и Русскіе являются какъ бы однимъ народомъ, или какъ бы родными, даже не смотря на то, что Литвѣ и Жемойти теперь много навязано Поляками чужаго и враждебнаго Руси, во время ихъ владычества надъ здѣшнимъ краемъ. Вотъ нѣсколько образчиковъ одинаковости народныхъ обычаевъ на Руси и въ Литвѣ: такъ у Литовцевъ конть или кутъ считается почетнѣйшимъ мѣстомъ въ дому, и на Руси, именно въ великорусскихъ мѣстностяхъ, первоначально колонизованныхъ Новгородцами, кутъ также считается почетнымъ мѣстомъ въ крестьянскомъ дому. Или у Литовцевъ выпавшіе у дѣтей молочные зубы матери обыкновенно бросаютъ на печь съ приговоркою: мышка, мышка, чернюша, на тебѣ зубъ древянный, а ты мнѣ дай костяной; и на Руси въ деревняхъ также выпавшій дѣтскій зубъ бросаютъ на печку и съ такою-же приговоркою. Или у Литвиновъ и Русскихъ одинъ и тотъ же обычай, или повѣрье, прятать куда нибудь обстриженные съ головы волосы, чтобы птица не утащила и не свила изъ нихъ гнѣзда, отъ чего будетъ болѣть голова. Или Русскія и Литовскія крестьянки считаютъ за большой грѣхъ уронить изъ рукъ даже крошку хлѣба, а когда кото-

рая уронитъ на полъ или на землю нечаянно, то немедленно подымаетъ съ земли и цѣлуетъ. Или при посѣвѣ хлѣба въ полѣ, ежели нечаянно сдѣлаютъ обсѣвокъ, т. е. пропустятъ, не засѣютъ часть пашни; то это и у Русскихъ и у Литовскихъ крестьянъ считается предзнаменованіемъ, что въ этомъ году умретъ хозяинъ поля, или кто либо изъ его семьи. Или у Русскихъ и у Литовцевъ считается самою дурною примѣтою, ежели или заяцъ перебѣжитъ дорогу, или женщина перейдетъ съ пустыми ведрами; и на оборотъ, добрая примѣта, ежели встрѣтится женщина съ полными ведрами, или волкъ перебѣжитъ дорогу, или когда при выходѣ изъ дома будетъ накрапывать дождикъ. Такъ и на Руси и въ Литвѣ вѣрятъ, что пожаръ отъ молніи должно гасить квашенымъ молокомъ. Или и на Руси и въ Литвѣ считается за прибыльное купить животное или птицу отъ ножа, т. е. обреченную хозяиномъ на зарѣзъ; или дѣти рожденныя въ сорочкѣ считаются счастливыми. Или понедѣльникъ у того и другаго народа признается тяжелымъ днемъ, въ который не слѣдуетъ начинать никакого важнаго дѣла. Собака воетъ или курица поетъ пѣтухомъ,—значитъ будетъ въ дому покойникъ; бѣлыя пятнушки на ногтяхъ означаютъ, что будетъ обнова или прибыль; кошка замываетъ, значитъ будутъ гости; правая ладонь чешется,—видѣться съ милымъ человѣкомъ, а лѣвая считать деньги. Или на Руси и въ Литвѣ одинаковое повѣрье о папоратникѣ, что его должно отыскивать съ извѣстными обрядами въ ночь на Ивановъ день, и что владѣющій папоротникомъ можетъ легко отыскивать клады; обряды отысканія папоротника одинаковы на Литвѣ, даже на

Жемойти и на Руси; такъ что легенды или разсказы объ отысканіи папоротника у того и другаго народа одни и тѣ же. Или ужъ въ Литвѣ и на Руси, даже подъ Москвой, пользуется большимъ уваженіемъ у крестьянъ, такъ что они кормятъ его молокомъ и считаютъ за счастье, ежели ужъ поселится въ чьемъ дому. При встрѣчѣ на Руси и въ Литвѣ крестьяне привѣтствуютъ другъ друга словами *добрый день*, или *додрый вечеръ*; а когда одинъ другаго встрѣтилъ за работой, то обыкновенно говоритъ: *Богъ помочь*.

Въ разныхъ обрядахъ частной домашней жизни также проглядываетъ большое сходство у Литовцевъ съ Русскими въ великороссійскихъ губерніяхъ. Такъ сватовство у того и другаго народа производится чрезъ сватовъ или свахъ, засылаемыхъ отъ жениха къ родителямъ невѣсты, при чемъ сваты приносятъ водку и договорившись дѣлаютъ запой, т. е. выпиваютъ вмѣстѣ принесенную водку. Потомъ, когда невѣсту везутъ къ вѣнцу на убранныхъ лошадяхъ, то при выѣздѣ изъ деревни сосѣди загораживаютъ дорогу, или запираютъ ворота на околицѣ и требуютъ выкупа за проѣздъ. Въ вечеръ передъ свадьбою какъ у Литовцевъ, такъ и у Русскихъ женихъ долженъ принесть разныхъ гостинцевъ и непремѣнно черевики; на дѣвичникѣ и на Руси и въ Литвѣ дѣлается послѣдній запой или пропой, которымъ окончательно утверждается свадебный договоръ. При кончинѣ больнаго, ежели онъ долго страдаетъ въ предсмертныхъ мученіяхъ, какъ у Литовцевъ, такъ и у Русскихъ имѣютъ повѣрье проламывать потолокъ надъ постелью больнаго, чтобы душа скорѣе освободилась отъ тѣла; а по кончинѣ спѣшатъ закрыть глаза умер-

шаго, чтобы не сманилъ другихъ за собою. Въ ночь на праздникъ рождества Іоанна Крестителя какъ на Руси, такъ и въ Литвѣ ходятъ отрывать клады, отыскивать разныя коренья и травы, и таинственный цвѣтокъ, называемый папоротникъ, который, какъ вѣрятъ, можно отыскать только въ эту ночь. Или завиванье вѣнковъ вечеромъ въ день Петра и Павла въ Литвѣ, по обрядамъ своимъ, совершенно одинаково съ завиваньемъ вѣнковъ на Руси въ семикъ; въ этомъ обрядѣ дѣвушки кумятся съ молодцами. Обрядъ этотъ и на Руси въ XVI столѣтіи совершался также вечеромъ въ день Петра и Павла, какъ свидѣтельствуетъ Стоглавъ.

Здѣсь приведены въ примѣръ только нѣкоторые обряды и обычаи, сходные или одинаковые у Литовцевъ и Русскихъ, на дѣлѣ же ихъ сохранилось гораздо болѣе, не смотря на то, что тотъ и другой народъ въ продолженіе своей исторіи подвергался многимъ стороннимъ вліяніямъ. Изъ сего можно заключить, что въ древнее время, когда постороннихъ вліяній еще не было, или они были еще слабы, особенно до государственнаго соединенія Литвы съ Польшею и до введенія Латинства, сходство въ образѣ жизни въ нравахъ и обычаяхъ Литовцевъ и пришедшихъ къ нимъ Новгородскихъ колонистовъ—Полочанъ было еще сильнѣе, такъ что они болѣе или менѣе жили одною жизнію. А судя потому, что Полочане и Литва имѣли различное происхожденіе и находились не на одинаковой степени развитія, мы волей-неволей должны придти къ тому заключенію, согласному со смысломъ цѣлой исторіи здѣшняго края, что Полочане и Литва еще въ доисторическія времена уже

находились въ такихъ отношеніяхъ другъ къ другу, что составляли какъ бы одинъ народъ; что Литва въ образѣ народной жизни развивалась подъ вліяніемъ Полочанъ и во всякомъ случаѣ находилась не во враждебныхъ отношеніяхъ къ Полотску, и что колоніи Полочанъ мирно распространялись по Литовской землѣ и разносили Русскую цивилизацію по Литовскимъ селеніямъ. Ибо ежели бы не было такихъ мирныхъ и какъ бы родственныхъ отношеній между сими двумя народами, то естественно не могло бы развиться у нихъ такого сходства въ образѣ жизни, въ нравахъ и обычаяхъ, и это сходство не сохранилось бы до настоящаго времени, не смотря на сильное постороннее вліяніе, начиная съ XV вѣка, и особенно не смотря на введеніе Латинства, этого страшнаго разъѣдающаго начала, въ продолженіе слишкомъ 400 лѣтъ царившаго въ здѣшнемъ краю и оставившаго въ народѣ по себѣ память, какъ о нечистой силѣ. Какъ прямо поется въ одной здѣшней народной пѣснѣ:

Понайшла нечиста сила,
Русску вѣру поглумила:
Батьки въ церкви не служили,
А ксёндзы и мшу вопили.

Древній польскій историкъ лѣтописецъ Длугошъ очень вѣрно говоритъ, что тѣсная связь и смѣшеніе Литвы съ Русью произвели то, что Литва большею частію потеряла свой прежній характеръ и едва не измѣнилась совершенно, т. е. едва не обрусѣла. А Литовскій лѣтописецъ Быховецъ, какъ уже было сказано выше, Литовскую землю на югъ отъ Виліи прямо называетъ Русскою землею; слѣдовательно тамошніе Литвины на столько уже слились съ Русскими людьми и обрусѣли, что самими же Литовцами

ихъ родичами, жившими на сѣверъ отъ Вилiи, уже назывались не Литовцами, а Русью.

Первобытный образъ жизни Литовцевъ въ глубинѣ ихъ лѣсовъ и болотъ, еще не разложенный вліяніемъ Полотскихъ колоній, по извѣстіямъ, почерпнутымъ впрочемъ не изъ Русскихъ лѣтописей, описывается такъ. Литовцы въ своихъ непроходимыхъ лѣсахъ и пущахъ жили совершенными дикарями, не имѣли ни городовъ ни селенiй, держались отдѣльно другъ отъ друга въ дикихъ трущобахъ, трудно доступныхъ и даже недоступныхъ для постороннихъ, гдѣ на лѣто строили себѣ шалаши изъ прутьевъ или хвороста, а на зиму запасали землянки, расположенныя на спускахъ горъ, или на крутыхъ берегахъ рѣкъ, рѣчекъ и озеръ, гдѣ повыше, и тамъ вырывали себѣ ямы, въ которыхъ въ продолженiи зимы постоянно поддерживали огонь для защиты отъ холода, а равнымъ образомъ и для приготовленiя пищи. Болѣе зажиточныя и многолюдныя семейства, въ которыхъ было по нѣсколько братьевъ или сыновей, уже женатыхъ, строили изъ бревенъ и постоянные дома на зиму и и на лѣто, саженъ по 10 и по 15 въ длину и саженъ по 5 и по 6 въ ширину; дома эти, или скорѣе загоны, назывались *нумаи* или *нумы*; они крылись еловою корою или соломою, имѣли по одному и рѣдко по два окна, дверей въ нумаи всегда было по двѣ, одна малая для людей и другая большая для загона скота, который на зиму также загонялся въ нумаи и жилъ вмѣстѣ съ своими хозяевами. Надъ дверми прорубались малыя отверстiя для пропуску дыма, которыя, когда пройдетъ дымъ, затыкались; въ серединѣ нумаи выкапывалась яма около аршина въ глу-

бину и около сажени въ поперечникѣ; края этой ямы обкладывались камнемъ, чтобы можно было сидѣть, и по серединѣ разводился огонь; у стѣнъ въ холодное время ставили скотъ, а въ большихъ ямахъ складывали и хлѣбъ.

Первоначально Литвины пропитывались только звѣроловствомъ и рыболовствомъ, за земледѣліе же принялись только въ послѣдствіи, можетъ быть по указанію Полотскихъ колонистовъ, или заимствуя этотъ промыселъ у единоплеменныхъ Пруссовъ, которые, по всему вѣроятію, учились земледѣлію у Поморскихъ Славянъ. Такъ Литовскій лѣтописецъ Быховецъ, разсказывая о первомъ поселеніи Литовскаго племени, говоритъ, что Литовцы на берегахъ Немана нашли себѣ богатыя дубровы, наполненныя разнымъ звѣремъ: турами, зубрами, оленями, лосями, сернами, рысями, куницами, бѣлками, лисицами, горностаями и иными, а въ рѣкахъ множество рыбы разныхъ породъ, морскихъ и рѣчныхъ; но тотъ же лѣтописецъ не упоминаетъ ни словомъ о плодородіи земли. Самая пища древнихъ Литвиновъ была преимущественно мясная, а не хлѣбная; они ѣли конину, это было любимое ихъ кушанье; изъ конскаго молока, смѣшаннаго съ кровію, они даже приготовляли себѣ крѣпкій напитокъ, который опьянялъ ихъ и былъ напиткомъ самымъ любимымъ; за конскимъ мясомъ любимымъ кушаньемъ было мясо говяжье и свиное, соленое и копченое, до овощей же Литвины были не охотники. Все это показываетъ, что земледѣліе не было исконнымъ въ Литвѣ, и что Литовцы сдѣлались земледѣльческимъ народомъ только въ послѣдствіи, заимствуя это занятіе у Полотскихъ колони-

стовъ, первоначально же они были только звѣроловами и скотоводами. Занятіе земледѣліемъ очевидно служило первымъ шагомъ къ обрусѣнію Литовцевъ; земледѣліе было тою неразрывною связью, которая отъ начала историческихъ временъ здѣшняго края уже соединяла Литву съ Полотскомъ и его колоніями; земледѣліе вызывало Литвиновъ изъ дикихъ лѣсныхъ трущобъ и заставляло ихъ селиться на мѣстахъ открытыхъ и разчищать самые лѣса для пашни; оно пріучало ихъ жить мирно въ сосѣдствѣ съ Полотскими колонистами. Впрочемъ звѣроловство и вообще лѣсные промыслы и при земледѣліи оставались любимыми промыслами Литовцевъ, и земледѣліемъ занимались только ближайшіе сосѣди къ Полотскимъ колоніямъ; глубина же пущь, лѣсовъ и болотъ конечно и по самому свойству мѣстной природы оставалась попрежнему дикою и своихъ обитателей Литвиновъ держала въ полудикомъ состояніи, особенно на Жемойти, что̀ засвидѣтельствовано какъ Русскими, такъ Польскими и Нѣмецкими лѣтописями даже въ продолженіи всего XIII вѣка, когда Литовцы съ своими князьями уже выступили на поприще исторіи. Самая религія питала въ Литвинѣ любовь къ лѣсной жизни; всѣ божества древней языческой Литвы жили въ лѣсахъ, и все священное, все уважаемое древнимъ Литвиномъ было тѣсно связано съ лѣсомъ, болотомъ, озеромъ и дикою пущею, все это манило Литвина въ лѣсъ и дѣлало его лѣснымъ обитателемъ и сообщало ему особый угрюмый характеръ. А посему Литвины до сего времени у Бѣлоруссовъ, потомковъ древнихъ Полочанъ, считаются колдунами, точно также какъ въ древности у Новгородцевъ счи-

тались колдунами и волхвами Чудь и Корѣла; Литвинъ или переставалъ быть Литвиномъ, обращался въ Русскаго, въ Полочанина, или, оставаясь Литвиномъ, держался лѣса, болота и дикой пущи.

Объ общественномъ устройствѣ Литвы, мы имѣемъ только самые темные и отрывочные намеки. Мы знаемъ, что Литовцы дѣлились на множество мелкихъ племенъ, иныя съ своими князьями, иныя безъ князей; но какое значеніе имѣлъ князь въ древней Литвѣ, мы объ этомъ ничего не можемъ сказать опредѣлительнаго. Первоначально кажется у Литовцевъ вовсе не было князей; ибо сказка о какомъ-то Палемонѣ, пришедшемъ къ устьямъ Немана изъ Италіи и даже изъ Рима во время Римскихъ гражданскихъ войнъ, есть небольше какъ сказка, сочиненная книжниками XV и XVI столѣтій, и заключаетъ въ себѣ столько же историческаго, какъ и подобная ей сказка Московскихъ лѣтописцевъ того же времени о происхожденіи Русскихъ князей, потомковъ Рюрика, отъ Августа Кесаря Римскаго. По свидѣтельству же Нѣмецкихъ лѣтописцевъ, писавшихъ о древнихъ Пруссахъ, какъ у Пруссовъ, такъ и у Литовцевъ верховнымъ главою всѣхъ Литовскихъ и Прусскихъ племенъ былъ главный жрецъ, лѣсный папа или Далай-лама, Криве-Кривейто, который, какъ непосредственный истолкователь воли боговъ, изъ своей лѣсной столицы Ромово, бывшей сперва въ Пруссіи, а потомъ въ Литвѣ, безгранично повелѣвалъ всѣми Прусскими и Литовскими племенами, и передъ посланцами котораго, разхаживавшими съ кривыми палками, трепеталъ каждый знатный и незнатный Литвинъ. Къ тому же ни въ Нѣмецкихъ, ни въ Русскихъ, ни въ

Польскихъ лѣтописяхъ первоначально ни словомъ не упоминается о Литовскихъ князьяхъ. Генрихъ Латышъ, древнѣйшій Ливонскій лѣтописецъ, подъ 1200 годомъ, говоря о нападеніи Литовцевъ на Жемгалу (Земиголу), ни слова не говоритъ о Литовскихъ князьяхъ, даже при заключеніи мира съ Литвою, гдѣ нельзя было бы миновать безъ упоминанія князей, ежели бы они были у Литовцевъ. А подъ 1204 годомъ онъ же говоритъ о какомъ-то вождѣ Литовцевъ Шелгатѣ, котораго называетъ не княземъ, а только человѣкомъ богатымъ и могущественнымъ между Литовцами. Или подъ 1208 годомъ, говоря о Всеволодѣ князѣ Берсики (Герсикъ), разсказываетъ, что онъ былъ женатъ на дочери одного могущественнаго Литвина, и по женѣ самъ былъ какъ бы Литвинъ, и въ войнѣ противъ Нѣмцевъ пользовался помощію Литовцевъ, по милости своего тестя, который впрочемъ не названъ Литовскимъ княземъ. Или подъ 1213 годомъ сказано: пришли Литовцы изъ-за Двины, и съ ними вождь ихъ и начальникъ Стеше, который также не названъ княземъ. Вообще Генрихъ Латышъ въ своей довольно подробной хроникѣ, объемлющей первыя 27 лѣтъ XIII столѣтія, упоминая о Литовцахъ до двадцати разъ, ни разу не говоритъ о Литовскихъ князьяхъ. Тогда какъ по Русскимъ лѣтописямъ уже подъ 1215 годомъ дѣлаются извѣстными болѣе 20 именъ Литовскихъ князей въ разныхъ племенахъ Литвы. Отсюда ясно, что Генрихъ Латышъ не упоминаетъ о Литовскихъ князьяхъ не потому, чтобы ихъ вовсе не было въ Литвѣ въ его время, а потому что князья были не во всѣхъ Литовскихъ племенахъ, и что иныя Литовскія племена

управлялись своими выборными старѣйшинами, а иныя находились въ зависимости у своихъ же богатыхъ и сильныхъ землевладѣльцевъ, которыхъ Генрихъ Латышъ называетъ начальниками и вождями, но не князьями; слѣдовательно въ племенахъ сосѣднихъ съ Ливоніею у Литовцевъ не было князей; и дѣйствительно, извѣстія о князьяхъ въ томъ краю являются гораздо позднѣе. О сильныхъ же землевладѣльцахъ, могшихъ своими средствами дѣлать набѣги на сосѣдей, есть извѣстія и въ Русскихъ и въ Литовскихъ лѣтописяхъ; такъ Ипатьевская лѣтопись подъ 1246 годомъ упоминаетъ о какомъ-то предводителѣ Литовцевъ, нападавшихъ на Пересопницу, Аишьвнѣ Рушковичѣ (Аишьвно Рушковичь), котораго не называетъ княземъ. А литовскій лѣтописецъ Быховецъ разсказываетъ о многихъ могущественныхъ родахъ между Литовцами, о которыхъ прямо говоритъ, что они не принадлежали къ княжескимъ родамъ; таковы напримѣръ роды: Грумпіевъ, Ейкписовъ и Гровчисовъ, признававшихъ надъ собою власть князя Ердзивила.

Все это показываетъ, что княжеская власть въ Литвѣ не принадлежала къ первоначальнымъ формамъ быта, а появилась въ послѣдствіи, можетъ быть въ подражаніе Полочанамъ, когда у нихъ появились князья. Первоначально же вся власть, какъ уже сказано, принадлежала верховному жрецу—Криве-Кривейто, а каждое племя непосредственно управлялось своими выборными старѣйшинами и мѣстными народными собраніями или сходками, на которыя мы встрѣчаемъ хотя неясные намеки въ лѣтописяхъ. Потомъ, можетъ быть по образцу Полотскихъ колони-

стовъ, между Литовцами, начавшими знакомиться съ Полотскою или Новгородскою цивилизаціею, образовались богатые и сильные роды землевладѣльцевъ, которые своими богатствами подчиняли себѣ бѣдныхъ сосѣдей. За тѣмъ изъ богатыхъ и сильныхъ родовъ мало-по-малу, съ ослабленіемъ Полотскихъ князей Изяславова поколѣнія и съ вмѣшательствомъ въ Полотскія и Литовскія дѣла сосѣднихъ Русскихъ князей, особенно Кіевскихъ, а также Поляковъ и Нѣмцевъ, стали вырабатываться княжескіе Литовскіе рода. Прусскій лѣтописецъ Петръ Дюсбургскій и Бартентейская жалованная грамота 1332 года прямо называютъ князьями или царіками, богатые и могущественные роды землевладѣльцевъ. Естественно, что безпрестанныя нападенія сосѣдей, начавшіяся съ конца XII столѣтія и крайнее ослабленіе Полотскихъ князей, запутавшихся въ междоусобіяхъ, должны были возвысить нѣкоторыхъ богатыхъ Литовскихъ землевладѣльцевъ до княжеской власти; ибо Литовцамъ въ это время пришлось самимъ отражать враждебныя нападенія, и именно подъ предводительствомъ богатыхъ землевладѣльцевъ, могшихъ вооружить бѣдняковъ на свой счетъ, и такимъ образомъ поручаемая имъ власть во время войны, при безпрестанныхъ войнахъ, мало-по-малу перешла въ постоянную княжескую власть. И потому-то только съ XIII вѣка лѣтописи начинаютъ говорить о Литовскихъ племенныхъ князьяхъ; до того же времени племенныхъ Литовскихъ князей не было, а были Литовскими князьями Русскіе князья изъ поколѣнія Изяслава Полотскаго. Русскія княжескія и дворянскія родословныя и нѣкоторыя лѣтописи даже прямо про-

изводятъ племенныхъ Литовскихъ князей отъ удѣльныхъ Полотскихъ князей. Это можетъ быть до нѣкоторой степени и справедливо; иные удѣльные князья, среди междоусобій утратившіе свои владѣнія, уходили къ Литовцамъ и тамъ совершенно олитвинивались, женились на Литвинкахъ, и ихъ потомки, какъ истые Литовцы по матерямъ, дѣлались уже племенными Литовскими князьями. Впрочемъ таковаго происхожденія ни въ какомъ случаѣ нельзя приписать всѣмъ племеннымъ Литовскимъ князьямъ.

Теперь раждается вопросъ—какое же значеніе имѣла въ Литвѣ княжеская власть племенныхъ Литовскихъ князей? Литовскій лѣтописецъ Быховецъ называетъ Литовскихъ племенныхъ князей весьма ласковыми до подданныхъ своихъ, а объ иныхъ Литовскихъ князьяхъ говоритъ, что при нихъ существовало и народное вѣче; это свидѣтельство лѣтописи указываетъ, что княжеская власть въ Литвѣ имѣла почти такое же значеніе, какъ и въ Полотскѣ. Это подтверждается тѣмъ, что Русскіе города Полотскаго княжества охотно подчинялись Литовскимъ князьямъ, чего конечно нельзя бы было ожидать, ежели бы Литовская княжеская власть не походила на княжескую власть Полотскую. Но не слѣдуетъ отрицать, что въ Литовской княжеской власти были и свои характеристическія черты, вслѣдствіе которыхъ эта власть вдругъ сдѣлалась могущественною и какъ бы несокрушимою. Сіи отличительныя черты состояли: во 1-хъ въ томъ, что въ Литвѣ княжеская власть досталась Литовцамъ же, а не пришлымъ князьямъ, какъ въ Полотскѣ; слѣдовательно князья имѣли большую поддержку въ единоплеменности подданныхъ.

А во 2-хъ, Литовскіе князья были богатые и сильные землевладѣльцы; еще до полученія княжеской власти у нихъ были цѣлые полки слугъ, принадлежащихъ имъ на частномъ правѣ, независимо отъ государственной власти; слѣдовательно земщина немогла имъ грозить изгнаніемъ, какъ это бывало съ Полотскими князьями, которые нерѣдко соглашались на невыгодныя условія, только потому, что некуда было дѣваться. Но въ 3-хъ, что съ одной стороны поддерживало ихъ власть, то съ другой стороны ограничивало ее. Литовскіе князья, какъ уже сказано, были сильны тѣмъ, что они были богатые землевладѣльцы, что они именно образовались изъ класса сильныхъ землевладѣльцевъ; но такъ какъ землевладѣльцами были не одни князья, но и другіе могущественные и богатые роды, ихъ прежніе товарищи и сосѣди по владѣніямъ; то сіи-то прежніе товарищи князей по своему могуществу и богатству и были главнымъ препятствіемъ къ полнѣйшему развитію княжеской власти; князья нерѣдко должны были дѣлиться съ ними какъ властію, такъ и поземельными пріобрѣтеніями. А посему княжеская власть Литовскихъ племенныхъ князей не избѣгла такого же ограниченія, какъ и власть прежнихъ Полотскихъ князей; только это ограниченіе у Литовскихъ князей было не въ пользу народа, какъ это было въ Полотскѣ, а въ пользу прежнихъ княжескихъ товарищей, богатыхъ и сильныхъ землевладѣльческихъ родовъ, которые въ иныхъ краяхъ Литовской земли страшно давили беззащитный народъ, и на которыхъ нерѣдко нельзя было имѣть управы даже на княжескомъ судѣ, особенно когда князей было

много, когда большія племена еще раздробились на удѣлы.

Могущественные и богатые роды Литовскихъ землевладѣльцевъ въ Литвѣ, точно также какъ у Новгородцевъ и Полочанъ, носили названіе бояръ, т. е. большихъ людей, что указываетъ нѣкоторымъ образомъ на происхожденіе Литовскаго боярства по Новгородскому или Полотскому образцу, и что первообразомъ Литовскихъ бояръ были богатые Полотскіе колонисты въ Литовской землѣ, владѣвшіе цѣлыми областями и имѣвшіе свои дружины повольниковъ, подобно Новгородскимъ боярамъ-колонистамъ въ Заволочьѣ. Но племенные Литовскіе бояре, пользуясь ослабленіемъ Полотска и Полотскихъ князей, пріобрѣли даже болѣе самостоятельности и могущества, чѣмъ Новгородскіе бояре въ Заволочьѣ; они до появленія и успленія племенныхъ князей не признавали ничьей власти, и не только безконтрольно владѣли въ своихъ вотчинахъ, но и самовольно дѣлали набѣги на сосѣднія княжества и земли, или вступали въ союзы даже съ Полотскими удѣльными князьями, бывшими уже въ крайнемъ безсиліи; такъ мы уже видѣли въ лѣтописи Генриха Латыша, что Всеволоду князю Берсики въ войнѣ съ Нѣмцами помогалъ его тесть, богатый и сильный землевладѣлецъ Литовскій. Или въ 1213 году богатый Литвинъ Стеша дѣлалъ набѣги на Задвинскія владѣнія Нѣмцевъ; или въ 1246 году Литвинъ Аншьно Рушковичь съ своею дружиною дѣлалъ набѣгъ на Пересопницу.

Подражаніе Новгородцамъ, или ближе Полочанамъ, мало-по-малу получило такое развитіе въ Литвѣ, что у Литовцевъ явились своего рода повольники.

Эта сторона Новгородской цивилизаціи до того пришлась по плечу лѣснымъ Литвинамъ, что съ ослабленіемъ Полотскихъ князей удальцы Литовскіе, конные и пѣшіе, стали дѣлать набѣги на всѣ сосѣднія земли и наводить ужасъ на мирныхъ жителей своими грабежами и убійствами, или помогать разнымъ удѣльнымъ Полотскимъ князьямъ въ качествѣ наемниковъ. такъ въ 1203 году, при нападеніи на Ригу, дружина князя Берсики, главнымъ образомъ состояла изъ Литовской вольницы. Начиная съ первыхъ годовъ XIII столѣтія, Русскія и Польскія лѣтописи стали весьма часто упоминать о Литовскихъ набѣгахъ на тотъ или другой край, не обозначая предводителей этихъ набѣговъ; изъ чего прямо можно заключить, что набѣги сіи производились толпами безъимянной вольницы. Но повольники Литовскіе походили на своихъ сотратій Полотскихъ и Новгородскихъ только отвагою и буйствомъ, только эту сторону повольничества могли усвоить себѣ лѣсные Литвины; но они не были ни колонизаторами, ни промыслителями новыхъ владѣній для своей метрополіи, по той простой причинѣ, что у нихъ не было и самой метрополіи, не было центра, къ которому бы можно было присоединить ихъ промыслы. Литовская земля, съ паденіемъ могущества Полотскихъ Русскихъ князей, представляла разсыпанную храмину, пока не собралъ ее Гедиминъ. А посему Литовскіе повольники могли быть и дѣйствительно были только дикими лѣсными грабителями, они грабили только для своей наживы и вовсе не имѣли въ виду выгодъ своей метрополіи, которой у нихъ не было, или которою у нихъ былъ дикій непроходимый лѣсъ, къ которому примышлять

нечего. У Литовцевъ не было собственно Литовскихъ городовъ, построенныхъ самими Литовцами, ихъ города были построены или Полочанами, какъ Полотскія колоніи, или Литовскими племенными князьями и боярами, какъ остроги или замки, для защиты владѣтелей, а не какъ Русскіе земскіе города; о Литовскихъ земскихъ городахъ не упоминаетъ ни одинъ лѣтописецъ ни Русскій ни Литовскій. Напротивъ, по лѣтописямъ, мы находимъ города, построенные Полочанами какъ колоніи, напримѣръ: Дисна, Поневѣжъ, Вилькомиръ, Свѣнчаны и другіе; или города, построенные Литовскими племенными князьями,—напримѣръ: Керновъ, построенный Кернусомъ, Трабы Трабусомъ, Гольшаны княземъ Гольшею, сыномъ Ромунта; или города, построенные знаменитыми боярскими родами,—напримѣръ: Видзинишки построены Довмонтомъ, сыномъ Гурды—Гедройцъ, полководцемъ Кейстута, или городъ Гераноны составлялъ имѣніе рода Гастольдовъ, или Граужишки были вотчиною одного изъ бояръ Ердзивиловыхъ еще въ XIII столѣтіи, и Ейшишки со всѣмъ своимъ уѣздомъ принадлежали Ейшишу, также боярину Ердзивилову.

Но не смотря на своеобразное выраженіе формъ общественной жизни у Литовцевъ, когда они выступили на историческое поприще, формы сіи, за исключеніемъ религіозной стороны, были въ сущности чисто Полотскія, только видоизмѣненныя по характеру Литвиновъ. Литовцы не могли заимствовать сихъ формъ ни откуда, какъ только отъ Полочанъ, съ которыми одними находились въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ, вплоть до того времени, какъ выступить имъ на поприще исторіи. Кромѣ Криве-Кривейто и цѣ-

лаго сонма лѣсныхъ боговъ, какъ свидѣтельствуютъ всѣ дошедшіе до насъ памятники, Литовцы, жители лѣсовъ и болотъ, не вѣдали ничего относящагося къ общественной жизни, они жили разсѣянно въ лѣсныхъ трущобахъ, неприступныхъ для всякаго постороннаго, и даже едвали занимались земледѣліемъ, а промышляли звѣроловствомъ, рыболовствомъ и до нѣкоторой степени скотоводствомъ; у нихъ не было ни городовъ, ни даже сколько нибудь значительныхъ селеній; каждая семья, большая или малая, жила отдѣльно отъ другихъ и не знала другой власти, кромѣ власти Криве-Кривейто и своего старѣйшины. И таковыми Литовцы оставались до появленія въ ихъ краю Полотскихъ колоній, которыя по миролюбивому ихъ характеру, были приняты безъ сопротивленія. Только съ появленіемъ Полотскихъ колоній, мало-помалу проникшихъ по рѣкамъ въ глубь Литовскихъ поселеній, постепенно начинаетъ измѣняться общественный бытъ Литвиновъ; вѣроятно съ этого только времени въ Литвѣ начали появляться волости или округи съ народными сходками и съ выборными старостами, по образцу Полотскихъ колоній, да и то только въ тѣхъ мѣстахъ, которыя болѣе обрусѣли, гдѣ Полотскія колоніи были чаще и многочисленнѣе. Въ этихъ только мѣстахъ прежде всего выдѣлились большіе люди, богатые и сильные землевладѣльцы, заимствовавшіе отъ Полочанъ названіе бояръ; а потомъ изъ бояръ выдѣлились сильнѣйшіе и богатѣйшіе и образовали изъ себя княжескіе роды по образцу Русскихъ князей. Но всѣ сіи измѣненія происходили только, какъ уже сказано, въ племенахъ болѣе или менѣе обрусѣлыхъ подъ вліяніемъ Полотскихъ

колоній; въ тѣхъ же племенахъ, въ которыхъ колоній было меньше, напримѣръ на Жемойти, Литвины болѣе или менѣе оставались Литвинами, т. е. жителями лѣсныхъ трущобъ; но и сіи мѣстности не оставались безъ вліянія Полотской цивилизаціи; такъ напримѣръ земледѣліе было болѣе или менѣе распространено между всѣми Литовскими племенами, или Литвины, прежде миролюбивые, какъ бы въ подражаніе Полочанамъ, сдѣлались воинственными, и даже познакомились съ нѣкоторыми началами общественности. Такимъ образомъ Литовцы выступили на поприще исторіи болѣе или менѣе Русскими людьми; у нихъ Литовскаго оставалось за это время только языкъ и религія и нѣкоторые исконные обычаи, не шедшіе въ разрѣзъ съ Русскою цивилизаціею, другихъ особенностей отъ Полочанъ они не имѣли. И это было главною причиною ихъ непмовѣрныхъ успѣховъ въ первыя полтораста лѣтъ ихъ исторической дѣятельности. Ихъ князья дѣйствовали какъ Русскіе князья, какъ наслѣдники выродившихся Полотскихъ князей Изяславова дома; они говорили по-русски и русскій языкъ былъ оффиціальнымъ языкомъ и при дворѣ, и на судѣ, и въ управленіи; ихъ окружали, ихъ главными помощниками были или Русскіе люди, или обрусѣлые Литвины; они даже своихъ дѣтей отдавали на воспитаніе сосѣднимъ Русскимъ князьямъ, сами женились на Русскихъ княжнахъ, и своихъ дочерей выдавали за Русскихъ князей. Все это ставитъ Литовское племя въ исторіи Полотска почти въ одинаковое положеніе съ Полочанами; Полочане и Литовцы, съ первыхъ же временъ исторіи здѣшняго края, составляютъ одинъ не-

раздѣльный народъ. Хотя и то и другое племя разнится по происхожденію, языку, религіи и нѣкоторымъ обычаямъ; но цивилизація постепенно сглаживаетъ сіи разности, не уничтожая природныхъ типовъ того и другаго племени, оставляя Литвина обрусѣлымъ Литвиномъ, Полочанина Полочаниномъ.

Летыгола, Зимигола и Корсь.

Въ сѣверныхъ предѣлахъ Полотскихъ владѣній и по прибрежью Бальтійскаго моря жили старожитные туземцы, по правому берегу Западной Двины Летголы или Латыши, частію занимавшіе и лѣвый берегъ; на лѣвомъ берегу Двины и по прибрежью Балтійскаго моря Ливь; а на югъ отъ Ливи и частію на юго-западъ Зимигола и Корсь или Куроны. Границы поселеній Летголы или Латышей простирались на востокъ до впаденія Полоты въ Двину, гдѣ и до сего времени еще есть Латышскія поселенія, да и самый Полотскъ былъ построенъ на границахъ Летголы и Литвы. Латыши или по лѣтописямъ Летгола, Летыгола, были племени Литовскаго: у нихъ была таже религія, какъ и у Литовцевъ, языкъ ихъ первопачально также былъ вѣроятно Литовскій, но съ теченіемъ времени много измѣнившійся чрезъ смѣшеніе съ языкомъ сосѣдей. Латыши, единоплеменники Литвинамъ, въ глубокой древности, судя по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, находились постоянно во враждебныхъ отношеніяхъ къ Литвѣ. Полотскимъ князьямъ они платили дань, какъ свидѣтельствуетъ Несторъ, и въ ихъ землѣ было построено нѣсколько Русскихъ городовъ, и даже въ главномъ изъ нихъ,

на правомъ берегу Двины,—Берсикѣ, жилъ постоянно удѣльный Полотскій князь, вѣроятно управлявшій всею землею Летголы, составлявшей его удѣлъ. Кромѣ Берсики по землямъ Летголы были еще Полотскія колоніи въ южной ея половинѣ, о которыхъ упоминается въ Ливонскихъ лѣтописяхъ начала XIII вѣка,—таковы тянувшія къ Берсикѣ: Сопикле, Антина или Автино, Мемоке, Вити-село, Летта-гора, Лепень, Бабпино, Зердени, Авценица, Алека и другія, которыхъ имена сильно искажены Нѣмецкими лѣтописцами, но очевидно Русскія.

По всему вѣроятію Леттола или Латыши не были такъ близки къ Полочанамъ, какъ Литва, хотя они и платили дань Полотскимъ князьямъ, но Полотская цивилизація къ нимъ плохо прививалась; по свидѣтельству Ливонскихъ лѣтописей они отличались жестокостію и дикостію. Можетъ быть этому способствовало и то, что земли Летголы лежали между землями Полотскими и Псковскими: слѣдовательно на Летголу наступали чужеродцы, пришельцы съ двухъ сторонъ, съ юга Полочане и съ сѣверо-востока Псковичи; а посему необходимость защищаться съ двухъ сторонъ особенно ожесточала Латышей. Но какъ бы то ни было, они тяготились и Псковичами, и Полочанами, и Литовцами; и посему когда въ началѣ XIII столѣтія въ устьяхъ Двины утвердились Нѣмцы и выстроили Ригу: то Латыши изъ первыхъ перешли на Нѣмецкую сторону и приняли отъ Нѣмцевъ священника, который и построилъ первую въ Латышской землѣ Латинскую церковь надъ Ропою и съ согласія народа принялъ обязанности судьи надъ Латышами. А въ 1206 году Латыши съ Рижскими Нѣмцами уже

воюютъ противъ Ливонскаго племени Торейды, и подъ предводительствомъ своего вождя Кавпона, уже побывавшаго въ Ригѣ и выучившагося Нѣмецкому языку, произвели большое опустошеніе въ Торейдѣ. Въ 1207 году Летгола уже помогаетъ Нѣмцамъ при отраженіи набѣговъ Литвы; въ слѣдующемъ же году вмѣстѣ съ Ливью воюетъ противъ Чуди или Эстовъ. Когда же въ 1210 году Ливь, Чудь, Корсь, Литва, Земгола и Полочане предприняли походъ противъ Риги: то Летгола или Латыши пришли помогать Нѣмцамъ и способствовали освобожденію Риги отъ осады. Въ 1211 году Латыши вмѣстѣ съ Нѣмцами идутъ воевать противъ Чуди или Эстовъ. А въ слѣдующемъ году Летгола, Ливь и Нѣмцы, какъ союзники, ведутъ переговоры съ Полотскимъ княземъ о мирѣ, вслѣдствіе котораго Ливь была освобождена отъ дани Полотскимъ князьямъ; въ этомъ же году земля Летголы была раздѣлена между Рижскимъ епископомъ и Ливонскимъ орденомъ меченосцевъ. Въ 1214 году Нѣмцы въ соединеніи съ Летголою и Ливью отнимаютъ Берсику у князя Всеволода; а въ слѣдующемъ году опять соединенными силами нападаютъ на островъ Эзель. Всѣ сіи извѣстія прямо говорятъ о тѣсной связи Латышей съ Нѣмцами почти съ первыхъ годовъ появленія сихъ послѣднихъ въ устьяхъ Двины. Въ послѣдующее время Латыши точно также почти постоянно дѣйствуютъ, какъ передовая дружина Нѣмцевъ, какъ на югѣ противъ Полочанъ и Литвы, такъ на сѣверо-востокѣ противъ Псковичей и Новгородцевъ; и въ томъ и въ другомъ краю Летгола постоянно прочищаетъ дорогу Нѣмцамъ, терпитъ страшныя опустошенія, и не смотря

на это продолжаетъ служить Нѣмцамъ съ какимъ-то ожесточеніемъ противъ Литвы и Русскихъ. Все это показываетъ, что въ древнее время отношенія Летголы къ Русскимъ были крайне неудовлетворительны; такъ что Летгола первоначально видѣла въ Нѣмцахъ своихъ защитниковъ и покровителей.

Относительно внутренняго устройства Летголы мы знаемъ, что Латыши дѣлились на нѣсколько мелкихъ племенъ, жившихъ независимо другъ отъ друга и управлявшихся своими старшинами, которые впрочемъ едвали были выборные, или, по крайней мѣрѣ, между старшинами Летголы были наслѣдственные богатые и сильные землевладѣльцы, отъ которыхъ ихъ старшинская власть переходила къ дѣтямъ ихъ и къ потомкамъ; слѣдовательно таковые старшины были что-то въ родѣ князей; впрочемъ лѣтописи постоянно ихъ называютъ старшинами, а иногда начальниками или вождями, но никогда князьями. Между старшинами, кажется, нѣкоторые по своему могуществу и богатству имѣли вліяніе и даже власть надъ другими старшинами, менѣе сильными и богатыми. Такъ у Генриха Латыша подъ 1208 годомъ сказано: «возсталъ Варидотъ съ другими старшинами Латышей и отправились въ Ригу просить помощи противъ Эстонцевъ. Или старшина въ племени Трикатовъ, Талибальдъ, по своему могуществу былъ какъ-бы властителемъ въ своемъ племени; и когда въ 1215 году онъ былъ убитъ Эстами, то его сыновья Рамека и Друвальдъ съ своими друзьями и родственниками подняли Летголу своего племени на Эстовъ, чтобы мстить за смерть отца. Или въ 1223 году старшины и начальники Летголы Варигербо и

Рамека отправились опустошать Эстонскую землю, каждый съ своимъ племенемъ.

Летгола или Латыши, со всѣхъ сторонъ окруженные врагами, выучились строить города, или остроги замки, въ которыхъ отбивались отъ нападенія враговъ. Такъ подъ 1208 годомъ у Генриха Латыша сказано: Летыголы, по возвращеніи изъ эстонскаго похода домой, начали укрѣплять свои городки или остроги, и сносить туда все свое имущество, страшась нападенія со стороны Эстонцевъ. И таковыхъ городковъ въ Латышской землѣ было довольно много; иные изъ нихъ принадлежали тому или другому племени, иные-же были собственностію того или другаго старшины, или богатаго землевладѣльца.

Съ полнымъ утвержденіемъ Нѣмцевъ въ Лифоніи Латыши окончательно выступили изъ-подъ власти Полотскихъ князей; но Нѣмцы, ихъ покровители, употребляя ихъ какъ орудіе для своихъ цѣлей, вовсе не заботились о ихъ развитіи и сообщеніи имъ цивилизаціи; такъ что Латыши, подъ властію Полотскихъ князей выучившіеся строить города и можетъ быть отъ Полотскихъ колоній заимствовавшіе земледѣліе, освободившись отъ Полотскаго вліянія, ни на шагъ не двинулись впередъ, погрязли въ грубости и жестокости, а потомъ, съ продолженіемъ времени, были обращены Нѣмцами въ полное рабство и лишились земли, которую Нѣмцы всю забрали себѣ. Кажется съ полнымъ вѣроятіемъ можно сказать, что главными орудіями въ подчиненіи Летголы Нѣмцамъ были сами старшины Летголы, скоро подружившіеся съ Нѣмцами и усвоившіе себѣ Нѣмецкіе обычаи. Этимъ старшинамъ, состоящимъ преимущественно изъ бо-

гатыхъ и сильныхъ землевладѣльцевъ, было выгодно стать на сторонѣ Нѣмцевъ и усердно служить имъ, чтобы подъ ихъ покровительствомъ окончательно поработить бѣдный народъ,—въ чемъ при помощи Нѣмцевъ они и успѣли. и поработили народъ свой окончательно; но въ свою очередь и сами за это должны были поплатиться или порабощеніемъ, или измѣненіемъ своей національности, т. е. обращеніемъ въ Нѣмцевъ. Такимъ образомъ Латышская земля, первая измѣнившая Полочанамъ, первая и поплатилась полнымъ порабощеніемъ Нѣмцамъ.

Зимгола, или какъ пишутъ Нѣмецкіе лѣтописцы, по латыни Семигаллы, жили на лѣвомъ берегу западной Двины, начиная отъ поморья, а на востокъ ихъ поселенія простирались до группы озеръ, лежащихъ на сѣверъ отъ Бреславля; южную границу Зимголы составляли Литовскіе лѣса и пущи, а западную—жилища одноплеменныхъ съ Зимголою Корси. Корсь или Куроны, западные сосѣди Зимголы, на югъ граничили съ Жемойтью, а на западъ и на сѣверъ прямо примыкали своими поселеніями къ морю. Оба сіи племени были Литовскаго происхожденія; языкъ и религія у нихъ были Литовскіе, и вѣроятно въ доисторической древности составляли съ Литовцами одинъ народъ, признававшій власть Криве-Кривейто; но какъ племена Литовскія искони мало имѣли связи между собою, и каждое жило самостоятельною жизнію; а по сему естественнымъ образомъ въ теченіи времени Корсь и Зимгола мало-по-малу сдѣлались совершенно чуждыми и враждебными Литвѣ; но какъ это сдѣлалось, мы не имѣемъ никакихъ извѣстій ни въ нашихъ, ни въ чужеземныхъ лѣтописяхъ. По свидѣтельству Не-

стора Корсь и Зимгола уже при самомъ началѣ платили дань Руси, т. е. ближайшему Русскому владѣнію—Полотску. Были ли какія Полотскія колоніи въ земляхъ Зимголы и Корси, мы не имѣемъ объ этомъ никакихъ извѣстій: но по свидѣтельству Ливонскихъ лѣтописей и Корсь, и особенно Зимгола жили въ согласіи съ Полотскими колоніями на Двинѣ: слѣдовательно есть вѣроятіе, что Полотскія колоніи были и въ земляхъ Зимголы и Корси; только слѣды сихъ колоній такъ затянуты Нѣмецкимъ наслоеніемъ, что ихъ теперь мудрено и даже невозможно отыскать.

По свидѣтельству Ливонскаго лѣтописца Генриха Латыша Зимгола при первомъ появленіи Нѣмцевъ въ устьяхъ Двины стала къ нимъ во враждебныя отношенія, и узнавши, что Нѣмцы стали строить каменные города, явилась подъ стѣнами Икесколы, опустала городъ большими канатами и думала сдвинуть его въ Двину. Это первое извѣстіе Ливонскаго лѣтописца о Зимголѣ говоритъ, что Нѣмцы смотрѣли на это племя, какъ на дикарей. Разумѣется, Зимголамъ не удалось сдвинуть Икесколы въ Двину, и, прогнанные защитниками города, они должны были уйдти въ свои лѣса, очевидно находившіеся очень близко отъ первыхъ Нѣмецкихъ поселеній на Двинѣ. Но неудача подъ Икесколой не прекратила враждебныхъ отношеній между Нѣмцами и Зимголою; такъ что въ 1200 году Ливонскіе Нѣмцы сдѣлали запретъ своимъ купцамъ, пріѣзжающимъ изъ Германіи, торговать съ Зимголою и посѣщать ихъ страну. Зимгола, не прекращая своихъ набѣговъ на Ливонцевъ, признавшихъ Нѣмецкую власть, въ 1202 году сожгли Нѣмецкую церковь въ Гольмѣ и все тамошнее поселеніе, но

тамошняго замка взять не могли, и чрезъ своихъ пословъ заключили въ Ригѣ миръ и съ Нѣмцами, и съ Ливонцами. Исполняя добросовѣстно мирныя условія, Зимгола подъ предводительствомъ своего главнаго старшины Вешгарда въ 1205 году предувѣдомили Нѣмцевъ о замыслахъ Литвы, и пришли къ нимъ на помощь, и вмѣстѣ съ Нѣмцами разбили Литву, возвращавшуюся съ добычею и плѣнниками изъ Эстонскаго похода. Но не даромъ Зимгола помогали Нѣмцамъ противъ Литвы; въ 1207 году тотъ же Вешгардъ опять явился въ Ригу просить помощи на Литву; и Нѣмцы по его просьбѣ отпустили свой отрядъ воиновъ на помощь Зимголѣ. Хотя этотъ Нѣмецкій отрядъ былъ разбитъ Литовцами и немного принесъ пользы; тѣмъ не менѣе Зимгола, разбивши въ свою очередь Литовцевъ, часть Литовской добычи прислали въ Ригу. Но очевидно Зимгола хотя и помогали иногда Нѣмцамъ, но еще не думали признавать Нѣмецкой власти надъ собою и не пускали къ себѣ Нѣмецкихъ поселеній. Ибо когда въ 1219 году небольшое поколѣніе Зимголы, жившее въ Мезотинѣ, согласилось креститься и пригласило въ Мезотинъ Нѣмецкій гарнизонъ; то тотъ же Вешгардъ, главный старѣйшина Зимголы, собралъ большую рать изъ всѣхъ краевъ Зимгольской земли, принудилъ Нѣмцевъ очистить Мезотинъ; и всѣ племена Зимголы, крещеные и некрещеные, заключили союзъ съ Литовцами противъ Нѣмцевъ, снова укрѣпили и распространили Мезотинскую крѣпость и учинили опустошительный набѣгъ на крещеныхъ Ливонцевъ, жившихъ въ Гольмѣ. Въ отвѣтъ на это Нѣмцы съ Ливонцами и Летголою собрали большое войско и съ стѣнобитными орудіями отправились къ Мезотину.

Мезотинцы долго и отчаянно защищались. Вештардъ съ Литовцами приходилъ на выручку: но Нѣмцы своею многочисленностію наконецъ одолѣли, отогнали Вештарда, взяли приступомъ Мезотинъ, разграбили его и сожгли, дозволивши жителямъ удалиться, куда кто знаетъ. Но взятіемъ и сожженіемъ Мезотина дѣло не кончилось. Нѣмцы старались проникнуть въ земли Зимголы и обратить народъ въ Латинство; а Зимгола съ своимъ старѣйшиною Вештардомъ продолжали отстаивать свою независимость и непропускать къ себѣ Нѣмецкихъ миссіонеровъ. Наконецъ въ 1225, году во время пріѣзда папскаго легата, Вештардъ пришелъ по его приглашенію въ Ригу, и, по настоянію легата, дозволилъ Нѣмецкому миссіонеру проповѣдывать латинство Зимголѣ. А въ 1231 году Рижскій епископъ Николай третью часть земель Зимголы крещеной и некрещеной отдалъ уже Рижскимъ гражданамъ Нѣмцамъ за поднятые ими труды и издержки по распространенію латинства между сосѣдними идолопоклоническими племенами. Конечно, Нѣмцы по благословенію папы, имѣли обычай дѣлить между собою еще непокоренныя земли; но тѣмъ не менѣе изъ указаннаго дѣлежа 1231 года видно, что Нѣмцы уже наложили свою тяжелую руку на свободную Зимголу, хотя еще и не успѣли покорить ее не только оружіемъ, но и крещеніемъ.

Относительно внутренняго устройства Зимголы мы можемъ сказать, что Зимгола имѣли уже города, слѣдовательно были уже въ близкихъ отношеніяхъ къ Полотскимъ колоніямъ. Потомъ, это племя дѣлилось на нѣсколько мелкихъ племенъ, которыя болѣе или менѣе были независимы другъ отъ друга и имѣли

своихъ старѣйшинъ; но кажется по крайней мѣрѣ въ первой половинѣ XIII столѣтія главою и начальникомъ всѣхъ племенъ Зимголы или покрайней мѣрѣ многихъ былъ богатый и сильный старѣйшина племени Терпетена Вештардъ. Впрочемъ, по всему вѣроятію, главенство Вештарда было только личное, т. е. прочіе старшины слушали его только по уваженію къ уму и могуществу, общаго же между племенами, кромѣ языка и религіи, ничего не было, не было постояннаго союза между племенами. Это ясно свидѣтельствуетъ о покоренін Нѣмцами племени Зелоновъ, принадлежавшаго къ Зимгольскимъ племенамъ и занимавшаго лѣвый берегъ Двины. Племя Зелоновъ жило на перепутьѣ изъ Литвы въ Ливонію, и ихъ довольно укрѣпленный городъ, лежавшій прямо на лѣвомъ берегу Двины, былъ убѣжищемъ и мѣстомъ отдохновенія для Литовцевъ, дѣлавшихъ набѣги на Ливь и Летыголу. Въ 1207 году епископъ Албертъ, имѣя въ виду преградить свободную дорогу чрезъ Двину, собралъ Нѣмцевъ, Ливь и Летыголу, осадилъ городъ Зелоновъ и, послѣ непродолжительной осады, принудилъ его къ сдачѣ, а Зелоновъ всѣхъ обратилъ въ латинство и надъ замкомъ города водрузилъ знамя Богоматери, въ знакъ того, что все племя Зелоновъ признаетъ надъ собою власть Нѣмцевъ. И пока все это дѣлалось, изъ сосѣднихъ племенъ Зимголы ни одно не пришло на помощь къ Зелонамъ, своимъ соплеменникамъ. И конечно этого не могло бы быть, ежелибъ между племенами Зимголы была какая нибудь связь, ежели бы они понимали цѣлость Зимгольской земли; ибо покореніе Зелоновъ отворяло Нѣмцамъ ворота въ

земли Зимголы, разчищало путь къ послѣдующимъ завоеваніямъ.

Корсь или у Нѣмцевъ Куроны, сопленники Зимголѣ, при первоначальномъ утвержденіи Нѣмцевъ въ Ливоніи, въ 1200 году заключили съ Нѣмцами миръ и по своему обычаю утвердили его кровію, для чего и присылали своихъ пословъ въ только-что построенную Нѣмцами Ригу. Куроны, какъ приморскіе жители, преимущественно занимались морскимъ грабежемъ у своихъ и сосѣднихъ береговъ, и кажется они затѣмъ и поспѣшили заключить миръ съ Нѣмцами, чтобы безпрепятственно заниматься своимъ отважнымъ ремесломъ. Миръ же этотъ нисколько необезпечивалъ даже Нѣмецкихъ торговцевъ, приходившихъ изъ Германіи въ Ригу. Куроны обыкновенно поджидали такихъ гостей при входѣ въ Рижскій заливъ въ узкомъ проливѣ около острова Эзеля. Въ первый разъ Куроны явились у береговъ Ливоніи въ 1210 году на осьми корабляхъ и ограбили два Нѣмецкихъ корабля, везшихъ Нѣмецкихъ воиновъ въ Ригу, и всѣхъ бывшихъ на корабляхъ перебили. За тѣмъ въ томъ же году Куроны соединились съ возставшими на Нѣмцевъ: Ливонцами, Зимголою, Литвою и Русскими, чтобы уничтожить Ригу и перебить всѣхъ Нѣмцевъ. Куроны напали первые и осадили Ригу; осада продолжалась нѣсколько дней; та и другая сторона бились мужественно, наконецъ на послѣднемъ приступѣ явились на помощь Рижанамъ Нѣмцы изъ Гольма, и Куроны принуждены были отступить и переправиться на противоположный берегъ Двины. Куроны здѣсь стояли нѣсколько дней, вѣроятно поджидая союзниковъ, но союзники не являлись; а между тѣмъ Нѣмцы

изъ разныхъ Ливонскихъ городовъ сошлисъ въ Ригу, и, составивши значительное войско, стали тревожить Куроновъ въ ихъ лагерѣ, и тѣмъ заставили ихъ сѣсть на корабли и удалиться домой. Съ сего времени Куроны или Корсь болѣе уже не принимаютъ участія въ дѣлахъ сосѣднихъ племенъ съ Нѣмцами; но за то Нѣмцы, годъ отъ года получая болѣе силы и могущества отъ постояннаго наплыва искателей приключеній изъ разныхъ краевъ Германіи, мало-по-малу стали напирать на Куроновъ, дѣлать набѣги на ихъ землю подъ предлогомъ распространенія христіанства, а на дѣлѣ—для порабощенія того или другаго племени. Такъ что въ 1230 году нѣкоторыя племена Корси согласились принять христіанство и платить опредѣленную дань Нѣмцамъ, даже помогать имъ въ войнѣ, только бы избавиться отъ жадныхъ пришельцевъ, отнимавшихъ у нихъ землю и производившихъ большія грабежи и убійства. До насъ дошли двѣ договорныхъ грамоты Куроновъ съ монахомъ Балдуиномъ, нунціемъ папскаго легата. Изъ нихъ въ первой одна часть Корси, бывшая во власти царя Лямехина, именно земли Дурписъ и Саггара и слѣдующіе четырнадцать Килигундъ,—Тдарголара, Осуа, Лянгисъ, Венелисъ, Нормисъ, Кіемола, Пугивасъ, Сартинусъ, Рива, Сацеза, Эдупліа, Алисвангесъ, Алостенахосъ и еще нѣсколько килигундъ и селеній по обѣимъ сторонамъ Винды (Виндавы), согласились креститься, принять священниковъ и подчинить Папѣ свои земли и себя, и назначенному отъ него епископу, и сверхъ того дѣлать набѣги на язычниковъ, какъ для защищенія христіанской земли, такъ и для распространенія вѣры. Въ другомъ же договорѣ на тѣхъ же условіяхъ при-

няли крещеніе двѣнадцать селеній въ Бандовѣ и Виненіи по сю сторону Виды. Въ томъ же году мѣстности Ренда, Галевалла, Пидевале, Матекуле, Вана, Пуре, Угессе, Кандове и Ансесъ, вступили въ договоръ съ Рижанами и Ливонскимъ орденомъ, по которому дали слово креститься и платить въ Ригу опредѣленную ежегодную дань почемъ съ сохи, содержать священниковъ, присылаемыхъ изъ Риги и вмѣстѣ съ Рижанами воевать противъ враговъ Христа. За это Рижане обѣщали имъ неприкосновенность полей и другихъ владѣній и защиту отъ всякой другой власти, пока Куроны будутъ держаться христіанства. Разумѣется, исчисленныя въ договорахъ земли, килигунды и селенія не составляли всѣхъ владѣній Корси, да и означенныя области, вступившія въ договоръ съ Нѣмцами, не рѣдко возставали на своихъ притѣснителей; а посему война съ Куронами или Корсью то прекращалась, то возобновлялась почти до XIV столѣтія, пока Нѣмцы успѣли застроить Курляндію своими замками и совершенно поработить туземцевъ.

О внутреннемъ устройствѣ и образѣ жизни Куроновъ или Корси, на основаніи данныхъ разсыпанныхъ въ лѣтописяхъ и договорахъ, мы можемъ сказать, что земли Корси рѣкою Виндавою раздѣлялись на двѣ неравныя половины, на западную и восточную, часть западной половины, именно земли Дурписъ и Саггара, имѣли своего царя или князя, владѣнія этого государя раздѣлялись на области, называвшіяся Килигундами. Были ли князья въ другихъ краяхъ Куронской земли — мы не знаемъ, но то извѣстно, что въ большей части племенъ Корси управленіе было

въ рукахъ старшинъ или даже принадлежало народнымъ собраніямъ; такъ напримѣръ при заключеніи договора съ Рижанами отъ девяти Куронскихъ мѣстностей не упоминается ни о князьяхъ, ни о старшинахъ; договоръ прямо писанъ отъ девяти мѣстностей,—значитъ въ этихъ мѣстностяхъ не было ни князей, ни старшинъ. Приморскія или береговыя племена Корси занималась рыболовствомъ и морскими разбоями и отличались храбростію и предпріимчивостію; жители же внутреннихъ областей были земледѣльцы и сѣяли озимую пшеницу; ибо Нѣмцы въ договорѣ 1230 года обложили ихъ ежегодною данью по половинѣ морскаго таланта озимой пшеницы съ сохи и съ бороны; слѣдовательно земледѣліе для жителей внутреннихъ областей было общею промышленностію. Все это показываетъ, что Корсь въ отношеніи къ образу жизни находилась на высшей степени развитія, сравнительно съ многими изъ своихъ сосѣдей, и по всему вѣроятію, до прибытія Нѣмцевъ, была подъ вліяніемъ Полотска, которому какъ извѣстно, уже платила дань еще въ первыя времена Русской исторіи.

Л И В Ь.

Племя Ливь принадлежало къ древнѣйшимъ обитателямъ Прибалтійскаго края и вѣроятно владѣло всею тамошнею страною, оно было одного происхожденія съ Чудью или Эстами и Наровою, имѣвшими свои поселенія по сосѣдству съ Новгородскими владѣніями. Всѣ сіи племена принадлежали къ Финской расѣ, которая, по свидѣтельству древнихъ Греческихъ и Римскихъ писателей, владѣла всѣмъ Прибалтійскимъ по-

морьемъ. Но въ то время, какъ явились сюда Полочане съ своими колоніями, Ливи принадлежала уже самая незначительная часть здѣшней страны, именно устья Двины и правый берегъ этой рѣки до Кокенгаузена и по восточному берегу Рижскаго залива до устьевъ рѣки Перновы; на юго-востокѣ граница владѣній Ливи сходилась съ Летыголою, и на сѣверовостокѣ съ соплеменниками Ливи, Чудью или Эстами, весь же лѣвый берегъ Двины и на западъ отъ Двины до Виндавы и за Виндавою, какъ мы уже видѣли, при появленіи въ здѣшнемъ краю Полочанъ, принадлежалъ разнымъ Литовскимъ племенамъ, и именно: Корси, Земголѣ и Летыголѣ, которые со всѣхъ сторонъ напирали на Ливь и вообще на Финновъ и тѣснили ихъ къ сѣверу. Появленіе въ здѣшнемъ краю Полочанъ, какъ должно полагать, нѣсколько пріостановило или позадержало напоръ Литовскихъ племенъ, и такимъ образомъ дало возможность Ливи удержаться при устьяхъ Двины. Двина, какъ большая торговая дорога къ морю, естественно должна была обратить на себя вниманіе предпріимчивыхъ и преданныхъ торговлѣ Полочанъ. Продвинувши свои колоніи къ устьямъ Двины, Полочане необходимо должны были натолкнуться на племя Ливь, занимавшее устье Двины. И какъ Ливь сравнительно съ напиравшими на нее Литовскими или Латышскими племенами была племенемъ слабѣйшимъ; то Полочане и должны были принять его подъ свое покровительство, чтобы тѣмъ безопаснѣе самимъ владѣть устьемъ дорогой для нихъ Двины. И дѣйствительно, Полочане приняли всѣ мѣры, чтобы остановить напоръ Летыголы или Латышей, они стали во враждебныя отношенія къ Летголѣ и

съ одной стороны выстроили въ землѣ Латышей на самой почти границѣ съ Ливью свой городъ Берзику, гдѣ постоянно держали своего посадника, и потомъ князя, чтобы сдерживать Латышей, а съ другой стороны въ самой Ливонской землѣ на правомъ берегу Двины поставили свой пригородъ Кукейносъ, гдѣ въ послѣдствіи посадили своего князя, вѣроятно изъ племени Изяславова. Въ концѣ XII вѣка земли Ливи, по крайней мѣрѣ ближайшія къ Двинѣ, составляли уже полное владѣніе Полотскихъ князей, какъ ясно свидѣтельствуетъ Ливонскій лѣтописецъ Генрихъ Латышь, который разсказывая о прибытіи Латинскаго миссіонера Мейнарда въ Ливонію, говоритъ, что Мейнардъ просилъ у Полотскаго князя Владимира дозволенія проповѣдывать христіанство языческой Ливи, потому что племя это состояло подъ властію Полотскаго князя. Но очевидно вслѣдствіе междоусобій въ самомъ Полотскѣ и стѣсненія Полотскихъ князей другими Русскими князьями, покровительство Полотска въ концѣ XII вѣка плохо защищало Ливь отъ набѣговъ сосѣднихъ Литовскихъ племенъ Зимголы и Летыголы; ибо Нѣмецкому миссіонеру Мейнарду на другой же годъ по прибытіи сюда пришлось строить замки Икесколу, Гольмъ для защиты Ливи отъ набѣговъ Литвы и Зимголы.

Ливь или Ливонцы, обрадованные помощью, которую имъ сдѣлалъ Мейнардъ построеніемъ замковъ, охотно стали принимать Латинское крещеніе; но скоро увидали куда клонится проповѣдь Мейнарда, грозившая порабощеніемъ; а посему торжественно отреклись отъ принятаго крещенія, смыли его купаньемъ въ Двинѣ и сказали: пусть съ рѣкою идетъ къ Нѣм-

цамъ. Все это поставило Мейнарда въ такое положеніе, что онъ думалъ уже оставить Ливонію; но Нѣмецкіе купцы, съ которыми онъ пріѣхалъ, удержали его, обѣщаясь привести войско изъ Германіи. Преемникъ Мейнарда епископъ Бертольдъ дѣйствительно пришелъ съ Нѣмецкимъ войскомъ, и вмѣсто мира и христіанской проповѣди началъ войну съ Ливовцами и погибъ въ одной битвѣ. Послѣ чего Ливонцы приговорили въ своемъ народномъ собраніи, чтобы Латинскіе священники и Нѣмцы къ Пасхѣ оставили ихъ земли, а кто изъ нихъ не уйдетъ, тѣхъ убить. Но этотъ приговоръ не былъ исполненъ; ибо Нѣмецкіе купцы уже успѣли завесть здѣсь выгодныя связи и съумѣли задарить старшинъ; наконецъ пріѣхалъ въ Ливонію третій епископъ Албертъ; онъ привелъ съ собою войско на 23 корабляхъ и силою занялъ первые по дорогѣ городки Икесколу и Гольмъ, и построилъ и сильно укрѣпилъ новый городъ Ригу. Построивши и укрѣпивши Ригу, Албертъ сталъ дѣйствовать смѣлѣе; онъ въ третій же годъ своего епископства отдалъ два Ливонскіе городка по теченію Двины, Укесколу и Леневарде, на Феодальныхъ правахъ, отъ имени Рижской Богоматери двумъ Тевтонскимъ рыцарямъ, и такимъ образомъ сталъ распоряжаться Ливонскою землею по Нѣмецкимъ порядкамъ; а на четвертомъ году своего епископства учредилъ Нѣмецкій орденъ меченосцевъ, чтобы имѣть постоянно готовое войско для поддержанія своихъ видовъ на здѣшній край. Таковыя самовластныя распоряженія Нѣмцевъ естественно должны были отозваться сопротивленіемъ Ливонцевъ; и весь седьмый годъ Албертова епископства прошелъ въ войнахъ съ Ливью; но какъ Ливонцы дѣйст-

вовали не дружно, то и были вездѣ побѣждены и должны были признать надъ собою власть Нѣмцевъ. Но свободнымъ Ливонцамъ тяжело было сносить Нѣмецкія насилія, и на 8 году Албертова епископства они обратились къ Полотскому князю, чтобы онъ вступился за нихъ, какъ ихъ давній Государь. Надѣясь на помощь изъ Полотска, Ливонцы стали избивать Нѣмцевъ, жившихъ между ними; но опять, дѣйствуя не дружно, они снова были побѣждены; Полотскій же князь, послѣ безуспѣшной осады Гольма, принужденъ былъ удалиться, не сдѣлавъ ничего въ пользу Ливонцевъ, тѣмъ болѣе, что Летыгола, подданные Полотскихъ князей, явно перешли на сторону Нѣмцевъ, надѣясь, что при ихъ помощи имъ удобнѣе будетъ тѣснить своихъ исконныхъ враговъ Ливонцевъ. Въ слѣдствіе такой неудачи Полотскаго князя, Нѣмцы на другой же годъ заняли Русскій городъ на Двинѣ, Кукейносъ, а на слѣдующій годъ выгнали и остальныхъ Русскихъ, жившихъ въ городахъ по Двинѣ; а черезъ годъ еще и послѣдній Русскій князь Всеволодъ, княжившій въ Берзикѣ, принужденъ былъ поступить въ вассалы Рижскаго Епископа, чтобы только удержать свое владѣніе. Наконецъ въ 13 году Албертова епископства Ливонцы, потерпѣвши множество пораженій, видя свою землю опустошенною какъ Нѣмцами, такъ и Нѣмецкими союзниками Латышами, и не ожидая ни откуда помощи, рѣшились на послѣднее средство,— окончательно поддаться Нѣмцамъ, платить имъ опредѣленную дань и взять себѣ правителей и судей отъ Нѣмцевъ. Епископъ Альбертъ принялъ таковое рѣшеніе, назначилъ опредѣленный платежъ дани и обѣщалъ защищать Ливонцевъ отъ всѣхъ обидъ, но съ

условіемъ,—пока они будутъ держаться Латинскихъ обрядовъ вѣры; а на слѣдующій годъ съумѣлъ вынудить у Полотскаго князя согласіе, чтобы Ливонцамъ неплатить дани въ Полотскъ; и такимъ образомъ окончательно утвердилъ Ливонію за собою и Нѣмцами и отстранилъ всѣ сношенія и связи Ливонцевъ съ Полотскими князьями.

Ливонія, по свидѣтельству Ливонскихъ лѣтописцевъ, раздѣлялась на Ливонію по Двинѣ, т. е. отъ Двины до рѣки Голвы, (нынѣ Аа) на Торейду по рѣкѣ Голвѣ, на Идумею и Межи-поле по восточному берегу Рижскаго залива. Каждый изъ сихъ отдѣловъ составлялъ самостоятельное независимое племя; въ каждомъ изъ сихъ племенъ было свое народное собраніе или вѣче, и сверхъ того старшины или лучшіе люди, которыхъ иногда подкупали Нѣмцы и чрезъ нихъ уничтожали вредные для себя приговоры народныхъ собраній. Кромѣ старѣйшинъ, у Ливи бывали еще старѣйшины старѣйшинъ, какъ бы князья. Такъ во время Альберта старѣйшиною старѣйшинъ въ Торейдѣ былъ нѣкто по имени Кавпонъ; но по всему вѣроятію таковое первенствующее старѣйшинство не было постояннымъ необходимымъ институтомъ въ общественномъ устройствѣ Ливи; а пріобрѣталъ какъ бы княжескую власть тотъ или другой старѣйшина по своему богатству и могуществу; когда же таковаго налицо не было, то не было и этой какъ бы княжеской власти,—на это указываетъ и самое выраженіе лѣтописи—*какъ бы княжеская власть*. Тѣмъ не менѣе у Ливи старѣйшины, какъ богатѣйшіе и сильные люди, пользовались значительною властію. Они нерѣдко вели общественныя дѣла мимо народныхъ собраній; такъ мы уже видѣли

что въ 1198 году старѣйшины, получивши богатые подарки отъ Нѣмецкихъ купцовъ, успѣли отмѣнить приговоръ народнаго собранія объ изгнаніи Нѣмцевъ; или въ 1205 году тѣ же старѣйшины чрезъ своихъ посланныхъ поднимали на Нѣмцевъ Полотскаго князя Владимира; или въ 1206 году старѣйшины города Гольма зазвали Нѣмцевъ въ Укесколу; или въ томъ же 1206 году старѣйшиною старѣйшинъ въ Гольмѣ былъ нѣкто Ако, который руководилъ всѣмъ возстаніемъ противъ Нѣмцевъ.

Четыре главныя племени Ливоніи дѣлились еще на нѣсколько мелкихъ племенъ съ своими старѣйшинами или скорѣе лучшими людьми, имѣвшими свои городки или остроги, гдѣ жили старѣйшины; таковые городки напримѣръ въ Торейдѣ были: Куббе-селе, Ропа, Сегевольдъ и другіе. Городки сіи, какъ мѣстопребываніе старѣйшинъ, нерѣдко носили ихъ имя, и кажется въ большей части случаевъ были ихъ вотчинными владѣніями, и, по богатству и силѣ сихъ вотчинъ, сами старѣйшины или владѣльцы получали силу и нѣкоторую власть или по крайней мѣрѣ вліяніе на мелкихъ и небогатыхъ сосѣдей, которые тянули подъ ихъ покровительство и защиту; и богатѣйшіе изъ таковыхъ землевладѣльцевъ такимъ образомъ дѣлались господствующими въ своемъ племени, покровителями его и старѣйшинами. И Нѣмцы обыкновенно всегда старались дѣйствовать на старѣйшинъ, какъ лучшихъ людей, ихъ же при взятіи какой либо области или города обыковенно заковывали въ цѣпи, чтобы лишить народъ руководителей. Такъ въ 1212 году при взятіи Ливонской области Лене-варды всѣ старѣйшины этого племени, зазванные

обманомъ, были закованы въ цѣпи, а городъ Леневарда сожженъ.

Языческая религія Ливонцевъ были чисто финская, одинаковая съ сосѣдними Чудью или Эстами и съ Финнами живущими, по восточному берегу Финскаго залива, и совершенно отличная отъ религіи Литовскихъ племенъ. Главное божество, творецъ міра, у Ливонцевъ и Эстовъ назывался Ванна-изса, за нимъ было еще нѣсколько боговъ низшихъ степеней. Божествамъ своимъ Ливонцы нерѣдко приносили въ жертву людей, обыкновено плѣнниковъ; такъ въ 1205 году Ливонцы, поймавши нѣсколькихъ Нѣмцевъ, вышедшихъ изъ Икесколы, принесли въ жертву своимъ богамъ. У Ливонцевъ были свои оракулы или толкователи воли боговъ, которымъ боги являлись въ разныхъ видахъ и предрекали будущее; такъ въ 1206 году, когда Латышскій священникъ Даніилъ, пришедши въ селеніе Сыдегунду, собралъ жителей для слушанія проповѣди слова Божія: то туда же явился одинъ Ливонецъ и сказалъ: «Я видѣлъ нашего Бога, который открылъ намъ будущее. Явился передо мною образъ или ликъ, выходящій изъ дерева отъ груди и даже до самаго верха, и сказалъ мнѣ: завтра придетъ рать Литовцевъ; и мы изъ страха передъ ней не должны вступать въ битву». Имѣлись ли жрецы и храмы у Ливонцевъ во время язычества,—мы на это не имѣемъ указаній; но, судя по тому, что въ приведенномъ выше разсказѣ, толкователь воли Боговъ или оракулъ видѣлъ Бога въ лѣсу, именно выходящаго изъ дерева, а не въ храмѣ, должно допустить, что у Ливонцевъ во время язычества не было храмовъ, да едвали были и особенные жрецы, ибо въ томъ же разсказѣ ора-

кулъ названъ не жрецомъ, а просто Ливонцемъ, и о жрецахъ въ лѣтописяхъ нѣтъ и помину. Способы пропитанія для Ливонцевъ доставляли ихъ лѣса, поля, рѣки и море; Ливонцы, по свидѣтельству лѣтописей занимались и звѣроловствомъ, и рыболовствомъ, и бортничествомъ, но главный ихъ промыселъ составляло земледѣліе. У Генриха Латыша мы нерѣдко встрѣчаемъ упоминанія о нивахъ и жатвахъ Ливонцевъ; да и самую дань Нѣмцамъ они платили хлѣбомъ почемъ съ сохи и съ бороны. При земледѣліи Ливонцы естественно должны были заниматься и скотоводствомъ. Всѣмъ этимъ Ливонцы занимались еще до прибытія Нѣмцевъ, по всему вѣроятію наученные Полочанами; кромѣ того они были знакомы и съ торговлею, о чемъ можно заключить изъ того, что и первое знакомство ихъ съ Нѣмцами состояло въ торговыхъ сношеніяхъ, какъ прямо объ этомъ говоритъ Генрихъ Латышъ въ своей лѣтописи.

Представленный здѣсь очеркъ исторіи племенъ живущихъ въ низовьяхъ Двины и по приморью Рижскаго залива, ясно показываетъ, что племена сіи хотя платили дань Полотску и даже нѣкоторые держали у себя Полотскихъ князей; тѣмъ не менѣе плохо были проникнуты Полотскою цивилизаціею и еще слабо колонизованы и составляли Полотскія владѣнія въ чужой землѣ, т. е. принадлежали къ третьему разряду Полотскихъ владѣній. Полочане почти не обращали на нихъ вниманія и смотрѣли на нихъ только какъ на данниковъ, а на ихъ землю какъ на перепутье по большой Двинской дорогѣ, для чего и держали по Двинѣ свои города, гдѣ сидѣли ихъ удѣльные князья съ своими дружинами. А посему, лишь только явились

въ устьяхъ Двины Нѣмцы и построили Ригу, то все перемѣнилось. Хотя туземцы около сорока лѣтъ боролись съ Нѣмцами, но эта борьба послужила только къ ослабленію и даже къ совершенному почти истребленію нѣкоторыхъ племенъ; отъ порабощенія же они не отбились. Два удѣльные Полотскіе князя, владѣвшіе городами въ низовьяхъ Двины. хотя сначала также боролись съ Нѣмцами, но по слабости своихъ средствъ не могли продолжать борьбы, и сперва признали надъ собою власть епископа Альберта, а потомъ и вовсе лишились своихъ владѣній. Полотскій же князь и Полочане мало обращали вниманія на борьбу съ Нѣмцами; они слишкомъ были заняты своими междоусобіями и вмѣшательствомъ въ Полотскія дѣла сосѣднихъ Русскихъ князей, и только сначала сдѣлали нѣсколько вялыхъ походовъ, по вызову самихъ же Ливонцевъ, какъ своихъ данниковъ. А когда Ливонцы отказались платить дань въ Полотскъ, а Нѣмцы открыли Полочанамъ свободный торговый путь по Двинѣ вплоть до моря: то Полотскій князь и Полочане, довольные такою уступкою, вовсе отступились отъ здѣшняго края, какъ не связаннаго съ Полотскомъ никакими существенными интересами и неусвоившаго себѣ русской цивилизаціи; и такимъ образомъ прежняя связь здѣшняго края съ Полотскомъ окончательно порвалась, и Нѣмцы сдѣлались полновластными владѣльцами какъ страны, такъ и туземнаго населенія.

Дреговичи.

Изъ Славянскихъ племенъ первымъ въ предѣлахъ Полотской земли явилось племя Дреговичей; по сви-

дѣтельству Нестора оно пришло съ Дуная и заняло страну отъ Припети до западной Двины. Вотъ подлинныя слова Нестора: «Когда Волохи напали на Словянъ Дунайскихъ и заняли ихъ землю и стали дѣлать имъ насилія; то Словяне одни пришли и сѣли на Вислѣ, и прозвались Ляхами, а другіе по Днѣпру, и нареклись Полянами, а иные сѣли между Припетью и Двиною, и назвались Дреговичами». Въ послѣдствіи времени Дреговичи мало-по-малу отъ низовьевъ Припети потянулись къ западу по этой рѣкѣ вверхъ въ землю Ятвяговъ и пробрались до Случи. Сколько нибудь подробныхъ извѣстій о племени Дреговичей мы не имѣемъ; всѣ дошедшіе до насъ памятники упоминаютъ о нихъ только вскользь, мимоходомъ. По свидѣтельству Нестора, Дреговичи первоначально имѣли свое отдѣльное и самостоятельное владѣніе. Несторъ пишетъ: «Поляне имѣли свое княженіе, Древляне свое въ Деревской землѣ, Дреговичи свое, а Словяни свое въ Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже Полочане». Но отдѣльное независимое княженіе Дреговичей очевидно было не продолжительно и прекратилось еще въ доисторическія времена. Несторъ, упомянувши о княженіи Дреговичей только одинъ разъ, при разселеніи Славянскихъ племенъ на Руси, далѣе уже нигдѣ не говоритъ о его существованіи; а писатель X вѣка Императоръ Греческій Константинъ Порфирородный за свое время уже называетъ Дреговичей данниками Русскихъ князей. По всему вѣроятію съ появленіемъ Полочанъ, при впаденіи Полоты въ западную Двину, т. е. на границахъ древней земли Дреговичей, Дреговичи мало-по-малу соединились съ сими предпріимчивыми Новгородскими колонистами, кото-

рые постепенно стали подвигать свои колоніи на югъ къ Припети, и, какъ представители племени болѣе сильнаго и съ высшей цивилизаціей, окончательно поглотили въ себѣ Дреговичей и такимъ образомъ уничтожили ихъ отдѣльное самостоятельное владѣніе. И это тѣмъ удобнѣе можно было сдѣлать, что Дреговичи, окруженные инородческими племенами Литвы и Ятвяговъ и состоявшіе съ ними въ борьбѣ за землю, были очень рады соединиться съ Полочанами, чтобы удобнѣе вести борьбу съ враждебными сосѣдями инородцами, а потомъ незамѣтно подчинились Полочанамъ и слились съ ними. Впрочемъ Дреговичи, какъ племя, какъ физіологическая особь, еще долго существовали. Такъ въ 1149 году князь Юрій Долгорукій, завладѣвши Кіевомъ, отдалъ своему союзнику князю Новгородъ-Сѣверскому Святославу Ольговичу, какъ сказано въ лѣтописи, Слуцкъ, Клецескъ и всѣхъ Дреговичей. Но очевидно Дреговичи, какъ племя, въ XII столѣтіи держались еще и не потеряли своего племеннаго названія только около Припети; за Березиной же, конечно, не оставалось и слѣдовъ ихъ, по крайней мѣрѣ мы ихъ не находимъ.

Объ общественномъ устройствѣ Дреговичей до соединенія ихъ съ Полочанами, мы также не находимъ никакихъ извѣстій, кромѣ упоминанія у Нестора объ отдѣльномъ княженіи Дреговичей. Это упоминаніе даетъ поводъ думать, что Дреговичи первоначально имѣли своихъ племенныхъ князей; но что̀ сталось съ сими князьями по соединеніи Дреговичей съ Полочанами, или родъ сихъ князей прекратился до соединенія съ Полочанами, объ этомъ мы не имѣемъ никакихъ указаній. Равнымъ образомъ мы не знаемъ были ли у Дре-

говичей первоначально города, и въ послѣдствіи упоминаемые въ ихъ землѣ города: Мозырь, Слуцкъ, Стрежевъ, Пинскъ и другіе были ли построены Дреговичами до соединенія ихъ съ Полочанами, или они появились уже послѣ этого соединенія и построены Полотскими колонистами. Вообще первоначальная да и позднѣйшая исторія Дреговичей погружена въ непроглядный мракъ, и только вѣрно то, что Дреговичи были однимъ изъ Славянскихъ элементовъ населенія Полотской земли.

ПОЛОЧАНЕ.

Позднѣйшими пришельцами въ Полотской землѣ были сами Полочане,—колонисты Новгородскіе, послѣдующіе господа и владыки сей земли, давшіе ей свое имя, а сами получившіе его отъ рѣчки Полоты, впадающей въ Двину, при устьѣ которой было ихъ первое поселеніе въ здѣшнемъ краю. Здѣшніе Новгородскіе колонисты, принявшіе названіе Полочанъ, пришли сюда еще въ досторическія времена здѣшняго края; они первоначально поселились, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить, въ углу, образуемомъ впаденіемъ рѣчки Полоты въ Двину, на самой границѣ между Литвою и Летыголою, и здѣсь построили свой первый городъ Полотскъ,—метрополію всѣхъ здѣшнихъ городовъ Новгородской постройки, и образовали свое отдѣльное владѣніе, первоначально конечно бывшее въ зависимости отъ Новгорода. Несторъ такъ свидѣтельствуетъ объ этомъ: «Словѣни (Ильменскіе) почали держать свое княженіе въ Новгородѣ, а другое на Полотѣ, иже Полочане. Отъ сихъ же Кривичи, что сидятъ при верховьяхъ Волги, Двины и Днѣпра, у ко-

торыхъ городъ Смоленскъ; также отъ нихъ Сѣверяне». Это свидѣтельство показываетъ, что Полочане еще въ досторическія времена уже успѣли сдѣлаться могущественнымъ племенемъ, такъ что выдѣлили отъ себя довольно сильныя колоніи на лѣвый берегъ Днѣпра, Кривичей и Сѣверянъ. Но, не смотря на многочисленность и могущество, Полочане или Кривичи до начала историческихъ временъ, продолжали быть въ зависимости отъ своей метрополіи—Новгорода—и состоять въ тѣсныхъ связяхъ съ нимъ, какъ съ метрополіей. Это видно изъ того, что, по свидѣтельству Нестора, Кривичи участвовали на Новгородскомъ вѣчѣ при приглашеніи Варяго-Русскихъ князей, и приглашенный Новгородцами Князь Рюрикъ въ 865 году далъ въ управленіе своимъ мужамъ Полотскъ, точно также какъ Ростовъ и Бѣлоозеро, какъ прямо говоритъ Несторъ: «по двою же лѣту Синеусъ умеръ и братъ его Труворъ, Рюрикъ же принялъ власть и далъ города своимъ мужамъ, кому Полотскъ, кому Ростовъ, кому Бѣлоозеро». А конечно Рюрикъ князь Новгородскій не могъ сего сдѣлать, ежели бы города сіи не зависѣли отъ Новгорода. Свидѣтельство этой же зависимости мы находимъ и въ Скандинавскихъ сагахъ, которыя прямо говорятъ, что Полотскъ составлялъ часть Новгородскихъ владѣній точно также, какъ Ростовъ, Суздаль и Муромъ, какъ объ этомъ разсказываетъ сага Орваръ Одда. А сага Гаунгу Рольфа прямо говоритъ, что земли по западной Двинѣ, т. е. Полотскія, принадлежали Новгороду; по словамъ этой саги Новгородскій государь Реггвидъ въ молодости постоянно занимался морскими разбоями и покорилъ многія земли по Двинѣ, которая течетъ чрезъ Новго-

родскія владѣнія. Здѣсь онъ воевалъ со многими народами (конечно съ Зимиголою, Летыголою, Ливью и Корсью, которые въ IX столѣтіи, по свидѣтельству Нестора, уже платили дань Русси), въ продолженіи многихъ лѣтъ не возвращаясь домой. Это извѣстіе настоящей саги для насъ весьма важно: оно прямо указываетъ, что западная Двина и съ нею Полотская земля составляли часть Новгородскихъ владѣній, т. е. такую Новгородскую колонію, которая была тѣсно связана съ Новгородомъ и которую. по ея важности и значенію, Новгородцы постоянно поддерживали, посылая туда новыхъ поселенцевъ и свои полки для защиты колоніи отъ враждебныхъ инородцевъ сосѣдей. Изъ настоящей саги мы видимъ, что въ древности Полотскъ былъ въ такихъ же отношеніяхъ къ Новгороду Великому, въ какихъ въ послѣдствіи на памяти исторіи находились Псковъ, Ладога, Торжокъ и другіе Новгородскіе пригороды, т. е. Полотскъ былъ Новгородскою улицею, или Новгородскимъ концомъ, частію Новгорода Великаго, перенесеннаго съ береговъ Волхова къ устью Полоты въ Двину, или Новгородъ Великій построенный на Двинѣ со всѣми обычаями и устройствомъ Волховскаго Великаго Новгорода, со всѣмъ строемъ его общественной и частной жизни. А посему очень вѣрно выражаетъ Полотское устройство Литовскій лѣтописецъ Быховецъ, когда говоритъ: «мужи Полочане управлялись вѣчѣмъ, какъ Великій Новгородъ», т. е. Полотскъ, по своему управленію и устройству нисколько не разнился отъ Великаго Новгорода.

Полочане были тѣ же Новгородцы и продолжали быть гражданами Великаго Новгорода, хотя и посе-

лились на Двинѣ, и ихъ новый городъ Полотскъ былъ тоже, что старый Новгородъ Волховскій, и находился въ такихъ же отношеніяхъ къ своимъ сосѣдямъ и въ такихъ же обстоятельствахъ. Какъ Новгородъ великій былъ гнѣздомъ Славянщины среди Финскихъ племенъ Води, Ижоры, Корѣлы и другихъ; точно также Полотскъ былъ гнѣздомъ Славянщины, и именно Славянщины Новгородской среди Литовскихъ племенъ Литвы, Летыголы, Зимиголы и друг. Какъ Новгородъ не былъ завоевателемъ, а только колонизаторомъ, несущимъ цивилизацію къ дикимъ и полудикимъ племенамъ Финновъ или Чуди; такъ точно и Полотскъ не былъ завоевателемъ, а только колонизаторомъ, вносящимъ цивилизацію въ дикія или полудикія племена Литвы. Какъ Новгородъ не истреблялъ сосѣдей Водь, Ижору и другихъ, а только заботился о томъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ Новгородцевъ, добрыхъ согражданъ, всегда и вездѣ готовыхъ защищать интересы Новгорода, въ чемъ достаточно и успѣлъ; точно также и Полотскъ не истреблялъ сосѣднихъ племенъ Литвы, а только старался обрусить ихъ и сдѣлать усердными сынами Полотскаго отечества, готовыми защищать интересы Полотска, въ чемъ Полотскъ успѣлъ едва ли не болѣе Новгорода; ибо къ концу XII столѣтія Литовскія племена на югъ отъ Вильи были окончательно претворены въ Русскихъ, да и Литовцы, на сѣверъ отъ Вильи, на столько уже были проникнуты Русскою цивилизаціею и Русскимъ духомъ, что Вильна—столица этихъ племенъ—съ паденіемъ Полотска могла уже заступить его мѣсто въ чисто русскомъ направленіи, нисколько не измѣняя русской цивилизаціи, и не отрывая Литвы отъ Рус-

ской земли, и даже сама на половину была уже населена Русскими людьми или православными, т- е. обрусѣлыми Литвинами. Какъ Новгородъ постоянно тянулъ къ морю и на сѣверовостокъ; точно также Полотскъ постоянно стремился къ морю и на югозападъ. Какъ Новгородъ отдѣлилъ отъ себя сильныя колоніи—земли Ростовскую, Суздальскую и Муромскую и Рязанскую, образовавшіяся въ самостоятельныя владѣнія; точно также Полотскъ отдѣлилъ отъ себя колоніи Кривичей и Сѣверянъ. также образовавшія изъ себя самостоятельныя и сильныя земли, Смоленскую и Черниговскую или Сѣверскую. Какъ Новгородскія владѣнія дѣлились на Новгородскую землю и волости Новгородскія, лежащія въ Заволочьѣ, по Двинѣ, Печерѣ, въ Перми и Югрѣ, гдѣ почти не было Новгородскихъ пригородовъ, и гдѣ Новгородъ только пользовался данью съ туземцевъ и свободнымъ путемъ для торговли и по мѣстамъ имѣлъ острожки и торговыя факторіи; точно также и Полотскія владѣнія дѣлились на Полотскую землю, занятую Полотскими пригородами, и на волости Полочанъ въ земляхъ Летыголы, Зимиголы, Ливи и Корси, гдѣ также почти не было Полотскихъ пригородовъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ городковъ по Двинѣ, и гдѣ Полочане довольствовались только данью съ туземцевъ и свободными торговыми рынками. Такимъ образомъ почти во всѣхъ отношеніяхъ Полотскъ былъ сколкомъ Новгорода великаго, вторымъ Новгородомъ на берегахъ западной Двины.

Впрочемъ Полотскъ, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, имѣлъ и нѣкоторыя особенности. Съ одной стороны инородческія племена, съ которыми пришлось имѣть

дѣло Новгороду и Полотску, были не одни и тѣ же; Новгородъ засѣлъ въ средѣ Финскихъ племенъ, болѣе упорныхъ и неподатливыхъ, но зато менѣе подвижныхъ и дѣятельныхъ; Полотскъ, напротивъ, очутился среди Литовскихъ племенъ, болѣе воспріимчивыхъ, но за то и болѣе подвижныхъ и энергичныхъ, съ сильными задатками для общественной жизни. Съ одной стороны Новгороду на историческомъ пути его нигдѣ не приходилось сталкиваться съ родными племенами Славянскими; Полотскъ, напротивъ, почти при самомъ своемъ началѣ долженъ былъ столкнуться съ Славянскимъ племенемъ Дреговичей, которыхъ поселенія, какъ мы уже видѣли, по свидѣтельству Нестора, находились между Припетью и Западною Двиною; а на югъ за Припетью Полочанамъ пришлось встрѣтиться съ Славянскими племенами Древлянъ и Волынянъ. Всѣ сіи мѣстныя обстоятельства естественно должны были положить свой отпечатокъ на Полочанъ и до нѣкоторой степени измѣнить ихъ народный характеръ, дать ему свой мѣстный оттѣнокъ Новгородцевъ западно-Двинскихъ, котораго мы не встрѣчаемъ у старыхъ Новгородцевъ Волховскихъ. Изъ Новгорода Волховскаго выросла великая Русь, съ характеромъ настойчивымъ, предпріимчивымъ, который не сробѣетъ ни передъ какой работой; изъ Новгородца Двинскаго или Полочанина вышелъ Бѣлоруссъ, конечно не нынѣшній, забитый четырехъ-сотъ-лѣтнимъ игомъ Ляховъ и Жидовъ, а старый Бѣлоруссъ Полочанинъ, предпріимчивый, трудолюбивый, но не столько упорный, сколько подвижный, способный увлекаться и слѣдовательно подчиняться постороннему вліянію; или иначе сказать, изъ Полочанъ выработались Кривичи,—

смѣсь Двинскихъ Новгородцевъ съ Дреговичами. Въ слѣдствіе чего самое народное наименованіе Полочанъ еще въ древности было замѣнено новымъ народнымъ наименованіемъ Кривичей, которое сдѣладось общимъ и для Полочанъ и для Дреговичей, наименованье же Полочанъ осталось только за гражданами Полотска, а названіе Дреговичей также сдѣлалось частнымъ только для поколѣнія Дреговичей, которое оставалось около Припети.

О Кривичахъ въ нашей исторической литературѣ ходитъ нѣсколько мнѣній, которыя раздѣляются на два главныхъ стана. Большинство писателей признаетъ Кривичей какимъ-то особымъ, многочисленнымъ Славянскимъ племенемъ, занимавшимъ не только Полотскую и Смоленскую землю, но едва ли недавшимъ начало велико-Русскому племени, и такимъ же первобытнымъ, какъ Поляне, Древляне, Ильменскіе Славяне, и едва ли не старѣйшимъ ихъ. Изъ втораго же стана, впрочемъ составляющаго меньшинство, слышится, что Кривичи вовсе не были Славянами, а принадлежали—у однихъ писателей къ Латышамъ, а у другихъ къ Финнамъ. Противъ мнѣній втораго стана возражать нечего: мнѣнія сіи или явная ошибка, или наглая ложь; древнѣйшія свидѣтельства такихъ достовѣрныхъ и могшихъ хорошо знать это дѣло писателей, каковы Императоръ Константинъ Порфирородный, писатель X столѣтія и нашъ древнѣйшій лѣтописецъ Несторъ, писатель конца XI столѣтія, прямо называютъ Кривичей Славянами; а о Финскомъ или Латышскомъ происхожденіи Кривичей мы не имѣемъ ни одного прямаго свидѣтельства, ни ранняго ни поздняго, и только можемъ толковать объ этомъ при помощи на-

тяжекъ, и при томъ самыхъ крайнихъ и шаткихъ, таковы напримѣръ: сосѣдство Кривичей съ Латышскими или Финскими племенами и нѣкоторыя заимствованія отъ нихъ, а въ такомъ случаѣ и Новгородцевъ должно признать за Финновъ, ибо они жили среди Финскихъ племенъ. Напротивъ того, мнѣніе перваго стана многое имѣетъ въ свою пользу въ древнѣйшихъ свидѣтельствахъ памятниковъ.—Кривичи дѣйствительно составляли особое и широко распространенное Славянское племя; но писатели, держащіеся сего мнѣнія, опускаютъ изъ виду самое существенное, заключающееся въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ объ этомъ племени,—что племя это не было первобытнымъ, отдѣльнымъ племенемъ, пришедшимъ на Русь прямо съ Дуная, подобно Полянамъ, Ильменскимъ Славянамъ, Древлянамъ и другимъ, а образовалось уже на Руси и составилось изъ другихъ племенъ, именно изъ колонистовъ Новгородскихъ на Двинѣ и изъ Дреговичей, жившихъ между Припетью и Двиною, и послѣ этого соединенія получило уже свое родовое названіе Кривичей, поглотившее частныя названія Полочанъ и Дреговичей. Вотъ эти прямыя и ясныя свидѣтельства Несторовой лѣтописи о таковомъ происхожденіи Кривичей: во 1-хъ, Несторъ, разсказывая о первомъ и древнѣйшемъ переселеніи Дунайскихъ Славянъ на Русь, вовсе не упоминаетъ о Кривичахъ; онъ только говоритъ о Полянахъ, Древлянахъ, Дреговичахъ, Славянахъ Ильменскихъ, Полочанахъ и Сѣверянахъ, и указываетъ мѣста, гдѣ какое изъ помянутыхъ племенъ поселилось на Руси. Во 2-хъ, разсказывая о второмъ переселеніи Славянъ съ Дуная на Русь, бывшемъ въ слѣдствіе нашествія на Дунай

Болгаръ и Аваровъ, Несторъ пишетъ: «Полянамъ живущимъ особо, какъ мы уже сказали, сущимъ отъ рода Словянска, и назывались Поляне, а Древляне отъ Словянъ же и нареклись Древляне; Радимичи же и Вятичи отъ Ляховъ, были въ Ляхахъ два брата, одинъ Радимъ, а другій Вятко, они пришли и сѣли, Радимъ на Сожѣ, и прозвались Радимичи, а Вятко сѣлъ съ родомъ своимъ на Окѣ, и отъ него прозвались Вятичи. И жили въ мирѣ Поляне, Древляне, Сѣверяне, Радимичи и Вятичи и Хорваты. Дулебы жили по Бугу, гдѣ нынѣ Волыняне; а Уличи и Тиверцы сидѣли по Днѣстру, направляясь къ Дунаю, и было ихъ очень много, сидѣли по Днѣстру даже до моря, и города ихъ находятся тамъ даже до сего дни». Вотъ и второе исчисленіе Славянскихъ племенъ на Руси, пришедшихъ съ Дуная, частію старыхъ, перваго переселенія, частію новыхъ втораго переселенія, и опять ни слова о Кривичахъ; значитъ ихъ не было не при первомъ, ни при второмъ переселеніи. Въ 3-хъ, при третьемъ перечисленіи Славянскихъ племенъ на Руси, по смерти старыхъ Кіевскихъ князей Кія, Щека и Хорива, Несторъ пишетъ: «Послѣ сихъ братьевъ родъ ихъ сталъ держать княженіе у Полянъ, а Древляне свое княженіе, Дреговичи свое, а Словѣни свое въ Новгородѣ, а другое на Полотѣ, которые назвались Полочанами; отъ Полочанъ же Кривичи, которые сидятъ наверхъ Волги и наверхъ Днѣпра и наверхъ Двины, у нихъ же городъ Смоленскъ, тамо сидятъ Кривичи, также отъ нихъ Сѣверяне. На Бѣлѣ-озерѣ сидятъ Весь, а на Ростовскомъ озерѣ Меря, по Окѣ рѣкѣ, гдѣ она течетъ въ Волгу, живутъ Мурома, свой языкъ (свое племя) Черемиса, свой языкъ, Мордва

свой языкъ. Ибо къ Славянскому языку на Руси принадлежатъ только: Поляне, Древляне, Новгородцы, Полочане, Дреговичи, Сѣверяне, Бужане, потому что сѣли на Бугѣ, а послѣ назвались Волынянами. А вотъ иные языки, которые дань даютъ Руси: Чудь, Меря, Мурома, Черемиса, Мордва, Пермь, Печера, Ямь, Литва, Зимигола, Корсь, Нарова, Либь или Ливь; у нихъ свой языкъ» (свое происхожденіе). Въ этомъ третьемъ перечисленіи Славянскихъ племенъ на Руси Несторъ въ первый разъ упоминаетъ о Кривичахъ, но не называетъ ихъ пришельцами съ Дуная или изъ другихъ странъ, а прямо говоритъ, что они произошли отъ Полочанъ, или Ильменскихъ Славянъ на Двинѣ, какъ прямо сказано въ лѣтописи: «отъ нихъ же Кривичи, таже Сѣверъ отъ нихъ». Нѣкоторые изслѣдователи толкуютъ выраженіе *отъ нихъ*, по сосѣдству съ ними, рядомъ съ ихъ границами; но Несторъ такъ не выражался, да и такое выраженіе на древнемъ Русскомъ языкѣ не употреблялось, даже въ настоящемъ перечисленіи Славянскихъ племенъ Несторъ не говоритъ же о сосѣдяхъ Полянъ Древлянахъ,—отъ нихъ же Древляне, или о сосѣдяхъ Древлянъ Дреговичахъ, —отъ нихъ же Дреговичи; да и какіе-же сосѣди Полочанамъ Сѣверяне, когда ихъ отдѣляла отъ Полочанъ вся земля Кривичей, а въ лѣтописи ясно сказано: таже отъ нихъ Сѣверъ (Сѣверяне); значитъ выраженіе *отъ нихъ* у Нестора выражаетъ не сосѣдство съ кѣмъ либо, а происхожденіе отъ кого либо. А посему выраженіе Нестора: *отъ нихъ же Кривичи*, иначе нельзя понимать, какъ только такъ, что Кривичи происходятъ отъ Полочанъ, или Двинскихъ колонистовъ Новгорода. А что имя Кривичей еще въ допстори-

ческія времена замѣнило собою названіе Полочанъ для всего племени, образовавшагося изъ слiянія Полочанъ съ Дреговичами, на это мы имѣемъ прямое свидѣтельство также у Нестора, въ его описаніи о раздачѣ городовъ Рюрикомъ по смерти братьевъ. Несторъ пишетъ: «и по тѣмъ городамъ находники Варяги, а первые насельники въ Новгородѣ Словѣни, въ Полотскѣ Кривичи, въ Ростовѣ Меря, на Бѣлѣ-озерѣ Весь, въ Муромѣ Мурома». Здѣсь Несторъ первыхъ насельниковъ Полотска (т. е. всей Полотской земли), Полочанъ, уже прямо называетъ Кривичами; тогда какъ при третьемъ перечисленіи Славянъ на Руси онъ ихъ называлъ Полочанами поселенцами Новгородскими, отъ которыхъ произошли Кривичи. Такимъ образомъ по прямымъ свидѣтельствамъ Нестора, главнаго источника свѣдѣній о Славянахъ на Руси, не можетъ быть и рѣчи о Кривичахъ, какъ о какомъ-то особомъ Славянскомъ племени, неизвѣстно когда и откуда пришедшемъ на Русь. Несторъ прямо и ясно говоритъ, что Кривичи произошли отъ Полочанъ, а Полочане отъ Новгородцевъ или Ильменскихъ Славянъ, и въ послѣдствіи, вѣроятно отъ слитія Полочанъ съ Дреговичами, имя Кривичей сдѣлалось общимъ родовымъ и для Полочанъ и для Дреговичей, какъ прямо и говоритъ Несторъ, въ Полотскѣ первые насельники Кривичи. А конечно Нестора нельзя обличить въ противорѣчіи самому себѣ; онъ не могъ сказать въ одномъ мѣстѣ, что основателями Полотска были Полочане, колонисты Новгородскіе—а въ другомъ мѣстѣ, основателями Полотска были Кривичи, ежели бы онъ не признавалъ Полочанъ и Кривичей за одно и то же племя Новгородскихъ колонистовъ на Двинѣ, и

что Кривичи есть только другое названіе Полочанъ, образовавшееся въ болѣе позднее время, впрочемъ еще доисторическое, такъ что Несторъ называетъ Полочанъ Кривичами почти при началѣ исторіи.

Происхожденіе Кривичей отъ сліянія Новгородскихъ колонистовъ съ Дреговичами, кромѣ прямыхъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ, имѣетъ за себя Бѣлорусскій языкъ, обычаи, образъ жизни и повѣрье Кривичей или Бѣлоруссовъ. Бѣлорусскій языкъ, несмотря на 400 лѣтнее давленіе на него Польскаго языка, еще не на столько исказился, чтобы не видѣть въ немъ древняго языка Новгородскаго и самаго близкаго родства съ Великорусскимъ языкомъ, происшедшимъ также отъ Новгородскаго языка; развѣ напримѣръ не слышится близкое сродство съ Великорусскою народною рѣчью, хотя бы въ слѣдующей Бѣлорусской пѣсни (Минск. Губ., Новг. уѣз.)

О ты брага бражунька зялёная,
О хто тебя бражунька пици будзя
Безъ милаго-дружечка безъ надзѣи?

Конечно, здѣсь уже слышна подмѣсь Польскаго языка, но только подмѣсь, а весь составъ рѣчи чисто Новгородскій и Великорусскій. Эту пѣсню пойметъ и будетъ пѣть любой Великорусскій крестьянинъ, какъ свою, и не потребуетъ ни поясненій, ни перевода; да цяканье и дзяканье не новость въ разныхъ мѣстностяхъ Великорусской рѣчи, даже въ Московской губерніи. Или еще образчикъ Бѣлорусскаго народнаго языка (Минск. губ., Новг. уѣзд.)

Калина съ малиною въ одну пору зацвѣла,
Въ тую пору раненько матка сына родзила,
Не собравши разуму да въ солдаты отдала,
Въ солдаты въ солдатушки на чужую сторону.

Развѣ это не Велокорусская народная рѣчь? Изъ приведенныхъ четырехъ стиховъ великорусскій крестьянинъ не сказалъ бы только одного слова: радзила, а произнесъ бы его родила или породила; но и у Бѣлоруссовъ это слово очевидно искажено Польскимъ вліяніемъ. Или, въ одной отступной записи 1406 года, такъ пишетъ Полочанинъ: «Се язъ Гридько Дружиловичь. Понеже отецъ мой Андрей Дружиловичь далъ Црспща съ женою и съ дѣтьми и землю ко Святной Бородицы у домъ на память себѣ, ставити имъ солоду ошитковъ десять, да пять пудовъ меду, три ошитка ржи, два ошитка пшеницы, да вологу, што попомъ и черпцемъ надобе». Развѣ это не Новгородская рѣчь? развѣ не точно также писали Новгородцы въ своихъ купчихъ и отказныхъ и поступныхъ записяхъ? Выкиньте только слово ошитокъ, означающее мѣру, не употреблявшуюся въ Новгородѣ, и вы смѣло можете ставить настоящую запись рядомъ съ Новгородскими, и она ничѣмъ не будетъ отъ нихъ отличаться. Здѣсь представлены примѣры только изъ чисто народнаго языка современнаго и изъ стараго дѣловаго языка, на которые не могло быть литературнаго вліянія, сглаживающаго мѣстные говоры; слѣдовательно здѣсь сходство Бѣлорусскаго языка съ Новгородскимъ и Великорусскимъ происходитъ именно отъ того, что Новгородцы, Велпкоруссы и Бѣлоруссы происходятъ отъ одного корня, и что корень этотъ—Новгородъ. Здѣсь о какихъ нибудь внѣшнихъ обстоятельствахъ, способствовавшихъ сходству языка, нечего и говорить: ибо внѣшнія обстоятельства, какъ нарочно, всѣ клонились къ тому, чтобы уничтожить это сходство у Бѣлоруссовъ; стоитъ только припомнить страшное 400 лѣт-

нее Польское иго, которое только о томъ и хлопотало, чтобы уничтожить все русское въ этомъ краѣ; тутъ и унія, и Латинство, и Польщизна работали изъ всѣхъ силъ, и надо сказать работали искусно и ничѣмъ не стѣсняясь; и не смотря на все это Бѣлорусскій языкъ, хоть искаженный, тѣмъ не менѣе остался и до сей поры Новгородскимъ языкомъ, или отпрыскомъ этого языка.

Что касается до обычаевъ, образа жизни, повѣрій Бѣлоруссовъ или прежнихъ Полочанъ и Кривичей, и особенно относительно ихъ характера, то у насъ большею частію проводятъ какую-то черту, рѣзко отдѣляющую Бѣлоруссовъ отъ Великоруссовъ и ихъ родоначальниковъ,—Новгородцевъ или Ильменскихъ Славянъ. Типомъ Бѣлоруссa у насъ обыкновенно выставляютъ вялость, апатичность, недостатокъ смѣтливости и небреженіе къ удобствамъ жизни; тогда какъ великорускій крестьянинъ представляется развитымъ, смѣтливымъ, предпріимчивымъ и энергичнымъ. Все это совершенно вѣрно, но не въ томъ суть дѣла. На Бѣлорусскомъ крестьянинѣ лежитъ четырехъ-сотъ-лѣтній гнетъ польщизны и жидовства, которыя довели его до настоящаго положенія; слѣдовательно, что̀ считается типомъ современнаго Бѣлоруссa, то вовсе не составляетъ его природнаго свойства, а есть только наносная болѣзнь, которая при благопріятныхъ обстоятельствахъ должна исчезнуть; и конечно, болѣзненное, ненормальное положеніе современныхъ Бѣлоруссовъ ни коимъ образомъ не можетъ быть приписано ихъ древнимъ предкамъ Полочанамъ или Кривичамъ. А что нынѣшніе Бѣлоруссы дѣйствительно прямые потомки Новгородскихъ колонистовъ-Полочанъ, этому

лучшимъ свидѣтельствомъ служитъ то, что несмотря на 400-лѣтній тяжкій гнетъ, современные Бѣлоруссы съумѣли сохранить самые существенные признаки того, что они одна семья съ Новгородцами и Великоруссами; они отстояли вѣру-праотцевъ, которая у нихъ одна съ Великоруссами; языкъ, какъ мы уже видѣли, настолько сохраненъ ими, что его нельзя не признать однимъ языкомъ съ Новгородскимъ; самый образъ жизни, обычаи, вѣрованія и даже суевѣрія тѣ же самыя, какія и у Великоруссовъ, хотя иногда съ нѣкоторыми измѣненіями.

Чтобы сколько нибудь убѣдиться въ этомъ, возмемъ напримѣръ годичный циклъ дней недѣльныхъ и праздниковъ, ихъ значеніе въ народномъ быту и обряды; они совершенно одни и тѣ же какъ у Бѣлоруссовъ, такъ и у Великоруссовъ. Такъ, понедѣльникъ считается тяжелымъ днемъ и у Бѣлоруссовъ, и у Великоруссовъ. Въ этоть день тѣ и другіе не начинаютъ никакой важной работы; въ этотъ день пожилые люди постятся, что̀ у Бѣлоруссовъ называется понедѣльковать, а у Великоруссовъ понедѣльничать. Пятница у Бѣлоруссовъ пользуется особымъ уваженіемъ, и считается за грѣхъ работать въ этотъ день; также точно смотрѣли на пятницу и Великоруссы въ XVI столѣтіи, какъ свидѣтельствуетъ Стоглавъ. Счетъ двѣнадцати пятницъ въ году съ особымъ значеніемъ каждой одинаковъ какъ у Бѣлоруссовъ, такъ и у Великоруссовъ; такъ напримѣръ у тѣхъ и другихъ считается, что постящійся въ десятую пятницу предъ Вознесеніемъ Христовымъ не будетъ утопленникомъ, или постящійся въ Ильинскую пятницу будетъ избавленъ отъ громоваго удара. Всѣ исчисленія и наблю-

денія ведутъ простолюдины, какъ Бѣлоруссы, такъ и Великоруссы, по числу недѣль и дней, прошедшихъ отъ перваго праздника до другаго. Годъ у тѣхъ и у другихъ дѣлится на двѣ половины, съ 1-го Января до 1-го Іюля, а съ 1-го Іюля до 1-го Января, и какая погода въ какой день первой половины года, такая же по времени года будетъ и во второй половинѣ въ соотвѣтствующій день; такъ ежели напримѣръ въ 1-й день Января сильный морозъ, то 1-го Іюля будетъ сильный жаръ.

Какъ у Бѣлоруссовъ, такъ и у Великоруссовъ народные праздники одни и тѣ же и имѣютъ одинаковое значеніе и одинаковые примѣты, и проводятъ ихъ въ томъ и другомъ краю одинаково; только у Бѣлоруссовъ болѣе сохранилось старины. Такъ напримѣръ обычай на Рождество Христово и на новый годъ и на Богоявленіе ѣздить на неѣзжалыхъ лошадяхъ у Бѣлоруссовъ еще сохранился, а у Великоруссовъ его уже нѣтъ; но морозы отъ 25 Декабря до 1 Января у того и другаго народа называются Васильевскими, а въ день Богоявленія и у Бѣлоруссовъ и у Великоруссовъ, старшій въ семьѣ, помолившись передъ иконами, кропитъ принесенною изъ церкви св. водою какъ избу, такъ и всѣ строенія и скотъ на дворѣ, а на дверяхъ, окнахъ и стѣнахъ какъ снутри, такъ и снаружи чертитъ углемъ или мѣломъ небольшіе кресты; вода освященная въ день Богоявленія называется крещенскою водою, она хранится въ теченіи года и употребляется для окропленія ульевъ при собираніи роевъ и во время болѣзней. Если 18 Января, въ день св. Аѳанасія, бываетъ вьюга и метель, то знакъ продолжительной весны, которая потребуетъ мно-

го корма. Февраля 2-го, въ день Срѣтенія Господня, зима встрѣчается съ лѣтомъ и солнце начинаетъ грѣть по лѣтнему; въ этотъ день не начинаютъ никакой работы; кромѣ того въ день, который пришелся подъ этотъ праздникъ, въ теченіе цѣлаго года не снуютъ основы, чтобы не встрѣтиться съ волками, т. е. ежели Срѣтеніе придется въ среду, то во всѣ вторники въ теченіи года не снуютъ основъ. У Великоруссовъ этотъ обычай уже вывелся, но старухи по деревнямъ еще помнятъ, что при ихъ матеряхъ этотъ обычай наблюдался. 11-го Февраля, праздникъ памяти священномученика Власія, у крестьянъ въ томъ и другомъ краю почитается годичнымъ праздникомъ, и крестьяне говорятъ: кто почитаетъ этотъ праздникъ, у того скотина болѣть не будетъ; а женщины въ этотъ день не работаютъ.

Ежели 1-го Марта, въ день св. Евдокіи, таетъ, такъ что пѣтухъ можетъ напиться подъ навѣсомъ крыши, то это обѣщаетъ хорошую весну. Праздникъ 40 мучениковъ, 9 Марта, у того и другаго народа называется *Сороки*: ежели въ этотъ день корова можетъ подъ угломъ строенія напиться вдоволь, то будетъ хорошая весна; въ этотъ день, по народному повѣрью, прилетаютъ жаворонки, и поэтому пекутъ изъ теста птичекъ, которыхъ называютъ жаворонками. Въ праздникъ Алексѣя человѣка Божія, 17 Марта, по народному повѣрью, щука пробиваетъ ледъ хвостомъ и съ горъ вода течетъ. Въ день Благовѣщенія, 25 Марта, какова погода въ этотъ день, такая же, по повѣрью, будетъ и въ день праздника Свѣтлаго Воскресенія Христова; птица въ день Благовѣщенія, по народному повѣрью, не вьетъ гнѣзда: ежели за недѣлю до этого

праздника не перестанутъ ѣздить на саняхъ, то проѣздятъ на нихъ недѣлю послѣ Благовѣщенія. Въ этотъ день стараются не смотрѣть на вертены, чтобы лѣтомъ не встрѣчать змѣй, въ Великорусскихъ деревняхъ то же стараются въ Благовѣщеньевъ день не видать веретенъ, суровыхъ нитокъ и холстовъ, по старому обычаю, но для чего и съ какою цѣлію, объ этомъ уже не могутъ сказать. Со дня Благовѣщенья, по мнѣнію простонародья, у Бѣлоруссовъ и у Великоруссовъ начинается весна, и крестьяне выносятъ разныя кушанья на дворъ и зазываютъ весну. У Бѣлоруссовъ на этотъ случай даже сохранилась обрядовая пѣсня въ такихъ выраженіяхъ:

Благослови Боже,
Вѣсну кликать,
Зиму провожать,
Лѣта дожидать,

Вылети сизая галочка,
Вынеси золотые ключи,
Замкни холодную зимоньку,
Отомкни теплое лѣтечко.

Эта пѣсня указываетъ на особые обряды, соблюдавшіеся при зазываніи весны во время язычества; обряды сіи соблюдались въ XVI столѣтіи и въ Московскихъ селахъ, какъ свидѣтельствуетъ Московскій соборъ 1551 года. Церковь празднуетъ 17 Апрѣля память св. Зосимы, народъ считаетъ его покровителемъ пчелъ. День памяти св. Побѣдоносца Георгія, 23-го Апрѣля, имѣетъ особенное значеніе съ распредѣленіемъ хозяйственныхъ работъ какъ у Бѣлоруссовъ, такъ и Великоруссовъ: ежели овцы не острижены до этого дня, то ихъ стригутъ уже послѣ Николина дня (9-го Мая); до Юрьева дня не городятъ изгородей въ поляхъ и не даютъ заказовъ; крестьяне говорятъ, что до этого дня скоту три воли, ѣсть когда и что захочетъ и въ любомъ мѣстѣ; Юрьева роса выкормитъ скотину лучше всякаго овса, по вѣрованію кре-

стьянъ, и посему въ этотъ день непремѣнно выгоняютъ скотину въ поле, хотя бы не было травы, и прежде всего въ поле засѣянное озимымъ хлѣбомъ; выгоняютъ скотъ съ двора вербою, освященною въ церкви въ вербное воскресенье; и оставляютъ вербу на нивѣ, чтобы лучше родился хлѣбъ (у Великоруссовъ во многихъ мѣстахъ вербу уносятъ домой); въ полѣ обходятъ вокругъ скота три раза съ образомъ, хлѣбомъ и тремя яицами, чтобы Богъ сохранилъ скотинку, и чтобы скотъ былъ сытъ и круглъ какъ яйцо. У пастуховъ для этого дня имѣется слѣдующее заклинаніе: «Глухой, глухой, слышишь ли? не слышу. А кабы Богъ далъ, волкъ не слыхалъ нашего скота. Хромой, хромой, дойдешь ли? не дойду. А кабы далъ Богъ, недошелъ волкъ до нашего скота. Слѣпой, слѣпой! видишь ли? не вижу. Дай Богъ, чтобы волкъ не видѣлъ нашего скота».

Четвергъ страстной недѣли у Бѣлоруссовъ и Великоруссовъ называется чистымъ; наканунѣ этого дня, выставляютъ на дворѣ кусокъ хлѣба и щепотку соли, и ежели этотъ хлѣбъ въ продолженіи ночи замерзнетъ, то яровые пострадаютъ отъ морозовъ; наканунѣ же чистаго четверга моются до восхожденія солнца въ банѣ, говоря, что и воронъ передъ этимъ днемъ купаетъ своихъ дѣтей. Говорятъ, что въ чистый четвергъ сходитъ на землю Іисусъ Христосъ, и поэтому пекутъ особый хлѣбъ, называемый стульце сходящему на землю Богочеловѣку. Въ этотъ же день начинаютъ красить яйца и поминаютъ родителей, и для сего пекутъ блины и лепешки У Великоруссовъ въ настоящее время поминовенія не бываетъ и блиновъ не пекутъ; но въ XVI столѣтіи, по свидѣтельству Сто-

глава, и въ Московскихъ владѣніяхъ соблюдались въ чистый четвергъ разные языческіе обряды относительно поминовенія умершихъ; въ царскихъ вопросахъ Стоглава сказано: «въ великій четвергъ спорану солому палятъ и кличутъ мертвыхъ». Свѣтлый праздникъ Воскресенія Христова у Великоруссовъ и Бѣлоруссовъ называется *великъ день* и празднуется съ особою торжественностію: уже съ чистаго четверга начинается къ нему приготовленіе, наканунѣ праздника съ вечера отправляются въ церковь и берутъ съ собою пасхи для освященія, по возвращеніи домой изъ церкви прежде всего разговляются освященнымъ; оставшіеся почему-либо дома всю ночь предъ святымъ праздникомъ не спятъ; проспавшаго утреню обливаютъ холодною водою. Въ томъ и другомъ краю народъ вѣритъ, что умирающіе на свѣтлой недѣлѣ непремѣнно будутъ въ раю; какъ въ церкви царскія двери всю недѣлю остаются незатворенными, такъ, говорятъ, и врата рая отверзты въ это время для всѣхъ добрыхъ и злыхъ. Отъ пасхи до вознесенія, говорятъ, Іисусъ Христосъ ходитъ по землѣ въ образѣ нищаго, и потому въ это время не слѣдуетъ отказывать просящему милостыни. Пользуясь такимъ повѣрьемъ, такъ называемые волочебники, собравшись толпою, ходятъ на святой недѣлѣ по деревнямъ, и, подойдя подъ окно чьей-либо избы, поютъ пѣсни, получаютъ за это пироги, хлѣбъ, яйца и подоб., и въ одной изъ пѣсенъ называютъ себя скоморохами. Въ Великорусскихъ деревняхъ въ настоящее время нѣтъ ни волочебниковъ, ни скомороховъ, но еще въ концѣ прошедшаго столѣтія они шатались и по Великорусскимъ деревнямъ, а грамоты XV, XVI и XVII столѣтій переполнены извѣстіями о

попрошаяхъ и скоморохахъ, ходившихъ толпами даже человѣкъ по пятидесяти и больше. Слѣдующая за Святой недѣлей Ѳомина недѣля называется *красной горкой*,—пора свадебъ. Воскресеніе Ѳоминой недѣли носитъ названіе *бабья праздника*; вторникъ Ѳоминой недѣли называется *радуницею*. Въ этотъ день до обѣда моются въ банѣ и занимаются всякою работою, послѣ же обѣда ходятъ на могилки поминать родителей; на могилкахъ сперва служатъ паннихиды, потомъ начинаютъ пировать и, обращаясь къ покойникамъ, говорятъ: «честные радзители ходзите къ намъ хлѣба и соли кушать» ,и вѣрятъ,что души покойниковъ встаютъ изъ могилъ и раздѣляютъ съ ними трапезу. Ѳоминъ вторникъ или радуница заключаетъ собою рядъ великоденскихъ праздниковъ.

На седьмой недѣлѣ по пасхѣ въ четвергъ празднуется *семикъ*, въ этотъ день поминаютъ родственниковъ и всѣхъ скоропостижно умершихъ. Русальная недѣля или семичная у Бѣлоруссовъ еще называется Духовской. У Бѣлоруссовъ и Великоруссовъ есть пословица: «до Святаго Духа не скидай кожуха» . У того и другаго народа празднованіе Русальной недѣли находится въ связи съ вѣрованіемъ, что души умершихъ встаютъ весною для наслажденія новою жизнію. Названіе Русальной недѣли произошло отъ Русалокъ , сихъ прекрасныхъ съ распущенными длинными волосами обитательницъ водъ; Русалки—это души утопленницъ, мертворожденныхъ или же дѣтей умирающихъ некрещенными. До Духова дни они живутъ въ водахъ, въ этотъ же день выходятъ изъ своихъ жилищъ, плещутся въ полночь на поверхности воды , или качаются въ лѣсу на деревьяхъ, или бѣгаютъ по полямъ, за-

манивая прохожихъ, чтобы защекотать ихъ до смерти. Въ Духовъ и Троицынъ день дѣвушки украшаютъ себя вѣнками и гадаютъ, бросая вѣнки въ воду, вѣрятъ, что чей ранѣе приплываетъ къ берегу, эта дѣвушка скорѣе выйдетъ замужъ. Въ Троицынъ день послѣ обѣда дѣвушки идутъ въ лѣсъ завивать вѣнки и несутъ туда разныя кушанья, между которыми непремѣнно должна быть яичница, какъ принадлежность этого праздника. Духовымъ днемъ заканчиваются вѣсенніе праздники.

Первымъ изъ лѣтнихъ праздниковъ какъ у Бѣлоруссовъ, такъ и у Великоруссовъ считается 24 Іюня, день рождества Іоанна Предтечи. День этотъ извѣстенъ въ народѣ подъ именемъ Ивана Купалы; въ ночь на Ивановъ день, въ самую полночь, разцвѣтаетъ, по народному повѣрью, цвѣтокъ папоротникъ; кто его сорветъ, тотъ получаетъ способность открывать клады. Клады по народному повѣрью бываютъ заклятые и незаклятые; послѣдними, т. е. незаклятыми, можетъ пользоваться всякій, кто найдетъ; относительно же заклятаго клада, горящая надъ нимъ свѣча, или слышимый по временамъ выстрѣлъ, или замѣчаемый дымъ хотя и показываютъ, гдѣ зарытъ кладъ, но овладѣть имъ нѣтъ возможности: закопавшій его сдѣлалъ надъ нимъ заклятіе. Клады являются подъ разными видами, иногда подъ видомъ старика, иногда лошади, собаки, клубка и проч.; стоитъ только толкнуть старика, или ударить лошадь,—и кладъ разсыпается, и подбирай серебро и золото. 8-го Іюля, праздникъ Казанской иконы Божіей Матери, начинаютъ косить сѣно, а въ слѣдъ за тѣмъ и жать рожъ. Передъ началомъ жатвы существуетъ обычай дѣлать зажинъ ржи. Обрядъ за

жина состоитъ въ томъ, что женщины, отправляясь жать, берутъ съ собою вареныя яица, хлѣбъ, соль и сало; нажавши нѣсколько сноповъ отдѣляютъ первый снопъ особо и начинаютъ ѣсть принесенныя кушанья; первый снопъ относятъ домой и ставятъ подъ образа, и во время молотьбы первый сажаютъ на овинъ. Когда жать остается уже немного, то въ недожатомъ мѣстѣ зарываютъ въ землю ломоть хлѣба съ солью, обернутый въ чистую тряпку, недожатое мѣсто обступаютъ кругомъ и дожинаютъ его общими силами. Праздникъ Воздвиженія животворящаго креста, 14 Сентября, считается днемъ, въ который перелетныя птицы улетаютъ на зиму въ теплую сторону, туда же скрываются и гады, въ этотъ день выползающіе изъ своихъ норъ на поверхность земли. Въ этотъ день люди боятся ходить въ лѣсъ, чтобы не быть укушенными змѣями, которые на Воздвиженіе выползаютъ изъ-подъ земли для переселенія въ теплую сторону, и идутъ по лѣсу стадами. Этотъ же страхъ не позволяетъ въ Воздвиженьевъ день копать землю. Послѣдній день Филиппова поста называется коляда. Въ этотъ день обѣдъ и ужинъ бываетъ въ одно время, не ранѣе восхода первой звѣзды; между кушаньями непремѣнно къ этому дню приготовляется кутья, т. е. каша изъ пшеницы; въ ожиданіи звѣзды ее ставятъ въ главномъ углу избы, подъ образами, на столѣ, покрытомъ чистою скатертью; кутью ѣдятъ подъ конецъ ужина; женщины кладутъ свои ложки въ чашку, оставя въ послѣдней немного кутьи, и ставятъ ее на кутъ; ежели на другой день ложки будутъ въ томъ же положеніи, въ какомъ онѣ были оставлены, то это почитается за хорошій знакъ, а ежели которая изъ нихъ

перевернется, то ожидаетъ скорая смерть ту, чья была ложка. Этимъ начинаются великосвятскія гаданья, оканчивающіяся въ сочельникъ передъ Крещеніемъ.

Съ наступленіемъ святокъ молодежъ собирается ежедневно въ какой нибудь избѣ, гдѣ часто до полуночи проводитъ время въ пляскахъ, играхъ, переряживаньи и попойкѣ. Святки почитаются временемъ странствованія нечистаго духа. Въ первые три дня праздника не работаютъ, въ слѣдующіе за тѣмъ дни занимаются только необходимыми работами, и то отнюдь не по вечерамъ. Въ теченіи святокъ наблюдаются слѣдующія примѣты: ежели дорога почернѣетъ, то нужно ждать урожая на гречиху; ясная погода въ день Рождества предвѣщаетъ неурожайный годъ, а пасмурная и снѣгъ считаются признаками урожая; морозъ и вѣтеръ передъ Рождествомъ обѣщаютъ теплую и тихую погоду предъ праздникомъ Воскресенія Христова.

Конечно, большая часть годичныхъ праздниковъ имѣетъ одинаковое значеніе не только у Бѣлоруссовъ и Великоруссовъ, но и у Малоруссовъ и даже у другихъ Европейскихъ народовъ; самые обряды и повѣрья, соединенные съ тѣмъ или другимъ праздникомъ или днемъ, болѣе или менѣе сходны у разныхъ народовъ. Такъ напримѣръ день празднованія Ивана Купалы, т. е. 24 Іюня, имѣетъ какое-то таинственное значеніе у всѣхъ народовъ Европы; въ Швеціи этотъ день празднуется народомъ подъ именемъ средины лѣта (Midsommar): въ Даніи въ лѣтнее равноденствіе зажигаютъ костры, и люди купаются и сожигаютъ цѣлебныя травы; въ Англіи сохранилось повѣрье о ночи на Ивановъ день: по этому повѣрью цвѣты и травы, собранные въ эту ночь, имѣютъ особое цѣлебное свой-

ство и силу чарованія; во всей Германіи существуетъ праздникъ Ивана купалы также 24 Іюня, хотя и подъ другимъ названіемъ; то же самое было во Франціи, Италіи и Бельгіи, и у всѣхъ Славянскихъ племенъ, и даже у Финновъ. Но сущность дѣла не въ томъ, что такой-то праздникъ существуетъ у тѣхъ или другихъ народовъ, и что обряды праздника болѣе или менѣе сходны и имѣютъ одинаковый смыслъ у разныхъ народовъ; сущность или таинственный смыслъ того или другаго праздника можетъ быть одинъ и тотъ же у совершенно различныхъ и чуждыхъ другъ другу народовъ, какъ мы сейчасъ видѣли въ праздникѣ Ивана купалы; слѣдовательно подобнымъ сходствомъ праздниковъ нельзя еще доказать близкаго родства одного народа съ другимъ. Въ приведенныхъ нами описаніяхъ годичнаго цикла праздниковъ и дней, у Великоруссовъ и Бѣлоруссовъ самое важное для насъ заключается въ томъ, что сходство или одинаковость обряда выражается въ частностяхъ, въ подробностяхъ, въ одинаковыхъ даже словахъ, употребляемыхъ при томъ и другомъ обрядѣ у Великоруссовъ и Бѣлоруссовъ; такъ что вы видите, что такой-то праздникъ празднуется до мельчайшихъ подробностей одинаково и въ Бѣлорусской и Великорусской деревнѣ. Такого-то сходства мы нигдѣ не найдемъ, какъ только въ Великорусскихъ и Бѣлорусскихъ деревняхъ; и это-то сходство служитъ прямымъ доказательствомъ, что Великоруссы и Бѣлоруссы находятся въ самомъ близкомъ родствѣ другъ съ другомъ, что они непосредственные потомки одного предка, что они прямые колонисты Новгорода великаго. Нельзя отвергать и того, что годичные народные праздники и соединен-

ные съ ними обряды не во всѣхъ уѣздахъ и деревняхъ Бѣлоруссіи совершаются во всемъ одинаково, что въ иныхъ деревняхъ и цѣлыхъ уѣздахъ иные праздники и обряды совершенно забыты, а иные обряды видоизмѣнены; но и въ Великорусскихъ деревняхъ и цѣлыхъ уѣздахъ встрѣчается не мало измѣненій, и нѣкоторые обряды совершенно забыты, а о другихъ только помнятъ старики и старухи и разсказываютъ объ нихъ какъ уже объ отжившей старинѣ. Да этого иначе и быть не можетъ, время и жизнь все измѣняютъ, живый народъ не можетъ застыть въ одномъ положеніи. Для историка именно и важны осколки и разрозненные обрывки старины, тамъ и сямъ сохраненные въ народной жизни и дошедшіе до насъ отъ глубокой доисторической древности. И ежели эти разрозненные остатки и обрывки одинаковы у двухъ народовъ, то они служатъ самымъ вѣрнымъ свидѣтельствомъ, что сіи два народа или племени въ сущности одно племя и непосредственно происходятъ отъ одного предка; хотя бы мы для доказательства одинаковости сихъ двухъ народовъ не имѣли даже никакихъ другихъ свидѣтельствъ. Ежели уже чего не стерли въ народѣ тысячелѣтняя древность и разныя враждебныя для народной жизни обстоятельства, то значитъ это не стертое, какъ бы оно теперь ни было слабо и отрывочно, когда то составляло характерическую черту народа; и ежели таковая характеристическая черта принадлежала двумъ племенамъ, то значитъ племена сіи находились въ самомъ близкомъ родствѣ и непосредственно происходили отъ одного предка, или одно изъ сихъ племенъ есть небольше какъ колонія другаго, каковыми, какъ мы уже ви-

дѣли по другимъ источникамъ, дѣйствительно и были древніе Полочане, или Кривичи, или нынѣшніе Бѣлоруссы въ отношеніи къ Великому Новгороду. Такимъ образомъ свидѣтельство Нестора, что Полочане были колонистами Новгорода, а отъ нихъ произошли Кривичи, тѣмъ болѣе пріобрѣтаетъ силы, неопровержимости и убѣдительности.

Доказавши Новгородское происхожденіе Полочанъ или Кривичей, теперь смѣло можно приступить къ формамъ общественнаго быта въ этомъ племени. Формы общественнаго быта у Полочанъ или Кривичей были тѣ же самыя, какъ и у Славянъ Ильменскихъ или Новгородцевъ. Полотскъ, какъ сколокъ съ Новгорода, или какъ Двинскій Новгородъ, точно также какъ и Новгородъ Волховскій, дѣлился на концы и улицы, и каждый конецъ, и каждая улица составляли свою самостоятельную общину съ своими выборными властями, и весь Полотскъ состоялъ изъ союза общинъ, т. е. концевъ и улицъ: концы и улицы въ Полотскѣ, также какъ и въ Новгородѣ, не были только линіями или рядами дворовъ, стоящихъ одинъ подлѣ другаго, а напротивъ каждая улица составляла живое цѣлое, члены котораго были связаны другъ съ другомъ общею жизнію; такъ что стоило только затронуть хотя одного члена улицы, какъ на защиту его поднималась цѣлая улица. Этотъ порядокъ постоянно соблюдался какъ въ Новгородѣ, такъ и во всѣхъ Новгородскихъ пригородахъ; а посему и Полочане, какъ истые Новгородцы, только по-новгородски и могли жить. И только Новгородская общественная жизнь могла поставить ихъ такъ высоко надъ многочисленными и сильными сосѣдями инородцами, что инород-

цы должны были признать Полочанъ своими руководителями и подчиниться Полотскимъ порядкамъ; только совершенно Новгородская полная свобода и равенство правъ для своихъ, т. е. для Полочанъ и для инородцевъ, т. е. для Дреговичей и Литвы, могли сообщить такую силу Полочанамъ, что они сдѣлались господствующимъ племенамъ въ цѣломъ краю, и повели за собою туземцевъ старожиловъ, вошедшихъ съ ними въ ближайшія сношенія. Дреговичи и Литвины не по чему другому могли искать союза съ Полотскомъ, какъ потому, что этотъ союзъ давалъ имъ одинакія права съ Полочанами, такъ сказать роднилъ ихъ другъ съ другомъ, и обезпечивалъ сіи права тѣмъ, что на Полотскомъ вѣчѣ не было разницы между Дреговичами, Литвинами и Полочанами, что всѣ члены вѣча, къ какому бы племени они ни принадлежали, считались и были только гражданами Полотска; что Полотскъ былъ общею матерью для всѣхъ пригородовъ, что пригороды были частями Полотска, какъ бы его улицами, перенесенными въ другую мѣстность, напримѣръ на Березину, на Свислочь, на Нѣманъ, на Вилію, или еще куда въ здѣшнемъ краю; а слѣдовательно и граждане сихъ пригородовъ были въ то же время и гражданами Полотска, стало быть и членами Полотскаго вѣча.

А что Полочане дѣйствовали именно такъ въ этомъ направленіи и въ этомъ духѣ, для насъ лучшимъ доказательствомъ служитъ исторія Полотска. Полочане еще въ доисторическія времена на столько уже успѣли слить въ одно цѣлое всѣ племена, вошедшія въ составъ Полотской земли, что всѣмъ этимъ племенамъ сообщили одно общее названіе Кривичей, и на Новго-

родскомъ вѣчѣ въ 862 году, при избраніи Варяго-Русскихъ князей, уже явились не подъ именемъ Полочанъ, а подъ именемъ Кривичей. Литовскія же племена, жившія на югъ отъ Виліи и уже обрусѣвшія, а также и жившія на сѣверъ отъ Виліи еще не обрусѣвшія, въ продолженіи всей исторіи были постоянными защитниками интересовъ Полотской земли; и во всѣхъ столкновеніяхъ съ сосѣдними Русскими князьями война съ Полотскомъ или съ Полотскими князьями не обходилась безъ войны съ Литвою, и Полотскіе князья, потерпѣвшіе пораженіе, почти постоянно удалялись къ Литовцамъ и съ Литовскими полчищами возобновляли войну противъ своихъ непріятелей, и иногда даже приводили полки Ливи и Летыголы. А конечно ничего подобнаго не могло бы быть, ежели бы Полочане еще въ доисторическія времена не втянули туземцевъ инородцевъ въ свою общественную жизнь; ежели бы туземцы болѣе или менѣе не слились съ Полочанами. Правду сказать, этому слитію туземцевъ съ Полочанами какъ бы противорѣчатъ племенные Литовскіе князья и довольно значительная самостоятельность Литовскихъ племенъ, и явное ихъ отличіе отъ Полочанъ: но съ одной стороны, какъ мы уже видѣли, Литовскіе племенные князья явились сравнительно поздно и не безъ вліянія Полотскаго; а съ другой стороны—развѣ не въ такомъ же положеніи находились въ отношеніяхъ къ Новгороду Водь, Ижера, Корѣла и другія тамошнія Финскія племена; но тѣмъ не менѣе они составляли одно съ Новгородомъ, тянули къ Новгороду; слѣдовательно до нѣкоторой степени самостоятельное положеніе Литовскихъ племенъ въ отношеніи къ Полотску, одинаковое съ

положеніемъ Финскихъ племенъ въ отношеніи къ Новгороду, доказывастъ только то, что Новгородъ и Полотскъ были одинаково устроены и одинаково относились къ своимъ туземцамъ старожиламъ.

Такимъ образомъ населеніе Полотской земли состояло изъ двухъ элементовъ—изъ туземцевъ и пришельцевъ; къ первымъ принадлежали Ятвяги, разныя племена Литовскія, Летыгола и Ливь, ко вторымъ Дреговичи и Полочане. Полотскъ всѣ сіи элементы, какъ уже было говорено выше, на основаніи порядковъ, принесенныхъ изъ Новгорода, по мѣрѣ того, какъ они соединялись съ Полочанами, приравнивалъ къ Полочанамъ, т. е. дѣлалъ ихъ полноправными членами Полотскаго общества; но сравнивши ихъ въ правахъ въ отношеніи къ цѣлому обществу, Полотскъ подобно Новгороду не отказался принять и узаконить естественное различіе между большими, средними и меньшими или молодшими людьми; и такимъ образомъ въ Полотскѣ, какъ и въ Новгородѣ, общество дѣлилось на три класса: на классъ большихъ людей—бояръ, на классъ среднихъ людей—купцовъ, и на классъ молодшихъ, меньшихъ, людиновъ, или черныхъ людей; названія сихъ классовъ были Новгородскія и составляли такъ сказать техническую терминологію для всѣхъ племенъ, вошедшихъ въ составъ Полотскаго общества, названія сіи, какъ техническія, кажется, даже не переводились на языкъ инородческихъ племенъ; по крайней мѣрѣ извѣстно, что у Литовцевъ большіе люди назывались боярами же.

Бояре. Первыми боярами въ Полотскѣ конечно были бояре Новгородскіе, какъ и во всѣхъ Новгородскихъ пригородахъ; у Новгородцевъ такой уже былъ порядокъ,

да естественно это и не могло быть иначе. Въ Новгородѣ бояре были постоянными колонизаторами, особенно для мѣстностей отдаленныхъ отъ метрополіи, гдѣ нужны были и жизненная опытность, и значительныя средства, и даже нѣкоторая привычка къ власти, чтобы поддерживать молодую колонію, окруженную инородцами туземцами. А въ Новгородѣ, какъ мы уже знаемъ, значеніе бояръ основывалось на земевладѣніи; тотъ и былъ бояриномъ, большимъ человѣкомъ, у котораго были большія поземельныя владѣнія, который собственными средствами, не нуждаясь въ общинной помощи, могъ разчистить дикій лѣсъ, поставить тамъ нѣсколько поселковъ и населить ихъ земледѣльцами, лично свободными, но состоящими въ зависимости отъ него по землѣ, на которой они живутъ. Держась этого исконнаго Новгородскаго порядка, Новгородскіе бояре и въ Полотскѣ, или вѣрнѣе въ Полотской землѣ, сдѣлались богатыми и могущественными землевладѣльцами, и потянули въ свои новыя владѣнія всѣхъ бѣдняковъ или вольныхъ людей изъ Новгорода, приманивая ихъ разными льготами и ссудами точно также, какъ это дѣлали они въ другомъ краю Новгородскихъ поселеній въ Заволочьѣ, или на сѣверной Двинѣ и Онегѣ. Лучшимъ свидѣтельствомъ таковаго порядка дѣлъ въ здѣшнемъ краю и таковаго значенія бояръ служитъ то, что Полочане или Кривичи были въ какой-то зависимости отъ Новгорода даже въ IX столѣтіи при приглашеніи Варяго-Русскихъ князей, когда по ихъ численности и силѣ слѣдовало бы имъ пользоваться полною независимостію и самостоятельностію. Значитъ во все это время руководителями Кривичей или Полочанъ, большими

и вліятельными людьми между ними были бояре Новгородскіе, въ интересѣ которыхъ естественно было то, чтобы не отдѣлиться отъ Новгорода и при помощи здѣшнихъ мѣстныхъ средствъ поддерживать собственные интересы въ Новгородѣ. Но какъ по исконнымъ порядкамъ въ Новгородѣ землевладѣніе никому не запрещалось, и требовались только средства для расчистки и заселенія земли: то посему и каждый Новгородскій колонистъ, имѣя средства, дѣлался богатымъ землевладѣльцемъ и слѣдовательно большимъ человѣкомъ - бояриномъ. Этотъ общій Новгородскій законъ конечно дѣйствовалъ и при заселеніи Новгородскими колонистами Полотской земли; и такимъ образомъ къ пришлымъ Новгородскимъ боярамъ здѣсь присоединились мѣстные бояре, образовавшіеся изъ богатыхъ колонистовъ землевладѣльцевъ. Къ этимъ мѣстнымъ боярамъ-колонистамъ присоединился еще новый разрядъ мѣстныхъ бояръ, образовавшійся изъ туземцевъ—Дреговичей и Литвиновъ; ибо по Новгородскимъ порядкамъ каждый богатый землевладѣлецъ, безъ отношенія къ племеннымъ различіямъ, признавался большимъ человѣкомъ—бояриномъ. Новгородскіе колонизаторы на западной Двинѣ сошлись съ Литвинами, которые въ то время еще жили отдѣльными родами съ своими старѣйшинами, частію выборными, а частію наслѣдственными, изъ коихъ послѣдніе вмѣстѣ съ званіемъ старѣйшинства были также богатыми и сильными землевладѣльцами и какъ бы владыками своего племени; а посему всѣ таковые наслѣдственные старѣйшины, при вступленіи того или другаго племени въ союзъ съ Полочанами, признаны были также большими людьми или боярами, наравнѣ

съ Новгородскими боярами-колонизаторами. Наконецъ когда Полотскъ, по призваніи Новгородцами Варяго-Русскихъ князей, былъ уступленъ этимъ князьямъ въ управленіе, то и старшіе княжіе дружинники получили значеніе большихъ людей—бояръ.

Такимъ образомъ въ Полотской землѣ мало-по-малу оказалось четыре разряда бояръ: 1-й, Новгородскіе бояре колонизаторы; 2-й, мѣстные бояре изъ богатыхъ колонистовъ землевладѣльцевъ; 3-й, мѣстные бояре изъ наслѣдственныхъ старѣйшинъ туземныхъ инородческихъ племенъ, и наконецъ 4-й, старшіе дружинники Варяго-Русскихъ князей, получившихъ въ удѣлъ Полотскую землю. Всѣ сіи разряды бояръ въ отношеніи къ Полотскому обществу и вѣчу имѣли одинакое значеніе большихъ людей, перваго класса въ народонаселеніи, пользующагося сильнымъ вліяніемъ на меньшихъ людей, и по исконнымъ Новгородскимъ порядкамъ преимущественно завѣдывавшаго дѣлами управленія. Но кромѣ общаго значенія большихъ людей, разные разряды Полотскихъ бояръ имѣли еще частное значеніе, принадлежавшее тому или другому разряду, или скорѣе свою степень и свой источникъ силы въ общемъ значеніи. Такъ Новгородскіе бояре колонизаторы были особенно сильны по своимъ непосредственнымъ связямъ съ Новгородомъ; они для поддержанія своего значенія, кромѣ мѣстныхъ средствъ, опирались еще на Новгородское вѣче и на дружины повольниковъ, приводимыя изъ Новгорода. Мѣстные бояре изъ инородческихъ племенныхъ старѣйшинъ поддерживали свое значеніе своимъ вліяніемъ на подчиненное имъ племя, которое составляло какъ бы ихъ собственность и считало ихъ волю чуть не закономъ;

такъ что въ свою очередь изъ нихъ образовались у Литовцевъ свои племенные князья, сперва можетъ быть подручники Полотскихъ князей, а потомъ мало-по малу, съ ослабленіемъ Полотскаго княжескаго дома, достигшіе полной независимости и самостоятельности; этотъ разрядъ бояръ имѣлъ несравненно большее значеніе въ своемъ племени, нежели всѣ другіе разряды въ своихъ мѣстахъ. Бояре, образовавшіеся изъ богатыхъ колонистовъ-землевладѣльцевъ, опирались только на свои богатства и пространство принадлежащихъ имъ земель, населенныхъ вольными людьми какъ изъ колонистовъ, такъ и изъ туземцевъ; сіи бояре имѣли большую силу на Полотскомъ вѣчѣ, ибо живущіе на ихъ земляхъ свободные люди всегда держались ихъ стороны на вѣчѣ. Бояре-дружинники Полотскаго князя были сильны только княжескою властію и, съ ослабленіемъ этой власти въ Полотскѣ, бояре-дружинники, чтобы удержать свое значеніе, должны были присоединиться къ мѣстнымъ земскимъ боярамъ. Но этотъ разрядъ бояръ вмѣстѣ съ княземъ въ свое время имѣлъ громадное значеніе; онъ вмѣстѣ съ княземъ способствовалъ Полотску высвободиться изъ-подъ опеки Новгородскихъ бояръ-колонизаторовъ, державшихъ Полотскъ въ зависимости отъ Новгорода Великаго. Чтобы освободиться отъ этой зависимости, мѣстные бояре какъ изъ туземцевъ, такъ и изъ колонистовъ должны были примкнуть къ князю и княжимъ боярамъ-дружинникамъ, и тѣмъ самымъ съ перваго же раза сообщили имъ нѣкоторое земское значеніе.

Права бояръ въ Полотской землѣ раздѣлялись на два вида: права бояръ частныя въ ихъ поземельныхъ имѣніяхъ и права бояръ общественныя въ управле-

ніи Полотскою землею. Частныя права бояръ въ Полотской землѣ, точно также какъ и въ Новгородѣ, особенно у бояръ-туземцевъ, были громадныя. Власть боярина, особенно туземца, въ его поземельныхъ имѣніяхъ была неограниченна; онъ былъ полнымъ хозяиномъ собственникомъ въ своемъ имѣніи, и общественная власть не вступалась въ его частныя распоряженія. Конечно, бояре колонисты не имѣли по закону безграничной власти надъ свободными людьми, живущими на ихъ земляхъ по взаимному договору; слѣдовательно по закону власть боярина - колониста надъ крестьяниномъ, живущимъ на его землѣ, ограничивалась договоромъ; онъ могъ требовать съ крестьянина только то, что указано въ договорѣ, въ противномъ случаѣ крестьянинъ оставлялъ его землю; но такъ по закону, на дѣлѣ же въ жизни крестьянинъ закупъ всегда былъ въ рукахъ владѣльца. Ежели же что дѣйствительно ограничивало власть боярина землевладѣльца, то это единственно состояло въ томъ, что крестьянинъ, какъ свободный человѣкъ, какъ членъ общества, имѣлъ право участвовать на вѣчѣ; поэтому бояринъ старался жить въ ладахъ съ своимъ крестьяниномъ, чтобы имѣть его своимъ сторонникомъ на вѣчѣ. Впрочемъ это было не вездѣ; такъ особенно бояре изъ туземцевъ инородцевъ, собственно Литвиновъ, были полными владыками въ своихъ имѣніяхъ, даже имѣли свою дружину свободныхъ слугъ, живущихъ на ихъ содержаніи. Съ этою дружиною, покорною велѣніямъ землевладѣльца, онъ не только держалъ въ страхѣ земледѣльцевъ, обработывавшихъ его земли на себя и на него, но нерѣдко воевалъ съ своими сосѣдями, и при успѣхѣ или отнималъ у нихъ

ту или другую землю, или подчинялъ ихъ себѣ, и такимъ образомъ мало-по-малу увеличивалъ свои владѣнія и дѣлался княземъ, становился грозою всѣхъ живущихъ въ сосѣдствѣ, пока не сталкивался съ сильнѣйшимъ соперникомъ. О таковыхъ боярскихъ войнахъ между прочимъ мы имѣемъ прямое свидѣтельство въ договорной грамотѣ Полотска съ Ригою, писанной въ 1405 году, гдѣ сказано: «если бы какое стало нелюбье (война, набѣгъ) между мистеря и князя Великаго Витовта, или между боярами и командорами, или рыцарями, или дворянами на обѣ стороны, въ то купцамъ не вступатися, купцамъ пріѣхать и отѣхать чисто всегда». Въ этой грамотѣ не положено никакого различія между войнами государей и бояръ; и войны сіи такъ были обыкновенны и въ порядкѣ вещей по тогдашнему времени, что въ договорныхъ грамотахъ говорилось не о прекращеніи ихъ, а только о томъ, чтобы войны сіи, какъ дѣло совершенно частное, не препятствовали свободной торговлѣ купцовъ того и другаго народа.

Относительно общественныхъ правъ Полотскихъ бояръ, мы можемъ сказать, что земскіе бояре въ Полотскѣ принимали дѣятельное участіе въ управленіи, какъ вліятельнѣйшіе члены вѣча; безъ нихъ, кажется, не обходилось ни одно общественное дѣло. Во 1-хъ, бояре Полотскіе были необходимыми членами вѣча; по закону вѣче не могло состояться безъ участія бояръ; такъ въ уставной грамотѣ короля Казимира, данной Полотску въ 1456 году, сказано: «приказываемъ, чтобы бояре, и мѣщане, и дворяне городскіе, и весь народъ были въ согласіи между собою, а дѣла бы наши городскіе отправляли всѣ вообще и въ со-

гласіи по давному обычаю; а сходились бы на вѣчѣ всѣ вообще на обычномъ мѣстѣ, гдѣ издавна собирались вѣча; а безъ бояръ мѣщанамъ и дворянамъ городскимъ и черни вѣча не держать». Такимъ образомъ, по свидѣтельству настоящей грамоты, ссылающейся на давные обычаи, Полотскіе бояре искони были первенствующими представителями Полотской земщины на вѣчѣ, и правильное вѣче безъ бояръ не могло состояться, точно также, какъ это было и въ Великомъ Новгородѣ. И это исконное право бояръ удерживалось даже и тогда, когда уже много въ здѣшнемъ краю измѣнилось вслѣдствіе неестественнаго соединенія Литовско-Русскаго великаго княжества съ короною Польскою. Значитъ сіи права Полотскихъ бояръ вытекали изъ самаго строя общественной жизни Полочанъ, и такъ глубоко коренились въ немъ, что они держались еще и тогда, когда Польскія нововведенія неудержимо уже разъѣдали старый Полотскій бытъ.

Во 2-хъ, бояре въ Полотскѣ принимали участіе въ судѣ, и во внутреннемъ управленіи: на это мы имѣемъ довольно прямыя указанія въ дошедшихъ до насъ грамотахъ: такъ грамота В. К. Витовта къ Рижанамъ, писанная въ 1399 году, гласитъ: «Въ Полотскѣ Полочанамъ добрымъ людямъ цѣловать крестъ на томъ, что имъ чинити Нѣмцамъ всю правду и во всей торговлѣ, и во всякомъ торговомъ дѣлѣ. А рубежа не чинити промежъ себя на обѣ стороны, ни Нѣмцамъ, ни Полочанамъ, знати истицу истца». Здѣсь подъ добрыми людьми должно разумѣть большихъ лучшихъ людей бояръ, какъ это засвидѣтельствовано грамотою 1405 года; значитъ, по указанію настоящей грамоты,

судебная власть по крайней мѣрѣ въ Полотскѣ была въ рукахъ бояръ; они по грамотѣ цѣловали Нѣмцамъ крестъ, чтобы чинить всю правду, т. е. давать правый судъ. А ежели судъ былъ въ вѣдѣніи мѣстныхъ бояръ при Витовтѣ, то въ прежнее время при потомкахъ Изяслава и Всеслава, онъ тѣмъ болѣе принадлежалъ боярамъ, точно также, какъ въ Новгородѣ и Псковѣ вѣче обыкновенно выбирало ихъ въ судьи и разныя административныя должности. А уставная грамота Вел. Кн. Александра, данная Полотску въ 1499 году, еще яснѣе говоритъ объ участіи бояръ въ судѣ; въ ней сказано: «кому бы до кого дѣло было о землѣ, будь боярину до мѣщанина, а либо до путника, либо мѣщанину либо путнику до боярина; тые суды обязанъ судить намѣстникъ нашъ Полотскій съ старшими Полочанами боярами по давнему обычаю. А которыя бы дѣла были о границахъ земляныхъ, кто бы кому границу испортилъ, то также долженъ ѣхать намѣстникъ нашъ Полотскій, или послать бояръ разсудить то дѣло по давному обычаю». Эта грамота прямо показываетъ, что въ Полотскѣ судъ былъ устроенъ совершенно по-новгородски; какъ въ Новгородѣ на судѣ была княжая и земская сторона,—намѣстникъ или князь и отъ земщины посадникъ, и одинъ безъ другаго судить не могъ, точно также по грамотѣ и въ Полотскѣ на судѣ должны быть двѣ стороны: княжая—намѣстникъ и земская—старшіе бояре, очевидно замѣнявшіе въ Полотскѣ посадника.

Въ 3-хъ, по памятникамъ мы знаемъ, что бояре Полотскіе въ качествѣ членовъ вѣча вступали въ сношенія съ сосѣдними правительствами, и всѣ договор-

ныя грамоты писались съ участіемъ бояръ. Такъ дошедшія до насъ договорныя грамоты Полотска съ Ригою писаны отъ имени бояръ и купцовъ, или отъ имени большихъ и меньшихъ людей, и отъ всего Полотска, совершенно также, какъ это дѣлалось въ Новгородѣ Великомъ. Такъ въ договорной грамотѣ между Полотскомъ и Магистромъ Ливонскимъ, писанной въ 1405 году, сказано: «А се мы Полочане всѣ добрые (большіе) люди и малые, надѣючись на Бога святаго Софеи милость и князя Велпкаго Витовта здоровье, хочемъ съ тобою князь Местерю любовь держати». Или въ грамотѣ 1470 года: «отъ бояръ Полотскихъ, и отъ пана Олехна намѣстника Полотскаго, и отъ мѣщанъ (купцовъ), и отъ всего поспольства Полотскаго (черныхъ людей) мѣста, доброродным и почестливымъ мужамъ, панамъ бурмистрамъ и войтамъ, и всѣмъ ратманамъ мѣста Рижскаго». Конечно, представленныя здѣсь грамоты относятся къ болѣе позднему времени, когда Полотская земля уже принадлежала Литовской династіи Гедиминовичей; но форма сихъ грамотъ несомнѣнно принадлежитъ къ древнѣйшему періоду, она совершенно сходна съ формою Новгородскихъ грамотъ, и прямо указываетъ на такое же общественное значеніе бояръ въ Полотскѣ, какъ и въ Великомъ Новгородѣ.

Въ 4-хъ. Бояръ мы встрѣчаемъ послами къ иноземнымъ правительствамъ, и при томъ послами даже отъ бояръ, какъ это дѣлалось въ Новгородѣ: такъ въ грамотѣ отъ Полочанъ къ Рижанамъ, писанной въ 1478 году, сказано: «И нонѣчи послали Полоцкіе бояра и мѣщане, и все поспольство Полоцкое мѣсто свои послы Полоцкіи и съ вѣрющимъ листомъ, отъ

бояръ на имя панъ Сенько Радьковичь, а отъ мѣщанъ панъ Евлашко Ѳедоровичь, панъ Зиновей Боцько, до вашей ратуши, до всего Рижскаго мѣста». Эта грамота даетъ весьма важное указаніе, что бояре въ Полотскѣ, подобно какъ въ Новгородѣ, участвовали въ правленіи общественными дѣлами, не только какъ выборныя должностныя лица, но и какъ цѣлое сословіе, какъ особый классъ гражданъ; иначе бы посольство отъ бояръ, какъ отъ должностныхъ лицъ, было бы немыслимымъ. Бояре принимали участіевъ пріемѣ иностранныхъ пословъ и въ переговорахъ съ ними. Такъ въ уставной грамотѣ 1499 года сказано: «А коли отколѣ послы пріѣдутъ объ обидныхъ дѣлахъ земскихъ, изъ Новгорода изъ Пскова, въ Слукъ или отъ Нѣмецъ, то намѣстнику нашему Полотскому съ старшими бояры Полотскими, пословъ приняти и отправити».

Купцы. Вторымъ классомъ въ Полотскомъ обществѣ были купцы, въ послѣдствіи подъ Польскимъ вліяніемъ переименованные въ мѣщанъ. Что купцы именно составляли второй классъ общества, непосредственно слѣдовавшій за боярами, объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ уставная грамота короля Казимира, данная Полотску въ 1456 году, въ ней сказано: «что для храненія казны общественной или городской, должны быть выбраны два человѣка отъ бояръ, два человѣка отъ мѣщанъ (купцовъ), два человѣка отъ дворянъ городскихъ, два человѣка отъ поспольства (черныхъ людей) и отдать имъ скрыню или сундукъ съ казною, подъ четырмя ключами, подъ боярскимъ, подъ мѣстскимъ, подъ дворянскимъ и отъ черныхъ людей или поспольства. А чтобы бояре, и мѣщане, и дворяне

городскіе и все поспольство въ згодѣ (согласіи) между собою были, а дѣла бы городскія всѣ згодно посполу справляли по давному обычаю». По свидѣтельству настоящей грамоты таковые порядки соблюдались въ Полотскѣ издавна, по давному обычаю. Да это и не могло быть иначе. Полотскъ всегда былъ однимъ изъ значительнѣйшихъ торговыхъ городовъ въ древней Руси; къ нему стягивалась вся западная торговля, почти точно также, какъ и къ Великому Новгороду; Полотскъ не переставалъ быть торговымъ центромъ для здѣшняго края даже тогда, когда Великокняжескою столицею сдѣлалась Вильна; свободною торговлею въ Полотскѣ дорожили и Рижскіе Нѣмцы, какъ свидѣтельствуютъ многіе дошедшіе до насъ торговые договоры Риги съ Полотскомъ; сюда сходились товары изъ Новгорода, Пскова, Смоленска, Кіева и даже изъ Москвы, какъ видно изъ тѣхъ же договоровъ, не говоря уже о товарахъ сѣверо-западнаго края, для которыхъ Полотскъ былъ главнымъ рынкомъ. При таковомъ значеніи Полотска, и принимая въ соображеніе, что Полотскъ былъ построенъ и колонизованъ самымъ торговымъ на Руси племенемъ — Новгородцами, и что все первоначальное устройство Полотска было чисто Новгородское, конечно не можетъ быть и сомнѣнія, въ томъ, что классъ купцовъ въ Полотской землѣ былъ самымъ сильнымъ и вліятельнымъ и первымъ послѣ класса бояръ.

Приведенная нами грамота короля Казимира свидѣтельствуетъ, что въ Полотскѣ купцы участвовали въ общественномъ управленіи вмѣстѣ съ другими классами общества; то же самое подтверждаютъ и всѣ договорныя грамоты Полотска съ Ригою; такъ гра-

мота 1465 года въ Ригу была писана отъ купцовъ и черныхъ людей: «отъ мѣщанъ Полотскихъ и отъ всего поспольства Полоцкаго сосѣдамъ нашимъ пану бурмистру и радцамъ». Сказано въ грамотѣ, или въ грамотѣ 1475 года написано: «сусѣдамъ нашимъ пану войту, бурмистру и радцамъ и мѣщанамъ, и всему поспольству Рижскаго мѣста, наша пріязнь на всѣ часы отъ бояръ Полоцкихъ и отъ мѣщанъ и всего поспольства Полоцкаго мѣста». Это постоянное упоминаніе объ участіи купцовъ Полотскихъ въ общественныхъ дѣлахъ совершенно сходно съ подобнымъ упоминаніемъ въ Новгородскихъ грамотахъ, ясно показываетъ, что въ Полотскѣ, также какъ и въ Новгородѣ, купцы составляли отдѣльный классъ общества, имѣли свое общественное устройство, свою управу и своихъ выборныхъ начальниковъ. До насъ не дошло никакихъ извѣстій объ устройствѣ купеческаго класса въ Полотскѣ, и кто тамъ считался купцомъ: но принимая въ соображеніе, что Полотскъ былъ дитя Новгорода великаго и во всемъ слѣдовалъ Новгородскимъ порядкамъ: мы утвердительно можемъ сказать, что въ Полотскѣ тотъ только былъ полнымъ настоящимъ купцомъ, кто вложился въ ту или другую купеческую общину, что вполнѣ подтверждается и устройствомъ купеческаго класса въ Смоленскѣ, гдѣ купцы раздѣлились на истыхъ или правыхъ купцовъ, вложившихся въ ту или другую купеческую общину, и неправыхъ купцовъ, т. е. невложившихся въ купеческую общину. А Смоленскъ былъ колоніею Полотска; слѣдовательно, ежели въ Смоленскѣ общественное устройство купцовъ было одинаково съ Новгородскимъ, то конечно оно было таковымъ же и въ

Полотскѣ,—метрополіи Смоленска, откуда Смоленскъ заимствовалъ свое общественное устройство. Такимъ образомъ хотя безъ прямыхъ данныхъ свидѣтельствъ, тѣмъ не менѣе мы можемъ безошибочно принять, что устройство купеческаго класса въ Полотскѣ и всей Полотской землѣ было чисто Новгородское. По этому устройству купечество и въ Полотскѣ, какъ въ Новгородѣ, дѣлилось на общины, каждая съ своимъ складочнымъ капиталомъ, съ своими выборными начальниками или старостами. Общины сіи составлялись изъ купцовъ торгующихъ или однимъ видомъ товаровъ, напримѣръ—вощаники, кожевники, или съ однимъ какимъ-либо краемъ,—напримѣръ съ Новгородомъ, Смоленскомъ, Ригою или за моремъ—заморскіе купцы. Разъ вложившійся въ общину, т. е. внесшій опредѣленный капиталъ, считался на всю жизнь пошлымъ купцомъ, и не только самъ внесшій, но и его потомство по наслѣдству. Изъ сихъ-то пошлыхъ или прямыхъ купцовъ избирались старосты въ купеческія общины или сотни.

Лучшимъ доказательствомъ, что купечество въ Полотской землѣ не было безобразною неорганизованною массою, а дѣлилось нагруппы или общины хорошо устроенныя, служитъ то, что несмотря на всѣ стѣсненія, которымъ подвергалось Полотское купечество, по соединеніи великаго княжества Литовскаго и Польскимъ королевствомъ, Полотскіе куцы во всѣхъ своихъ городахъ нѣсколько столѣтій умѣли еще отстаивать свои права и упорно боролись съ Жидами, которые наѣхали сюда вмѣстѣ съ Поляками и находились подъ постояннымъ покровительствомъ Великихъ Князей Литовскихъ, начиная съ Ягайлы и Витовта.

Жидамъ, захватившимъ теперь всю промышленность здѣшняго края, никоимъ образомъ не удалось бы достигнуть этого; Полотскіе купцы никакъ бы не выпустили промышленности изъ своихъ рукъ, ежели бы само правительство, по происканъ Поляковъ, не поддерживало Жидовъ и не передавало имъ монополіи въ промыслахъ. На это мы имѣемъ нѣсколько прямыхъ свидѣтельствъ въ памятникахъ; такъ въ первой же дошедшей до насъ жалованной грамотѣ В. К. Витовта, данной Жидамъ въ 1388 году, сказано: «христіанинъ, ранившій Жида, долженъ удовлетворить Жида тою же пенею какъ и шляхтича. А еслибы кто сталъ требовать у Жида уплаты залога въ день субботный, или бы учинилъ въ его домѣ гвалтъ, то долженъ быть наказанъ точно также, какъ и грабитель государевой казны». Эта первая грамота прямо ставитъ Жидовъ въ такое же положеніе какъ и шляхту и даже выше; при таковомъ положеніи купцы сразу же были постановлены ниже Жидовъ. А далѣе Жиды сдѣлались сборщиками податей и откупщиками; ими Поляки пользовались какъ вѣрнымъ и усерднымъ орудіемъ, чтобы тѣснить Русскихъ людей въ здѣшнемъ краѣ, и давали имъ всѣ возможныя привиллегіи и льготы. Такъ великимъ княземъ Витовтомъ и его преемниками Жиды во всемъ великомъ княжествѣ Литовскомъ по всѣмъ городамъ были освобождены не только отъ военной службы лично, но и отъ всѣхъ расходовъ и повинностей военныхъ, лежавшихъ на остальныхъ жителяхъ, какъ прямо вычислено въ грамотѣ Жигимонта, данной Литовскимъ Жидамъ въ 1514 году. Разными привиллегіями, льготами и стремленіемъ къ монополіи, Жиды въ какія-либо сто лѣтъ такъ успѣли на-

доѣсть народу въ сѣверо-западномъ краѣ, что при королѣ Александрѣ, правительство по требованію народа принуждено было, выгнать ихъ оттуда; но они при помощи Поляковъ опять были приглашены самимъ Александромъ на его имя и получили обратно всѣ отнятые у нихъ при изгнаніи домы и земли и утверждены во всѣхъ прежнихъ правахъ и льготахъ особою грамотою Александра, и эта грамота въ 1507 году подтверждена Александровымъ преемникомъ его, братомъ Сигизмундомъ, который грамотою 1533 года еще болѣе распространилъ привиллегіи, онъ нетолько снова подтвердилъ всѣ прежнія льготы Жидамъ; но и предписалъ судить ихъ чрезвычайнымъ особеннымъ судомъ по ихъ привиллегіямъ, несправляясь съ только-что изданнымъ Литовскимъ статутомъ. Но всѣ привиллегіи и льготы, которыми ополяченное правительство снабжало Жидовъ, нуждаясь въ ихъ пособіи для окончательнаго порабощенія народа, еще не могли вырвать промышленности изъ рукъ Полотскихъ купцовъ. Полочане, потомки Новгородцевъ, еще продолжали борьбу за свою промышленность, и даже во второй половинѣ XVI столѣтія вели переговоры съ Ригою и хлопотали о свободѣ и выгодахъ своей торговли. Такъ въ договорной грамотѣ 1553 года они отстаивали еще свое древнее право не пропускать Нѣмецкихъ товаровъ въ Смоленскъ и Литву мимо Полотска, а чтобы Нѣмцы торговали свободно только въ Полотскѣ. Въ этомъ дѣлѣ даже Магдебургское право, навязанное Полотску въ 1498 году, и отъ котораго успѣли ловко уклониться Евреи, не могло мѣшать Русскимъ купцамъ. И Евреи, не смотря на покровительство Поляковъ и ополяченныхъ здѣшнихъ князей и пановъ, или прежъ-

нихъ бояръ, только уже въ XVIII столѣтіи успѣли окончательно забрать въ свои руки промышленность здѣшняго края. Значитъ, здѣшнее купечество было хорошо организовано, ежели въ продолженіи 400 лѣтъ умѣло защищать свои права и обороняться отъ напора Жидовъ, покровительствуемыхъ и ополяченнымъ правительствомъ и Латинскимъ духовенствомъ, и мѣстными боярами или панами, измѣнившими и своей религіи и своей національности, и не могшими жить безъ услужливыхъ Жидовъ. Такимъ образомъ паденіе здѣшней Русской промышленности условливалось не недостаточнымъ устройствомъ и слабостію здѣшняго Русскаго купечества, а цѣлою массою политическихъ происковъ, стремившихся постоянно къ тому, чтобы подавить здѣсь все Русское.

Главною и существенною опорою для здѣшнихъ купцовъ конечно было то, что по первоначальному, чисто Новгородскому устройству купцы хотя и составляли отдѣльный и самостоятельный классъ общества; но тѣмъ не менѣе они были тѣсно связаны съ земскими боярами и по всѣмъ городамъ Полотской земли вмѣстѣ съ боярами были главными и самыми вліятельными руководителями мѣстнаго общества какъ на вѣчѣ, такъ въ управленіи и въ сношеніяхъ съ сосѣдями. Они подобно боярамъ были значительными землевладѣльцами, и ихъ интересы почти не разнились съ интересами бояръ, ибо и бояре болѣе или менѣе участвовали въ торговлѣ. А посему первою и старѣйшею причиною ослабленія здѣшняго купечества была измѣна мѣстныхъ бояръ народнымъ началамъ и переходъ на сторону Поляковъ; за тѣмъ ополяченное правительство, подъ видомъ вниманія къ купе-

честву, нанесло ему сильный ударъ дарованіемъ Магдебургскаго права разнымъ Полотскимъ городамъ. Магдебургское или Нѣмецкое право по видимому давало значительныя привиллегіи купечеству, предоставляя ему самостоятельный судъ и управленіе независимо отъ земскаго суда и управленія; но на дѣлѣ далеко было не такъ: по милости Магдебургскаго права окончательно и по закону была оборвана связь между купцами и боярами, и купцы были поставлены не только въ какое-то отчужденное положеніе, но даже и враждебно въ отношеніи къ земскимъ боярамъ. При томъ же Магдебургское право своими Нѣмецкими формами, вовсе несогласными съ народнымъ духомъ, крайне стѣсняло свободу промысловъ, чѣмъ какъ не надо лучше воспользовались Евреи, ловко уклонившись отъ подчиненія Магдебургскому праву. Отсюда и вышло то, что, по милости Магдебургскаго права, почти по всѣмъ городамъ Русскому купечеству приходилось бороться почти связанному разными ненужными и даже вредными для развитія промысловъ формами; тогда какъ его соперники Евреи пользовались не только поддержкою ополяченнаго правительства, но и совершенною свободою промысловъ; не стѣснялись ни какими неумѣстными формами. Конечно, борьба связаннаго по рукамъ и по ногамъ съ соперникомъ совершенно свободнымъ, должна была кончиться побѣдою послѣдняго. Но, повторяю опять, что эта 400 лѣтняя борьба, не смотря на всю невыгодность обстановки, служитъ лучшимъ доказательствомъ, какъ хорошо и крѣпко было первоначально установлено устройство купеческаго общества въ Полотской землѣ, и какими способностями и энергіей отличалось та-

мошнее купечество, — это прямое истое дитя Новгорода великаго, вѣрное началамъ своей родины, одно такъ долго боровшееся за вѣру отцовъ и за все Русское въ Полотской землѣ и полегшее костьми въ этой неровной борьбѣ.

Договорныя грамоты Полотска и Полотскихъ князей съ Нѣмцами показываютъ, что Полотскіе купцы также крѣпко стояли за права своей торговли, какъ Новгородскіе купцы за права своей торговли, и торговля Полочанъ съ Нѣмцами, также какъ и торговля Новгородцевъ, доходила до Готланда и Любека. Такъ въ грамотѣ 1267 года сказано: «А Полочанамъ и Видблянамъ вольное торгованье въ Ригѣ и на Готскомъ берегѣ и въ Любекѣ». Полочане даже въ XV столѣтіи договаривались съ Нѣмцами за торговлю всего Литовскаго княжества, какъ главные представители этой торговли; какъ въ грамотѣ 1405 года сказано: «Мы Полочане всѣ добрые люди и малые, надѣючись на Бога и Св. Софіи милость и князя Великаго Витовта здоровье, хочемъ съ тобою князь Местерь любовь держати и съ твоею братьею со всѣми рыцарями; также хочемъ съ вами Рижскіе ратманы и со всѣми Рижскими купцами между собою пріязньство держати и любовь на обѣ стороны крѣпко. Вамъ нашего Полочанина оберегать, какъ своего брата Нѣмчина въ Ригѣ; а намъ Полочанамъ вашего Нѣмчина также потомужъ беречь въ Полотскѣ. А торговати по старому закону всякую торговлю, купить и продать. А торговать Нѣмецкому купцу съ гостемъ Литовской земли добровольно. А съ Новгородцами Нѣмецкому купцу торговать, а промежи ихъ ходить нашему Полочанину; ибо насъ Новгородцы не пускаютъ

въ Нѣмецкій дворъ торговать безъ своего Новгородца. А съ Москвичами торговать вашимъ Нѣмцамъ, и также нашему Полочанину межи ими ходить торговать, ибо Москвичи на насъ берутъ тамгу. А восковый вѣсъ держать по старому закону, чтобы нашъ берковескъ восковый былъ больше вашего берковеска полупудомъ Рижскаго вѣса; а серебряные вѣсы Рижскіе держать больше Полотскихъ серебряныхъ вѣсовъ полузолотникомъ. А соль вѣсить пуднымъ ремнемъ, а соляной берковескъ учинить въ восковый берковескъ. А бѣлка купить, а наметъ давать, а во дворъ не брать. А мимо города Полотска Нѣмецкому гостю не ходить, торговать Нѣмцамъ въ Полотскѣ; а малой вамъ торговли не купить въ Полотскѣ въ розницу, а корчмы вамъ у насъ въ Полотскѣ не держать. А вѣсцамъ нашимъ и вашимъ кресты цѣловать, что имъ право вѣсить на обѣ стороны. А коней намъ у васъ въ Ригѣ покупать, на чемъ ѣхать въ верхъ, а отъ ногъ не брать (пошлины). А извинится нашъ Полочанинъ въ Ригѣ; то Нѣмцамъ въ Ригѣ его не казнить, отпустить его въ верхъ, и тамъ его казнятъ свои Полочане. А извинится Нѣмчинъ въ Полотскѣ, пустить его въ Ригу, и тамъ его судятъ свои по своему праву. А рубежа нечинить, знати истцу истца. А торговцу пріѣхати и отъѣхати чисто на обѣ стороны». (Русск. Лпвон. Ак. № 254). А въ Рижской грамотѣ того же года, это выражено такъ: «Ажъ бы какое стало нелюбье между Местеремъ и княземъ великимъ Витовтомъ, любо между боярами, либо командорами, любо между рыцарями, или дворянами, на обѣ стороны, въ то купцамъ не вступаться; купцу пріѣхать и отъѣхать чисто всегда. Потомъ учинится

какая замѣшка на рубежѣ, до того купцамъ дѣла нѣтъ, купцу въ то не вступаться; знати истцу истца во всякомъ дѣлѣ». (ibid. № 253) Или въ грамотѣ 1407 года: «Полочанамъ въ Ригѣ и Рижанамъ въ Полотскѣ никакою малою торговлею не торговати, что розницею зовутъ; а то мы какъ въ Полотскѣ, а Рижане въ Ригѣ учинимъ и поставимъ, а любо какъ можемъ между собою уравнять. Также могутъ Полочане мимо Риги въ землю, а Рижанамъ мимо Полотска въ землю, куда хочутъ, то на обѣ стороны между нами вольно и водою и землею». Или въ грамотѣ 1478 года мы имѣемъ прямое свидѣтельство, что купцы также, какъ и бояре въ Полотскѣ, отправляли вмѣстѣ посольства для переговоровъ съ сосѣдями; значитъ купцы принимали участіе въ правленіи вмѣстѣ съ боярами. Въ грамотѣ сказано: «И конѣчи послали бояре Полотскіе, и мѣщане, и все посольство Полотское мѣсто своп послы Полотскіе и съ вѣрющимъ листомъ, отъ бояръ панъ Сенько Радковичь, отъ мѣщанъ панъ Евлашко Ѳедоровичь, панъ Зиновій Боцко до вашей ратуши и всего Рижскаго мѣста; и Рижане выбрали отъ своихъ: ратмановъ три, а купцовъ три; иноѣтыи съ Божіею помощію и Святаго Духа въеднали и докончали». Или изъ грамоты 1479 года видно, что Полочане и въ это время еще не оставляли своей заморской торговли и требовали у Рижанъ, чтобы Полочанамъ былъ свободенъ путь за море. Въ грамотѣ сказано: «А какъ Гарманъ вашъ слюбилъ намъ и руку далъ, что нашимъ купцамъ Полочанамъ за море путь чистъ торговати; и мы по тому слюбенью по Гарманову вашихъ купцовъ пропустили къ Витебску и къ Смоленску, онижъ и на Москвѣ побывали. А какъ

слюбите намъ, что нашимъ купцамъ Полочанамъ дадите за море путь чистъ торговать водою и сухимъ путемъ; и мы нынѣ пропустимъ вашихъ купцовъ къ Смоленску и Витебску по старому» (ibid. № 266). Или тоже подтверждается въ другой грамотѣ, писанной около того же времени: «отъ бояръ Полотскихъ и отъ мѣстичовъ и отъ всего поспольства къ нашимъ милымъ сосѣдямъ и пріятелямъ посадникамъ Рижскимъ и ратманамъ, что пишете къ намъ, жалуясь на насъ, что вашихъ купцовъ не пустимъ мы ни до Витебска, ни до Смоленска; а вѣдь же панове вѣдаете мы и вы, что между насъ и васъ есть старыя записи, что нашимъ мимо Риги путь чистъ землею и водою, а вашимъ мимо Полотска путь чистъ водою и землею, кто куда хочетъ; ино коли насъ пустите по старымъ записямъ водою и землею мимо Риги, ино и вашимъ путь чистъ мимо Полотска водою и землею, кто куда захочетъ» (ibid. № 279). Такимъ образомъ купцы въ Полотской землѣ имѣли такое же значеніе, какъ и въ Новгородѣ Великомъ, и нисколько не уступали Новгородскимъ купцамъ ни въ предпріимчивости, ни въ развитіи промысловъ, и имѣя одинаковое съ ними общественное устройство, также твердо держались этого устройства. Они въ древнее время при династіи Изяслава Владимировича были самыми сильными и опасными соперниками Новгородцевъ на торговомъ поприщѣ и, кажется, на этомъ поприщѣ не рѣдко сталкивались другъ съ другомъ; по крайней мѣрѣ въ старые годы постоянная вражда между Полотскомъ и Новгородомъ ни чѣмъ другимъ не можетъ быть объяснена, какъ торговымъ соперничествомъ.

Городскіе дворяне.

Третьимъ классомъ въ Полотскомъ обществѣ, по свидѣтельству уставной грамоты 1465 года, были городскіе дворяне. Когда образовался этотъ классъ Полотскаго общества, мы на это не имѣемъ прямыхъ свидѣтельствъ. Но ежели принять городскихъ дворянъ за одно съ Новгородскими гридями; то должно допустить, что этотъ классъ былъ одинъ изъ древнихъ, образовавшихся еще при князьяхъ изъ Изяславова дома. Это, по всему вѣроятію, были служилые люди Полотской земщины, подобно Новгородскимъ гридямъ или Псковскимъ своеземцамъ; но въ Полотскѣ они составляли третій классъ общества, а въ Новгородѣ второй; слѣдовательно значеніе гридей въ Новгородѣ было выше, нежели значеніе городскихъ дворянъ въ Полотскѣ. Тѣмъ не менѣе какъ въ Новгородѣ, такъ и въ Полотскѣ, они имѣли свои земли, данныя имъ за службу вѣчемъ на личномъ правѣ, а не на общинномъ; а потому они и тамъ и здѣсь носили еще названіе своеземцевъ или земцевъ. По свидѣтельству уставной грамоты городскіе дворяне были членами городскаго общества и участвовали въ дѣлахъ городскаго управленія и на вѣчѣ, какъ прямо сказано въ грамотѣ: «а безъ бояръ мѣщаномъ и дворянамъ городскимъ и поспольству сеймовъ (вѣча) не надобѣ чинить». А что городскіе дворяне имѣли свои земли въ уѣздѣ, объ этомъ свидѣтельствуетъ грамота Великаго Князя Александра, данная Полотскому намѣстнику въ 1497 году, въ которой сказано: «его милость отецъ нашъ король Казимиръ дозволилъ мѣщаномъ Полотскимъ и дворяномъ городскимъ и волостнымъ людямъ въ тѣхъ рѣкахъ, что въ ихъ земляхъ рѣки гонныя, бобры гонити и ловити имъ самимъ на себя, и платить за это

ежегодно по двѣсти рублей грошей Литовскихъ широкихъ». По уставной грамотѣ, данной Полотску въ 1499 году, объ обязанностяхъ городскихъ дворянъ сказано, что они должны сопровождать государственныхъ пословъ; въ грамотѣ написано: «А коли мы пошлемъ посла нашего, или намѣстникъ Полотскій по нашему приказанью до Новгорода, до Пскова, до Лукъ, або до Риги о земскихъ дѣлахъ обидныхъ; тогда путники должны давать посламъ коней, а дворяне городскіе ѣздить съ ними по давнему обычаю». А по уставной грамотѣ, данной въ 1501 году Бѣльзской области, дворяне сіи подъ именемъ земянъ обязаны были поочередно держать караулы въ городѣ.

Четвертый классъ въ городахъ Полотской земли составляли *черные люди*. Они по грамотѣ 1456 года также участвовали въ городскомъ управленіи и были членами вѣча, согласно съ древнимъ Новгородскимъ устройствомъ. Они назывались черными людьми потому, что жили на черной или на общинной землѣ, т. е. не имѣли въ городѣ своихъ вотчинныхъ земель или дворовъ. Къ чернымъ людямъ въ городахъ причислялись: во 1-хъ, торговцы не записанные членами ни въ одну купеческую общину, и по сему неимѣвшіе права пошлыхъ или прямыхъ купцовъ; во 2-хъ, разные ремесленники, таковы: золотари, сѣдельники, портные, сыромятники, сапожники, пивовары, гончары, плотники и подобн. и даже по одной грамотѣ скоморохи; и въ 3-хъ, чернорабочіе, ежели они имѣли дома на общинной землѣ и несли городскія повинности, или тянули въ городское тягло. Черные люди, какъ и купцы, жили общинами и имѣли своихъ выборныхъ начальниковъ или старостъ, которые

Черные люди.

завѣдывали дѣлами своей общины, но сами зависѣли отъ общиннаго вѣча и находились подъ его контролемъ.

При вѣчевыхъ Новгородскихъ порядкахъ, соблюдавшихся долгое время и въ Полотской землѣ, черные люди, какъ члены вѣча, равноправные со всѣми другими классами, имѣли большое значеніе въ общемъ строѣ Полотскаго общества; но это значеніе не было такъ продолжительно и твердо, какъ это было во Псковѣ, также колоніи великаго Новгорода. Псковъ, какъ извѣстно изъ его исторіи, съ половины XIII столѣтія принялъ чисто демократическое направленіе и постоянно держался и развивалъ его въ своемъ устройствѣ до конца своего самостоятельнаго существованія; Полотскъ по своимъ мѣстнымъ обстоятельствамъ, напротивъ, довольно рано сталъ подъ вліяніе аристократическаго направленія. Судьба Полотска первоначально была одинакова съ судьбою Пскова; тотъ и другій городъ, какъ колоніи Новгорода, первоначально были въ рукахъ своихъ колонизаторовъ, Новгородскихъ бояръ. Хотя по Новгородскимъ порядкамъ въ томъ и другомъ городѣ воля цѣлаго народа выражалась вѣчѣмъ, на которомъ имѣли равное право голоса всѣ классы общества, и большіе и меньшіе, или старшіе и молодшіе; но какъ меньшіе были выведены въ колонію большими на ихъ же средства, или при ихъ пособіи; то естественно они должны были находиться въ большой зависимости отъ своихъ благотворителей. А по сему вѣче какъ въ Полотскѣ, такъ и во Псковѣ, первоначально было въ рукахъ большихъ людей и большіе люди руководили имъ по своему усмотрѣнію; но съ первыхъ же годовъ поселенія

тотъ и другой городъ должны были идти по разнымъ направленіямъ и постепенно расходиться на своемъ дальнѣйшемъ пути. Псковъ по мѣстнымъ обстоятельствамъ долженъ былъ вести постоянную и упорную борьбу съ воинственными сосѣдями Летыголою и Чудью, которые не давали покоя колонистамъ и вынуждали Псковичей къ постоянной мелкой войнѣ, которая изъ каждаго Псковича выработала сѣвернаго казака, человѣка воинственнаго, неуступчиваго и находчиваго. Напротивъ того, на долю Полотска, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, выпалъ жребій жить болѣе мирнымъ трудомъ, чѣмъ войною; сосѣди Полочанъ мирные, почти не выходившіе изъ своихъ лѣсовъ Литвины, и родственные Дреговичи, при появленіи въ здѣшнемъ краю Полочанъ, не выказали большаго упорства, вскорѣ вошли въ союзъ съ Полотскомъ и признали его власть и главенство; и тѣмъ конечно не способствовали развитію въ Полочанахъ той воинственности, какая выработалась у Псковичей. Среди мирныхъ и покорныхъ сосѣдей Полочанину не зачѣмъ было обращаться въ казака; сосѣдомъ же неукротимыхъ Ятвяговъ онъ сдѣлался позднѣе, когда уже сложился его народный характеръ. Все это естественно давало средства первоначальнымъ колонизаторамъ, большимъ людямъ, распространить свое вліяніе на черныхъ людей, не имѣвшихъ случая выработать свой характеръ въ ежедневной мелкой войнѣ. Большія же войны значительными отрядами подъ начальствомъ большихъ людей, хотя и вырабатывали воинственность въ Полочанахъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ пріучали ихъ къ повиновенію своимъ вождямъ, т. е. большимъ людямъ. Къ тому же большіе

люди или бояре колонизаторы въ Полотской землѣ мало-по-малу усилились еще тѣмъ, что къ нимъ стали присоединяться большіе люди изъ туземцевъ, т. е. бояре изъ Дреговичей и особенно наслѣдственные старѣйшины въ Литвѣ, изъ коихъ многіе, какъ мы уже знаемъ, сдѣлались племенными князьями, и пользовались въ своихъ племенахъ большею властію, чѣмъ бояре колонизаторы надъ колонистами. Этотъ союзъ колонизаторовъ съ большими людьми изъ туземцевъ незамѣтно усилилъ и колонизаторовъ. Все это поставило черныхъ людей въ Полотской землѣ въ несравненно менѣе выгодное положеніе, чѣмъ стояли они въ Новгородѣ, не говоря уже о Псковѣ.

Тѣмъ не менѣе черные люди въ Полотскихъ городахъ, опираясь на свое общинное устройство, имѣли еще достаточное значеніе въ общественныхъ дѣлахъ своего города, и не были совершенно безгласными на вѣчѣ, и даже по грамотѣ 1456 года вѣче не могло состояться безъ черныхъ людей или посполъства, и даже расходы общественной казны были невозможны безъ участія и согласія черныхъ людей; ибо и у нихъ былъ свой ключь отъ общественной скрыни или сундука, и безъ этого ключа скрыни нельзя было отпереть. Но по мѣрѣ того какъ съ перемѣною династіи древнихъ Полотскихъ князей здѣшній край сталъ постепенно входить въ тѣсныя связи съ Польшею, вслѣдствіе принятія великимъ княземъ Ягайломъ Ольгердовичемъ Польской короны, постепенно падало и значеніе черныхъ людей. Полотскіе и Литовскіе бояре, увлеченные Польскими панами, продавая независимость своего отечества и даже измѣняя вѣрѣ и національности, подъ руководствомъ сво-

ихъ новыхъ союзниковъ и наставниковъ, мало-помалу стали стѣснять и уменьшать прежнее значеніе черныхъ или меньшихъ людей. Подражая своимъ наставникамъ Польскимъ панамъ и шляхтѣ, заслужившимъ въ исторіи печальную извѣстность мироѣдовъ и безсовѣстныхъ угнетателей народа или меньшихъ людей, здѣшніе бояре, окрестивши черныхъ людей въ Польское поспольство, постепенно ко времени полнаго соединенія Литвы съ Польшею достигли того, что окончательно сравняли здѣшнихъ меньшихъ людей съ Польскимъ поспольствомъ, и, лишивши ихъ почти всѣхъ правъ и всякаго значенія, выдали на разореніе своимъ пособникамъ-жидамъ. Паденію черныхъ городскихъ людей много способствовало еще то, что въ слѣдъ за соединеніемъ Литвы съ Польшею по браку Ягайлы Литовскаго съ Ядвигой, королевой Польской, самые города мало-по-малу стали поступать въ вотчины служилыхъ князей и сильныхъ магнатовъ, то въ качествѣ подарковъ за службу, то какъ староства и воеводства, принявшія характеръ наслѣдственныхъ владѣній. Такъ въ 1499 году королемъ Александромъ даны были въ вотчину служилому князю Жеславскому Михаилу города Мстиславль и Мглинъ, съ правомъ не только пользоваться всѣми доходами съ сихъ городовъ и уѣздовъ и правомъ передать въ наслѣдство; но и съ правомъ продажи и промѣна, и безотчетнаго распоряженія по своему усмотрѣнію. Съ поступленіемъ городовъ и ихъ уѣздовъ въ частную собственность сильныхъ магнатовъ, естественно всѣ права городскихъ жителей, теряли свое прежнее значеніе, и граждане, дотолѣ свободные, поступали въ зависимость отъ владѣльцевъ.

Уѣздные жители.

Жители уѣздовъ или повѣтовъ главнымъ образомъ раздѣлялись на землевладѣльцевъ и черныхъ людей, землевладѣльцы въ свою очередь дѣлились на большихъ землевладѣльцевъ князей, пановъ или большихъ бояръ, которымъ принадлежали огромныя поземельныя имѣнія, населенныя свободными и несвободными поселенцами, и на мелкихъ землевладѣльцевъ, называвшихся путниками и панцырными боярами. Сіи мелкіе землевладѣльцы обыкновенно жили слободами или застѣнками, какъ въ послѣдствіи подъ Польскимъ вліяніемъ стали называть ихъ поселенія.

Путники и панцырные бояре.

Путники и панцырные бояре не принадлежали къ аристократіи, они скорѣе представляли собою особый разрядъ тяглыхъ людей. Въ уставной грамотѣ 1529 г. въ §14 сказано: «Боярове наши путные и осочники, которые съ стародавна повинни войну служить и сѣна косити, также тѣжъ рыболове, бортники и иншіе подданные дворовъ нашихъ; которые тяглые службы не служатъ, тыи будутъ повинни 12 денъ въ году на толоку до дворовъ нашихъ служити, и на каждый годъ до скарбу нашего, на день св. Мартына, будутъ повинни осаднаго платить по копѣ грошей (Ак. Зап. Рос. Т. II, № 159). Въ настоящей грамотѣ говорится о путникахъ, поселенныхъ на государевыхъ или велико-княжескихъ земляхъ; но были еще путники, поселенные на общественныхъ земляхъ, и наконецъ путники на земляхъ, состоящихъ въ вѣдѣніи намѣстниковъ и старостъ и составлявшихъ какъ бы ихъ собственность, и на земляхъ служилыхъ князей и пановъ.

1-е, бояре путные, поселенные на земляхъ государевыхъ, получали по двѣ волоки земли; они обязаны платить за всѣ повинности деньгами по землѣ

какъ люди осадные, т. е. сидящіе не на своей, а на государевой землѣ. Заплативши деньги, они освобождаются отъ тяглой службы и отъ подводы. А когда по государевому особому указу поѣдутъ въ дорогу, то въ тотъ годъ ничего не платятъ. Потомъ ревизоры, смотря по надобности, избираютъ изъ путныхъ бояръ, сидящихъ на государевой землѣ, слугъ къ тому или другому государеву двору, слуги сіи обязаны ѣздить съ государевыми бумагами, и отвозить въ Вильну собранные государевы подати для передачи въ казну и провожать вызываемыхъ въ судъ, и за это освобождались отъ денежныхъ повинностей за землю (Ак. З. Р. Т. III. № 19). Такимъ образомъ путники бояре были собственно разъѣздными слугами при государевыхъ дворахъ, и названье ихъ происходило отъ дороги отъ пути. Когда же путные бояре записывались собственно въ военную службу, то получали названіе панцырныхъ бояръ, панцырную или военную службу они должны были нести на своемъ конѣ и въ полномъ панцырномъ вооруженіи, и за эту службу освобождались отъ всѣхъ другихъ повинностей и службъ. Земли, состоящія за путными или панцырными боярами, назывались ихъ вотчинами и переходили по наслѣдству къ ихъ дѣтямъ: они могли распоряжаться ими какъ полною собственностію—дарить, продавать и дѣлать другія распоряженія, какія найдутъ нужными, только съ однимъ условіемъ, что получающій отъ нихъ эту землю долженъ нести ту же самую службу, какую несъ прежній хозяинъ (ibid. № 113).

2-я. Путные или панцырные бояре живущіе, на земляхъ общественныхъ, приписанныхъ къ городу, должны были являться на защиту города при нападеніи непрія-

телей и платить всѣ подати вмѣстѣ съ мѣщанами и состоять въ вѣдѣніи мѣщанскаго суда (ibid. T. I. № 159). Кромѣ того, на нихъ обязанности лежало отправлять подводную повинность, или давать коней подъ пословъ и гонцовъ отъ государя или городскаго намѣстника, какъ объ этомъ прямо сказано въ уставной грамотѣ Полотску, данной въ 1499 году. «А коли пошлемъ посла нашего, котораго дворянина, а либо боярина Полотскаго, а либо намѣстникъ Полотскій съ нашего приказанья до Новгорода, до Пскова, до Лукъ, або до Рпги, о земскихъ дѣлѣхъ обидныхъ; тогда путники обязаны давать имъ коней по давному обычаю» (ibid. № 175). Наконецъ путники вмѣстѣ съ мѣщанами должны были держать караулы въ городѣ (ibid. № 210). Относительно владѣнія землею, путные бояре или путники, поселенные на общественной землѣ, въ уѣздѣ распоряжались ею какъ вотчиною, наслѣдовали ее послѣ родителей, дарили, продавали и дѣлали другія распоряженія по своему усмотрѣнію; впрочемъ продавать ее могли только съ разрѣшенія намѣстника, и даже безъ обязанности покупателя служить съ купленной земли (Ак. З. Р. Т. I. № 173).

3-е. Путные или панцырные бояре, поселенные на земляхъ, состоящихъ въ вѣдѣніи старостъ и воеводъ, и составлявшихъ какъ бы ихъ собственность, а также на земляхъ частныхъ владѣльцевъ—служилыхъ князей и вообще магнатовъ, обязаны были нести военную службу подъ знаменами или въ отрядахъ своихъ владѣльцевъ, и сверхъ того въ отношеніи къ нимъ были обязаны разными повинностями, и считались, и въ самомъ дѣлѣ были живущими на чужой

землѣ; тѣмъ не менѣе не сравнивались съ прочими поселянами, и главная ихъ служба оставалась военною и, не желая служить этой службы своему землевладѣльцу, они свободно могли оставить его и поступить въ другую службу, но съ тѣмъ вмѣстѣ лишались права и на землю. Состоя въ панцырной или путной службѣ у землевладѣльцевъ, они освобождались отъ всѣхъ податей въ пользу государевой казны и ни въ чемъ не верстались съ тяглыми людьми (Ак. Зап. Рос. Т. III, стр. 59), и правительство всегда заботилось о томъ, чтобы тяглые люди не записывались въ путные или панцырные бояре (ibid. стр. 61). Вотъ какъ описываются права и обязанности путныхъ и панцырныхъ бояръ и ихъ происхожденіе въ жалованной грамотѣ, данной въ 1506 году Бѣльскому намѣстнику и дворному маршалу, князю Михаилу Глинскому. А которыхъ бояръ въ Туровскомъ повѣтѣ мы ему прежде не дали. Но мы нынѣ съ ласки нашое за его къ намъ вѣрную и усердную службу, тѣхъ бояръ, которые имѣютъ владѣнія свои въ Туровскомъ повѣтѣ, ему отдаемъ съ ихъ имѣніями, и со всѣмъ тѣмъ, какъ они намъ служили. А ежели бы тѣ бояре не захотѣли ему служить; то они, оставивши свои имѣнья, могутъ служить кому хотятъ, намъ ли Государю, или панамъ радѣ нашей. А князь Михайло въ тѣхъ имѣньяхъ ихъ воленъ, куда хочетъ обернуть, а дали ему тѣхъ бояръ и съ ихъ имѣньями и со всѣмъ вѣчно непорушно ему и дѣтямъ и потомкамъ» (Ак. З. Р. Т. I, № 222).

Всѣ извѣстія о путныхъ или панцырныхъ боярахъ, до насъ дошедшія, относятся къ тому уже времени, когда краемъ владѣла династія Гедиминовичей подъ

вліяніемъ Польши; но изъ этого нисколько не должно заключать, что подобные мелкіе землевладѣльцы появились только во время Гедиминовичей, и что при прежней династіи ихъ не было; ибо подобныя учрежденія мы встрѣчаемъ и въ другихъ Русскихъ княжествахъ: слѣдовательно это учрежденіе было чисто Русское и начало его должно искать со времени усиленія княжеской власти. Путники и панцырные бояре означали по своему началу то же, что городовые казаки, пушкари и зачинщики въ Московскихъ владѣніяхъ, т. е. служилыхъ людей, непринадлежащихъ къ дружинѣ, но подобно дружинникамъ получавшихъ поземельный надѣлъ за свою службу. Польское вліяніе въ этомъ учрежденіи при Гедиминовичахъ отразилось только въ томъ, что земли, числящіяся за путными боярами, могли быть передаваемы въ частное владѣніе служилымъ князьямъ и панамъ радѣ, чего въ Московскихъ владѣніяхъ никогда не допускалось; тамъ земли ямщиковъ, городовыхъ казаковъ и проч., всегда оставались за ними, и никогда не жаловались боярамъ.

Тяглые люди.

Къ тяглымъ или черными людямъ въ уѣздахъ принадлежали разные виды земледѣльцевъ и другихъ сельскихъ промышленниковъ, живущихъ на общинныхъ или частныхъ земляхъ. Въ жалованной грамотѣ на Лососинскую вотчину, данной князю Василію Глинскому въ 1505 году, такъ изчисляются виды черныхъ людей, живущихъ въ уѣздѣ: «Дали ему князю Василью дворъ нашъ въ Слонимскомъ повѣтѣ со всѣми двора того слугами путными и людьми тяглыми и слободчиками, что на воли сидятъ, и съ данниками, и съ куничниками, и съ лейтами, и конекормцами, и со всѣми того двора и тѣхъ людей землями,

пашенными, бортными, сѣнокосными, съ бобровыми гонами, и съ бобрами, и съ лѣсами и дубровами, и съ озерами, рѣками и рѣчками, и съ даньми грошовыми, медовыми, бобровыми и куничными, и со всякими иными поплатками, службами и доходами». (Ак. З. Р. Т. I, № 218). Или въ грамотѣ, данной князю Семену Ивановичу Можайскому въ 1499 году сказано: «князь Семенъ держитъ Стародубъ и Гомій со всѣми дворами (Государевыми) и волостьми, и съ селами боярскими, и съ слугами путными, и съ людьми волостными и тяглыми, и съ слободчиками и данниками и со всѣми землями пашенными и бортными. Такимъ образомъ по свидѣтельству грамотъ XV и XVI столѣтій уѣздные черные люди дѣлились по отношенію къ платежу податей и несенію повинностей на волостныхъ или тяглыхъ людей, собственно земледѣльцевъ, на которыхъ лежала вся тяжесть податей и повинностей, и на людей платящихъ одну какую-либо дань или оброкъ съ своего промысла, каковы напримѣръ: бобровники, куничники, бортники; на людей обязанныхъ одною какою-либо повинностью, напримѣръ конекормцы; и наконецъ на людей свободныхъ отъ общихъ податей и повинностей, каковы слободчики. По отношенію къ землевладѣнію уѣздные черные люди, какъ уже было сказано, дѣлились на волостныхъ, т. е. живущихъ на черныхъ или общинныхъ земляхъ, на людей живущихъ на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, т. е. на земляхъ принадлежащихъ княжескому или государеву двору, на земляхъ служилыхъ князей и бояръ, на монастырскихъ или церковныхъ земляхъ, и наконецъ на уѣздныхъ земляхъ, принадлежащихъ городамъ.

Но на какихъ бы земляхъ ни жили черные люди, они были людьми свободными и могли переходить съ одной земли на другую, выполнивши обязательства въ отношеніи къ землевладѣльцу, ежели таковыя были, т. е. ежели земледѣлецъ былъ долженъ землевладѣльцу за ссуду и за содержаніе, то оставляя землю обязанъ былъ напередъ выплатить долгъ. Черные или тяглые люди, живущіе на черныхъ земляхъ, подлежали суду и управѣ Государственныхъ намѣстниковъ тіуновъ и иныхъ урядниковъ; а живущіе на владѣльческихъ земляхъ судились и управлялись своимъ владѣльцемъ. Такъ въ жалованной грамотѣ Пустынскому монастырю, данной въ 1499 году, сказано: «А коли кого они (монахи) за себя людей призовутъ, и на новѣ за собою посадятъ; ино нашимъ намѣстникамъ и тіунамъ, и инымъ нашимъ урядникамъ не надобѣ въ тыхъ ихъ людей вступаться, ни судить, ни рядить, ни пошлинъ намъ на тыхъ людехъ не брать, ни дѣтскихъ не посылать, ни службы имъ нашей ни которой не знать» (Ак. З. Р. Т. I, № 177). А въ грамотѣ 1495 года, присланной Черкасскому намѣстнику о судѣ надъ людьми, живущими на владѣльческихъ земляхъ, прямо сказано: «Врядникъ нашъ не имѣетъ права слугъ и людей княжескихъ, панскихъ и боярскихъ ни судить, ни рядить, ни винъ, ни пересудовъ на нихъ не брать. Развѣ коли съ нашимъ человѣкомъ пригодится княжескому, або панскому человѣку, либо боярскому право имѣть (судиться); ино тогда вряднику нашему судить того человѣка съ его судьею» (ibid, № 130). О свободномъ переходѣ черныхъ людей съ владѣльческой земли, въ жалованной грамотѣ князю Ивану Глинскому 1496 года сказано:

«Нижьли тыи люди вольные, что князь Иванъ посадилъ на той землѣ, всхотятъ ему служать, и не всхотятъ ему служить, и онъ обязанъ ихъ отпустить добровольно со всѣми ихъ статки» (ib. № 133).

Въ Полотской землѣ или въ Литовскихъ владѣніяхъ тяглые уѣздные люди раздѣлялись на людей съ полною службою, и на людей не съ полною службою, т. е. на полномъ тяглѣ и неполномъ тяглѣ, точно также какъ въ Новгородскихъ и Московскихъ владѣніяхъ тяглые люди дѣлились на крестьянъ, т. е. сидящихъ на полномъ тяглѣ, на выти; и на бобылей, сидящихъ на неполной выти. Кромѣ тяглыхъ людей на владѣльческихъ земляхъ жили еще поземщики, т. е. люди живущіе не на тяглѣ, а снимавшіе землю въ аренду по особому условію, называвшемуся поземомъ. Дани или оброки платились владѣльцу съ цѣлаго селенія, какъ съ общины, а не съ каждаго тяглаго человѣка; владѣлецъ только зналъ сколько дохода платитъ такая-то община—селеніе, раскидку же этого платежа между плательщиками дѣлала сама община. Такъ въ жалованной грамотѣ Онуфріевскому монастырю, данной въ 1483 году, сказано: «А на Тетеринской кадь меду и полкопы грошей; а Медковичи (селеніе) даютъ двѣ кади меду по пяти пудовъ, а хмѣлю двѣ бочки, а грошовые дани даютъ девяносто грошей, а виры двадцать грошей; съ Воробьевой земли даютъ кадь меду пять пудовъ, а бочка хмѣлю, а грошовой дани, полтина грошей безъ двухъ» (ibid. № 82). Въ этой же грамотѣ сказано: такой-то живетъ съ полною службою, а такой съ неполною. Такимъ образомъ, по свидѣтельству настоящей грамоты, села и деревни въ Полотской землѣ, какъ и

въ Новгородской, составляли общины, которыя сообща владѣли землею и дѣлили ее между своими членами по полнымъ или неполнымъ участкамъ или вытямъ, или службамъ, и въ платежѣ податей дѣлали раскладку сами между собою, безъ участія слугъ отъ правительства. Это ясно подтверждается уставною грамотою 1540 года, данною Свислочскимъ горожанамъ и волостнымъ людямъ; въ этой грамотѣ сказано: «А коли дань заметывати, тогды ни врядникъ, никто къ нимъ не имѣетъ права въѣзжать; одно сами мужи закидываютъ, и закосы относятъ онижъ до Рудомины, по десяти грошей за косу, а на страву отъ косы по два гроша. А посла и гонца стеречи. А намѣстнику грошъ обѣстный. А кликуновъ они на замокъ шесть даютъ, которые въ ночи должны на замкѣ кликать, а въ день у воротъ стеречь. А на замокъ вряднику они живность даютъ: съ трехъ сохъ солянку (соляную бочку) жита, а солянку овса, а осьмъ яловицъ, а осьмъ вепровъ, а десять барановъ а десять камней меду прѣснаго, а двѣ бочки солп, а сѣна съ дыму по возу, а дровъ по возужъ; окромѣ того съ волости даютъ по куряти, по десяти яицъ, по сыру, по фаскѣ масла, у кого корова есть. А полюдья по полтора гроша съ дыму въ осень». (Ак. З. Р. Т. П, № 203). Настоящая грамота, хотя сравнительно поздняя, напомнпаетъ намъ картину Новгородскаго и Московскаго устройства сельскихъ общинъ и отношенія ихъ къ правительству: въ Новгородѣ и Москвѣ раскладку податей и повинностей производятъ сами общины безъ участія слугъ отъ правительства; и здѣсь по грамотѣ точно также. Въ Новгородѣ и въ Москвѣ иныя подати и повинности рас-

кладывались по сохамъ, а иныя по дворамъ; и здѣсь по грамотѣ при раскладкѣ употребляются сохи и дворы или дымы. Въ Новгородѣ и въ Москвѣ подъ сохою разумѣлось опредѣленное пространство земли, и притомъ довольно значительное, заключающее въ себѣ нѣсколько дворовъ съ ихъ пашнями, лугами и другими угодьями, и по грамотѣ соха означаетъ опредѣленное, значительное пространство земли съ дворами и угодьями; ибо по грамотѣ съ трехъ сохъ платилось намѣстничьяго корма бочка жита, бочка овса, восемь яловицъ, восемь вепрей, двѣ бочки соли, десять барановъ, десять каменей мѣду прѣснаго; что конечно могло быть собрано съ нѣсколькихъ дворовъ, а не съ одного, или съ трехъ дворовъ. Самые кормы намѣстничьи и по грамотѣ, и въ Москвѣ, и въ Новгородѣ почти одни и тѣ же. Въ грамотѣ даже сохранилось полюдье по чемъ съ дыму, собираемое осенью; объ этой подати упоминаетъ еще Константинъ порфирородный въ X столѣтіи, и всѣ Русскія лѣтописи XI, XII и XIII столѣтій, и подать эта собиралась именно осенью и по Константину Порфирородному и по Русскимъ лѣтописямъ. Такимъ образомъ остатки старинаго устройства сельскихъ общинъ въ Полотской землѣ, сохранившіеся въ грамотѣ 1540 г., ясно свидѣтельствуютъ, что это устройство первоначально было чисто Новгородское, сходное съ Московскимъ, и было такъ глубоко вкоренено въ народномъ бытѣ Полочанъ, что не смотря на множество неблагопріятныхъ обстоятельствъ и постороннихъ вліяній, хотя по частямъ и отрывочно удерживалось даже въ XVI столѣтіи.

Во всей Полотской землѣ, точно также какъ и въ Новгородской, только тѣ черные люди были членами

городскихъ и сельскихъ общинъ, которые несли тягло, за которыми была та или другая доля общинной земли. Сіи только люди клались въ счетъ и были извѣстны правительству. Люди же не несшіе тягла и не владѣвшіе долею общинной земли и въ Полотскѣ, также какъ и въ Новгородѣ, не были членами общинъ и не имѣли прямыхъ и непосредственныхъ отношеній къ обществу; ихъ знала только своя семья, которой они были членами, или хозяинъ, у котораго они жили въ качествѣ работниковъ или подсусѣдниковъ. Этотъ классъ людей, не вступавшихъ ни въ какія отношенія къ общинѣ въ Новгородѣ, носилъ названіе вольныхъ людей; но какъ онъ назывался въ Полотской землѣ, объ этомъ мы не имѣемъ прямыхъ извѣстій, а также не знаемъ, какими онъ пользовался правами; но что таковый классъ людей существовалъ въ Полотской землѣ даже при династіи Гедиминовичей и считался свободнымъ, на это намъ указываютъ разныя грамоты XV и XVI столѣтій, которыя дозволяютъ землевладѣльцамъ и общинамъ населять пустопорожнія земли и дворы пришлыми свободными людьми. Въ одной грамотѣ 1496 года даже таковые люди названы прямо въ Новгородѣ *вольными людьми*; въ грамотѣ сказано: «А на томъ сельцѣ князь Александръ посадилъ было людъ вольный прихожій». (Ак. З. Р. Т. I, № 133).

РАЗСКАЗЪ ТРЕТІЙ.

Церковь:

Въ Полотской землѣ почти постоянно, какъ во времена язычества, такъ и по принятіи христіанства, бы-

ли двѣ церкви. Въ древнѣйшія времена были двѣ языческія церкви: церковь Полотская или Новгородская съ своими богами и съ своимъ строемъ, и церковь Литовская съ своими богами и даже съ своимъ верховнымъ жрецомъ или папою, котораго называли Криве-Кривейто, который сперва жилъ у Пруссовъ, а потомъ, выгнанный оттуда Нѣмцами, перебрался въ Литву, и которому была подчинена многочисленная іерархія жрецовъ нижнихъ степеней, и толкователей воли боговъ. Потомъ по введеніи христіанства и въ Литвѣ при великомъ князѣ Ягайлѣ Ольгердовичѣ также оказались въ Полотской землѣ двѣ церкви: на Руси прежняя христіанская церковь восточная Греческая, и въ Литвѣ западная Латинская, каждая съ своимъ представителемъ,—восточная непосредственно подчиненная Кіевскому митрополиту и потомъ патріарху Константинопольскому, и западная, подчиненная Римскому папѣ.

Языческія церкви, Полотская и Литовская, въ древности, кажется, жили мирно другъ съ другомъ, по крайней мѣрѣ мы не имѣемъ никакихъ указаній, чтобы между ними была какая вражда. А напротивъ, есть намеки, какъ мы уже видѣли выше, что Литовцы въ своей мѳологіи чтили нѣкоторыхъ Славянскихъ боговъ, какъ напримѣръ Сотвароса—по-славянски Сварогъ, Короса—по-славянски Хорса, Земеника, Знича и другихъ, а Русскій Перунъ небо и богъ грома и молніи былъ тоже что Литовскій Перкунъ, Перкунасъ, Ладо или дидъ-Ладо, великій Ладо, по Литовски Дидасъ-Ладо, одинаково почитались и Полочанами и Литвинами; слѣдовательно о враждѣ двухъ языческихъ церквей—Полотской и Литовской—мудрено и

думать. Полочане, по Новгородскому обычаю, колонизуя Литовскую землю, вовсе не имѣли въ виду обращать Литвиновъ въ свою вѣру, или враждовать изъза вѣры съ туземцами; этого Новгородцы никогда и нигдѣ не дѣлали, то же самое было и у Полочанъ Новгородскихъ колонистовъ. У Литовцевъ также ни здѣсь, ни въ Пруссіи не было въ обычаѣ заботиться о распространеніи своей вѣры между чужеродцами. Такимъ образомъ, двѣ языческія церкви, Полотская и Литовская, жили рядомъ другъ подлѣ друга. и по сосѣдству и близкимъ отношеніямъ Полочанъ и Литовцевъ даже заимствовали другъ у друга богопочитаніе и пополняли одну миѳологію другой; но ни та ни другая церковь не измѣняли своего строя. Полочане, по Новгородскому обычаю, не имѣли особой жреческой іерархіи и пробавлялись волхвами и кудесниками; а Литовцы твердо держались своей многочисленной жреческой іерархіи съ своимъ верховнымъ жрецомъ—Криве-Кривейто и съ своими низшими степенями жрецовъ и толкователей воли боговъ. По всему вѣроятію, Полочане въ иныхъ случаяхъ, недовольствуясь своими волхвами и кудесниками, обращались къ жрецамъ и оракуламъ Литовскимъ, точно также какъ Новгородцы въ подобныхъ случаяхъ, по свидѣтельству лѣтописей, обращались къ волхвамъ и пророкамъ Чуди: и наоборотъ, можетъ быть и Литвины въ иныхъ случаяхъ не прочь были погадать у Полотскихъ кудесниковъ и вѣдуновъ. Брачные союзы Полочанъ съ Литвинками и Литвиновъ съ Полочанками служили самымъ вѣрнымъ путемъ къ сближенію Полотской и Литовской языческой церквей. По свидѣтельству лѣтописей, даже по принятіи Полочанами

христіанства, долго еще народъ и даже княжескій домъ обращались въ иныхъ случаяхъ къ языческимъ жрецамъ и жрицамъ Литовскимъ; такъ лѣтописи говорятъ о рожденіи знаменитаго князя Всеслава Брячиславича: «его же роди мати отъ волхованья; матери бо родивши его, бысть ему язвено на главѣ его, рекоша бо волсви матери его: «се язвено навяжи нань, да носитъ е до живота своего; еже носитъ Всеславъ и до сего дне, сего ради немилостивъ на кровопролитье».

Принятіе Полочанами христіанства также не породило вражды и борьбы Литовской языческой церкви съ новою Полотскою церковію христіанскою. На Руси православная христіанская церковь никогда не имѣла обычая воздвигать гоненія на сосѣднихъ язычниковъ, твердо держась истинно христіанскихъ началъ— распространять христіанство добровольнымъ убѣжденіемъ, а не принужденіемъ и грубою силою. Христіанская православная церковь таковыхъ же правилъ держалась и въ Полотской землѣ, убѣждая къ принятію христіанства какъ Полочанъ, такъ и Литвиновъ, но не воздвигая гоненія на Литовскую языческую церковь. А посему и по принятіи Полочанами христіанства, языческая Литовская церковь не подвергалась ни какимъ измѣненіямъ, и въ прежнемъ своемъ видѣ существовала рядомъ съ христіанскою церковію, и жила съ нею мирно, точно также, какъ прежде жила мирно съ языческою Полотскою церковію. Христіанскіе храмы свободно строились во всѣхъ Полотскихъ городахъ, разсѣянныхъ по Литовской землѣ, и въ тѣхъ же городахъ оставались неприкосновенными старыя языческія капища Литовцевъ. Полочане христіане, точно также какъ и во-

обще Русскіе люди, не имѣли Нѣмецкаго и Латинскаго обычая пожигать и истреблять священныя мѣста, уважаемыя язычниками; а напротивъ не трогали ихъ пока язычники, принявъ христіанство, сами же не оставятъ и не уничтожатъ ихъ по своей доброй волѣ. Такимъ образомъ и по принятіи христіанской вѣры Полочанами въ Полотской землѣ по прежнему оставались двѣ церкви—новая христіанская Полотская и старая языческая Литовская. Даже въ XIV столѣтіи въ Вильнѣ, столицѣ великихъ князей Литовскихъ, мы находимъ и христіанскія православныя церкви, и главный языческій храмъ Знича, въ которомъ постоянно горѣлъ священный огонь. Это свидѣтельство времени чисто историческаго, лучше всего указываетъ на мирныя отношенія языческой Литовской церкви и церкви христіанской Полотской. Такое взаимное отношеніе двухъ церквей, конечно, условливалось отношеніями двухъ племенъ, т. е. Полочанъ и Литвы. Въ прежнее время, при потомствѣ Изяслава и Всеслава, Полочане оставляли совершенно въ покоѣ Литовское язычество, потому что Литвины составляли конечно бо́льшую долю населенія Полотской земли, а при Гедиминовичахъ язычники Литовцы не преслѣдовали православной христіанской церкви, потому что и при дворѣ велико-княжескомъ, и въ городахъ и обрусѣлыхъ уѣздахъ, большинство составляли православные христіане. При таковомъ современномъ и совмѣстномъ положеніи и языческой Литовской и православной христіанской церквей въ Полотской землѣ естественно является необходимость указать на отношенія той и другой къ гражданскому обществу.

Литовская языческая церковь.

Языческая церковь у Литовцевъ была одна съ языческою церковью у Пруссовъ, соплеменниковъ Литвы, и собственно Литовская церковь была въ нѣкоторой зависимости отъ Прусской; ибо главныя святыни и верховный жрецъ Криве-Кривейто первоначально находились у Пруссовъ, и Литовцы оттуда получали и жрецовъ, и разные религіозные обряды; Криве-Кривейто перешелъ въ Литву уже по занятіи Прусской земли Нѣмцами, что̀ послѣдовало не прежде XIII столѣтія,—тогда устроилось въ Литовской землѣ и главное святилище, называемое Ромнове. Криве-Кривейто, по смыслу самаго своего имени, былъ верховнымъ жрецомъ надъ жрецами и верховнымъ судьей надъ судьями и непосредственнымъ истолкователемъ воли боговъ; слѣдовательно представлялъ собою верховную власть и въ мірскихъ и въ духовныхъ дѣлахъ надъ всѣмъ Прусско-Литовскимъ языческимъ міромъ, былъ главнымъ пастыремъ Прусско-Литовскихъ язычниковъ. Онъ пользовался такимъ священнымъ уваженіемъ отъ своей паствы, что его пасомые считали величайшимъ для себя блаженствомъ, ежели кто изъ нихъ, хотя одинъ разъ въ жизни, удостоится его лицезрѣнія; темные язычники отдаленныхъ угловъ Прусской и Литовской земли даже считали Криве-Кривейто неумирающимъ, вѣчно живущимъ;—каковое вѣрованіе конечно поддерживалось тѣмъ, что устарѣвшій Криве-Кривейто въ предсмертные часы предавалъ себя сожженію, и это сожженіе передавалось народу какъ возрожденіе Криве-Кривейто. Ближайшіе высшіе жрецы, жившіе въ Ромновѣ и окружавшіе Криве-Кривейто, глубоко хранили отъ непосвященныхъ тайну избранія новаго Криве-Кривейто. При

таковомъ почти обоготвореніи власть Криве-Кривейто высоко почиталась во всѣхъ земляхъ занятыхъ Литовскимъ племенемъ, такъ что все преклонялось, и князья и большіе и меньшіе люди, не только предъ нимъ самимъ или передъ близкимъ къ нему лицомъ: но даже передъ каждымъ его посланцемъ, имѣющимъ отъ него кривую палку или другой какой знакъ, какъ это свидѣтельствуетъ древнѣйшій описатель Прусско-Литовскаго язычества Петръ Дюизбургскій.

За Криве-Кривейто слѣдовали въ Литовской церковной іерархіи Вайделоты, что значитъ вѣдущіе, вѣдуны; это были толкователи воли боговъ и хранители и знатоки религіозныхъ обрядовъ вообще; вайделотами были мужчины и женщины свободные отъ брачныхъ узъ. Одни изъ нихъ жили въ Ромновѣ около священнаго дуба,—главнаго мѣста присутствія боговъ; а другіе были разсѣяны по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ только жили Пруссы и Литовцы; на ихъ отвѣтственности лежало—вездѣ поддерживать и хранить въ чистотѣ священные обряды, учить народъ богопознанію и богопочитанію, приносить жертвы, благословлять народъ, назначать праздничные дни, давать отвѣты въ дѣлахъ сомнительныхъ и созывать народъ для объявленія воли боговъ и для общихъ жертвоприношеній и моленій, они же опредѣляли счастливые и несчастливые дни. Вайделоты раздѣлялись на высшія и низшія степени. Вайделоты высшихъ степеней жили при Криве-Кривейто и заботились о поддержаніи священнаго неугасимаго огня; они иначе назывались Кривиты и изъ нихъ избирался Криве-Кривейто. За Кривитами слѣдовали Сигеноты, жившіе около Ромнова,—это были распорядители богослуженія, охранители порядка

въ обрядахъ. Къ низшимъ степенямъ вайделотовъ, принадлежали вайделоты жившіе по всей Литовской землѣ, обязанные устроивать разные виды богослуженія и поддерживать чистоту религіознаго ученія въ народѣ. За тѣмъ слѣдовали еще низшіе чины служителей и строителей религіозныхъ обрядовъ, въ вѣдѣніи которыхъ находились тѣ или другіе виды религіозныхъ вѣрованій. Таковы были: во 1-хъ швалгоны, служители религіознымъ обрядовъ при бракѣ; они не только устрояли свадебные обряды, но и судили о цѣломудріи жениха и невѣсты по счастливой или несчастной будущей судьбѣ новобрачныхъ; 2-е) путтоны занимались гаданіемъ на водѣ и на морской пѣнѣ, предсказывали будущее; 3-е) вейопы были гадателями по вѣтрамъ; они не только дѣлали разныя предсказанія по качеству вѣтра, но и какимъ-то колдовствомъ умѣли направлять вѣтры въ ту или другую сторону; 4-е) пустоны лѣчили раны и иныя болѣзни собственнымъ дуновеніемъ; 5-е) сейтоны прогоняли болѣзни, вѣшая на больныхъ разные амулеты; 6-е) шваноны предсказывали счастье и несчастье, гадая по горящему пламени и дыму; 7-е) бурты предсказывали будущее, гадая по изображеніямъ, отпечатлѣвшимся на растопленномъ воску, вылитомъ въ воду, — они же вынутіемъ жеребьевъ разрѣшали споры ссорящихся; 8-е) талиссоны и лингуссоны, хранители и строители религіозныхъ обрядовъ, при погребеніи умершихъ; они совершали погребальныя молитвы, славили подвиги умершаго и утѣшали оставшихся родныхъ, разсказывая разныя видѣнія о загробной жизни умершаго. Всѣ сіи знахари и кудесники странствовали по селеніямъ и, какъ обладатели невѣдомыхъ силъ и зна-

ній, руководили народомъ; такъ что онъ отъ рожденія до могилы во всѣхъ новыхъ и затруднительныхъ случаяхъ жизни не смѣлъ безъ нихъ ступить ни одною ногою. Они пользовались полною довѣренностію темнаго народа, видѣвшаго во всѣхъ явленіяхъ природы и во всѣхъ случаяхъ своей жизни присутствіе невѣдомой и сверхъестественной силы, съ которою, по его религіозному вѣрованію, могли справляться только люди, одержимые невѣдомыми знаніями и особенною тайною силою духа.

Судя по организаціи Литовско-Прусской языческой церкви, слѣдовало бы ожидать, что Литовскій папа Криве-Кривейто пользовался несравненно большею властію надъ Пруссами и Литовцами, нежели другой какой Государь; и Прусско-Литовскій хронистъ Петръ Дюизбургскій именно приписываетъ такую власть Криве-Кривейто. По его словамъ «Криве пользовался такимъ же уваженіемъ, какъ Папа. Какъ Папа правитъ всею церковію вѣрныхъ; такъ волею и приказаніями Криве-Кривейто управляются не только всѣ племена Пруссовъ, но и Литва и многія племена земли Ливонской». Но авторитетъ Криве-Кривейто, по всему вѣроятію, ограничивался только религіозными дѣлами; всѣ племена Прусско-Литовскія безпрекословно повиновались его велѣніямъ только въ дѣлахъ вѣры; подчиненные Криве-Кривейто вайделоты и другіе чины языческой церковной іерархіи точно также были руководителями народа только относительно вѣрованій. Теократическаго же управленія, какъ думаютъ нѣкоторые историки, не было вовсе ни въ Пруссіи, ни у Литовцевъ, ни у Латышей; Криве-Кривейто и вайделоты, за немногими исключеніями, почти не

касались до дѣлъ общественныхъ мірскихъ и не пользовались въ этихъ дѣлахъ значительнымъ авторитетомъ. Мы уже видѣли, что при колонизаціи Полочанъ въ землѣ Литовской нигдѣ не упоминается о какой-либо дѣятельности Криве-Кривейто и его вайделотовъ; Русскіе лѣтописцы, долженствовавшіе хорошо знать образъ жизни Литовцевъ и ихъ вѣрованія, даже не проронили ни одного слова о Криве-Кривейто и его вайделотахъ; они только называютъ Литовцевъ идолопоклонниками и упоминаютъ о нѣкоторыхъ Литовскихъ богахъ и еще о волхвахъ. Прусскіе лѣтописцы хотя и упоминаютъ о Криве-Кривейто, но почти нигдѣ не говорятъ, чтобы онъ и его служители принимали участіе въ мірскихъ общественныхъ дѣлахъ. Во всѣхъ столкновеніяхъ съ Нѣмецкими рыцарями ни разу не упоминается, чтобы Пруссы или Литовцы начинали какое-либо предпріятіе подъ руководствомъ или по приказанію Криве-Кривейто. Этотъ лѣсный Папа ни разу не поднималъ ни Пруссовъ ни Литовцевъ противъ Нѣмцевъ или Поляковъ; тогда какъ ему всего бы ближе было принять тутъ дѣятельное участіе; ибо въ столкновеніяхъ съ Нѣмцами и Поляками, навязывавшими Пруссамъ Латинскую вѣру, дѣло прямо шло о перемѣнѣ религіи, объ уничтоженіи язычества. А между тѣмъ всѣ войны съ Поляками и Нѣмцами начинались и продолжались по замысламъ и распоряженіямъ того или другаго вождя или старѣйшины, или по рѣшенію вѣча. Даже самая упорная и продолжительная война, тянувшаяся нѣсколько лѣтъ въ половинѣ XIII столѣтія, въ которой принимали дѣятельное участіе едвали не всѣ Прусскія племена, была затѣяна и ведена Поморскимъ кня-

земъ Святополкомъ; на эту войну подняли Пруссовъ не Криве-Кривейто, ни его вайделоты, а Славянскій князь Помераніи Святополкъ, который хорошо видѣлъ всѣ гибельныя послѣдствія для Пруссовъ и Поморскихъ Славянъ отъ усиленія въ томъ краю Нѣмецкаго ордена, приглашеннаго неосторожными и неразсудительными Поляками, и хотѣлъ предупредить сіи послѣдствія общимъ нападеніемъ Пруссовъ и Поморскихъ Славянъ на Нѣмецкихъ рыцарей. Такимъ образомъ прямыя и несомнѣнныя свидѣтельства историческихъ событій, описанныхъ Русскими, Поляками и Нѣмцами, ясно говорятъ, что Криве - Кривейто, вайделоты и другіе многочисленные строители и служители Прусско-Литовской языческой церкви, пользовавшіеся большимъ авторитетомъ народа въ дѣлахъ вѣры, не имѣли авторитета въ дѣлахъ мірскихъ и почти не принимали въ нихъ непосредственнаго участія.

Все это убѣждаетъ, что теократическаго правленія вовсе не было у Литовцевъ, что Криве - Кривейто, при всѣхъ почти божескихъ почестяхъ, оказываемыхъ ему народомъ, вовсе не былъ Государемъ ни Пруссовъ, ни Литовцевъ, и даже не былъ чѣмъ-то въ родѣ Римскаго Папы; ибо мы не имѣемъ ни одного не только извѣстія, но даже намека, чтобы онъ созывалъ войска для преслѣдованія своихъ цѣлей, или освобождалъ подданныхъ отъ присяги своему князьку, или предавалъ князька проклятію, — чѣмъ нерѣдко занимался Римскій Папа, проживавшій въ Италіи и величавшій себя преемникомъ или даже наслѣдникомъ Апостола Петра, и посему судьею Государей Западной Европы. Вся дѣятельность и авторитетъ Кри-

вс-Кривейто и остальныхъ служителей языческой церкви у Пруссовъ и Литовцевъ ограничивались дѣлами вѣры; въ общественныхъ мірскихъ дѣлахъ они участвовали по толику, по колику въ нихъ участвовали религіозныя вѣрованія народа. Такъ напримѣръ при началѣ какихъ-либо общественныхъ предпріятій по религіознымъ вѣрованіямъ нужны были гаданія, чтобы узнать счастливо ли совершится начинаемое дѣло; и вотъ для совершенія гаданій являлись путтоны, вейоны, швалгоны и другіе гадатели, и предсказывали тотъ или другой исходъ предпріятія. Или нужно было умилостивить разгнѣванныхъ боговъ, по разившихъ народъ какимъ-либо общественнымъ бѣдствіемъ; то для принесенія умилостивительныхъ жертвъ приглашались тѣ или другіе вайделоты, знающіе— какіе молитвы и обряды нужны въ данномъ случаѣ. Иногда при большихъ общественныхъ бѣдствіяхъ самъ Криве-Кривейто назначалъ общее моленіе и съ надлежащею торжественностію совершалъ оное лично. Или то, или другое племя, или нѣсколько племенъ вмѣстѣ одержали побѣду надъ врагами и получили богатую добычу; слѣдовательно нужно было принести богамъ покровителямъ благодарственныя жертвы; и для совершенія этихъ жертвъ и даже для возбужденія къ тому всего народа опять являлись вайделоты, возбуждали къ этому народъ и сами торжественно совершали положенные обряды благодарственныхъ жертвоприношеній. Или въ какомъ-либо общественномъ дѣлѣ встрѣчается недоумѣніе, или на какое дѣло одни соглашаются, а другіе не соглашаются, или одни признаютъ его нужнымъ, а другіе не признаютъ; и по религіознымъ вѣрованіямъ народа

нужно узнать волю боговъ, чтобы прекратить недоумѣнія и споры,—и вотъ опять обращаются къ Криве-Кривейто и вайделотамъ, какъ возвѣстителямъ и толкователямъ воли боговъ; и тѣ, совершивъ опредѣленные на подобные случаи обряды, возвѣщаютъ народу, что боги того-то хотятъ или не хотятъ, да и въ такихъ случаяхъ не всегда обращались къ посвященнымъ на то вайделотамъ или къ самому Криве-Кривейто. Такъ Петръ Дюнзбургскій разсказываетъ, что въ Галиндіи одна госпожа, пользовавшаяся большимъ уваженіемъ и считавшаяся пророчицею, однажды созвала старѣйшинъ племени и сказала имъ: «ваши боги хотятъ, чтобы вы всѣ, не бравши съ собою оружія и желѣза, двинулись войною на христіанъ». И всѣ повиновались ея словамъ, и способные къ войнѣ отправились съ радостію на сосѣднюю христіанскую область. Кажется, изчисленными выше случаями только и ограничивалась дѣятельность или участіе Криве-Кривейто и вайделотовъ въ дѣлахъ общественныхъ, не относящихся прямо къ религіи; по крайней мѣрѣ мы не имѣемъ никакихъ указаній, чтобы Криве-Кривейто и вайделоты, въ качествѣ своего званія, проявляли свою дѣятельность какъ нибудь иначе въ дѣлахъ общества.

Указавши на мірскую дѣятельность служителей языческой церкви въ Литвѣ, теперь слѣдуетъ показать изъ кого составлялось общество служителей этой церкви. Мы уже имѣли случай замѣтить, что всѣ служители языческой церкви въ Литвѣ были обязаны по закону не вступать въ бракъ; слѣдовательно ихъ общество не могло пополняться естественнымъ нарожденіемъ, а должно было обращаться къ другимъ сред-

ствамъ для своего пополненія. Средства сіи были— выборъ и собственное желаніе принимающихъ на себя священныя обязанности. Выборъ или избраніе было трехъ видовъ: 1-й видъ—избраніе Криве - Кривейто производилось изъ собственной среды Кривитами, постоянно жившими въ Ромновѣ , ближайшими сослужителями Криве - Кривейто. Лѣтописцы разсказываютъ, что Криве-Кривейто, достигшій глубокой старости, чувствуя приближеніе смерти, созывалъ живший въ сосѣдствѣ съ Ромновымъ народъ, и, взошедши на костеръ, обращался къ народу съ рѣчью, въ которой убѣждалъ съ чистымъ сердцемъ почитать родныхъ боговъ, оплакивать грѣхи и стараться объ исправленіи послѣдующей жизни, и на вопли и слезы народа отвѣчалъ указаніемъ на милосердіе боговъ ; и за тѣмъ, объявивъ народу, что онъ за грѣхи людскіе приноситъ себя въ жертву богамъ , самъ зажигалъ костеръ и сгоралъ вмѣстѣ съ нимъ. Кривиты же и жившіе въ Ромновѣ вайделоты, избравши изъ среды себя новаго Криве-Кривейто, на другой день объявляли собранному народу , что сами боги наименовали такого-то новымъ Криве-Кривейтомъ. 2-е) Кривиты избирались самимъ Кривe-Кривейтомъ изъ среды вайделотовъ, жившихъ въ Ромновѣ. 3-е) Вайделоты же и вайделотки избирались Кривитами съ благословенія Криве-Кривейта, и одни изъ избранныхъ оставались въ Ромновѣ , а другіе разсылались по всей Прусской и Литовской землѣ. Въ отдаленныхъ же мѣстахъ, за неприсылкою вайделотовъ изъ Ромнова, жители того или другаго селенія или цѣлой области изъ среды себя избирали пользующихся уваженіемъ стариковъ и поручали имъ приносить жертвы и совер-

шать другіе религіозные обряды. Остальные за тѣмъ степени служителей вѣры, т. е. разные гадатели пророки и устроители религіозныхъ обрядовъ на разные случаи, ни кѣмъ не избирались, но сами по собственному произволенію принимали на себя тѣ или другія обязанности, исполненію которыхъ выучились у старшихъ гадателей и пророковъ, которыхъ они всюду сопровождали и которымъ прислуживали съ молодыхъ лѣтъ. Изъ сихъ умѣвшіе ловко исполнять принятыя на себя обязанности пользовались большимъ авторитетомъ у народа и имѣли около себя учениковъ и помощниковъ; а неумѣвшіе обыкновенно отказывались отъ самостоятельной дѣятельности и снова поступали въ ученики или помощники къ опытнѣйшимъ. Гадатели, пророки и подобные имъ низшіе служители въ дѣлахъ языческаго вѣрованія очевидно не принадлежали къ лицамъ посвященнымъ, т. е. къ вайделотамъ, а составляли особый классъ служителей языческаго суевѣрія, пользовавшихся слѣпымъ довѣріемъ темнаго народа, но классъ не противный вайделотамъ и дѣйствовавшій въ одномъ духѣ съ ними.

Содержаніе служителей языческой церкви въ Литвѣ и у Пруссовъ имѣло нѣсколько источниковъ, изъ нихъ главный составляли рощи, лѣса, озера и рѣки, посвященныя богамъ, и другія подобныя угодья, иногда довольно значительныя; здѣсь строились языческіе храмы и при нихъ жили разныхъ степеней жрецы и пользовались доходами отъ земли, которую обработывали посаленные на ней земледѣльцы и другіе промышленники; 2-й источникъ составляла военная добыча племени, по закону общему для Пруссовъ и Литовцевъ, какъ свидѣтельствуетъ Петръ Дюизбург-

скій, третья часть военной добычи посвящалась богамъ, слѣдовательно главнымъ образомъ шла въ пользу служителей вѣры жрецовъ; а по другимъ свидѣтельствамъ военная добыча раздѣлялась на четыре доли, и изъ нихъ одна посвящалась богамъ и одна отдавалась жрецамъ; 3-й источникъ дохода составляли жертвоприношенія, изъ которыхъ наибольшая доля шла въ пользу жрецовъ и ихъ помощниковъ; ибо изъ животныхъ жертвъ по обрядамъ богамъ сожигались большею частію только головы и ноги, а остальное доставалось жрецамъ; 4-й источникъ составляли приношенія богамъ первыхъ плодовъ земныхъ, и въ 5-хъ, наконецъ, послѣднимъ источникомъ доходовъ были дары за совершеніе гаданій и разныхъ обрядовъ; но сіи доходы большею частію были ничтожны; ибо о разныхъ гадателяхъ и пророкахъ лѣтописи разсказываютъ, что они обыкновенно были оборванные бѣдняки, хромые, или слѣпые, таскались по селеніямъ и промышляли своими гаданіями, за которыя получали ничтожную плату. А ежели иногда между гадателями и пророками появлялись и богатые люди, то ихъ богатство не было плодомъ гаданій и пророчествъ, а происходило изъ другихъ источниковъ.

Христіанская православная церковь.

Христіанство было принято Полочанами въ слѣдъ за принятіемъ его въ Кіевѣ при Владимирѣ Равноапостольномъ. Владимиръ, крестивши всѣхъ своихъ дѣтей, конечно крестилъ и своего сына, Полотскаго князя, Изяслава; а за крещеніемъ князя конечно былъ крещенъ и княжій дворъ или дружина. Изяславъ естественно долженъ былъ пріѣхать изъ Кіева въ Полотскъ съ христіанскими священниками, а можетъ быть и съ епископомъ, какъ пріѣхалъ Владимиръ изъ

Корсуня въ Кіевъ. Христіанскіе священники, привезенные Изяславомъ, начали проповѣдь христіанства между Полочанами, сперва въ самомъ Полотскѣ, а потомъ по пригородамъ и селамъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ, по распоряженію князя и духовенства, начали строиться по разнымъ мѣстамъ христіанскіе храмы. По всему вѣроятію Полотское язычество, подобно язычеству Кіевскому и другихъ городовъ Руси, не оказало большаго сопротивленія введенію христіанской вѣры; по крайней мѣрѣ мы не имѣемъ никакихъ извѣстій о явной борьбѣ язычества съ вновь вводимымъ христіанствомъ въ здѣшней сторонѣ. Въ сказаніяхъ лѣтописей не указано ни одной причины мирнаго распространенія христіанства въ Полотской землѣ. Но, по всему вѣроятію, кромѣ Божіей благодати,—главной причины успѣха,—здѣсь дѣйствовали съ одной стороны благоразумныя распоряженія великаго князя Владимира и просвѣщенная ревность христіанскихъ миссіонеровъ, которые своею проповѣдію успѣли дѣйствовать на здѣшнихъ язычниковъ, проповѣдуя имъ новую вѣру на понятномъ для Русскихъ Славянскомъ языкѣ, и не навязывая своимъ ученіемъ новой чужеземной власти и новыхъ налоговъ въ пользу невѣдомаго чужеземнаго владыки, какъ это дѣлали миссіонеры Латинскіе, проповѣдывавшіе Евангеліе съ мечемъ въ одной рукѣ и крестомъ въ другой, облагая обращаемыхъ въ вѣру новыми налогами въ пользу Римскаго папы, и съ тѣмъ вмѣстѣ прямо или косвенно подчиняя ихъ чужеземному игу. Съ другой стороны Полочане, кажется, были не крѣпки въ своемъ язычествѣ; ибо мы знаемъ, что они разъ уже измѣнили вѣрѣ отцевъ своихъ, принявши въ свою

славянскую миѳологію многое изъ Литовскаго язычества; слѣдовательно для нихъ, разъ уже измѣнившихъ свою старую прародительскую вѣру, легко было перемѣнить и измѣненную на совершенно новую, и тѣмъ болѣе, что новая вѣра была уже принята княземъ и его дворомъ и проповѣдывалась съ кротостію и такою убѣдительностію, которая и для темныхъ умовъ ясно выставляла превосходство новой вѣры надъ старою. При томъ же, какъ извѣстно, Русское язычество не имѣло хорошо организованной іерархіи жрецовъ; и старую языческую вѣру не кому было защищать изъ своихъ матеріальныхъ интересовъ. Какъ бы то ни было, христіанство, можетъ быть болѣе наружно, особенно на первыхъ порахъ, скоро распространилось по всѣмъ Полотскимъ городамъ и пригородамъ, вездѣ появились христіанскіе храмы и даже учредилась самостоятельная Полотская церковь съ своимъ епископомъ, подчиненнымъ Кіевскому митрополиту, подобно другимъ Русскимъ епископамъ, съ своими монастырями и другими церковными учрежденіями; и всѣ Полочане стали называться православными христіанами и дорожить симъ названіемъ.

Мы не имѣемъ прямыхъ свидѣтельствъ, какъ о времени учрежденія епископской каѳедры въ Полотскѣ *),

*) Упоминаемое въ лѣтописяхъ подъ 1105 годомъ извѣстіе, что митрополитъ Никифоръ въ этомъ году 13 Декабря поставилъ Мину епископа Полотску, отнюдъ не свидѣтельствуетъ, что Мина былъ первымъ епископомъ Полотскимъ, онъ могъ быть вторымъ, третьимъ и десятымъ епископомъ въ Полотскѣ; ибо подъ тѣмъ же годомъ въ лѣтописи написано: „поставиі митрополитъ епископа Амфилохія Володимиру Августа въ 27-й день.“ А мы знаемъ, что Амфилохій не былъ первымъ епископомъ во Владимирѣ; въ лѣтописяхъ мы встрѣчаемъ ему трехъ предшественниковъ, Ѳому и двухъ

такъ и относительно опредѣленія отношеній епископа Полотскаго къ тамошнему князю и народу, и вообще о значеніи епископа въ Полотскомъ мірскомъ обществѣ; а также не знаемъ по чьему начину учредилась эта каѳедра,—по просьбѣ ли князя или народа, или по распоряженію митрополита, или при первоначальномъ введеніи христіанства, какъ это было во Владимірѣ Волынскомъ и Новгородѣ; на Руси были въ употребленіи, всѣ сіи формы учрежденія епископскихъ каѳедръ. Для опредѣленіи отношеній церкви и ея представителя къ мірскому обществу и мірской власти на Руси, были извѣстны два устава: уставъ о судѣхъ церковныхъ и о людяхъ церковныхъ и о десятинахъ, данный Владимиромъ равноапостольнымъ, и другій такой же уставъ съ нѣкоторыми измѣненіями, изданный сыномъ Владимира Ярославомъ. Сіи два устава служили на Руси основнымъ закономъ, опредѣляющимъ отношенія церкви къ государству и мірскому обществу; впрочемъ уставы сіи измѣнялись по мѣстнымъ обстоятельствамъ, такъ напримѣръ до насъ дошли видоизмѣненія сихъ уставовъ въ Смоленскѣ и въ Новгородѣ великомъ. Полочане, по складу всей своей жизни и по своему общественному устройству, какъ истыя дѣти Новгорода Великаго, и въ отношеніи къ своей христіанской церкви, по всему вѣроятію стали на Новгородскую точку зрѣнія.

Стефановъ; и конечно ихъ было гораздо больше; ибо первый епископъ Владимирскій Ѳома былъ поставленъ въ 988 году. А посему и Мина могъ имѣть нѣсколько предшественниковъ на Полотской каѳедрѣ; можетъ быть первый епископъ Полотску былъ также поставленъ въ 988 году, при самомъ введеніи христіанства въ тамошнемъ краю; и это весьма вѣроятно.

По отрывочнымъ даже свидѣтельствамъ памятниковъ, въ Полотскѣ, точно также какъ въ Новгородѣ, епископъ, представитель мѣстной церкви, былъ политическимъ государственнымъ лицомъ, необходимымъ и самымъ уважаемымъ членомъ общественнаго управленія; его имя даже въ сравнительно позднѣйшее время, уже при Гедиминовой династіи, ставилось первымъ въ общественныхъ Полотскихъ актахъ; отъ имени его одного не рѣдко писались бумаги чисто политическаго, а отнюдь не церковнаго характера, напримѣръ отношенія къ сосѣднимъ правительствамъ по мірскимъ дѣламъ. Лучшій образецъ таковыхъ бумагъ, представляетъ грамота Полотскаго епископа Іакова въ Ригу, писанная въ концѣ XIII столѣтія. Епископъ пишетъ такъ: «Поклонъ и благословеніе отъ Якова епископа Полотскаго, пробстови намѣстнику пискуплю и дѣтямъ моимъ ратманомъ. Былъ есть не дома во отца своего митрополита, а нынѣ есть на своемъ мѣстѣ у святое Софіѣ; а нынѣ есмь увѣдалъ любовь ваша правая съ сыномъ моимъ съ Витенемъ. Тако же дѣти была любовь ваша первая съ Полочаны съ дѣтьми моими; што вамъ было надобѣ, то было ваше. А нынѣ што дѣтямъ моимъ надобѣ, того имъ не бороните. А нынѣ а бысте пустили жито у Полотско. А язъ кланяюсь и благословляю и Бога молю за васъ дѣти своѣ. Аже будетъ Полочанинъ чѣмъ виноватъ Рижанину, я за тѣмъ нестою съ своими дѣтьми и исправу дамъ. А будетъ Рижанинъ чимъ виноватъ Полочанину, вы дайте имъ исправу такожде. А азъ вамъ кланяюся дѣтямъ своимъ и благословляю и Бога молю» (Русск. Ливон. ак., № XXXVIII). Эта грамота чисто Новгородской формы; такъ писали Нов-

городскіе епископы и въ Ригу, и въ другія мѣста. Здѣсь епископъ Полотскій является чисто правительственнымъ мірскимъ лицомъ; въ его грамотѣ нѣтъ и помину о церкви, рѣчь идетъ только о мірскихъ дѣлахъ,— объ отпускѣ Рижанами хлѣба и о судѣ между Рижанами и Полочанами. Грамота указываетъ, что епископъ участвовалъ въ общемъ Полотскомъ судѣ, и едвали не былъ первенствующимъ членомъ суда: выраженіе грамоты: «дамъ исправу съ своими дѣтьми» ясно указываетъ на высокое значеніе Полотскаго епископа въ народномъ судѣ.

Въ той же грамотѣ епископа Іакова мы имѣемъ указаніе, что Полотскій епископъ называлъ великаго князя Полотскаго своимъ сыномъ: въ грамотѣ Іаковъ говоритъ Рижанамъ: «а нынѣ увѣдалъ любовь вашу правую съ сыномъ моимъ Витенемъ». А при епископѣ Іаковѣ Витень былъ великимъ княземъ Литовскимъ и Полотскимъ. Конечно, по памятникамъ мы знаемъ, что митрополиты и епископы въ разныхъ княжествахъ также называли мѣстныхъ князей своими дѣтьми; слѣдовательно это право епископъ Полотскій дѣлилъ съ другими Русскими епископами; но тѣмъ не менѣе у Полотскаго епископа это право имѣло свою особенность, указывающую на иный источникъ этого права. Митрополитъ и другіе епископы Русской церкви отъ мѣстныхъ князей получали названіе отцевъ по религіозному уваженію князя къ своему епископу, какъ къ отцу духовному и представителю мѣстной христіанской церкви, къ которой по своему религіозному исповѣданію принадлежалъ и князь; другихъ причинъ, другихъ мотивовъ къ таковому сыновнему отношенію мѣстныхъ князей на Руси къ

мѣстнымъ епископамъ не было. Напротивъ того, въ отношеніяхъ Полотскихъ князей къ тамошнему епископу такія побужденія едвали могутъ быть приложены по крайней мѣрѣ во всѣхъ случаяхъ; такъ напримѣръ въ приведенной грамотѣ епископа Іакова сыновнее къ нему отношеніе князя Витена никакъ нельзя объяснить хрпстіанскимъ уваженіемъ Витена къ епископу, какъ къ духовному отцу, ибо Витенъ жилъ и умеръ язычникомъ. А посему корень сыновнихъ отношеній Полотскихъ князей къ тамошнему епископу лежалъ не въ одномъ родствѣ ихъ къ нему, какъ архипастырю Полотскэй церкви; но и въ томъ, что князей въ Полотской землѣ было много по разнымъ Полотскимъ удѣламъ, епископъ же былъ одинъ, и потому политически считался старшимъ представителемъ всей Полотской земли, точно также, какъ архіепископъ Новгородскій былъ старшимъ представителемъ Новгородской земли. Въ этомъ отношеніи владыки Новгородскій и Полотскій имѣли одинаковое политическое значеніе каждый въ своей области; и этимъ именно отличались отъ епископовъ другихъ областей Русской земли, находившихся въ большой зависимости отъ своихъ мѣстныхъ князей. И не это ли высшее положеніе, и церковное и мірское, принадлежащее Полотскому епископу, такъ высоко ставило его въ Русской церковной іерархіи, что онъ занималъ первое мѣсто послѣ Кіевскаго митрополита, по крайней мѣрѣ по отдѣленіи западной митрополіи отъ восточной, какъ увидимъ ниже.

Избирался ли Полотскій епископъ Полотскою землею, или назначался Кіевскимъ митрополитомъ, по собственному благоусмотрѣнію, на это мы не имѣемъ

прямыхъ указаній за древнѣйшее время; но, судя по болѣе позднимъ свидѣтельствамъ, епископъ Полотскій избирался Полотскою землею, подобно какъ архіепископъ Новгородскій избирался Новгородскою землею, т. е. вѣчемъ. Такъ въ грамотѣ 1562 года сказано: что по смерти Полотскаго архіепископа Григорія Воловича Полотскіе бояре, шляхта, мѣщане и все поспольство Полотское избрали на его мѣсто игока Предтечевскаго монастыря Арсенія Шишку. О таковомъ же избраніи говорится въ грамотѣ 1576 года, по случаю смерти архіепископа Полотскаго Варсанофія, на мѣсто котораго панове, рада великаго княжества Литовскаго, избрали Марковскаго протопопа Ѳеофана (Ак. З. Р. т. III, №№ 30, 75). Это свидѣтельство позднѣйшихъ грамотъ кажется не противорѣчитъ древнему свидѣтельству лѣтописи, что въ 1105 году митрополитъ Никифоръ поставилъ Мину епископомъ въ Полотскѣ; ибо лѣтопись только говоритъ, что митрополитъ поставилъ, т. е. рукоположилъ Мину во епископа, а не избралъ или назначилъ; слѣдовательно Мина могъ быть избранъ Полотскою землею и присланъ къ митрополиту для рукоположенія, какъ и Новгородцы присылали къ митрополиту на поставленіе своихъ нареченныхъ владыкъ. Тѣмъ не менѣе этотъ вопросъ, за недостаткомъ свидѣтельствъ, для насъ останется темнымъ и неразрѣшеннымъ; ибо позднѣйшіе памятники, со временъ Витовта, не могутъ служить для насъ по этому предмету объясненіемъ прежняго времени. Съ Витовта, или съ соединенія Литвы съ Польшею, при Ягайлѣ, общественное положеніе Полотскаго епископа мало-по-малу совершенно измѣнилось. Въ прежнее время, какъ мы уже видѣли, По-

лотскій епископъ былъ единственнымъ и главнымъ представителемъ христіанской церкви въ Полотской землѣ; со времени же Витовта, это главное представительство православной церкви было перенесено на митрополита Кіевскаго, Полотскій же епископъ передвинутъ на вторый планъ вмѣстѣ съ другими епископами, которыхъ епархіи вошли въ составъ великаго княжества Литовскаго, даже Виленскія православныя церкви были подчинены непосредственно Кіевскому митрополиту, а не Полотскому епископу. Ни Витовтъ, ни его преемники, великіе князья Литовскіе, уже не называютъ Полотскаго епископа своимъ отцомъ; онъ у нихъ схизматикъ, а святый отецъ у нихъ Папа Римскій.

Все, что̀ успѣли еще отстоять Полотскіе епископы, наравнѣ съ другими православными епископами въ западной Россіи со времени Витовта, заключалось только въ каноническихъ ихъ правахъ, права же политическія Полотскаго епископа были окончательно уничтожены. По такъ называемому Ярославову свитку, составленному западно-русскими православными епископами и утвержденному великимъ княземъ Витовтомъ и его преемниками, за Полотскимъ епископомъ, равно какъ за митрополитомъ Кіевскимъ и другими епископами Западной Россіи, оставлено только: во 1-хъ, чтобы епископская власть была нерушима и цѣла надъ всѣми пресвитерами, состоящими въ предѣлахъ епископской епархіи, и чтобы никто изъ мірскихъ людей, ни князья ни бояре, не вступались въ епископскій судъ надъ пресвитерами, подъ грозою штрафа въ 1000 рублей грошей широкихъ на сборную церковь или епископскую каѳедру, и подъ

лишеніемъ правъ на церковное ктиторство. Во 2-хъ, никто изъ мірскихъ властей не долженъ вступаться въ святительскій судъ по брачнымъ дѣламъ подъ грозою 500 рублей грошей широкихъ на церковь. Въ 3-хъ, кто отъ живой жены женится на другой, съ того епископъ беретъ пеню въ 1000 руб. грошей широкихъ на церковь, и бракъ съ второю женою разторгнуть; а кто не послушаетъ епископа, того судить и казнить мірскимъ судомъ. Въ 4-хъ, кто будетъ жить въ явномъ развратѣ, съ того, съ знатнаго человѣка, епископъ взыскиваетъ 500 рублей грошей широкихъ на церковь. Въ 5-хъ, епископъ наконецъ долженъ имѣть надзоръ, чтобы въ его епархіи не было разврата и судить дѣла еретическія. Въ грамотѣ В. князя Литовскаго Александра, данной архіепископу Полотскому Лукѣ въ 1503 году относительно утвержденія такъ называемаго Ярославова свитка, сказано: «приказываемъ, чтобы князья и панове наши Римскаго закона, такъ духовные, какъ и свѣтскіе, и также воеводы и старосты и намѣстники такъ Римскаго закона, такъ и Греческаго, и всѣ заказники и державцы по городамъ нашимъ крпвды бы церкви Божіей и архіепископу не чинили, и въ доходы церковные и всѣ ихъ права, и въ суды ихъ духовные не вступалися; ибо мы приказали архіепископу Лукѣ судить и рядить дѣла духовныя и люди церковныя вѣдать по давному обычаю по городамъ и по мѣстамъ нашимъ, въ архіепископіи Полотской. А которые люди архіепископли сидятъ по какимъ городамъ и захотятъ заняться торговлею, то должны платить всѣ подати наши съ горожанами вмѣстѣ по давнему обычаю. А которые князи наши и панове Римскаго закона имѣютъ

въ своихъ вотчинахъ церкви Греческаго закона, и которая церковь была издавна подъ патронатомъ архіепископа, та и теперь должна оставаться подъ его патронатомъ; а которая церковь издавна была подъ патронатомъ вотчинника той вотчины, та и теперь остается подъ его патронатомъ съ благословенія архіепископа; только тотъ вотчинникъ не имѣетъ права отказать священнику той церкви безъ разсмотрѣнія и воли архіепископа. Также, еслибы Русскаго священника кто осрамилъ или прибилъ, какъ Римской вѣры, такъ и Греческой: то дѣло долженъ разобрать архіепископъ, ибо это судъ духовный.

Такимъ образомъ, по свидѣтельству памятниковъ, Полотскій владыка, со времени великаго князя Витовта, остался только при церковныхъ правахъ мѣстнаго епископа, и то значительно урѣзанныхъ, напримѣръ относительно православныхъ церквей, состоящихъ подъ патронотомъ вотчинниковъ Латынянъ; или онъ уже болѣе не имѣетъ права называть великаго князя своимъ сыномъ и участвовать въ дѣлахъ мірскаго управленія, правительство не спрашиваетъ у него ни совѣта, ни благословенія, онъ какъ схизматикъ, по понятію Латынянъ, не имѣетъ права засѣдать въ Сенатѣ и принимать на себя какія-либо мірскія обязанности. Въ мірскомъ отношеніи за Полотскимъ владыкою остается только право на вотчины, издавна приписанныя къ Полотской каѳедрѣ; но и здѣсь его право много ниже правъ служилыхъ князей и радныхъ пановъ въ своихъ вотчинахъ; онъ даже былъ устраненъ отъ управленія церковными имѣніями, приписанными къ Полотской каѳедрѣ. Мало этого, самыя вотчины Полотской каѳедры въ раз-

ное время были убавлены или разхищены, какъ это видно въ дошедшемъ до насъ отъ 1601 года инвентарѣ. По сему инвентарю за Полотской архіепископіей оказывается только 17 селеній съ 210 дворами, изъ селеній одинъ фольваркъ и одно мѣстечко Вороначь, да сверхъ того къ вотчинамъ Полотской архіепископіи принадлежалъ монастырь Бориса и Глѣба, за рѣкою Двиною въ Бѣлчичѣ, о которомъ монастырѣ гласитъ инвентарь, что ему принадлежали полтораста тяглыхъ дворовъ, но всѣ разобраны безъ права разными особами; къ Полотской же архіепископіи принадлежали два дома въ самомъ Полотскѣ. Вотъ и все достояніе Полотской каѳедры, оставшееся отъ расхищеній къ 1601 году. За Полотскимъ владыкою по инвентарю не состояло ни бояръ, ни слугъ, составлявшихъ прежде полкъ воиновъ у каждаго Русскаго епископа, и которыхъ конечно не могло не быть у высоко поставленнаго владыки Полотскаго, въ былое время чисто Русскаго строя. Все это прямо говоритъ, что Полотскій владыка древній до Витовта и Полотскій владыко новый съ Витовта, или отъ соединенія Литвы съ Польшею при Ягайлѣ, представлютъ два учрежденія, далеко не похожія другъ на друга. А посему, чтобы объяснить значеніе древняго Полотскаго епископа, нужно обратиться не къ сравненію его съ новымъ владыкою со временъ Витовта, а скорѣе искать объясненія въ правахъ и обязанностяхъ владыки Новгородскаго, на что довольно ясно указываетъ намъ приведенная выше грамота Полотскаго епископа Іакова въ Ригу, и на что мы уже указали выше.

Соборныя церкви.

За епископомъ въ Полотской церковной іерархіи слѣдовали соборныя церкви съ своими протопопами

и клирошанами, какъ въ самомъ Полотскѣ, такъ и въ Полотскихъ пригородахъ. Соборная церковь въ каждомъ Полотскомъ городѣ, съ одной стороны, означала общественное учрежденіе, принадлежащее цѣлому городу; она въ каждомъ городѣ выражала центръ, куда тянуло церковную жизнь не только горожанъ, но и жителей уѣзда; она строилась гражданами во имя того святаго или въ честь извѣстнаго церковнаго праздника, которые считались въ народѣ покровителями и защитниками города. Такъ напр: Мстиславль считалъ своимъ покровителемъ Святую Троицу, и Мстиславская соборная церковь, была построена во имя Св. Троицы. Или покровительница Минска считалась Пресвятая Богородица, и тамошняя соборная церковь была построена въ честь Рождества Пресвятыя Богородицы. Соборный храмовый праздникъ былъ праздникомъ всего города; ибо церковь состояла на попеченіи всѣхъ гражданъ. Всѣ граждане заботятся о благолѣпіи соборной церкви, принимаютъ мѣры къ достаточному содержанію какъ самой церкви, такъ и клирошанъ, приписываютъ церкви разныя вотчины и угодья, а въ иныхъ городахъ назначаютъ въ ея пользу извѣстные и опредѣленные городскіе доходы; также всѣ граждане и городскія власти имѣютъ надзоръ за имуществомъ соборной церкви, завѣдываютъ его управленіемъ вмѣстѣ съ клирошанами, защищаютъ церковные вотчины и доходы отъ неправильныхъ захватовъ и разхищеній, и для таковой защиты ведутъ иски въ судахъ. Такъ въ судной грамотѣ 1499 года мы встрѣчаемъ споръ между Полотскимъ архіепископомъ Лукою и Полотскими боярами и мѣщанами о вотчинахъ Софійской соборной церкви,

передъ судомъ великаго князя Литовскаго Александра, и по суду великаго князя, въ грамотѣ сказано: «и тѣ спорныя вотчины и людей, мы присудили клирошанамъ Софійскимъ, и имѣютъ они право то держать къ клиросу церкви св. Софіи, и что съ тѣхъ людей дани идетъ, то они должны ту дань давать св. Софіи клирошанамъ, работать тѣ люди должны на церковь, и судить ихъ должны клирошане съ старостами тѣхъ волостей, а пени по старому платить на клирошанъ. И приказали Полотскому намѣстнику, и войту и бургомистрамъ и радцамъ и всѣмъ мѣщанамъ имѣть попеченіе о тѣхъ волостяхъ и оборонять ихъ». (А. З. Р., Т. III,№ 173). При соборныхъ церквахъ граждане иногда устроивали братства, городскія училища, богадѣльни и больницы. Въ соборныхъ церквахъ имѣлись особые притворы, гдѣ хранились и записывались подъ надзоромъ особыхъ выборныхъ старостъ всѣ государственныя и общественныя грамоты и законы, подобно какъ это было въ Новгородѣ и Псковѣ. Такъ въ уставной грамотѣ 1503 г., данной городу Витебску, сказано: «Вся земля Витебская повѣдала передъ нами, что пришли злодѣи изъ Новгорода Великаго, покрали у нихъ церковь Богоматери, и въ той ихъ церкви и привилей (уставную грамоту) ихъ украли». (А. З. Р., Т. I, № 204).

Съ другой стороны, соборная церковь въ каждомъ городѣ была центромъ мѣстнаго церковнаго управленія какъ для городскаго, такъ и для уѣзднаго духовенства; сюда тянули судомъ и управою всѣ жители города и уѣзда, когда дѣло касалось церковнаго суда: протопопъ соборной церкви былъ вмѣстѣ и намѣстникомъ епископа; онъ имѣлъ надзоръ не только

надъ всѣми церквами города и уѣзда, но и надъ монастырями, такъ что уѣздъ въ церковномъ отношеніи по соборному протопопу назывался протопопіею; такъ Слуцкій уѣздъ—Слуцкою протопопіею, Мстиславскій—Мстиславскою и подоб. Соборный протопопъ съ своимъ клиромъ составлялъ первую нижнюю инстанцію церковнаго суда въ уѣздѣ; его обязаны были слушать какъ владычня намѣстника, не только мѣстное духовенство, но и мірскіе люди города и уѣзда (Ак. З. Р., Т. II, № 77). Онъ по своему вѣдомству объявлялъ всѣ приказанія епископа и приводилъ ихъ въ исполненіе, по благословенію владыки, освящалъ вновь построенныя церкви въ городѣ и уѣздѣ, и вообще былъ прямымъ намѣстникомъ епископа въ своей протопопіи и первымъ духовнымъ лицомъ въ городѣ и уѣздѣ. Протопопъ соборной церкви вмѣстѣ съ городскими властями имѣлъ наблюденіе за имуществомъ всѣхъ церквей въ городѣ. Такъ въ грамотѣ 1544 года сказано: «Ежели въ какой церкви захвораетъ священникъ на смерть; то соборный протопопъ долженъ объявить объ этомъ бурмистру и радцамъ и съ ними и съ городскимъ писаремъ описать церковное имущество по стародавнему обычаю. А по смерти того священника, бурмистръ запираетъ церковь и ключи беретъ себѣ на сохраненіе, до тѣхъ поръ, пока онъ вмѣстѣ съ протопопомъ и двумя священниками изберутъ годнаго и научнаго человѣка и отправятъ его къ владыкѣ для рукоположенія во священника. Когда же новорукоположенный возвратится отъ владыки съ благословеннымъ листомъ; тогда бурмистръ или радцы съ городскимъ писаремъ и протопопомъ тому священнику передадутъ ту церковь

со всѣмъ церковнымъ имуществомъ по описи, и ему же отдадутъ и церковные ключи. Кромѣ того, бурмистръ, по старому обычаю, ежегодно долженъ посылать двухъ радцевъ и писаря, которые вмѣстѣ съ протопопомъ или священниками должны пересматривать и описывать какъ соборную, такъ и другія церкви». (Ак. З. Рос., Т. II, № 231).

Старшею и, такъ сказать, главною соборною церковію въ Полотской землѣ была церковь св. Софіи въ Полотскомъ кремлѣ или дѣтинцѣ: она, кажется, выражала то же въ Полотскѣ, что и церковь св. Софіи въ Новгородѣ, т. е. символъ свободы и самостоятельности Полотска, и кромѣ религіознаго значенія имѣла еще значеніе государственное. Каждый городъ въ Полотской землѣ также имѣлъ свою соборную церковь въ кремлѣ или дѣтинцѣ. Такъ въ Вѣльскѣ въ кремлѣ была соборная церковь Рождества Пресвятыя Богородицы, упоминаемая въ грамотѣ 1507 года; въ Витебскѣ соборная церковь Успенія Пресвятыя Богородицы; въ Слуцкѣ соборная церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, при которой былъ протопопъ, два священника и два дьякона и уставникъ отъ мірскихъ людей или отъ князя. (Грам. 1583 г.). Въ Минскѣ соборная церковь Рождества Пресвятыя Богородицы, и при ней госпитальное братство; въ Новгородкѣ Литовскомъ соборная церковь свв. мучениковъ Бориса и Глѣба, имѣвшая въ Новгородскомъ уѣздѣ значительныя вотчины (грам. 1517 г.); въ Туровѣ соборная церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, имѣвшая богатыя вотчины (грам. 1520 г.); въ Пинскѣ соборная церковь Рождества Пресвятыя Богородицы, также имѣвшая вотчины; въ Вильнѣ со-

борная церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, она со временъ Витовта была подчинена непосредственно Кіевскому митрополиту; въ Мстиславлѣ соборная церковь Св. Троицы, которая имѣла привилегію на полученіе грошовыхъ, медовыхъ, житныхъ и иныхъ даней въ уѣздѣ. (Ак. З. Р., Т. II, № 232).

Монастыри въ Полотской землѣ и потомъ въ Великомъ княжествѣ Литовскомъ имѣли со всѣмъ иное значеніе, чѣмъ соборныя церкви; они не принимали никакого участія въ церковной администраціи города и уѣзда и даже сами числились въ городской протопопіи и состояли въ ея вѣдѣніи. Назначеніе православ. монастырей въ Полотской землѣ и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ было главнымъ образомъ религіозное и просвѣтительное съ стремленіемъ распространять и отстаивать православіе, и въ этомъ отношеніи они имѣли громадное значеніе, особенно во время борьбы здѣшней православной церкви съ Латинствомъ. Православные Русскіе люди въ здѣшнемъ краѣ всегда смотрѣли на монастыри какъ на передовыя крѣпости въ защиту православія и Русской народности; а посему еще въ древнее время всякій новый Русскій городъ, почти всякая Русская колонія, выдвинутыя въ глубь Литовской, или Жмудской, или Ятвяжской земли, имѣли свой монастырь, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что еще при князьяхъ, потомкахъ Изяслава, мы встрѣчаемъ уже православные монастыри въ глубинѣ Жмудской, Ятвяжской и Литовской земель. Монастыри.

Но особенное вниманіе было обращено на православные монастыри со времени введенія Латинства при великомъ князѣ Литовскомъ Ягайлѣ Ольгердо-

вичѣ. Какъ Латинско-Польское духовенство спѣшило утвердить свою церковь въ Литовскихъ прежнихъ Полотскихъ владѣніяхъ посредствомъ устройства Латинскихъ монастырей разныхъ орденовъ; такъ Русскіе люди въ отпоръ этому Латино-Польскому наводненію спѣшили также строить и умножать монастыри, гдѣ только могли. Въ этомъ важномъ дѣлѣ принимали участіе какъ цѣлыя сословія данныхъ мѣстностей, такъ и частныя лица, имѣвшія достаточныя къ тому средства, а равнымъ образомъ и братства, образовавшіяся въ разныхъ городахъ на защиту православной вѣры и Русской народности. И первоначально это дѣло шло довольно успѣшно, ибо лучшія фамиліи изъ Русскихъ и Литовцевъ были большею частію православными; и мы имѣемъ извѣстія о многихъ монастыряхъ, построенныхъ по всѣмъ направленіямъ на встрѣчу напиравшему съ запада Латинству. Такъ въ глубинѣ Жемойти есть извѣстія о православныхъ монастыряхъ: въ мѣстечкѣ Подубиссѣ, въ Шавельскомъ уѣздѣ, въ мѣстечкѣ Кайданахъ въ Ковенскомъ уѣздѣ, въ мѣстности Сурдегахъ, въ Вилкомирскомъ уѣздѣ, въ мѣстечкѣ Мярахъ (Міорахъ) въ Ново-Александровскомъ уѣздѣ; такъ что по притокамъ Жемойтскихъ рѣкъ—Святой, Невѣжи и Дубиссы, тянулись православные монастыри въ отпоръ Латинству, построенные частію Русскими людьми имѣвшими здѣсь свои колоніи, частію Жмудинами, во многихъ мѣстахъ уже обращенными въ православіе задолго до появленія здѣсь Латинства. Далѣе на встрѣчу Латинству слѣдуетъ линія православныхъ монастырей въ глубинѣ Литвы: въ нынѣшнемъ Трокскомъ уѣздѣ монастырь въ Евьѣ, имѣвшій свою типографію, и два мо-

настыря Крожскій и Рождества Пресвятыя Богородицы въ самомъ городѣ Трокахъ, три православныхъ монастыря въ самой Вильнѣ, Кройскій монастырь въ Вилейскомъ уѣздѣ и Голдовскій монастырь въ Лидскомъ уѣздѣ. Еще замѣчательнѣе рядъ православныхъ монастырей, далеко выдвинувшійся впередъ на западъ къ самымъ границамъ Польши, откуда напирало Латинство, именно въ нынѣшней Гродненской губерніи; иные изъ нихъ были построены еще въ древнее время при Полотскихъ Изяславичахъ и при Волынскихъ князьяхъ, а другіе именно во время борьбы православія съ Латинствомъ въ здѣшнемъ краѣ. Самыми западными православными монастырями здѣсь были; Новодворскій монастырь въ Сокольскомъ уѣздѣ, Супрасльскій Благовѣщенскій и Заблудовскій въ Бѣлостокскомъ уѣздѣ, Пожайскій недалеко отъ Ковны, Никольскій монастырь въ Бѣльскѣ, Преображенскій и Троицкій монастырь въ Дрогичинѣ. За тѣмъ слѣдуетъ въ этомъ же краѣ вторый рядъ монастырей: Борисо-Глѣбскій Коложскій монастырь въ Гроднѣ, построенный еще въ XII вѣкѣ, Спасскій монастырь въ Кобринѣ, построенный Кобринскимъ княземъ Иваномъ въ 1497 году, и въ Слонимскомъ уѣздѣ монастыри: Жировицкій и Дятловицкій или Дзенцоловицкій.

Сіи ряды монастырей на западной границѣ, прежде другихъ мѣстностей подвергшейся напору Латинства и Польщизны, ясно говорятъ, что Русскіе люди и вообще православные жители здѣшняго края, очутившись подъ властію олатыненнаго и ополяченнаго правительства, не находили лучшаго средства для защиты православія и Русской цивилизаціи отъ напора Латинства и Польщизны, какъ построеніе православ-

ныхъ монастырей предпочтительно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ было болѣе опасности отъ Латинскаго и Польскаго вліянія. Это хорошо понимали и Латинскіе бискупы и ксендзы, и прилагали особенное стараніе къ уничтоженію православныхъ монастырей, а по введеніи уніи—къ передачѣ ихъ монахамъ Базиліанамъ, самымъ усерднымъ слугамъ Латинства и ополяченія. И дѣйствительно, съ уничтоженіемъ православнаго монастыря, или съ передачею его Базиліанамъ, мѣстность, окружающая монастырь и бывшая подъ его вліяніемъ, быстро обращалась въ Латинство и потомъ полячилась. Конечно и бѣлое или приходское духовенство было ревностнымъ защитникомъ православія въ здѣшнемъ краѣ и удерживало народъ отъ Латинства и ополяченія; но въ бѣломъ духовенствѣ священникъ обыкновенно дѣйствуетъ одиночно, и потому при всемъ своемъ усердіи не всегда можетъ дѣйствовать такъ успѣшно, какъ дѣйствуетъ хорошо устроенная монастырская община, гдѣ по одному направленію, подъ однимъ началомъ и непосредственнымъ ближайшимъ надзоромъ и указаніемъ игумена или архимандрита, работаютъ десятки, а иногда и сотни иноковъ, людей свободныхъ, и менѣе чѣмъ бѣлое духовенство стѣсненныхъ житейскими заботами. Какъ бы то ни было, въ борьбѣ съ Латинствомъ, при всѣхъ враждебныхъ дѣлу обстоятельствахъ, монастыри въ Сѣверо-Западномъ краѣ Руси, или въ древней Полотской землѣ, вполнѣ доказали, что они могли дѣлать на пользу православія и на защиту Русской народности; они учреждали у себя больницы, странноприимные дома и распространяли просвѣщеніе въ народѣ, при помощи хорошо устроенныхъ училищъ

и изданіемъ книгъ въ своихъ монастырскихъ типографіяхъ. И пока православные монастыри держались, ни Латинство, ни Польщизна, при всѣхъ средствахъ, доставляемыхъ ополяченнымъ правительствомъ, не могли считать своего дѣла,—ополяченія и олатыненія края,—рѣшеннымъ окончательно; при всѣхъ невзгодахъ борьба упорно продолжалась, и православные монастыри не оскудѣвали болѣе или менѣе дѣятельными борцами. А что тогдашніе Русскіе люди дѣйствительно съ такой точки смотрѣли на монастыри и устрояли ихъ именно на защиту православія и Русской народности, на это мы имѣемъ и прямыя письменныя свидѣтельства, даже оффиціальныя. Такъ въ приговорѣ Минскаго дворянства на построеніе православнаго Петропавловскаго монастыря, писанномъ въ 1612 году, прямо сказано: «Минскіе дворяне построили монастырь Петра и Павла въ Минскѣ и обезпечили его вкладами, чтобы держать въ немъ законниковъ, т. е. чернцовъ и всякаго сословія людей старожитной религіи Греческой, чтобы Богослуженіе въ немъ отправлялось по стародавнимъ обычаямъ, а также чтобы содержать въ монастырѣ училище для наученія дѣтей, въ которое пригласили ученыхъ людей на защиту православной церкви и для большаго ея преуспѣянія, и чтобы монастырь этотъ не былъ ни подъ чьимъ владѣніемъ, какъ только Минскихъ дворянъ православнаго вѣроисповѣданія, и обязать подъ страхомъ анаѳемы оборонять этотъ монастырь на вѣчное время». (Акты гор. Минска, № 65).

Указавши на значеніе православныхъ монастырей въ Полотской землѣ, особенно во время борьбы православія съ Латинствомъ, теперь слѣдуетъ указать на

ихъ устройство и общественное положеніе. По устройству своему православные монастыри въ Полотской землѣ, или въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ раздѣлялись на монастыри, построенные обществомъ, т. е. цѣлымъ городомъ или цѣлымъ сословіемъ данной мѣстности, и на монастыри, построенные князьями или частными лицами въ ихъ вотчинахъ, и наконецъ на монастыри, устроенные бѣдными благочестивыми иноками съ благословенія епископа въ пустыняхъ и глухихъ лѣсахъ, никому не принадлежащихъ, не состоящихъ ни въ чьемъ частномъ владѣніи. По общественному положенію своему монастыри въ Полотской землѣ раздѣлялись на привилегированные, или состоящіе подъ чьимъ-либо патронатомъ, и не привиллегированные, вполнѣ зависѣвшіе отъ мѣстнаго епископа и числившіеся въ вѣдѣніи мѣстной протопотіи наравнѣ съ приходскими церквами.

Монастыри, построенные частными лицами въ своихъ вотчинахъ или князьями въ ихъ удѣлахъ, обыкновенно принадлежали къ привилегированнымъ монастырямъ и находились подъ патронатомъ своихъ строителей и ихъ потомковъ; они въ экономическомъ отношеніи были совершенно независимы отъ епископа, да и въ отношеніи церковномъ ихъ зависимость отъ епископа была самая незначительная и почти незамѣтная; они не платили даней епископу и не подлежали его суду; къ нимъ не имѣли права въѣзжать ни намѣстники, ни десятиники епископскіе. Такъ въ окладной, которая въ 1399 году дана была Полотскимъ княземъ Онуфріемъ Полотскому Предтеченскому монастырю, сказано: «А въ церковь св. Іоанна не вступатися никому. А владыцѣ съ игумена Ива-

новскаго и съ нашего монастыря Островскаго куницы не брати и никакихъ пошлинъ. А отъ кого будетъ какая обида нашему монастырю, ино досмотрѣти и боронити намъ самимъ, а по насъ роду нашему. А въ старцы и въ люди, которые живутъ на Св. Іоанна землѣ, и судити и рядити игумену Іоанискому самому съ братіею, а иному никому не вступатися, а владыцѣ не вступатися въ нашъ монастырь». (Ак. З. Р., Т. 1, № 14). Или въ грамотѣ 1442 года, данной Литовскимъ княземъ Юріемъ Семеновичемъ Лигвеневымъ Онуфріевскому монастырю, сказано: «А владыцѣ Мстиславскому и Полотскому Онуфріевскаго архимандрита не судить и ни рядить, коли кому будетъ до него которое дѣло; ино намъ самимъ того архимандрита Онуфріевскаго судить. А будетъ владыцѣ до него дѣло духовное; ино намъ самимъ же со владыкою того архимандрита досмотрѣть. А владычнымъ десятникамъ и городскимъ тыхъ людей монастырскихъ въ духовныхъ дѣлахъ не судить и ни рядить и дѣтскихъ не посылать и вины не имать на владыку, что въ свитку Ярославли написано; судить и рядить и вины имать въ духовныхъ судѣхъ на тѣхъ людяхъ монастырскихъ самому архимандриту, который будетъ служить у святаго Онуфрея». (А. З. Р., Т. I, № 43).

Но привелегированные или состоящіе подъ патронатомъ монастыри, будучи почти совершенно освобождены отъ епископской власти, и видимо пользуясь полною самостоятельностію и независимостію, и даже обезпеченные въ этомъ защитою своихъ патроновъ, взамѣнъ всего этого находились въ полной зависимости отъ патроновъ, они составляли ихъ част-

ную собственность и ничѣмъ не были обезпечены отъ ихъ произвола. Всѣ отчеты по управленію монастыремъ игуменъ или архимандритъ подавалъ патрону. Такъ напримѣръ въ 1494 году архимандритъ Іосифъ при сдачѣ Слуцкаго монастыря, состоявшаго подъ патронатомъ княгини Слуцкой, пишетъ: «сдаю твоей милости Государынѣ моей княгини монастырь св. Троицы, со всѣмъ тѣмъ, съ чѣмъ мнѣ твоя милость подала и надъ то прибавилъ есми за мое держанье. Оставляю твоей милости въ монастырѣ 60 копъ грошей широкихъ, а земли закупилъ на 6 копъ грошей, и ковшикъ серебрянный». (Далѣе слѣдуетъ подробная опись всего монастырскаго имущества). (ibid № 115). Самый выборъ архимандрита или игумена и монаховъ вполнѣ зависѣлъ отъ воли патрона; патронъ, какъ владѣлецъ монастыря, могъ закрыть свой монастырь и вновь открыть по своему усмотрѣнію и даже передать кому хочетъ. При продажѣ или передачѣ вотчины и патронатъ надъ монастыремъ переходилъ къ новому владѣльцу; а во владѣніяхъ великаго князя патронатъ надъ привилегированными монастырями рѣшительно зависѣлъ отъ воли Государя, онъ передавалъ его, кому хотѣлъ, какъ помѣстье.

Въ прежнее время, до введенія Латинства въ Литовскія владѣнія, привилегированные православные монастыри пользовались очевидно большими выгодами; ибо патронатъ надъ ними принадлежалъ православнымъ владѣльцамъ, которые дѣйствительно имъ покровительствовали и заботились объ ихъ благосостояніи; и сами великіе князья Полотскіе, какъ православные по своей вѣрѣ, обращали вниманіе на процвѣтаніе монастырей. Но со введеніемъ Латинства,

привилегированные православные монастыри сдѣлались жертвою ополяченныхъ и олатыненныхъ государей Литовскихъ и ихъ вельможъ, и, по мѣрѣ распространенія Латинства между православными Литовскими и Русскими вельможами, патронатъ надъ православными монастырями сталъ переходить къ иновѣрцамъ, которые смотрѣли на нихъ какъ на доходную статью и обращались съ ними именно какъ съ выгодными помѣстьями или вотчинами. Вотъ образцики патроната надъ православными монастырями при олатыненныхъ государяхъ Литовскихъ. Въ 1562 году, по королевскому указу, Полотскій Предтеченскій монастырь былъ отданъ со всѣми своими вотчинами и доходами въ пожизненный патронатъ королевскому дворянскому Боркулабу Корсаку, съ правомъ имѣть въ немъ своего намѣстника кого-либо изъ духовныхъ, самому управлять какъ настоятелю, которому должны повиноваться не только монастырскіе люди, но и всѣ священники монахи и монахини и все духовенство, какъ въ монастырѣ, такъ и въ его вотчинахъ. Или вотъ плачевная исторія привилегированнаго Вознесенскаго монастыря въ Минскѣ. Въ 1570 году монастырь этотъ по смерти архимандрита Пафнутія, былъ отданъ королемъ Сигизмундомъ своему дворянину Ивану Бакѣ, со всѣми монастырскими вотчинами и доходами. Этотъ мірскій владѣлецъ привелъ монастырь въ страшный безпорядокъ, разогналъ всѣхъ монаховъ и священниковъ, такъ что нѣсколько лѣтъ не было въ монастырѣ и божественной службы, а лучшая монастырская вотчина продана въ сторонніе руки. Наконецъ, по государеву указу, Минскій староста Гаврило Горностай въ 1576 году отнялъ мона-

стырь у дворянина Баки и передалъ дворянину Достоевскому, а въ 1579 году по королевскому указу въ монастырь былъ опредѣленъ архимандритъ Михаилъ Рогоза, которому и переданъ монастырь со всѣми вотчинами и доходами. При чемъ, при вводѣ архимандрита въ монастырь, девять лѣтъ состоявшій въ свѣтскомъ владѣніи, оказалось: 1-е, главная церковь Вознесенія Христова, вся сгнила; 2-е, въ церкви одиннадцать образовъ старыхъ полинялыхъ, въ олтарѣ престолъ покрытъ выбойкою, сосуды стары цыновые, кадило мѣдное старое, двѣнадцать церковныхъ книгъ старыя, одна поставная свѣча и два огарка, двѣ ризы и эпитрахиль кухтеревыя бѣлыя; 3-е, при той же церкви придѣлъ Благовѣщенія, въ немъ два линялыхъ образа и ободранный престолъ; 4-е, другій придѣлъ св. Іоанна пустой; 5-е, трапеза старая брусовая, при ней церковь Покрова Пречистой, въ ней три образа простыхъ, писанныхъ фаброю, и двѣри безъ замка; 6-е, монаховъ ни одного. Вотъ положеніе привилегированнаго монастыря, состоявшаго подъ королевскимъ патронатомъ; онъ въ продолженіи девяти лѣтъ стоялъ безъ архимандрита и монаховъ, какъ бы на арендѣ у двухъ дворянъ, которые не только не думали о церковной службѣ, но разогнали всѣхъ монаховъ и священниковъ, а богатый монастырь довели до запустѣнія и всѣ вотчины растеряли, за исключеніемъ двухъ пустошей и тридцати мѣщанскихъ дворовъ въ Минскѣ, приписанныхъ къ монастырю (Минск. акты, №№ 22, 24, 28).

Монастыри не привилегированные имѣли совсѣмъ другую участь. Они вполнѣ зависѣли отъ епископа

тянули къ нему судомъ и данью, находились подъ непосредственнымъ надзоромъ епископа и его намѣстниковъ по городамъ; здѣсь епископъ имѣлъ право переводить архимандритовъ и игуменовъ изъ одного монастыря въ другой, подвергать ихъ разнымъ пенямъ и наказаніямъ; и вообще сіи монастыри неимѣли той самостоятельности, какою видимо пользовались монастыри привилегированные. По свидѣтельству Сигизмундовой грамоты 1511 года, данной митрополиту и епископамъ: «Митрополитъ и епископы имѣютъ право управлять и распоряжаться церквами, состоящими въ ихъ вѣдѣніи, назначать и ставить архимандритовъ, игуменовъ, священниковъ, діаконовъ и всякій священническій чинъ Греческаго закона; какъ духовныхъ такъ и свѣтскихъ судить и рядить и всякія дѣла духовныя справовать и благословлять, а непослушныхъ и преступныхъ встягать и карать по ихъ праву и уставамъ соборной восточной церкви, ни кѣмъ не возбранно». (Ак. З. Рос., Т. II, № 65). Такимъ образомъ не привилегированные монастыри были въ полной зависимости отъ епископа; но зато епископъ былъ и патрономъ таковыхъ монастырей,—онъ защищалъ ихъ отъ обидъ и притѣсненій. Въ приведенной выше грамотѣ Сигизмунда прямо сказано: «приказываемъ, чтобы всѣ князья и паны наши Римскаго закона, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, а также воеводы, старосты, намѣстники, какъ Римскаго, такъ и Греческаго закона, и тіуны, и всѣ заказщики и державцы по городамъ нашимъ, а также по мѣстамъ нашимъ войты, бурмистры и радцы кривды церкви Божіей и митрополиту и епископамъ не чинили, и въ дохо-

ды церковные и во всѣ справы и суды духовные не вступались».

Не привилегированные монастыри были преимущественно общественные, т. е. построенные на общественной землѣ, а не въ чьей-либо вотчинѣ; а по сему они не рѣдко вмѣстѣ съ патронатомъ епископа имѣли еще патрона въ мѣстномъ обществѣ, которое обыкновенно принимало дѣятельное участіе какъ въ содержаніи таковыхъ монастырей, такъ въ управленіи и надзорѣ за имуществомъ и доходами монастыря. Напримѣръ Троицкій монастырь въ Вильнѣ со всѣми церковными землями и имуществомъ состоялъ въ вѣдѣніи Виленскихъ бурмистровъ, радцевъ, лавниковъ и всѣхъ горожанъ Виленскихъ Греческаго закона. Общество защищало таковые монастыри даже противъ распоряженій правительства. Такъ, когда въ 1619 году было сдѣлано распоряженіе правительства о передачѣ уніатамъ Петропавловскаго православнаго монастыря въ Минскѣ, построеннаго Минскимъ дворянствомъ; то всѣ князья и бояре Минскіе подали противъ таковаго распоряженія протестъ и всѣмъ сословіемъ требовали, чтобы монастырь сей, какъ построенный въ прежніе годы цѣлымъ дворянствомъ православной вѣры въ Минскѣ, и былъ оставленъ за православными. (Минск. ак. № 73). Такимъ образомъ не привилегированные православные монастыри въ Полотской землѣ, особенно со времени соединенія Литовскаго княжества или сѣверо-западной Руси съ Польскою короною, были сравнительно въ лучшемъ положеніи, нежели монастыри привилегированные; имъ принадлежалъ характеръ учрежденій чисто общественныхъ, и это ставило ихъ въ положеніе болѣе

прочное и обезпеченное сравнительно съ привилегированными монастырями, составлявшими частную собственность своихъ строителей и ихъ потомковъ.

Полотская земля, или сѣверо-западный край Россіи, нынѣ почти неимѣющій православныхъ монастырей, въ былое время даже при великихъ князьяхъ Литовскихъ былъ усѣянъ православными монастырями едва ли не болѣе чѣмъ другой какой-либо край Россіи. Не только собственно въ Полотской землѣ, т. е. въ древнихъ колоніяхъ Полотска, но даже въ Литвѣ и Жемойти, гдѣ Полотская цивилизація была слабѣе, почти нельзя было встрѣтить города, гдѣ бы не было одного или нѣсколькихъ православныхъ монастырей. Такъ въ Жемойти, въ Вилькомирѣ, находился православный монастырь, называвшійся Сурдецкимъ; въ Шавельскомъ уѣздѣ Подубисскій монастырь въ мѣстечкѣ Подубиссѣ; въ Ковенскомъ уѣздѣ православный монастырь въ Кейданахъ, потомъ еще Пожайскій; въ Новоалександровскомъ уѣздѣ православный монастырь въ Мерахъ (Міорахъ). Собственно въ Литвѣ православные монастыри въ Лидскомъ уѣздѣ Голдовскій; въ Троцкомъ уѣздѣ монастырь въ Евьѣ, имѣвшій свою типографію, въ самомъ городѣ Трокахъ два православныхъ монастыря: Кражскій и Рождества Пресвятыя Богородицы; этотъ послѣдній имѣлъ много вотчинъ, данныхъ Великимъ княземъ Витовтомъ, княгинею Юліаніею и фамиліею Сапеговъ, которые и хоронились въ семъ монастырѣ; въ Вилейскомъ уѣздѣ православный монастырь, называемый Кройскій; въ самой Вильнѣ, столицѣ Литвы, мы имѣемъ извѣстіе о трехъ православныхъ монастыряхъ—Троицкомъ, Юрьевѣ и Святодуховскомъ, но говорятъ ихъ

было и больше. Въ землѣ Ятвяжской, по географическому положенію своему обратившейся въ передовый постъ для защиты православія отъ напиравшаго съ запада Латинства, до насъ дошли извѣстія о слѣдующихъ православныхъ монастыряхъ: Новодворскій монастырь въ Сокольскомъ уѣздѣ, Супрасльскій и Заблудовскій въ Бѣлостокскомъ уѣздѣ, имѣвшіе свои типографіи, Никольскій монастырь въ Бѣльскѣ, Преображенскій и Троицкій монастыри въ Дрогичинѣ, Борисо-Глѣбскій Коложскій монастырь въ Гроднѣ, Спасскій монастырь въ Кобринѣ, Успенскій, Жировицкій и Дятловицкій или Дзенцеловицкій въ Слонимскомъ уѣздѣ. Собственно въ Полотской землѣ, гдѣ стоятъ Полотскъ и его старшіе пригороды, мы имѣемъ извѣстіе о еще большемъ числѣ православныхъ монастырей. Такъ, въ самомъ Полотскѣ тринадцать монастырей: Предтеченскій, Спасскій или Селецкій, построенный княжною Евфроспніею Полотской въ XII столѣтіи, Троицкій, Богоявленскій, Борисо-Глѣбскій, Петровскій, Никольскій, Михайловскій, Воскресенскій, Богородицкій, Козмодемьянскій, Преображенскій, Георгіевскій, а вѣроятно ихъ было и больше, такъ что въ этомъ отношеніи Полотскъ не уступалъ ни Новгороду, ни Кіеву. Въ Минскѣ, памятники намъ указываютъ шесть православныхъ монастырей: Вознесенскій, Святодуховскій, два Петропавловскихъ—мужскій и женскій, Никольскій и Богородицкій; въ Слуцкѣ три монастыря: Троицкій, Никольскій и Ильинскій, и въ Слуцкомъ уѣздѣ два монастыря, Мороцкій и Старчицкій: въ Мстиславлѣ три монастыря—Николаевскій-Нагорный, Пустынскій и Онуфріевскій, и въ уѣздѣ два монастыря—Стрѣйкаловскій и Мазановскій

дѣвичій; въ Новгородѣ Литовскомъ три монастыря—Лаврищевскій, построенный княземъ Римонтомъ, сыномъ великаго князя Литовскаго Тройдена, въ монашествѣ Лавръ; Грозовскій, построенный дворяниномъ Володковичемъ, и Цеперскій; въ Брагинѣ-Ключѣ два монастыря—Спасскій и Благовѣщенскій; въ Пинскѣ шесть монастырей—св. мученицы Варвары, Лещинскій, Цеперскій, Покровскій, Соломерецкій и Купятицкій, имѣвшій свою типографію: въ Могилевѣ два монастыря—Спасскій и Богоявленскій; въ Оршѣ четыре монастыря—Кутейнскій, имѣвшій свою типографію, Богоявленія Господня, Міорскій, Лукомскій и дѣвичій Кутейнскій, въ Мозырѣ одинъ монастырь Петропавловскій; въ Витебскѣ два монастыря,—Марковскій и Св. Троицы; въ Бреславлѣ одинъ монастырь Неспѣшскій. Кромѣ того, упоминаются православные монастыри: Буйницкій, Горецкій, Крыжборскій, Борунскій въ Ошмянскомъ повѣтѣ, Вохорскій, Ворколобовскій и Шкловскій, вѣроятно въ Шкловѣ. Такимъ образомъ мы имѣемъ извѣстія болѣе нежели объ осмидесяти православныхъ монастыряхъ, встрѣчающихся въ оффиціальныхъ памятникахъ, начиная съ конца XIV столѣтія, но безъ сомнѣнія ихъ было гораздо болѣе; ибо ежели были уже православные монастыри въ отдаленныхъ краяхъ,—въ Жемойти и въ землѣ Ятвяжской; то какъ же имъ не быть въ чисто Русскихъ городахъ, ближайшихъ къ Полотску, въ Невлѣ, Борисовѣ, Изяславлѣ, Друцкѣ, Днѣпрѣ и другихъ. И не даромъ были учреждены всѣ сіи монастыри; они служили опорою православія и народности въ здѣшнемъ краю столь сильною, что Латинство, вооруженное всѣми средствами, которые давали ему

олатыненное и ополяченное правительство, вело противъ нихъ сильную и упорную борьбу, почти въ продолженіи четырехъ столѣтій, да и то не достигло полнаго успѣха, и не смотря на всѣ козни и происки, не успѣло окончательно уничтожить православіе.

Приходскія церкви и бѣлое духовенство.

За монастырями въ Полотской землѣ слѣдовали приходскія городскія и сельскія церкви съ ихъ причтами, т. е. священниками, дьяконами, дьячками и пономарями. По общему положенію, приходское духовенство въ Полотской землѣ и потомъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ въ прежнее время было въ полномъ подчиненіи у Полотскаго владыки; но изъ этого общаго положенія были исключены всѣ церкви, находящіеся подъ чьимъ-либо патронатомъ, или, какъ писалось въ оффиціальныхъ бумагахъ, *подаваньемъ*; а число таковыхъ церквей такъ было велико, что вообще приходскія церкви, какъ и монастыри, можно раздѣлить на состоящія въ полномъ вѣдѣніи епископа, и находящіяся подъ чьемъ-либо патронатомъ или привилегированныя.

Церкви не привилегированныя состояли въ полной зависимости отъ Полотскаго епископа и потомъ отъ другихъ епископовъ, епархіи которыхъ въ послѣдствіи вошли въ составъ Литовскихъ владѣній; они находились подъ владычнимъ судомъ и управою, обязаны были платить владыкѣ опредѣленныя дани и пошлины, и какъ бы состоять у него на службѣ: въ замѣнъ этого владыка былъ патрономъ и защитникомъ сихъ церквей, онъ принималъ мѣры къ ихъ обезпеченію и, когда нужно было, ходатайствовалъ за нихъ предъ княземъ и вообще передъ правительствомъ. У древнихъ, еще не ополяченныхъ князей, это хо-

датайство конечно имѣло силу; но и въ послѣдствіи при королях Польскихъ и великихъ князьяхъ Литовскихъ ходатайство владыки все еще имѣло нѣкоторое значеніе, хотя далеко не всегда. Мы имѣемъ жалованную королевскую грамоту, данную Туровскому и Пинскому владыкѣ въ 1522 году, въ которой изложены права епископа надъ всѣми церквами въ своей епархіи, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Люди свѣтскіе князи, бояре и иные подданные наши во всей парафіи Туровской и Пинской, безъ воли и благословенья владычняго церквей и монастырей закладати и будовати и до нихъ поповъ отъ себя подавати, и ихъ изъ мочи и послушенства владычня выймовати, и владыкѣ въ дозору церкви Божіей препятствіе чинити, або протопопу и въѣздчимъ его порядку перестерегати (недопускать) и поповъ выступныхъ (впновныхъ), по имѣньямъ своимъ карати, и въ напменьшія справы духовныя вступати немаютъ (не имѣютъ права) подъ закладомъ за-руки на государя 3000 копъ грошей Литовскихъ; но только самъ владыка по всей парафіи своей по старо-давному обычаю до церквей попы уставляти и во всѣмъ имъ подавати (защищать) и рядити ими маетъ вѣчными часы». (Ак. З. Рос., Т. II, № 109).

О доходахъ епископа или владыки съ непривилегированныхъ церквей мы имѣемъ свидѣтельство въ уставной грамотѣ великаго князя Литовскаго Александра, данной Виленскому православному духовенству въ 1198 году, въ которой такъ опредѣлялись доходы митрополита Кіевскаго, которому было подчинено Виленское православное духовенство: «приказали имъ митрополиту на куницу соборную по двѣ-

надцати грошей платити; а кто коли души въ церковь впишетъ, тые вписки приказали имъ (священникамъ) на себя брати; а кто коли имъ дастъ на молебенъ золотой, а любо колько грошей, то приказали имъ на себя жъ брати; а отъ въѣзду приказали имъ давать митрополиту на годъ золотой да бочку меду; а намѣстничество въ Вильнѣ держать отъ васъ попы соборной церкви. А кто когда себя положитъ (похоронится) въ соборной церкви вкупъ (вкладъ) отдавать митрополиту; а чѣмъ будетъ гробъ прикрытъ, то приказали попомъ на себя брати, потому какъ и при первыхъ митрополитахъ бывало». (А. З. Р., Т. I, № 152). Это свидѣтельство показываетъ, что несостоящія подъ чьимъ-либо патронатомъ церкви платили владыкѣ только соборную куницу по 12 грошей и въѣзднаго золотой, да бочку меду на каждый годъ, да еще вкупъ за погребеніе покойниковъ въ церкви. Доходы сіи по наименованію были тѣ же самые, которые получалъ епископъ въ сѣверо-восточной Россіи за это же время; только тамъ, по свидѣтельству уставной грамоты 1404 года, не было вкупныхъ денегъ за погребеніе въ церкви; но зато тамъ были десятильничьи или намѣстничьи доходы. Впрочемъ доходы сіи, по всему вѣроятію, были и въ сѣверо-западной Руси; не упомянуты же они въ грамотѣ Александра Литовскаго потому, что въ Вильнѣ десятильникъ или намѣстникъ митрополита былъ выборнымъ отъ Виленскаго же духовенства, а не присылался отъ владыки.

Свидѣтельство приведенной выше уставной грамоты 1498 года указываетъ намъ и на доходы духовенства въ непривилегированныхъ церквахъ. Доходы

сіи, по свидѣтельству грамоты, по крайней мѣрѣ въ Вильнѣ, были слѣдующіе: 1-е, отъ поминовенія, когда кто впишетъ души своихъ родителей въ церковный помянникъ,—доходъ этотъ не былъ опредѣленъ и зависѣлъ отъ доброй воли вписывающаго; 2-е, когда кто дастъ причту за молебенъ,—этотъ доходъ также не былъ опредѣленъ; 3-е, покровъ на гробѣ покойника, погребаемаго при церкви, также шелъ въ пользу причта. Далѣе въ уставной грамотѣ 1544 года, данной Виленскому православному духовенству соборной церкви, исчисляются еще слѣдующіе доходы: 1-е, за провожанье покойника и погребеніе при церкви священникамъ копа грошей, да сукно лунское не менѣе пяти локтей на одинъ гробъ; а отъ могилы въ соборной церкви копа грошей, отъ могилы же передъ церковію и на погостѣ не брать ничего. А кто бы захотѣлъ покрыть гробъ парчею или другою дорогою матеріею: то долженъ уговориться съ протопопомъ и и священникомъ, сколько дать денегъ вмѣсто такого покрова, и ежели не уговорятся, то покровъ священникамъ. 2-е, Кто бы захотѣлъ похорониться не въ соборной церкви, а пожелалъ бы, чтобы проводили его соборомъ: то долженъ заплатить копу грошей да сукно лунское. А кто бы не захотѣлъ соборныхъ проводовъ: то сколько будетъ священниковъ на проводахъ, столько и дать по возможности. 3-е, Кто бы захотѣлъ дать на сорокоусть годовый или мѣсячный на соборную и окрестныя церкви: то священники обязаны всѣ его поминать; а кто бы не далъ на сорокоустъ, то и поминать его въ церкви священники не обязаны. 4-е, За исповѣдь кто что дастъ добровольно. 5-е, За соборованіе или елеосвященіе, ежели пригла-

сятъ семь священниковъ, то 20 грошей или болѣе на добрую волю дающаго; а ежели позовутъ двухъ или трехъ священниковъ, то сколько можетъ, столько и дастъ». (Ак. З. Рос., Т. II, № 230). Кромѣ доходовъ отъ службы городскія и уѣздныя непривилегированныя церкви были снабжены землями и вотчинами, а иныя пользовались десятинами отъ княжескихъ или общественныхъ доходовъ; такъ что въ Полотской землѣ или въ великомъ княжествѣ Литовскомъ приходское духовенство едвали не лучше было обезпечено, чѣмъ въ другихъ краяхъ Руси. По крайней мѣрѣ большинство непривилегированныхъ приходскихъ церквей здѣсь имѣло свои вотчины, чего мы не видимъ ни въ Московскомъ, ни въ другихъ княжествахъ восточной Руси.

Церкви, состоящія подъ чьимъ либо патронатомъ, или привилегированныя, имѣли иное положеніе, чѣмъ церкви не привилегированныя. Хотя по общему законоположенію, основанному на такъ называемомъ свиткѣ Ярославли, и нѣсколько разъ подтвержденному великими князьями Литовскими, они вообще не были исключены изъ-подъ вѣдѣнія епископа, и патроны таковыхъ церквей не могли опредѣлять къ нимъ священниковъ безъ владычня благословенія, ни судить своимъ судомъ, ни отказывать имъ отъ занимаемыхъ должностей, ни препятствовать въѣзду владычнихъ намѣстниковъ, ни вступаться ни въ какія духовныя дѣла и управы, какъ объ этомъ подробно сказано въ приведенной выше грамотѣ 1522 года, данной епископу Туровскому и Пинскому. Но на дѣлѣ привилегированныя церкви почти не зависѣли отъ епископа и находились подъ произволомъ своихъ патроновъ,

патроны распоряжались ими какъ хотѣли и не думали спрашивать владычня благословенія. Мы объ этомъ имѣемъ много оффиціальныхъ свидѣтельствъ. Такъ въ королевской грамотѣ, присланной княгинѣ Еленѣ Слуцкой въ 1544 году, сказано: «ты деи намѣстникомъ своимъ Слуцкому и Копыльскому прпказываешь въ дѣла духовныя вступаться; которые деи врядники твои поповъ судятъ и въ казнь замковую сажаютъ, и вины на нихъ берутъ, и мужовъ съ женами распускаютъ и роспусты берутъ, а до права и до казни духовныя ихъ не выдаютъ» (Ак. З. Р., Т. II, №230). То же повторяетъ съ дополненіями королевская грамота Слуцкому князю Юрію 1558 года: «деи врядники твоей милостп по всѣмъ имѣніямъ твоимъ въ справы духовныя вступаютъ судятъ и справуютъ, и роспусты чинятъ, и вины духовныя на себя берутъ, и протопопомъ и врядникомъ владычнимъ до имѣній твоихъ въѣзжатъ и справъ духовныхъ судить и справовать возбраняютъ и великую шкоду и переказу въ томъ владыкѣ дѣлаютъ». (ibid. Т. III, № 22).

Патронатъ собственно выражалъ право собственности того лица, кому данъ, на церковь и ея имущество, какъ прямо выражено въ жалованной грамотѣ, данной въ 1520 году Юрію Радивилу: «билъ намъ челомъ староста Городенскій панъ Юрьи Николаевичь Радивиловича, и просилъ у насъ церквп Русской въ Городенскомъ повѣтѣ, св. Спаса, къ имѣнью своему Котрѣ; ино мы ту церковь св. Спаса и съ землями той церкви къ тому имѣнью Котрѣ дали ему въ его поданье (въ патронатъ) и на то дали сей нашъ листъ». (Ак. З. Рос., Т. II, № 106). Это же право собственности подтверждается въ грамотѣ 1581

года, гдѣ княгиня Слуцкая приказываетъ Слуцкому соборному протопопу, владычню намѣстнику, чтобы онъ построенную ею церковь Іоанна предтечи со всѣмъ тѣмъ, что при ней есть, описалъ на реэстръ въ двухъ спискахъ, и одинъ списокъ подъ печатью и за своею подписью отдалъ священнику, а другій таковый же, подъ печатью съ своимъ подписомъ и подписомъ руки священника, представилъ въ казну княгини. Священники при таковыхъ церквахъ избирались патрономъ, и только на посвященіе посылались къ епископу; а ежели священникъ былъ уже посвященъ, то патронъ только извѣщалъ владычня намѣстника, что такой-то священникъ опредѣленъ имъ къ такой-то церкви. Такъ княгиня Слуцкая писала Слуцкому протопопу, владычню намѣстнику, за извѣстіе, что она къ вновь построенной церкви Іоанна предтечи приняла священника Гаврилу Моровскаго и дала ему поповскій дворъ съ церковною землею съ приходомъ и со всѣми пожитками, какъ назначено ею на эту церковь.

Церковь, состоящая подъ патронатомъ, какъ во всемъ зависѣвшая отъ своего патрона, получала отъ него и содержаніе, которое выражалось или доходами, которые назначалъ ей патронъ съ своего имѣнія, или приходомъ, который назначалъ ей патронъ, или угодьями и вотчинами, данными отъ патрона. Такъ князь Мстиславскій Иванъ Юрьевичъ Лугвеневича по грамотѣ 1463 года на построенную имъ соборную церковь святыя Троицы въ Мстиславлѣ далъ дани 14 кадей меду прѣснаго, съ слѣдующихъ имѣній: на Колотовиныхъ дѣтяхъ пять кадей меду, а двѣ бочки хмѣлю и пять грошей накадныхъ; а въ Порадинѣ три кади меду, а

хмѣлю три бочки и двѣнадцать грошей накадныхъ; а на Супрочинкахъ пять кадей меду, а двѣ бочки хмѣлю и 15 грошей накадныхъ; а въ Вехрѣ кадь меду, а бочка хмѣлю и 15 грошей накадныхъ. А жита яраго 140 бочекъ, а клирошаномъ два рубли грошей широкое личбы съ Княжичь. Тую дань протопопъ и протодьяконъ возмутъ съ клирошанами и за ровно съ священниками и съ дьяконами, какъ большому, такъ и меньшому дѣлитися повинны будутъ; а накадный грошъ пономарямъ Троицкимъ». (Ак. З. Рос., Т. I, № 66). Князь Константинъ Острожскій въ 1507 году, на построенную имъ церковь въ имѣніи Смолевичахъ въ Минскомъ уѣздѣ, на содержаніе причта назначилъ двѣ волоки пахатной земли съ огородами и сѣножатями въ три змѣны, (въ трехъ поляхъ) огородъ той церкви подъ озеромъ два морга, и домъ церковный для житья священникамъ, да въ слободѣ Езерицкой одна волока съ сѣножатьми; да священники имѣютъ право молоть завсегда безъ мѣры на Смолевицкой мельницѣ, да имъ же еще церковный домъ на плацу и огородъ для варива, да къ той же церкви приходъ, и прихожане обязаны во всемъ въ потребахъ церковныхъ подмогати отцамъ своимъ священникамъ». (Вил. Археол. Сбор., № 7). Или въ Витебскѣ на двѣ тамошнихъ церкви шло изъ княжихъ доходовъ: на Успенскую на праздникъ Успенія каждый годъ съ княжаго двора и мельницы яловица и сто хлѣбовъ, а съ волости Имельницкой дань грошовая, почему съ службы (съ тягла) придетъ, и по десяти яицъ, и по десятку льну съ службы; да съ Любошкова съ княжаго двора и съ мельницы по стольку же. А на церковь св. Михаила также каждый годъ съ

княжаго двора и съ мельницы по яловицѣ и по сту хлѣбовъ, да съ замку пересуду третій грошъ, коли воевода или намѣстникъ кого судятъ, да церковнымъ рыбакамъ рыбу ловить въ озерахъ двѣ недѣли передъ Духовымъ днемъ, двѣ недѣли передъ Успеньемъ и недѣля передъ рождествомъ Іоанна предтечи. Да на Михайловскую же церковь съ села Бабиничь два лукна меду прѣснаго, по десяти пудъ въ лукнѣ. (ibid, № 69). Или Слуцкій князь Юрій Олельковичь въ грамотѣ 1578 года пишетъ: «по своей милости дали мы наше заложенье храмъ Рождества Христова богомольцу нашему Минѣ Васильевичу, будущему придѣльному (священнику) церкви собора нашего Слуцкаго до живота его, дабы онъ за насъ Бога молилъ у престола Христова, и придали ему къ той церкви въ приходъ сто дворовъ Слуцкихъ горожанъ, да къ той же церкви островъ Семиневo». Или Александръ Полуденскій въ 1612 году, выбравъ къ построенной имъ церкви въ имѣніи своемъ Деречинскомъ въ священники обывателя Гродненскаго повѣта шляхтича Романа Кобяту, съ молодыхъ лѣтъ жившаго при его дворѣ, передалъ ему ту церковь съ придѣлами, и къ тому придалъ земли на церковную пашню тридцать волокъ и домъ священническій со всѣмъ строеніемъ (ibid. № 81).

Такимъ образомъ разница между церквами, состоящими подъ чьимъ либо патронатомъ и несостоящими подъ патронатомъ, главнымъ образомъ состояла въ томъ, что церкви состоящія подъ патронатомъ въ своемъ содержаніи и устройствѣ прямо зависѣли отъ своихъ патроновъ; патроны же назначали имъ священниковъ и причетъ, и смѣняли неугодныхъ. Церкви сіи составляли какъ бы ихъ собственность, и дѣй-

ствительно большею частію строились патронами въ своихъ имѣніяхъ; но иногда патронатъ получался и стороннимъ лицомъ, какъ мы уже видѣли въ грамотѣ 1520 года, данной Юрію Радивилу. Въ употребленіи церковнаго имущества причтъ долженъ былъ давать отчетъ патрону, впрочемъ на дѣлѣ это рѣдко дѣлалось; патроны, особенно строители церквей, большею частію устроивали дѣло такъ, что въ отчетахъ отъ причта не было и нужды; ибо отчеты вела контора патрона, причтъ же состоялъ на жалованье или ругѣ. Патроны не только могли отказать священнику и причту, но даже запереть церковь и оставить ее безъ богослуженія, что конечно случалось нерѣдко, когда церковь вмѣстѣ съ вотчиною переходила по купчей или по другому какому акту въ руки Латынянина, и съ тѣмъ вмѣстѣ на него же переходилъ и патронатъ надъ церковью.

Въ чисто каноническихъ отношеніяхъ къ епископу между патрональными и непатрональными церквами почти не было никакой разницы, ибо по закону въ этомъ отношеніи и тѣ и другія церкви состояли въ вѣдѣніи мѣстнаго епископа и подъ его канонической юрисдикціей, и тѣ и другія одинаково платили епископу дань и всѣ пошлины ему слѣдующія. На это прямо указываетъ въ общихъ чертахъ такъ называемый свитокъ Ярославль и многія королевскія грамоты. Напримѣръ въ грамотѣ Слуцкому князю Юрію, данной въ 1558 году относительно Слуцкихъ церквей, состоящихъ подъ его патронатомъ, сказано: «попы во всѣхъ твоихъ имѣніяхъ въ справѣ церковной, согласно съ стародавнымъ обычаемъ и постановленіемъ, должны быть послушны владыкѣ и на соборъ для на-

уки духовной до него ѣздить, и куницы соборныя и стацеи объѣздныя и иншіе доходы водлѣ звыклаго повиноватства ихъ, ему отдавати и полнити». (Ак. Зап. Рос., Т. III, № 22). Но на практикѣ и каноническія права епископа надъ патрональными церквами были очень ограничены не только своеволіемъ патроновъ, особенно Латынянъ, не думавшихъ повиноваться Греческому номоканону и свитку Ярославлю; но даже королевскими грамотами, въ которыхъ нерѣдко патрональныя церкви освобождаются отъ суда и управы епископа.

Въ отношеніи къ прихожанамъ между патрональными и непатрональными церквами была большая разница. Въ патрональныхъ церквахъ прихожане почти не принимали участія, и къ своему приходскому священнику имѣли отношеніе только по церковнымъ требамъ. Напротивъ того, въ непатрональныхъ церквахъ прихожане участвовали и въ управленіи церковными имуществами, и отъ нихъ же зависѣлъ выборъ священника и другихъ членовъ причта. Иногда прихожане даже подчиняли себѣ священниковъ и судили ихъ самовольно, или выпросивши разрѣшеніе епископа. Такъ въ 1542 году протопопъ и всѣ священники Виленскихъ церквей били челомъ королю, что «бурмистры радцы, и мѣщане Виленскіе Греческаго закона выпросили себѣ листъ у владыки, къ великой обидѣ и униженію ихъ священниковъ, беручи ихъ всѣхъ подъ справу и послушенство свое, и хотячи имѣть ихъ во всемъ повольныхъ себѣ; и кто бы къ нимъ не былъ таковымъ, тѣхъ имѣли бы право отъ церквей Божіихъ выставляти, а иныхъ имъ подавати» (Ак. З. Рос., Т. II, № 219). Конечно, таковыя притязанія

прихожанъ считались незаконными; тѣмъ не менѣе и законное участіе прихожанъ въ дѣлахъ своей церкви было очень велико. Такъ въ той же грамотѣ 1542 года, которою были уничтожены незаконныя притязанія Виленскихъ прихожанъ, сказано: «Чтоже касается до описанія имуществъ церковныхъ въ Вильнѣ во всѣхъ церквахъ; ино яко предъ тымъ то бывало, такъ и теперь мѣщане Виленскіе Греческаго закона имѣютъ право, чтобы по всѣмъ церквамъ съ протопопомъ Виленскимъ и съ попомъ той церкви, которая будетъ описываться, изъ мѣщанъ одинъ или два съ ними всѣ вещи церковныя каждогодно записывать въ реэстры и по давнему обычаю то имѣть въ своемъ вѣдѣніи». А въ грамотѣ 1544 года, данной православному Виленскому духовенству и мѣщанамъ, сказано: «А когда при какой церкви умретъ священникъ; то чередный бурмистръ замкнувши церковь, ключи долженъ взять себѣ и беречь до того времени, какъ прихожане вмѣстѣ съ протопопомъ и двумя попами выбравши годнаго и научнаго человѣка, отправятъ къ владыкѣ съ просьбою, чтобы поставилъ и благословилъ его священникомъ къ той церкви; и когда владыка, поставивши выбраннаго священникомъ къ той церкви по давному обычаю, и пришлетъ его съ своимъ благословеннымъ листомъ; тогда чередный бурмистръ и радцы съ городскимъ писаремъ и протопопомъ ту церковь и все описанное имущество должны передать тому священнику. Такимъ же обычаемъ должны избираться дьяконъ, уставникъ и пономарь, и имъ такимъ же порядкомъ передаются церковныя вещи, которыя должны быть на ихъ рукахъ. ...И должны они какъ бурмистры и радцы и всѣ мѣщане Гре-

ческаго закона съ протопопомъ и всѣми священниками въ тѣхъ дѣлахъ и справахъ церковныхъ, и въ иныхъ дѣлахъ справовать и рядить, и ихъ отцовъ своихъ, а нашихъ богомольцовъ имѣть въ почтивости и уваженіи, какъ прилично ихъ званію» (А. З. Р., Т. II, № 231). Вотъ образчикъ отношеній причта и прихожанъ въ непатрональныхъ приходскихъ церквахъ. Конечно, отношенія сіи не вездѣ были одинаковы; но главное, т. е. большее или меньшее участіе прихожанъ въ дѣлахъ приходской церкви было общимъ для всѣхъ непатрональныхъ церквей.

Церковныя братства.

Участіе прихожанъ въ дѣлахъ приходской церкви, болѣе или менѣе признанное закономъ и широко развитое въ самой жизни общества, при первомъ удобномъ случаѣ, при первой общественной потребности, естественно должно было вызвать появленіе церковныхъ братствъ, зародыши которыхъ таились уже въ самомъ устройствѣ приходовъ.

Первоначальная исторія церковныхъ братствъ скрывается въ глубокой древности. Первое извѣстіе о нихъ появляется въ лѣтописяхъ въ XII столѣтіи и именно въ Полоцкѣ, когда Полоцкою землею владѣли еще потомки Изяслава Владимировича. По свидѣтельству лѣтописи въ 1159 году Полочане приглашали своего князя Ростислава на братчину къ церкви Пресвятой Богородицы старой на Петровъ день: но тогдашнія церковныя братчины имѣли въ виду только заботы о благолѣпіи своей приходской церкви и объ устройствѣ общественныхъ пировъ на храмовый праздникъ; тогдашнія братчины собирали только деньги и припасы на праздничное пиршество прихода и на церковное благолѣпіе; но и въ этомъ зародышѣ послѣ-

дующихъ церковныхъ братствъ уже заключалось весьма сильное жизненное начало,—единенія церкви и прихода, духовенства и прихожанъ, которое—дало великую силу православнымъ церковнымъ братствамъ боровшимся съ уніею и Латинствомъ. Самая организація древнихъ братчинъ, общая и въ Полотскѣ и въ Новгородѣ Великомъ, и во Псковѣ и на всемъ сѣверо-востокѣ Руси, съ ихъ выборными властями и братчиннымъ самостоятельнымъ судомъ, и признаніе ихъ общественнаго значенія и правъ со стороны князя, послужили для позднѣйшихъ братствъ важнымъ и существеннымъ пособіемъ для собственной организаціи. При древнихъ братчинахъ позднѣйшія церковныя братства являлись не новымъ учрежденіемъ, а только продолженіемъ прежняго вѣковаго учрежденія, хотя и съ измѣненнымъ характеромъ; посему и для общества они не были новостію, да и въ отношеніи къ иновѣрному правительству не было надобности испрашивать разрѣшенія на открытіе братствъ, ибо они уже существовали въ формѣ братчинъ. А это во время борьбы съ уніею и Латинствомъ для братствъ составляло существенный вопросъ; и навѣрное правительство подъучаемое Латинскимъ духовенствомъ, едвали бы разрѣшило открытіе церковныхъ братствъ, какъ новыхъ учрежденій, ежели бы они уже не существовали въ древнихъ братчинахъ. По государственному устройству въ Литовскомъ княжествѣ всегда было гораздо легче поддерживать стародавніе обычаи, чѣмъ просить о новыхъ учрежденіяхъ; великіе князья Литовскіе обыкновенно писали въ своихъ грамотахъ, что они заботятся о поддержаніи стародавнихъ обычаевъ.

Мы имѣемъ уставную грамоту Виленскаго купеческаго братства при церкви Успенія Пресвятой Богородицы, составленную на основаніи старыхъ обычаевъ и утвержденную Королемъ Стефаномъ Баторіемъ въ 1582 году. Въ Королевской грамотѣ сказано, что Виленскіе купцы Греческаго закона, составлявшіе братство при церкви Успенія, представили королю, что у нихъ въ Вильнѣ каменный домъ съ давнихъ временъ, построенный на братскій капиталъ. Въ этомъ братскомъ домѣ Виленскіе купцы Греческаго закона сходятся для разсужденій о церковныхъ и госпитальныхъ нуждахъ, и по давнимъ своимъ обычаямъ на собственныя братскія деньги покупаютъ медъ и сытятъ его на восемь праздниковъ въ году; и по три дни каждый праздникъ пьютъ этотъ медъ; а воскъ отъ тѣхъ медовъ употребляютъ на свѣчи для церкви; деньги же, вырученныя отъ меда, идутъ на нужды и поправки церковныя и на служителей церкви, а также на дѣла милосердія для госпиталя церкви Успенія, и на иныя дѣла и на пособіе и въ ссуду бѣднымъ. А когда изъ сыченаго отъ праздника меду въ продолженіи трехъ дней что останется не выпитымъ; то они отдаютъ изъ братскаго дома за деньги. А чтобы въ братскомъ дому держать надлежащій порядокъ и благочиніе, то для сего братчики представили Королю уставъ братства, въ слѣдующихъ статьяхъ, которыя и утвердилъ Король: 1-е) на который годъ старшая и молодшая братья того братства, кого между собою выберутъ въ старосты, должны имъ передать братскія деньги и все имущество и всѣ дѣла по братству, и поручить имъ въ распоряженіе съ братскаго согласія, и назначить имъ ключниковъ для брат-

ской послуги. 2-е) Годовые старосты должны внимательно смотрѣть за братскимъ добромъ, чтобы не было въ чемъ убытка, а скорѣе, чтобы во всемъ была прибыль и умноженье; а по истеченіи года своей службы, старосты должны все имущество и прибыли братства, сосчитавши передъ старшею и молодшею братьею, передать имъ. 3-е) Годовые старосты при братскихъ бесѣдахъ, какъ сами, такъ и черезъ ключниковъ, должны внимательно смотрѣть, чтобы братья, вписанные въ иное братство, а равно и гости приходящіе спдѣли въ братскомъ дому благопристойно, разговаривали чинно, на столъ не возлегали и братскаго меда не разливали, и пили бы въ мѣру и никакихъ шкодъ не чинили. А кто бы сталъ вести себя непристойно и учинилъ бы какіе убытки; то старосты должны таковаго вразумить словами, а ежели бы словъ не послушалъ, на таковаго, какъ на упорнаго, наложить штрафъ, какой братья положатъ. 4-е, А кто бы въ братскомъ дому учинилъ какую-либо ссору и кого-либо обидѣлъ; то обиженный немедленно долженъ донести о своей обидѣ старостамъ, а старосты, выслушавши его жалобу, должны отложить на завтрашній день; а потомъ братья онаго братства, сошедшись въ братскій домъ на слѣдующій день, по судебному между собою обычаю, должны разсмотрѣть дѣло, и праваго передъ судомъ братскимъ оправить, а виноватаго казнить братскою пенею. И о таковыхъ дѣлахъ никто не долженъ обращаться къ другимъ судамъ, какъ къ свѣтскимъ, такъ и духовнымъ, ни къ земскому, ни къ городскому, ни по Греческой вѣрѣ, ни по Римской, и ни въ какомъ случаѣ отъ братскаго суда не отговариваться;

а каждый долженъ искать права передъ старостами и передъ братьями, въ томъ дому, гдѣ учинилась та ссора или обида; ибо таковыхъ дѣлъ прежде никакіе уряды духовные и свѣтскіе не суживали, а всегда такія дѣла управлялись и судились въ братскомъ дому. 5-е) Ежели кто-либо въ братскомъ дому старосту обезчестилъ, или ключника осрамилъ и ударилъ; то долженъ быть наказанъ братскою пенею. 6-е) Ежели бы ключникъ не послушалъ котораго старосты въ сыченьѣ и въ сливаньѣ и въ выдаваньѣ сыченыхъ медовъ на братство въ назначенные часы и на каждый часъ, когда въ братствѣ бываетъ сходъ; то на первый разъ его должно вразумить словами, а ежели словесное замѣчаніе не подѣйствуетъ, то его должно наказать братскою пенею. А ежели бы староста въ чемъ провинился передъ братьею, то братья старшая и молодшая должны ему замѣтить словами, а еслибы достоинъ былъ пени, то наказать братскою пенею. 7-е) Ежели бы люди духовные, кто бы они ни были, какъ Римской вѣры, такъ и Греческой,— вписанные ли въ то братство, или не вписанные, пришли ли въ то братство по просьбѣ ли изъ почета, или кто бы вкупился на день, желая напиться братскаго меда и побесѣдовать съ братьею, а случилось бы ему съ кѣмъ-либо въ братствѣ учинить ссору или кого обидѣть; то о таковыхъ дѣлахъ тѣ духовные люди не имѣютъ права отзываться отъ братскаго суда ни судомъ князя бискупа Римской вѣры, ни судомъ митрополита Греческой вѣры, ни судомъ ихъ урядниковъ, какъ вписанные въ братство, такъ и не вписанные, ни брать какой-либо помощи отъ своихъ урядовъ; а должны искать права только въ томъ брат-

ствѣ, и быть послушными ихъ братскому суду. 8-е) Ежели бы который шляхтичь, или дворянинъ, или иный какой сторонній человѣкъ не вписанный пришелъ въ то братство, желая имѣть бесѣду между братьями и вписаться на тотъ день въ братское общество, или будетъ откуда приглашенъ изъ чести; таковый не имѣетъ права требовать того или другаго мѣста изъ гордости, а долженъ садиться, гдѣ его посадятъ, старосты же должны давать мѣсто каждому по достоинству. 9-е) Никто не имѣетъ права входить въ братскую свѣтлицу съ оружіемъ, или приводить съ собою слугъ; сидѣть въ братской свѣтлицѣ имѣютъ право только тѣ, которые вкупятся въ братскій медъ. 10-е) Ежели бы который вписавшійся братъ вздумалъ изъ того братства перейти въ иное братство, то обязанъ извѣстить о томъ старость и взять у нихъ выпись изъ реэстра. А ежели бы кто остался вписаннымъ въ братскомъ реэстрѣ, и сталъ пополнять индѣ другое братство; таковаго они не должны признавать братомъ, и по смерти его не обязаны давать изъ братства тѣ потребности, которыя приличны на погребеніе тѣла. 11-е) Ежели который братъ вписанный въ братство умретъ, то они обязаны на погребеніе его выдать оксамитъ и братскія свѣчи и сами проводить его тѣло. 12-е) Гости, приходящіе къ братскій домъ для бесѣдъ съ братьями, не имѣютъ права говорить пустыхъ и непотребныхъ рѣчей, или разсуждать о своихъ потребахъ, а должны сидѣть учтиво и къ старостамъ и братству имѣть послушаніе. 13-е) Бурмистры и радцы Виленскіе Римской и Греческой стороны не имѣютъ права брать на службу въ свои братства людей вписанныхъ въ

купеческое братство, и тѣмъ чинить братству униженіе и поруху; ибо каждое братство избираетъ себѣ слугъ изъ своего братства, и держитъ ихъ для своихъ послугъ. 14-е) Праздники, въ которые сбирается братство восемь разъ въ году, слѣдующіе: на великъ день, на седьмую субботу, на Успеніе Пречистой, на Святаго Петра, на Покровъ. на св. Николу, на Рождество Хрпстово и на Благовѣщеніе. На каждый изъ сихъ праздниковъ меды сытить, и по три дни на каждый таковый складъ сходяся въ дому братскомъ тотъ медъ пить, почему на тотъ часъ старосты уставятъ». (А. З. Рос., Т. III, № 131).

Настоящій уставъ Виленскаго купеческаго братства при церкви Успенія, несмотря на свое сравнительно позднее появленіе, имѣетъ для насъ важное историческое значеніе. По этому уставу, болѣе или менѣе, можно прослѣдить всю исторію братствъ, или, по другому выраженію, братчинъ, не въ одной Полотской землѣ, но и во всей старой Руси. По свидѣтельству устава, въ Вильнѣ было нѣсколько церковныхъ братствъ, и Успенское братство было учреждено издавна; настоящій же уставъ есть только позднѣйшее выраженіе началъ, которыми братство руководилось съ давнихъ временъ, какъ прямо нѣсколько разъ говорится въ уставѣ. Этотъ же уставъ свидѣтельствуетъ, что Виленское Успенское братство имѣло одинъ характеръ со всѣми братствами, не только западнаго края, но и всей Русской земли. Въ западномъ краѣ, по обстоятельствамъ, братства только болѣе и шире развились въ предѣлахъ своихъ занятій; въ сущности же, въ природѣ своей, они имѣли одно значеніе съ братствами или братчинами церковными во

всѣхъ краяхъ Русской земли. Настоящій же уставъ можетъ служить свидѣтельствомъ, что братчина и братство выражали одно учрежденіе, и что первый терминъ въ Полотской землѣ принадлежалъ къ древнѣйшему времени, какъ засвидѣтельствовано лѣтописнымъ извѣстіемъ 1159 года; въ послѣдствіи же, можетъ быть въ XV или XVI столѣтіяхъ, старый терминъ въ западной Россіи замѣнился новымъ терминомъ братства, а въ остальныхъ краяхъ Руси старый терминъ удержался и для послѣдующаго времени и сдѣлался техническимъ названіемъ церковныхъ братствъ. Сравненіе настоящаго устава Виленскаго братства съ уставомъ братчинъ въ судной Псковской грамотѣ и съ грамотами Московскихъ князей о томъ же предметѣ, и съ другими узаконеніями сѣверо-восточной Руси, прямо говоритъ, что братчина и братство, по основнымъ началамъ своимъ были одинаковыя учрежденія. Такъ по Виленскому уставу братство выбирало годовыхъ старостъ и судей; точно также по Псковской судной грамотѣ и по другимъ узаконеніямъ братчина выбирала своихъ старостъ или судей и даже пироваго князя. Какъ по Виленскому уставу всѣ дѣла возникшія во время братчиннаго пира рѣшались братскимъ судомъ, и никто изъ участниковъ и гостей не имѣлъ права отговариваться отъ братскаго суда и переносить дѣло въ иный судъ, то же и по Псковской грамотѣ братчина имѣла свой судъ и участники братчины не имѣли права отказываться отъ братчиннаго суда и жаловаться другому судьѣ, а по нѣкоторымъ Московскимъ грамотамъ даже убійство во время братчины судилось братчиннымъ судомъ. Какъ по Виленскому уставу, поводомъ

къ первоначальному учрежденію братствъ, были братчинные пиры въ складчину на извѣстные церковные праздники въ году; точно также поводомъ къ учрежденію братчинъ въ другихъ краяхъ Руси были тоже братчинные пиры въ складчину на извѣстные церковные праздники. Какъ по Виленскому уставу въ братскомъ пиру могли участвовать и сами братчики, вписавшіеся въ братство, и гости приглашенные братчиками; точно также и въ другихъ краяхъ Руси въ братчинномъ пиру участвовали какъ вложившіеся въ братчину, такъ и сторонніе гости.

Такимъ образомъ внѣ всякаго сомнѣнія можно положить, что братчина и братство по первоначальному происхожденію и характеру, а равнымъ образомъ и по устройству своему были одинаковыя учрежденія, общія всей Русской землѣ, и указываютъ на тѣсную связь приходской церкви съ приходомъ и прихода съ своею церковію. Но, какъ по мѣстнымъ обстоятельствамъ въ Полотской землѣ и вообще въ западномъ краю Руси, связь приходской церкви съ приходомъ была сильнѣе, и прихожанамъ, при иновѣрномъ правительствѣ и въ слѣдствіе происковъ Латинства, приходилось болѣе принимать участія въ своей приходской церкви и общими силами съ духовенствомъ даже отстаивать свое православіе отъ напора Латинства; то посему, естественно, въ западномъ краю Руси древнія церковныя братчины или братства должны были значительно видоизмѣниться и къ первоначальнымъ своимъ заботамъ о благолѣпіи церкви присоединить новыя заботы о распространеніи просвѣщенія, о дѣлахъ милосердія, и о защитѣ православія, гонимаго Латинствомъ поддерживаемымъ

со стороны олатыненнаго правительства. А это послѣднее обстоятельство, т. е- защита православія, должно было имѣть значительное вліяніе и на самую организацію братства въ западномъ краѣ, и мало-помалу, кромѣ приходскихъ братствъ, образовать еще болѣе сильныя братства городскія, для чего въ Полотской землѣ былъ уже готовый матеріалъ въ отношеніяхъ цѣлаго городскаго общества въ соборной городской церкви, къ которой, по стародавнему порядку, въ церковномъ отношеніи тянулъ не только городъ, но и уѣздъ. А по сему братчины, эти едва замѣтные въ исторіи дѣятели общественной жизни въ другихъ краяхъ Руси, въ Полотской землѣ и вообще въ западномъ краѣ, подъ именемъ церковныхъ братствъ явились чисто историческими двигателями тамошней Русской жизни въ борьбѣ съ латинствомъ и польщизною. Тамошнее Русское общество, не находя для себя опоры въ иновѣрномъ и ополяченномъ правительствѣ, естественно должно было искать себѣ помощи въ самомъ себѣ, и не имѣя возможности опереться на какой-либо правительственный органъ или учрежденія, которыя въ XVI вѣкѣ всѣ уже были или искажены иноземнымъ вліяніемъ и утратили свой національный характеръ, или потеряли всякое значеніе,—самымъ естественнымъ образомъ должно было обратиться къ единственному еще не искаженному, чисто національному учрежденію,—къ церковнымъ или приходскимъ братчинамъ, и, переименовавъ ихъ въ братства, сосредоточить на нихъ всѣ свои силы и выдвинуть ихъ на борьбу за православіе и народность. Исторія и дѣятельность ихъ братствъ въ томъ видѣ, какъ они развились послѣ Брестской уніи, толь-

ко что начиналась до этой уніи; братства въ это время успѣли лишь организоваться и, такъ сказать, приготовиться къ послѣдующей дѣятельности. Братства за это время пока занимались только дѣлами милосердія и частію просвѣщенія,—заводили госпитали и училища, употребляли свои капиталы на пособіе бѣднымъ и въ ссуду нуждающимся; полная же историческая блестящая дѣятельность ихъ началась въ слѣдъ за Брестской уніей и выходитъ за предѣлы настоящаго труда. И здѣсь, въ заключеніе о братствахъ, можно сказать только то, что въ Полотской землѣ и вообще въ западной Руси они были необходимымъ придаткомъ церковнаго устройства, по самому ходу православной церкви въ тамошнемъ краю, и по тому положенію, въ которое православная церковь еще первоначально стала въ отношеніи къ тамошнему мірскому обществу. А посему, говоря вообще о православной церкви въ Полотской землѣ, нельзя было не упомянуть и о церковныхъ братствахъ, какъ церковныхъ учрежденіяхъ въ чисто православномъ смыслѣ.

Латинская церковь.

Латинская церковь въ Полотской землѣ, или въ великомъ княжествѣ Литовскомъ была учрежденіемъ сравнительно новымъ, младшимъ. Она была введена великимъ княземъ Литовскимъ Ягайломъ Ольгердовичемъ, который вмѣстѣ съ Польскою короной принялъ Латинство, и, окрестивъ въ Латинскую вѣру Литвиновъ-язычниковъ, объявилъ Римскую церковь господствующею въ Литовскомъ княжествѣ.

До половины XIII столѣтія Литовцы не имѣли никакихъ сношеній съ Латинскою церковію, и, безпрестанно сталкиваясь въ ежегодныхъ кровавыхъ схват-

кахъ съ Ливонскими рыцарями, проповѣдывавшими Латинство съ мечемъ въ одной рукѣ и съ крестомъ въ другой, не иначе смотрѣли на Латинянъ, какъ на непримиримыхъ и злѣйшихъ враговъ. Еще непріязненнѣе были сношенія Литовцевъ съ Поляками и рыцарями нѣмецкаго ордена въ Пруссіи, которые огнемъ и мечемъ истребляли языческую вѣру Пруссовъ, единоплеменниковъ и единовѣрцевъ Литвы; съ этой стороны взаимные набѣги и опустошенія были даже чаще и жесточае, чѣмъ со стороны Ливоніи. При таковыхъ враждебныхъ отношеніяхъ доходившихъ, нерѣдко до звѣрской жестокости, естественно не могло быть и рѣчи о мирной проповѣди Латинской вѣры въ предѣлахъ Литвы. Для Литвиновъ непримиримый врагъ и злодѣй были синонимами Латынина, и конечно не лучше смотрѣли на Латинянъ и Русскіе, перемѣшанные съ Литвинами и стоявшіе въ Литовскомъ государствѣ въ числѣ передовыхъ дѣятелей.

Но съ половины XIII столѣтія отношенія Литовцевъ къ Латынянамъ по видимому готовы были измѣниться. Тогдашній великій князь Литовскій Миндовгъ, тѣснимый съ одной стороны Волынскими князьями Даніиломъ и Василькомъ Романовичами, а съ другой стороны ихъ союзниками Ливонскими рыцарями, чтобы выпутаться изъ такой бѣды, въ 1251 году послалъ къ магистру Ливонскаго ордена письмо, въ которомъ писалъ, что желаетъ принять христіанство. Римскій папа Иннокентій IV, узнавши объ этомъ письмѣ, немедленно прислалъ повелѣніе къ магистру Ливонскаго ордена прекратить войну съ Миндовгомъ и, надѣясь на скорое порабощеніе Литвы Римской церкви, далъ приказъ Кульмскому епископу, чтобы онъ не

слишкомъ обременялъ сборомъ десятинъ Латинскія церкви, которыя будутъ строиться въ Литовскихъ владѣніяхъ; дабы такимъ образомъ не оскорбить Миндовга и его подданныхъ и не отклонить ихъ отъ принятія католицизма. Когда же Миндовгъ вмѣстѣ съ своею женою, двумя сыновьями и нѣкоторыми изъ приближенныхъ принялъ крещеніе; то тотъ же папа объявилъ его любезнѣйшимъ сыномъ Римской церкви и далъ повелѣніе Кульмскому епископу вѣнчать его королевскою короною, и съ тѣмъ вмѣстѣ распорядиться устройствомъ каѳедральной церкви въ Литовскихъ владѣніяхъ и посвященіемъ туда особаго епископа; а епископамъ Рижскому, Дерптскому и Эзельскому писалъ въ своей буллѣ, чтобы они съ своей стороны вмѣстѣ съ Нѣмецкими рыцарями спѣшили обращать Литвиновъ-язычниковъ въ Латинство. Но всѣ распоряженія Папы не привели ни къ чему: Нѣмецкимъ рыцарямъ, какъ въ Ливоніи, такъ и въ Пруссіи, нужно было не проповѣданіе Евангелія Литвинамъ, а грабежи и опустошеніе Литовской земли; а посему они не только не способствовали проповѣданію, а напротивъ старались препятствовать этому, продолжая свои нападенія на сосѣднія Литовскія земли, и такимъ образомъ довели дѣло до того, что Миндовгъ, видя что принятіе Латинства не ограждаетъ его владѣній отъ набѣговъ рыцарей, а подчиненіе иноземному Государю-Папѣ еще стѣсняетъ и оскорбляетъ его самого, выпроводилъ изъ Новгорода Литовскаго поселившагося тамъ Латинскаго епископа Христіана, и въ 1260 году снова объявилъ себя язычникомъ, чтителемъ дѣдовскихъ боговъ. За тѣмъ въ 1261 году онъ вступилъ въ союзъ съ языческими Пруссами, на-

чалъ войну съ Нѣмецкимъ орденомъ въ Пруссіи, и разбилъ Нѣмцевъ на рѣкѣ Добрѣ. Такимъ образомъ Латинство при Миндовгѣ почти ограничивалось только притворнымъ крещеніемъ его самого и нѣкоторыхъ приближенныхъ. Латинскіе миссіонеры едва ли гдѣ и показывались въ Литвѣ, кромѣ Новгорода, столицы Миндовговой, да и тамъ едва ли имѣли какой успѣхъ; ибо тамошнее коренное населеніе было Русское—православное, по крайней мѣрѣ о тогдашней дѣятельности Латинскихъ миссіонеровъ ни въ Новгородѣ, ни въ другихъ краяхъ Миндовговой державы мы не имѣемъ никакихъ извѣстій.

За тѣмъ въ продолженіи 60 лѣтъ не было и слуховъ о Латинской проповѣди въ Литовской землѣ; безпрестанныя войны съ Нѣмцами и Поляками, отличавшіеся крайнею жестокостію, такъ озлобили Литвиновъ-язычниковъ и противъ Латинства, что Латинскимъ миссіонерамъ мудрено было и показаться въ Литвѣ. А ежели гдѣ на западныхъ или на сѣверныхъ окраинахъ они и показывались, то конечно не имѣли успѣха,—по крайней мѣрѣ за все это время до насъ не дошло никакого извѣстія хотя бы объ одномъ Латинскомъ костелѣ въ Литовской землѣ. Наконецъ въ 1323 году великій князь Литовскій Гедиминъ, тѣснимый съ одной стороны Нѣмецкими рыцарями, а съ другой Татарскимъ ханомъ Узбекомъ, желая хотя сколько нибудь удержать рыцарей, послалъ къ папѣ Іоанну XXII письмо съ изъявленіемъ готовности вмѣстѣ съ своими князьями принять Латинскую вѣру, только бы папа укротилъ злобу Нѣмцевъ. Это письмо радостно встрѣвожило папу; Іоаннъ XXII принялъ извѣстіе о готовности Гедимина принять Латинство

гораздо горячѣе, чѣмъ Иннокентій IV принялъ таковое же извѣстіе о Миндовгѣ; до насъ дошло тринадцать буллъ этого папы о снаряженіи Латинской миссіи въ Литовскую землю. Онъ писалъ объ этомъ окружное посланіе ко всему Латинскому духовенству, и къ Нѣмецкимъ рыцарямъ, и къ Польскому королю Владиславу Локетку, и къ самому Гедимину, котораго постоянно величалъ королемъ Русскимъ. Но пока снаряжалась миссія и велись переговоры, нашествіе Татаръ прекратилось; и Гедининъ, оправившись и видя, что Нѣмецкіе рыцари плохо слушаютъ папскихъ приказаній, прекратилъ переговоры съ Папой; и когда папскіе послы снова явились къ нему, то отвѣчалъ имъ: «я не знаю вашего папы и знать не хочу, исповѣдаю вѣру моихъ отцовъ и не измѣню ей пока буду живъ». Тѣмъ и кончились сношенія Гедимина съ Римомъ. Такимъ образомъ и въ это время Латинская проповѣдь не имѣла успѣха, и католикамъ не удалось построить ни одного костела въ Литвѣ, и кажется ихъ миссіонерамъ на этотъ разъ даже не удалось и появиться тамъ.

Послѣ заявленія Гедиминомъ готовности принять Латинство прошло еще сорокъ лѣтъ, и ни одного Латинскаго костела не было построено въ Литвѣ. Наконецъ уже при Гедиминовомъ преемникѣ, Ольгердѣ, одинъ Литовскій вельможа Гастольдъ, бывшій великокняжескимъ намѣстникомъ въ Каменцѣ-Подольскомъ, желая вступить въ бракъ съ дочерью одного Польскаго пана, Бучацкаго, ревностнаго католика, принялъ въ 1364 году въ Краковѣ Латинское крещеніе; и когда Ольгердъ перевелъ Гастольда намѣстникомъ въ Вильну, онъ съ дозволенія князя построилъ на

своемъ Виленскомъ дворѣ первый Латинскій кляшторъ и вызвалъ изъ Моравіи 14 монаховъ Францискан-скаго ордена. Но первоначальная проповѣдь Латинства Францисканами была встрѣчена враждебно со стороны Виленскихъ гражданъ; мы не знаемъ, чѣмъ собственно была вызвана эта враждебность въ мирныхъ Виленскихъ гражданахъ, спокойно дозволявшихъ жить въ своемъ городѣ и имѣть свои церкви и монастыри христіанамъ православнаго вѣроисповѣданія; но знаемъ заподлинно, что когда Гастольдъ отправился съ Ольгердомъ на войну противъ Московскаго Государя, то, пользуясь его отсутствіемъ, Виленскіе язычники поголовно бросились на Гастольдовъ Латинскій кляшторъ, сожгли его, а Францисканскихъ монаховъ семь человѣкъ убили, другихъ же семерыхъ, привязавши каждаго къ крыжу (Латинскому кресту), пустили внизъ по рѣкѣ Вилiи, приговаривая: «съ запада солнца вы пришли, на западъ и ступайте за то, что сказили нашихъ боговъ». Ольгердъ, возвратившись изъ Московскаго похода, сильно разгнѣвался на такое самоуправство, и по просьбѣ Гастольда выдалъ ему на смерть 500 Виленцевъ. Гастольдъ, казнивши выданныхъ, построилъ новый кляшторъ, и опять на своемъ дворѣ, но уже не на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ первый кляшторъ, и вызвалъ изъ Моравіи тѣхъ же Францисканцевъ, въ числѣ 36 человѣкъ, и вскорѣ потомъ самъ поступилъ во Францисканскій орденъ, и съ своими товарищами по монашеству началъ проповѣдывать народу Латинство, надѣясь со временемъ сдѣлаться бискупомъ Литовскимъ; но въ 1374 году погибъ вмѣстѣ съ своими товарищами при нападеніи Татаръ, которыхъ навели на кляшторъ сами Виленцы.

Не смотря на такое враждебное расположеніе Литовскаго народа къ Латинству, спустя нѣсколько времени въ Вильну прибыла, вѣроятно изъ Польши, третья миссія, должно быть уже по смерти Ольгерда, которая тамъ и осталась. Въ слѣдъ за первою миссіею, погибшею въ Вильнѣ въ 1366 году, въ томъ же году появилась особая миссія Францисканцевъ въ Лидѣ, которая хотя въ 1369 году была побита народомъ, тѣмъ не менѣе продолжала держаться въ Лидѣ, и при помощи новыхъ миссіонеровъ, вѣроятно прибывшихъ изъ Ливоніи, учредила тамъ свой кляшторъ. Какіе были успѣхи сихъ миссій, мы не имѣемъ извѣстій, но во всякомъ случаѣ, по враждебному расположенію Литовскаго народа къ Латинству, взращенному вѣковою борьбою, большихъ успѣховъ конечно не могло быть. Мы не имѣемъ даже никакихъ указаній или намековъ, чтобы въ это время существовали гдѣ-либо въ Литовской землѣ Латинскіе костелы, кромѣ двухъ вышеупомянутыхъ кляшторовъ—Виленскаго и Лидскаго. Такимъ образомъ въ продолженіи слишкомъ 130 лѣтъ со времени перваго заявленія Миндовгова о желаніи принять Латинство, успѣхи Латинства въ Литвѣ ограничивались только постройкой двухъ кляшторовъ, которые притомъ нѣсколько разъ были разрушаемы народомъ; тогда какъ Русскія православныя церкви и монастыри строились спокойно и безпрепятственно почти по всѣмъ Литовскимъ городамъ, а половина Вильны была уже православною и имѣла нѣсколько церквей и монастырей. Все это ясно показываетъ, что Латинская церковь могла быть введена въ Литвѣ только княжескою властію, да и то не иначе какъ при помощи чужезем-

наго войска и разныхъ интригъ,—что по доброй волѣ и по убѣжденію Литовцы никогда бы не приняли католицизма, а скорѣе сдѣлались бы православными, и это время полнаго торжества православія въ Литвѣ было уже недалеко, если бы не вступились въ это дѣло иноземныя и собственно Польскія интриги.

Литовцы и Русскіе, при Ольгердѣ и послѣ него, на столько уже успѣли въ войнахъ съ Польшею, что распространили свои владѣнія вплоть до самой Вислы, и Польша находилась въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, особенно по случаю внутреннихъ междоусобій, послѣдовавшихъ за смертію Польскаго короля Людовика, не оставившаго послѣ себя дѣтей мужескаго пола. Поляки, чтобы выпутаться изъ этой бѣды, собрали сеймъ въ Петрковѣ и на этомъ сеймѣ положили войдти въ сношенія съ великимъ княземъ Литовскимъ Ягайломъ Ольгердовичемъ и предложить ему руку Ядвиги, дочери покойнаго короля Людовика, которая была уже объявлена королевой Польши. По таковому рѣшенію сейма начались переговоры съ Ягайломъ, на которыхъ Поляки, предлагая ему руку Ядвиги и корону Польскую, выставили главнымъ условіемъ, чтобы Ягайло принялъ Латинское крещеніе въ Краковѣ. Властолюбивый Ягайло, уже крещенный прежде въ православную вѣру, увлекшись польскою короной, принялъ предложеніе Петрковскаго сейма, поѣхалъ въ сопровожденіи своихъ братьевъ и съ огромною свитою Литовскихъ бояръ въ Краковъ, крестился тамъ вмѣстѣ съ братьями и боярами по Латинскому обряду, и на коронаціи далъ торжественное обѣщаніе соединить Литву, Жемойть и Русь съ Польшею, и обратить тамошнихъ жителей въ Латин-

ство. Въ исполненіе этого обѣщанія, Ягайло въ 1387 году прибылъ въ Вильну съ своею супругою Ядвигой, съ архіепископомъ Гнѣзненскимъ, со множествомъ Латинскаго духовенства, въ сопровожденіи Польскихъ князей и вельможъ, и съ значительнымъ Польскимъ войскомъ.

Пріѣхавши въ Вильну, Ягайло предъ городомъ собралъ народное вѣче, на которомъ язычники Литвины, отстаивая своихъ дѣдовскихъ боговъ, долго спорили съ княземъ; и Ягайло, не видя успѣха въ спорахъ, приказалъ Полякамъ разрушить языческіе жертвенники и храмы, и истребить идоловъ. Невооруженная, неприготовленная толпа народа, уже оставленная своими вельможами, большею частію принявшими Латинское крещеніе въ Краковѣ, и видя что дѣдовскіе боги не умѣютъ защищать самихъ себя, наконецъ волей-неволей принуждена была принять крещеніе. Лѣтописецъ Стрійковскій пишетъ: «по приказанію Ягайлы Литовцы язычники были раздѣлены на толпы, и каждую толпу Латинское духовенство кропило священною водой и давало цѣлой толпѣ одно какое либо христіанское имя; и такимъ образомъ заразъ было окрещено около тридцати тысячь язычниковъ, кромѣ крещенныхъ уже прежде въ Краковѣ и въ Вильнѣ на сеймѣ, и кромѣ шляхты и бояръ, которыхъ для почета крестили по одиночкѣ. Ягайло, чтобы больше побудить простой народъ къ крещенію, приказалъ новокрещеннымъ выдавать по бѣлому суконному балахону, которые для сего были привезены изъ Польши въ большемъ количествѣ.

Такимъ образомъ хотя въ сущности обращено было въ Латинство только меньшинство и сравнитель-

но незначительное, и то только наружно, тѣмъ не менѣе Латинская церковь объявлена господствующею въ великомъ княжествѣ Литовскомъ на всемъ его пространствѣ, и Ягайло въ томъ же 1387 г. издалъ новый законъ. По этому закону требовалось: 1-е) чтобы всѣ Литвины, проживающіе въ Литвѣ и на Руси, перешли въ Латинскую вѣру, отъ всякой иной секты (значитъ и изъ православія); 2-е) чтобы новокрещенные не были отвлекаемы отъ послушанія Римскому костелу и не женились на Русскихъ, и не выходили за нихъ замужъ, пока тѣ не перейдутъ въ послушаніе Римскому костелу; 3-е) православныя Русскія дѣвицы и женщины, выходя замужъ за католиковъ, обязаны принять Латинскую вѣру, и равно Русскіе или православные Литвины, вступая въ бракъ съ католичками, должны принять Латинскую вѣру, подъ страхомъ тѣлесныхъ наказаній непослушнымъ; 4-е) имѣнія, данныя въ Литвѣ Латинскимъ костеламъ и духовенству, освобождаются отъ всѣхъ податей на государя и мѣстнаго владѣльца». (Скарб. дипломат. Иг. Даниловича, Т. I, стр. 266). Въ томъ же 1387 году Ягайло построилъ въ Вильнѣ Латинскій костелъ во имя св. Станислава и учредилъ при немъ Латинскую архіепископскую каѳедру для всѣхъ Литовцевъ, и назначилъ въ Виленскіе архіепископы, прежде бывшаго духовника Венгерской королевы Елизаветы, Поляка Андрея Возжилу, изъ дворянской фамиліи Ястребковичей, который въ 1388 году и былъ утвержденъ папскою буллою; потомъ, для распространенія Латинства, самъ ѣздилъ по Литовскимъ городамъ вмѣстѣ съ Латинскимъ духовенствомъ и построилъ парафіальные костелы: въ Вилкомірѣ, Ме-

шаголе, Неменчинѣ, Мѣдникахъ Литовскихъ, Креве, Больцахъ и Гайновѣ. (Хрон. Стрійк., стр. 446). Для возвеличенія же Латинской церкви Ягайло и его двоюродный братъ Витовтъ къ каѳедральному костелу и парафіальнымъ костеламъ приписали по городамъ богатыя имѣнія и снабдили ихъ большими привиллегіями, какъ это видно изъ опредѣленій Гродненскаго сейма 1400 года, гдѣ сказано: «всѣ церкви въ Литовской землѣ, какъ каѳедральныя, такъ коллегіальныя, парафіальныя и конвентальныя, каковы Виленская и проч., какъ уже воздвигнутыя, такъ и тѣ, которыя будутъ воздвигнуты, какъ снабженныя имѣніями, такъ и тѣ, которыя будутъ снабжены, охраняемъ во всѣхъ ихъ вольностяхъ, неприкосновенностяхъ, привиллегіяхъ, льготахъ и обычаяхъ, по такому же точно порядку, какъ въ Польскомъ королевствѣ». (Volum. leg. T. I, pag. 30).

Но крещеніе Виленскихъ язычниковъ и объявленіе Римской церкви господствующею или государственною церковію во всѣхъ Литовскихъ владѣніяхъ еще не утвердило этой церкви и не дало ей полной силы въ Литовскомъ народѣ; ея господство было только внѣшнее, поддерживаемое государственною властію и даже военною силой, ей еще предстояла продолжительная и упорная борьба. Жмудская страна (Жемойть), особенно много терпѣвшая отъ проповѣдниковъ латинства, приходившихъ туда съ огнемъ и мечемъ отъ Нѣмецкаго и Ливонскаго рыцарскихъ орденовъ, не хотѣла и слышать о принятіи Латинской вѣры. Мужественные Жмудины поголовно возстали на защиту своихъ дѣдовскихъ боговъ и безпощадно гнали отъ себя всѣхъ миссіонеровъ Латинства, такъ

что миссіонеры сіи перестали и являться туда; и только послѣ 25 лѣтней борьбы соединенными силами Ягайлы и Витовта, въ 1413 году, удалось наконецъ принудить Жмудиновъ къ принятію Латинской вѣры. Ягайло самъ пришелъ въ Жмудскую землю и вмѣстѣ съ Витовтомъ, сопровождаемый большимъ войскомъ, истребилъ всѣ рощи и другія мѣста, почитаемыя Жмудинами за жилище боговъ, и открылъ Латинскую епископскую каѳедру въ Мѣдникахъ, или по Жемойтски въ Ворянахъ. (Лѣт. Быхов., стр. 41), и на основаніи опредѣленій Гродненскаго сейма, 1400 года, приписалъ къ ней большія имѣнія и снабдилъ ее тѣми же привиллегіями, какъ и Виленскую каѳедру. Но собственно открытіе Жемойтской или Мѣдниковской епископской каѳедры послѣдовало въ 1417 году; для этого потребовалось разрѣшеніе отъ Латинскаго собора, бывшаго въ то время въ Констанцѣ, и утвержденія папы Мартына V. Вмѣстѣ съ епископскою каѳедрою въ Мѣдникахъ, Ягайло открылъ девять параѳіальныхъ костеловъ въ главныхъ уѣздахъ Жемойтской земли: въ Ейраголѣ, Крожахъ, Мѣдницахъ, Россіенахъ, Видиклѣ, Велунѣ, Колтынянахъ, Цертахъ и Лукникахъ. Старшихъ ксендзовъ въ Жемойтскихъ парафіальныхъ костелахъ Ягайло назначилъ канониками при епископскомъ каѳедральномъ капитулѣ въ Мѣдникахъ, и первымъ бискупомъ на Мѣдниковской каѳедрѣ посадилъ Нѣмца Матвѣя, знавшаго Жемойтскій языкъ и Виленскаго урожденца. (Dl. Lib. XI, p. 300). Впрочемъ всѣ сіи распоряженія были только чисто внѣшними; Жмудины по прежнему оставались язычниками; и на другой же годъ по учрежденіи епископской каѳедры въ Мѣдникахъ поголовно

возстали на бискупа и Латинское духовенство, иныхъ побили, другихъ прогнали, а новопостроенные костелы разрушили, и опять стали приносить обычныя жертвы дѣдовскимъ богамъ. Витовтъ поспѣшилъ съ войскомъ подавить языческое возстаніе, казнилъ шестьдесятъ человѣкъ главныхъ заводчиковъ, но тѣмъ конечно не успокоилъ Жмудиновъ. Кровь ихъ еще нѣсколько лѣтъ лилась на защиту дѣдовской вѣры; хотя въ 1421 году папѣ Мартыну V и было донесено, что Жмудины принадлежатъ уже къ членамъ Римской церкви.

Но кромѣ борьбы съ язычествомъ Латинской церкви въ Литвѣ предстояла борьба съ православною церковію, исповѣданіе которой было свободно во всѣхъ Литовскихъ и Жемойтскихъ владѣніяхъ, не только между Русью, пзстари исповѣдавшею эту вѣру, но и между Литвой и Жемойтью, изъ которыхъ многіе также принадлежали къ православной церкви. Когда Жмудины поголовно разрушали Латинскіе костелы, построенные Ягайломъ и Витовтомъ; въ то же самое время православные храмы и монастыри свободно строились и учреждались по Литовскимъ и Жемойтскимъ городамъ. Латинское духовенство, прибывшее съ Ягайломъ въ Вильну для крещенія язычниковъ, съ неудержимою ревностію принялось было крестить силой и другую половину жителей Вильны, исповѣдывавшихъ уже восточное православіе; но твердое сопротивленіе таковому насилію, выказанное православными, на сторону которыхъ стали многіе князья и вельможи, какъ Русскіе, такъ и Литовскіе, уже исповѣдывавшіе православіе, съ перваго же раза дало такой отпоръ, что Латинскіе миссіонеры должны были отказаться, по крайней мѣрѣ наружно, отъ своей не-

умѣстной ревности. Ягайло и Витовтъ, руководители Латинянъ, не желая поднять на себя заразъ и язычниковъ и христіанъ восточнаго исповѣданія, рѣшились оставить послѣднихъ въ покоѣ отъ явнаго и насильственнаго обращенія въ Латинство. Отъ Ягайлы и Витовта даже дошло до насъ нѣсколько грамотъ, охраняющихъ неприкосновенность разныхъ православныхъ церквей въ Вильнѣ и другихъ городахъ Литовскаго княжества, и даже утверждавшихъ за ними разныя привиллегіи и недвижимыя имущества или вотчины; такъ что въ Римѣ и Польшѣ ревностные Латинцы явно стали выказывать подозрѣніе на Ягайлу въ его будто бы сочувствіи къ православію; и онъ, чтобы оправдать себя передъ Папой и Латинскимъ духовенствомъ, въ 1412 году, въ присутствіи Стригонійскаго арцибискупа и Кохмагистра Михаила, обратилъ въ Латинскій костелъ великолѣпную православную каѳедральную церковь въ Перемышлѣ, и приказалъ повыбросать изъ могилъ останки православныхъ, похороненныхъ при этой церкви. (Длуг. Lib. XI, p. 334).

И дѣйствительно, Латинскому духовенству мудрено было не подозрѣвать Ягайлы и Витовта въ покровительствѣ православію; ибо оба сіи князя и ихъ ближайшіе преемники на столько еще сдерживали ревность Латинянъ, что въ ихъ время не было выстроено ни одного Латинскаго костела ни въ Полотскѣ, ни въ Минскѣ, ни въ другихъ городахъ на востокъ отъ Березины и по Неману, собственно въ Русскихъ или давно обрусѣлыхъ земляхъ, гдѣ все населеніе сплошь исповѣдывало православіе восточной церкви; и Латинство волей-неволей должно было ограничиваться

только обращеніемъ еще некрещенныхъ язычниковъ Литвы и Жемойти, явно не касаться православныхъ восточной церкви и строить свои костелы только въ мѣстностяхъ съ смѣшеннымъ населеніемъ, гдѣ язычники жили рядомъ съ православными. Но видимо покровительствуя православнымъ въ разныхъ случаяхъ, какъ Ягайло, такъ и Витовтъ, только старались сдерживать всеобщее неудовольствіе большинства и, такъ сказать, раздѣлять противниковъ Латинства, въ сущности же оба князя заодно съ Латинскимъ духовенствомъ не останавливались ни передъ какими мѣрами для нихъ подручными, чтобы возвысить Латинство и унизить православіе; такъ уже въ первомъ повелѣніи Ягайлы о введеніи въ Литву Латинства, изданномъ въ 1387 году, было сказано: «всѣ Литвины, проживающіе на Литвѣ и на Руси, должны перейти въ Латинскую церковь отъ всякой другой секты, слѣдовательно и изъ восточнаго православія, которое Латиняне называютъ сектой—схизмой. Потомъ на Городельскомъ сеймѣ 1413 года Ягайло и Витовтъ, объявивъ соединеніе Литвы съ Польшей, постановили: «что только принадлежащіе къ Латинской церкви и и принявшіе Польскіе гербы князья и бояре Литовскіе имѣютъ право пользоваться разными привилегіями, установленными въ Польшѣ, а также въ высокія должности и достоинства въ государствѣ должно избирать не иначе, какъ изъ фамилій принявшихъ Латинскую вѣру; равнымъ образомъ въ совѣтъ государевъ могутъ быть допущаемы только исповѣдующіе Латинство, а отнюдь не схизматики (т. е. православные восточной церкви) и иные невѣрные». Wolum. leg. T. I, pag. 31). Такимъ образомъ пра-

вославные однимъ симъ постановленіемъ были сравнены чуть не съ языческими и отодвинуты въ государственной службѣ и общественныхъ дѣлахъ на задній планъ; такъ что для поддержанія житейскихъ выгодъ и для доставленія высшихъ достоинствъ и должностей должны были волей-неволей переходить въ Латинство, и конечно таковые отступники отъ православія бывали и можетъ быть нерѣдко. Затѣмъ на Констанскомъ соборѣ въ 1415 году была уже рѣчь подчинить православное духовенство папѣ и православную церковь въ Литовскихъ владѣніяхъ соединить съ Латинскимъ костеломъ; и эта мысль подчиненія православнаго духовенства папѣ, начиная съ Констанскаго собора вплоть до Брестской уніи, никогда не покидала Римской куріи и постоянно руководила Польскою политикой въ отношеніи къ православной церкви въ Литвѣ. Она время отъ времени выказывалась то яснѣе, то какъ бы затаивалась, по обстоятельствамъ, какъ увидимъ въ послѣдствіи.

По указаніямъ Констанскаго собора или, по крайней мѣрѣ, въ его видахъ, великій князь Литовскій Витовтъ созвалъ соборъ православныхъ епископовъ въ Новгородѣ Литовскомъ, и, съ цѣлію ослабленія православной церкви въ сихъ владѣніяхъ, настоялъ отдѣлить Литовскую православную церковь отъ Московской и выбрать особаго митрополита, въ которые и выбранъ былъ соборомъ Болгаринъ Григорій Цамблакъ, человѣкъ ученый, присутствовавшій на Констанскомъ соборѣ и представлявшійся папѣ Мартыну V. Но таковое отдѣленіе церкви и выборъ особаго митрополита на этотъ разъ не оправдало на-

дежды Витовта подчинить православную Литовскую церковь Римскому папѣ. Григорій Цамблакъ оказался вполнѣ православнымъ и ревностнымъ пастыремъ церкви, ни сколько не склоннымъ подчинить православную церковь Римскому папѣ. Кромѣ того, значительная часть Литовскихъ церквей, не смотря на опредѣленіе Новгородскаго собора, осталась вѣрною митрополиту Московскому Фотію; такъ что самъ Витовтъ, въ 1427 году, нашелся вынужденнымъ дозволить Московскóму митрополиту по прежнему управлять тѣми церквами въ Литвѣ, которыя признавали его святительскую власть. А въ 1432 году самъ Ягайло долженъ былъ обѣщать жителямъ Луцка, исповѣдывавшимъ православную вѣру, что не будетъ обращать ихъ церквей въ костелы, и обезпечитъ неприкосновенность православнаго вѣроисповѣданія. Тѣмъ не менѣе ни Ягайло, ни Витовтъ не думали отступать отъ основной мысли Латинства, высказанной на Констанскомъ соборѣ, и соглашались на видимое покровительство православной церкви и какъ бы уравненіе въ правахъ съ Латинскою церковью, единственно потому, что по обстоятельствамъ немогли не соглашаться и при томъ всегда имѣли въ виду, чтобы православная восточная церковь признавала свою зависимость отъ папы и никакъ не дерзала думать о своемъ распространеніи, и кажется только подъ сими условіями давали обѣщанія ей покровительствовать, и какъ скоро замѣчали въ православныхъ іерархахъ противное симъ условіямъ, то начинали ихъ преслѣдовать. Такъ въ 1401 году Витовтъ настоялъ, чтобы лишенъ былъ сана Луцкій епископъ Севастіанъ, не признававшій папской вла-

сти надъ своею церковію. Или въ 1404 году, какъ скоро было донесено Витовту, что епископъ Туровскій Антоній обращаетъ язычниковъ въ православную вѣру восточнаго исповѣданія; то онъ немедленно потребовалъ снять съ него епископскій санъ, а потомъ принудилъ его бѣжать въ Москву. (Narbut, T. VI, стр. 88).

Но и такое условное и унизительное для православія примиреніе съ Латинскою церковію отнюдь не заключалось въ характерѣ Латинства, никогда незнавшаго терпимости. Латинское духовенство и олатыненные король Ягайло и великій князь Витовтъ, постоянно преслѣдовали и нерѣдко явно выказывали одну цѣль во чтобы-то ни стало унизить и даже уничтожить православіе, не пренебрегая никакими средствами; только смуты, постоянно волновавшія Литву, вынуждали Ягайлу и Витовта по обстоятельствамъ дѣлать нѣкоторыя уступки православнымъ, нѣсколько сдерживать ревность Латинскаго духовенства и такъ сказать еще считаться съ православною церковію и какъ бы руководствоваться вѣротерпимостію, чего на дѣлѣ не было. Главное препятствіе, останавливавшее ревность католическаго духовенства, состояло въ томъ, что у православныхъ во все время властвованія Ягайлы и его ближайшихъ преемниковъ почти постоянно былъ какой-нибудь покровитель изъ претендентовъ на великое княжество Литовское. Такъ первые восемь лѣтъ по введеніи Латинства въ Литву, сторонникомъ и покровителемъ православныхъ былъ родной братъ Ягайлы, Казимиръ Скиригейло, котораго Ягайло, получивъ Польскій престолъ, объявилъ великимъ княземъ Литовскимъ и подчинилъ ему всѣхъ

тамошнихъ удѣльныхъ князей. Объ этомъ князѣ, ненавидимомъ католиками, Литовскій историкъ Іезуитъ Віюкъ Кояловичь говоритъ: «Казимиръ Скиригейло, хотя вмѣстѣ съ братомъ своимъ Королемъ (Ягайлою) и былъ обращенъ въ Римское Католичество въ Краковѣ, тѣмъ не менѣе, по наученію Русскихъ, между которыми выросъ, былъ болѣе склоненъ къ Греческимъ обрядамъ, не радѣлъ о распространеніи Римской религіи между своими подданными и заботу объ этомъ или вовсе упускалъ изъ виду, или откладывалъ вдаль на будущее время». (Hist. Litv. Alber. Wijuk. Kojalowicz. pars. II, pag. 2). Этотъ аттестатъ историка іезуита лучше всего свидѣтельствуетъ и о причинахъ непреклонной ненависти католиковъ къ Скиригейлу, и о тѣхъ безчисленныхъ клеветахъ, которыя сыпались на него Польскими и Литовскими хрониками, а за ними и историками; а также и о томъ, почему при жизни Скиригейла ни Король Ягайло, ни Латинское духовенство не смѣли слишкомъ напирать на православныхъ. Это же свидѣтельство Кояловича объясняетъ, почему ревностный латынянинъ Ягайло, послѣ первой же неудачи въ войнѣ съ Витовтомъ, поспѣшилъ ему же, еще недавнему врагу своему, передать велико-княжескую власть надъ Литвой, а Скиригейла поручилъ Витовту же перевести въ Кіевъ. Явно, что здѣсь дѣйствовали Поляки и Латинское духовенство, для которыхъ Скиригейло, оставаясь великимъ княземъ Литовскимъ, былъ очень опасенъ по своимъ близкимъ и сочувственнымъ отношеніямъ къ православнымъ.

Латинянамъ въ 1395 году хотя и посчастливилось сбыть съ рукъ Скиригейла, при помощи одного мо-

наха, успѣвшаго отравить его ядомъ, изъ-подъ пальца опущеннымъ въ чашу вина; но лишивъ православную церковь одного ревностнаго защитника, они не избавились отъ покровителей той же церкви въ Литовскомъ велико-княжескомъ домѣ. За Скиригейломъ явился родной его братъ Свидригайло Болеславъ, хотя и Латинянинъ, но постоянный противникъ Ягайлы и Витовта, и посему долженствовавшій опираться на православныхъ, и ему православные всегда сочувствовали какъ своему покровителю, о чемъ мы находимъ прямыя свидѣтельства у того же историка Іезуита Кояловича. Такъ въ одномъ мѣстѣ своей книги онъ прямо говоритъ, что православные Виленскіе монахи въ 1394 году тайно держали сторону Свидригайла, какъ ревностнаго защитника ихъ секты», (ibid. pag. 40). Или, въ другомъ мѣстѣ описывая разныя партіи представлявшія своихъ претендентовъ на велико-княжеское достоинство по смерти Витовта, разсказываетъ, что иные и особенно Русскіе вельможи желали Болеслава; ибо по опыту признавали его за покровителя своей религіи (ibid. pag. 140). Или при описаніи войны Свидригайла съ Сигизмундомъ, Кояловичъ прямо указываетъ, что за Свидригайла почти вся Русь подняла оружіе (ibid. pag. 159). То же самое было въ 1435 году, когда Русь для Свидригайла собрала такую рать, что Сигизмундъ поспѣшилъ вызвать войско изъ Польши (ibid., p. 166), и конечно таковое усердіе Русскихъ къ Свидригайлу основывалось на его сочувствіи и покровительствѣ православной церкви. При таковыхъ отношеніяхъ Свидригайла къ православнымъ Русскимъ, естественно Латинянамъ нельзя было и думать объ

упорномъ и открытомъ преслѣдованіи православія, а таковыя отношенія продолжались слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ. А посему олатиненные короли Польши и великіе князья Литовскаго княжества, подъ грозой тѣснаго союза православной Руси съ Свидригайломъ, замышлявшимъ совершенное отдѣленіе Литвы отъ Польши и особенно ненавидѣвшимъ Поляковъ, волей-неволей во все это время должны были удерживаться отъ преслѣдованія православной церкви и время отъ времени поступаться православнымъ разными правами и привиллегіями, хотя по Польскому обычаю большею частію только на бумагѣ, безъ желанія приводить въ исполненіе то, что̀ съ большою торжественностію писалось въ грамотахъ. Такъ Владиславъ, какъ преемникъ Ягайлы, при вступленіи своемъ на престолъ, далъ письменно торжественное обѣщаніе дать Русскимъ права и привиллегію одинаковыя съ Поляками, безъ отношенія къ различію вѣроисповѣданія; но это обѣщаніе, какъ свидѣтельствуетъ довольно откровенный Польскій историкъ Длугошъ, не было исполнено подъ предлогомъ молодости, а потомъ и смерти короля» . (Hist. Pol. Dlug. lib. XI, pag. 669). На дѣлѣ же конечно при самомъ написаніи обѣщанія, не смотря на его торжественность, было уже положено не исполнить обѣщаннаго. Точно также въ 1443 году Казимиръ , среди смутъ и подъ грозой тѣснаго союза православной Руси съ Свидригайломъ, далъ обѣщаніе поравнять въ общественномъ значеніи православное духовенство съ Латинскимъ; но какъ скоро Свидригайло умеръ и междоусобія улеглись, то съ тѣмъ вмѣстѣ и данное обѣщаніе было или забыто, или осталось спорнымъ.

Но Ягайло и ближайшіе его преемники, постоянно встрѣчая покровителей православія въ своемъ же княжескомъ домѣ и послѣ первыхъ же неудачныхъ попытокъ, видя невозможность явно и прямо преслѣдовать православныхъ и обращать ихъ въ Латинство, тѣмъ не менѣе никогда не оставляли другаго плана, высказаннаго на Констанскомъ соборѣ, и состоявшаго въ томъ, чтобы незамѣтно вызывать православныхъ на соединеніе съ Латинскою церковію, не измѣняя обрядовъ восточной церкви и только признавая зависимость отъ папы. Къ этой цѣли постоянно стремились и Ягайло съ своими преемниками, и Латинское духовенство, и Польскіе магнаты, видѣвшіе въ этомъ лучшее средство ослабить и уничтожить Русскую національность. Такъ еще въ 1427 году на Луцкомъ сеймѣ былъ поднятъ вопросъ о необходимости уніи между западною и восточною церковію въ Литвѣ; впрочемъ эта попытка, какъ преждевременная, тогда кончилась ничѣмъ,—сами Польскіе сенаторы признали унію еще неудобоисполнимою; ибо, по собственному ихъ сознанію, тогда православныхъ въ Литвѣ было гораздо болѣе, чѣмъ католиковъ. Но скоро казавшееся невозможнымъ представилось осуществимымъ. Между православными іерархами въ Литвѣ оказалась, еще не объясненная въ исторіи личность—Герасимъ епископъ Смоленскій, и онъ же будто бы митрополитъ Русскій. Этотъ Іерархъ, можетъ быть получившій свой санъ при помощи латинствующихъ вельможъ при дворѣ Ягайлы или Свидригайлы, кажется, составилъ небольшую партію изъ плохихъ православныхъ и католиковъ, къ которой вѣроятно принадлежалъ и Свидригайло; эта партія

очевидно находила возможнымъ соединеніе восточной церкви съ западною подъ властію папы. Были ли составлены какія правила этого соединенія, до насъ объ этомъ недошло извѣстій, только слухъ о желаніи соединить церкви дошелъ до папы Евгенія IV, черезъ Петра, нареченнаго епископа Жмудскаго, пріѣзжавшаго въ Римъ для посвященія въ епископскій санъ, и чрезъ Магистра Яна Никольсдорфа. Папа по этому слуху писалъ въ 1434 году къ Свидригайлу, чтобы онъ посовѣтовалъ Герасиму прежде всего созвать соборъ Русскихъ епископовъ и всего духовенства, который бы далъ ему полномочіе вести съ папою дѣло о соединеніи церквей; и въ томъ же году и въ томъ же смыслѣ папа прислалъ бумагу и къ самому Герасиму. (Scarb. dipl. Ign. Danilowicza. T. II, pag. 158). Но былъ ли Герасимомъ созванъ соборъ по этому дѣлу, неизвѣстно, а вѣроятнѣе собора не было; ибо въ слѣдующемъ году Свидригайло сжегъ въ Витебскѣ самого Герасима за измѣнническія сношенія его съ Сигизмундомъ, врагомъ Свидригайловымъ; и тѣмъ кажется кончилось дѣло о соединеніи церквей, затѣянное Герасимомъ и его безвѣстною партіей. Самъ папа Евгеній кажется не вѣрилъ въ успѣхъ этого рановременнаго предпріятія.

Но едва прошло два года по сожженіи Герасима, какъ въ 1437 году открылся соборъ въ Феррарѣ, а потомъ во Флоренціи, на который прибыли Императоръ Константинопольскій Іоаннъ Палеологъ, искавшій у папы помощи противъ Турокъ, и Константинопольскій патріархъ со многими епископами греческой церкви, и куда также явился митрополитъ Московскій и всея Руси, Грекъ Исидоръ съ епископомъ

Суздальскимъ Авраміемъ. На этомъ соборѣ были составлены правила соединенія церквей восточной и западной и подчиненія ихъ папѣ. Хотя соборъ этотъ, замышленный собственно изъ политическихъ видовъ, не привелъ къ надлежащему рѣшенію вопроса о соединеніи, и ни Греческая, ни Русская, ни прочія восточныя церкви не согласились съ его опредѣленіями; тѣмъ не менѣе онъ послужилъ самымъ сподручнымъ средствомъ для веденія дѣла уніи церквей въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, и, какъ замѣтилъ Віюкъ Кояловичъ, чрезъ митрополита Исидора доставилъ Латинцамъ большія выгоды въ Литвѣ (Histor. Litu. pars. II, pag. 187). Митрополитъ Исидоръ, бѣжавшій изъ Москвы, какъ ревностный распространитель уніи, прибылъ въ Литву и началъ проповѣдывать соединеніе церквей, составленное на Флорентинскомъ соборѣ и будтобы принятое всѣми восточными церквами, и, чтобы удобнѣе завлечь православныхъ къ уніи, въ 1443 г. убѣдилъ великаго князя Литовскаго Казимира дать православному духовенству въ Литвѣ одинакія права съ Латинскимъ духовенствомъ, какъ уже безразличному въ слѣдствіе соединенія церквей на Флорентинскомъ соборѣ; и съ этого времени являются въ Литвѣ двѣ партіи: унитовъ, принимающихъ Флорентинское соединеніе, и дизунитовъ, остающихся при древнемъ православіи. Первымъ лантинствующее Литовское правительство покровительствуетъ и даетъ имъ привиллегіи, равныя съ Латинянами; а вторыхъ начинаетъ преслѣдовать, какъ непослушныхъ вселенскому собору.

Этотъ хитро-придуманный Исидоромъ планъ обращенія православныхъ къ уніи, на первый разъ до-

вольно удался, и іезуитъ Кояловичъ правду сказалъ, что Исидоръ много потрудился на пользу Латинства въ Литвѣ. Дѣйствительно, съ этого времени по крайней мѣрѣ оффиціально, Литовская православная церковь рѣзко отдѣлилась отъ сѣверо-восточной или Московской, такъ что Московскій Митрополитъ всей Руси вскорѣ пересталъ называться митрополитомъ Кіевскимъ, и митрополитомъ Кіевскимъ и всей западной Руси былъ объявленъ Исидоръ, и хотя обыкновенно жилъ въ Римѣ, тѣмъ не менѣе западная Русская митрополія считалась за нимъ, и онъ присылалъ изъ Рима грамоты къ западнымъ Русскимъ епископамъ, что̀ и продолжалось до 1458 года, когда папа Каллистъ объявилъ его титулованнымъ патріархомъ Константинопольскимъ. На мѣсто себя въ западно-русскія митрополиты Исидоръ представилъ папѣ своего любимца и ученика, уніата Болгарина Григорія, вывезеннаго изъ Константинополя; папа Каллистъ утвердилъ Исидорово представленіе, и далъ повелѣніе проживавшему въ Римѣ Константинопольскому патріарху униту Григорію IV Маммѣ, посвятить Григорія въ митрополиты западной Руси. Новопосвященный митрополитъ Григорій преемникомъ Каллиста, папою Піемъ II, былъ отправленъ въ Литву съ рекомендательными грамотами отъ папы и Исидора къ королю Казимиру и другимъ Литовскимъ князьямъ. Въ Римѣ посылку Григорія въ Литву считали окончательнымъ обращеніемъ всей западной Руси въ унію; папа Пій II, въ своей грамотѣ къ Казимиру, не только объявилъ Григорія митрополитомъ всей западной Руси, но и прямо отчислилъ къ его митрополіи слѣдующія девять Русскихъ епархій: Брян-

скую, Смоленскую, Перемышльскую, Туровскую, Луцкую, Владимирскую на Волыни, Полотскую, Холмскую и Галицкую. Такимъ образомъ въ Римѣ уже измѣрили и границы унитской Русской митрополіи, вѣроятно полагая, что таковому распоряженію не будетъ противниковъ, а ежели и будутъ, то съ ними, при помощи олатыненнаго правительства, не мудрено будетъ справиться, и тѣмъ удобнѣе, что къ этому времени Казимиръ освободился отъ грозы Свидригайла; а православные, не имѣя митрополита, повидимому не могли дать надлежащаго отпора, и ихъ легко было смущать опредѣленіями Флорентійскаго собора, носившаго титулъ вселенскаго.

И дѣйствительно, торжество Флорентійской уніи, по видимому, было уже не далеко; Казимиръ, покорный велѣніямъ папы, не прочь былъ привести въ исполненіе распоряженіе Римской куріи относительно западно-русской митрополіи; православные находились въ крайности,—у нихъ не было ни покровителя, ни руководителя, ни единства плана какъ дѣйствовать. Нѣкоторые изъ тамошнихъ епископовъ уже вошли въ общеніе съ Григоріемъ и признали его власть. Но неожиданно для Латинянъ и ихъ сторонниковъ, на помощь православнымъ западной Руси явились православные Руси восточной Московской. Въ Москвѣ, какъ только узнали о пріѣздѣ Григорія въ Литву, въ томъ же 1458 году, по повелѣнію Великаго Князя Василья Васильевича былъ созванъ соборъ восточно-русскихъ епископовъ, на которомъ Флорентійскую унію и ея ревнителя Григорія, именуемаго митрополита Кіевскаго, предали проклятію, и всѣ восточной Руси святители написали грамоту

не входить въ общеніе съ Григоріемъ и не принимать отъ него никакихъ грамотъ. (Ак. Ист. Т. I, № 61). Затѣмъ въ томъ же году ревностный архипастырь Московской церкви, митрополитъ Іона, отправилъ посломъ въ Кіевъ въ Троицкаго игумена Вассіана къ тамошней княгинѣ Анастасіи, супругѣ Кіевскаго князя Александра Владимировича, и ея дѣтямъ, чтобы они твердо держались древняго православія и всѣхъ удерживали отъ общенія съ лжемитрополитомъ Григоріемъ, какъ отступникомъ православныя церкви и ученикомъ Исидоровымъ. А въ слѣдъ за посольствомъ въ Кіевъ, Іона въ томъ же году отправилъ посланіе къ Смоленскому епископу Мисаилу и окружное посланіе ко всѣмъ епископамъ Литовскимъ; въ обоихъ посланіяхъ онъ убѣждалъ, чтобы епископы Литовскіе твердо держались православія и не признавали власти унита Григорія, какъ уже проклятаго на Московскомъ соборѣ за отступничество отъ православной церкви, и удерживали бы отъ того же врученную имъ отъ Христа паству православныхъ христіанъ, наказуя ихъ отъ божественныхъ писаній, хотя бы пришлось кому и пострадать за вѣру, какъ святымъ мученикамъ ((ibid. №№ 62 и 63). Московскій соборъ и посланія митрополита Іоны имѣли громадное значеніе для православныхъ въ западной Россіи, или великомъ княжествѣ Литовскомъ; воодушевленные Московскими посланіями всѣ Литовско-Русскіе князья, еще не олатыненные, и почти всѣ Литовскіе епископы съ своими паствами отказались признать митрополитомъ присланнаго папой Григорія и остались вѣрными православію. Король Казимиръ, какъ ревностный латынянинъ, началъ ихъ преслѣ-

довать подъ именемъ дизунитовъ; но это преслѣдованіе, предпринятое противъ громаднаго большинства, послужило только къ вящшему утвержденію древняго православія, такъ что Григорій, именовавшійся митрополитомъ Кіевскимъ, даже не смѣлъ пріѣхать въ Кіевъ. А когда въ 1472 году онъ умеръ въ Новгородѣ Литовскомъ, то православные, не смотря на всѣ происки Латинянъ, отказались отъ всякихъ сношеній съ Латинскимъ духовенствомъ и унитами, и въ 1474 году выбрали на Кіевскую митрополію епископа Смоленскаго Мисаила, ревностнаго защитника древняго православія. И съ этого времени въ продолженіи 128 лѣтъ, не было уже унитскихъ митрополитовъ въ Литовскомъ княжествѣ, да вѣроятно и самихъ унитовъ Исидорова и Григоріева согласія было немного; они, должно быть, по смерти Григорія, иные прямо перешли въ Латинство, а другіе возвратились къ православію. По крайней мѣрѣ съ этого времени мы уже не встрѣчаемъ извѣстій о борьбѣ православія съ унитствомъ вплоть до Брестской уніи.

Видя полную безуспѣшность попытокъ—привлечь православныхъ къ уніи съ Латинскою церковію, Польско-Литовское правительство, по смерти унитскаго митрополита Григорія, наконецъ отказалось отъ мысли распространять унію и обратилось къ прежней политикѣ Ягайлы,—обращать православныхъ прямо въ Латинство и всѣми возможными средствами преслѣдовать непринимающихъ его. Таковому направленію политики конечно много способствовало и то, что къ этому времени Король Казимиръ успѣлъ смирить всѣхъ своихъ противниковъ въ Литвѣ, и посему съ большею смѣлостію могъ гнать православ-

ныхъ, не имѣвшихъ уже за себя сильныхъ заступниковъ между Литовскими князьями. Какъ бы то ни было, съ послѣдней половины продолжительнаго Казимирова властвованія начались въ Литвѣ сильныя гоненія на православныхъ и постепенное уничтоженіе данныхъ имъ прежде правъ и привиллегій. Литовскій историкъ Нарбутъ говоритъ: «въ концѣ царствованія короля Казимира и при сынѣ его Александрѣ появились въ Литвѣ религіозные фанатики, которые настояли на стѣсненіи прерогативъ всѣхъ христіанъ, не состоящихъ въ единеніи съ Римскимъ костеломъ, и преслѣдованія ихъ простерились такъ далеко, что въ Вильнѣ и въ Витебскѣ православнымъ было запрещено строить новыя церкви и поправлять старыя; были приглашены въ Литву Бернардины, которые взялись обращать Русскихъ въ Латинство; бискупъ Войцехъ Таборъ поддерживалъ все это при дворѣ и въ сенатѣ. Бернардины разсѣялись по всей Литовской Руси, проповѣдуя единство костела и намѣстничество Христово на землѣ въ лицѣ папы; сами Русскіе священники и монахи, признавшіе унію, хлопотали объ отмѣнѣ православныхъ церковныхъ обрядовъ и о преслѣдованіи дизунитовъ». (Narbut, Dzieje. Staroz. narod. Lit. T. 8, p. 467—469). Свидѣтельство Нарбута согласно съ фактами, разбросанными въ памятникахъ; только Нарбутъ напрасно отыскиваетъ какихъ-то фанатиковъ, появившихся будтобы только въ концѣ царствованія Казимира; и до Казимира и при Казимирѣ и послѣ него главнымъ фанатикомъ былъ всегда, есть и будетъ Римскій костелъ, и его основное правило—давить всѣхъ, кому приходится быть съ нимъ въ соприкосновеніи, а въ

Литвѣ рядомъ и заодно съ нимъ дѣйствовалъ другой еще фанатикъ—Польская справа, съ непримиримою злобою всегда преслѣдовавшая Русскую цивилизацію, какъ совершенно противоположную ей по своему строю, не терпѣвшему порабощенія меньшихъ большими и незнакомому съ Польскимъ быдломъ. При такихъ двухъ крупныхъ коллективныхъ фанатикахъ нѣтъ надобности искать какихъ-то индивидуальныхъ фанатиковъ. Фанатизмъ въ преслѣдованіи православія и Русской народности, какъ мы уже видѣли, никогда не прекращался ни въ Латинскомъ костелѣ, ни въ Польской справѣ, а только сдерживался обстоятельствами и особенно тѣмъ, что и католики и Поляки были еще очень слабы предъ Русскимъ элементомъ въ западной Россіи, какъ прямо сознавались сами Польскіе сенаторы на Луцкомъ съѣздѣ въ 1427 году; въ концѣ же властвованія Казимира, латинство и польщизна значительно усилились во владѣніяхъ великаго княжества Литовскаго, и фанатизмъ преслѣдованія православныхъ, доселѣ сдерживаемый, поспѣшилъ развиться во всей своей жестокости и безобразіи.

Такъ Казимиръ, къ концу своей жизни, годъ отъ года сталъ издавать строгіе указы противъ православныхъ. Іезуитъ Віюкъ Кояловичъ въ своей исторіи Литвы, подъ 1491 годомъ, говоря объ отпаденіи Сѣверскихъ князей, пишетъ: между прочими причинами къ отпаденію присоединилось и то, что король жестокими указами противъ послѣдователей восточной церкви, къ которымъ принадлежали и Сѣверскіе князья, старался распространить Флорентійскую унію Латинской церкви съ Греческою» (Kojal. Hist. Lit. pars

II, p. 255). Но Кояловичь здѣсь выражается не совсѣмъ точно и, какъ іезуиты, прикрываетъ Латинство Флорентійскою уніею ; приглашенные же въ Литву Бернардины, да и самъ Казимиръ, въ это время требовали уже не уніи , а полнаго отреченія отъ православія и перекрещиванія; такъ что самъ папа вскорѣ нашелъ нужнымъ поумѣрить ревность польскихъ Латинянъ, и къ Казимирову сыну королю Александру писалъ: «Вовсе нѣтъ надобности , чтобы снова крестить всѣхъ, но слѣдуетъ только требовать, чтобъ были послушны апостольскому престолу на основаніяхъ Флорентійскаго собора, а жить имъ по Греческимъ обрядамъ и имѣть Греческихъ поповъ» . (Сборн. Мухан., 1-е издан., стр. 109). Русскіе князья, владѣвшіе разными удѣлами въ княжествѣ Литовскомъ и исповѣдывавшіе православную вѣру , въ 1488 году коллективно жаловались Константинопольскому патріарху на гоненія за вѣру , прося благословенія на Кіевскую митрополію архіепископу Полотскому Іонѣ , и писали такъ: «молитву́ и прошеніе наше возсылаемъ святительству твоему, яко да учинитъ святыня твоя къ нашему утвержденію , ради тѣснящихъ насъ въ вѣрѣ, милосердно да неумедлитъ отъ руки твоей мечь духовный отцу нашему, имъ же оборонити насъ добро творящихъ» . (Впленс. Археол. Сбор. Т. I, стр. 3). Наконецъ гоненія за вѣру произвели то, что большія Русскія области съ своими князьями стали отпадать отъ Литвы ; такъ въ 1490 году князья Бѣлевскіе, Борятинскіе, Одоевскіе и Воротынскіе съ своими владѣніями передались Московскому великому князю Ивану Васильевичу, а въ 1491 году также поступили князья Сѣверскіе со всею Сѣверскою землею

(т. е. съ цѣлымъ лѣвымъ берегомъ Днѣпра), такъ что Москва, не дѣлавши никакихъ усилій, пріобрѣла огромное и богатое княжество». (Kojalov. H. L. pars II, pag. 254—255). Но и этотъ тяжелый урокъ ни сколько не образумилъ ни престарѣлаго Казимира, ни сына его Александра; гоненіе на православныхъ продолжалось по прежнему и довело дѣло до того, что Московскій великій князь Иванъ Васильевичь при Александрѣ объявилъ свое право на вмѣшательство за своихъ единовѣрцевъ и началъ продолжительную войну, кончившуюся постыднымъ миромъ для Литвы и Польши, большимъ разоренiемъ и потерею многихъ важныхъ областей.

Но ни Казимира, ни сына его Александра нельзя много винить въ гоненiяхъ на православiе и въ пагубныхъ послѣдствiяхъ сихъ гоненій для великаго княжества Литовскаго. Казимиръ и Александръ здѣсь были скорѣе только орудiями Латинскаго костела и Польской справы, съ которыми они не могли какъ слѣдуетъ бороться, по слабости и шаткости своего положенiя въ томъ общественномъ строѣ, который успѣлъ сложиться въ Польшѣ и Литвѣ. Латинскій костелъ и Польская справа, забравшiе все въ свои руки въ Польшѣ и Литвѣ, главные виновники и двигатели гоненій на православiе и Русскую народность, ничего не хотѣли знать и вѣдать о положенiи западно-Русскаго государства, и быстро неслись къ его разложенiю, неудержимо стремясь къ одному,—обратить православныхъ въ Латинянъ и Русскихъ въ Поляковъ. Тщетно Александръ думалъ поправить свои дѣла вступленiемъ въ бракъ съ Еленой Московскою, дочерью великаго князя Ивана Васильевича; этотъ

несчастный бракъ еще болѣе запуталъ дѣла. Латинскій костелъ и Польская справа думали держать Елену какъ невольницу, не смѣя, по договору съ Московскимъ Государемъ, прямо и насильно обратить ее въ латинство; они употребляли всѣ тайныя и окольныя мѣры къ достиженію той же цѣли,—подводили къ ней католическихъ законоучителей, не дозволяли строить Русской придворной церкви, удаляли отъ нея бояръ и слугъ, исповѣдующихъ православную вѣру, и окружали ее католиками. Великій князь Иванъ Васильевичъ въ своемъ отвѣтѣ Венгерскому послу прямо говоритъ: «А которую дочь княжескую или боярскую греческаго закона дочка наша (Елена) возметъ къ себѣ, и ее приказываютъ силою окрестить въ Латинство. А послѣ того зять нашъ и больше того невчалъ намъ правити и нечесть намъ чинити, къ дочери нашей послалъ отметника Греческаго закону, владыку Смоленскаго, и бискупа Виленскаго и черицовъ Бернардиновъ съ тѣмъ, чтобы она отступила отъ Греческаго закона, а приступила бы къ Римскому закону». (Сбор. Мух., стр. 216—217). Въ какомъ положеніи при этомъ находился самъ Александръ, лично дружественно жившій съ своею умною супругой Еленою,—лучшимъ свидѣтельствомъ служитъ слѣдующій его отвѣтъ Московскому посольству: «А што есте намъ говорили отъ великаго князя Ивана Васильевича, чтобы мы дочери его, а нашей великой княгинѣ, поставили церковь греческаго закона, на переходѣхъ подлѣ ея хоромъ ино князи наши и панове и вся земля имѣютъ на то права и записи отъ предковъ нашихъ и отъ отца нашего и отъ насъ, и то въ правѣхъ записано, чтобы церквей грече-

скаго закона больше не прибавляти; ино намъ тыхъ правъ предковъ нашихъ и отца нашего и нашихъ не годится рухати». (ibid. стр. 79). Въ этомъ отвѣтѣ подъ дипломатической холодной формой ясно выступаетъ вся горечь тогдашняго положенія Александра. Онъ, такъ сказать, былъ связанъ по рукамъ и ногамъ даже въ своихъ семейныхъ отношеніяхъ. Ежели онъ не имѣлъ уже возможности своей любимой супругѣ разрѣшить построеніе придворной православной церкви, которую онъ былъ обязанъ выстроить даже по брачному договору: то послѣ этого, что же онъ могъ сдѣлать вообще для своихъ подданныхъ, исповѣдующихъ православную вѣру? А Александръ не лгалъ, говоря Московскимъ посламъ, что по законамъ онъ не можетъ построить православной придворной церкви; онъ дѣйствительно не могъ этого сдѣлать по тогдашнимъ порядкамъ въ Польшѣ и Литвѣ, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что Латинскій костелъ и Польская справа лучше согласились начать новую несчастную войну съ Московскимъ государемъ, чѣмъ разрѣшить построеніе придворной православной церкви.

При Александровомъ преемникѣ Сигизмундѣ ревность латинскаго костела и польской справы къ подавленію православія и Русской народности, наконецъ развилась до невѣроятныхъ размѣровъ. Такъ въ 1509 году, по опредѣленію Петрковскаго сейма, король Сигизмундъ издалъ указъ, по которому предоставилъ назначеніе и содержаніе намѣстниковъ православной Галицкой митрополіи Латинскому арцибискупу во Львовѣ, и въ своемъ указѣ писалъ такъ: «Мы, желая своимъ королевскимъ авторитетомъ спо-

собствовать преуспѣянію православной (Латинской) вѣры въ здѣшнемъ краѣ, и имѣя въ виду грамоты за печатьми апостольскаго престола, данныя нашимъ предкамъ для возвышенія Львовскаго костела, и по обязанности христіанскаго государя желая, чтобы самые схизматики тѣмъ удобнѣе были приведены и присоединены къ христіанской вѣрѣ, или по крайней мѣрѣ исправились въ своихъ заблужденіяхъ,—дали и обнародовали такой указъ, чтобы настоящій архіепископъ Львовскій, Бернардъ Вильчка и его преемники теперь и на будущее время сами назначали намѣстниковъ Русскаго клироса во Львовѣ и въ другихъ мѣстахъ Львовской епархіи; но на Русскихъ поповъ этого указа не распространяемъ». (Supplemen. ad hist. Russ. monum., pag. 137). Этотъ указъ, важный по своему содержанію, замѣчателенъ и по своей формѣ; въ немъ говорится о Русской церкви, но ни разу не упомянуто имени этой церкви,—она названа только клиросомъ Русскихъ; да и православные Русскіе христіане названы не христіанами, а схизматиками, которыхъ слѣдуетъ обратить въ христіанскую вѣру; въ подлинномъ указѣ сказано: «quo facilius ipsi schismatici ad religionem christianam adducantur et alliciantur». И такая уловка отнюдь не случайность; у насъ есть еще одинъ указъ Сигизмундовъ, въ которомъ безцеремонность поведена еще дальше. Въ указѣ отъ 31 Марта 1522 года объ утвержденіи намѣстникомъ Галицкой митрополіи избраннаго Латинскимъ архіепископомъ Бернардомъ дворянина Якима Гдашицкаго, Сигизмундъ не иначе называетъ православныя Русскія церкви, какъ синагогами; онъ пишетъ о новомъ намѣстникѣ, что далъ ему власть ви-

зитировать синагоги и поповъ такъ называемаго Русскаго обряда; а посему ему должны повиноваться всѣ попы и служители синагогъ Русскаго обряда». (ibid. pag. 158). И этотъ указъ также не случайность, не прихоть короля, не фантазія писца королевской канцеляріи. Здѣсь, какъ и въ указѣ 1509 года, все писано по разсчету; король не могъ писать иначе, ибо такъ хотѣлъ Латинскій костелъ, подталкиваемый польскою справой. И еслибы Сигизмундъ вздумалъ сопротивляться такому желанію костела, то поднялась бы страшная буря, и самъ бы Сигизмундъ попалъ въ схизматики у Латинскаго духовенства. Мы на это имѣемъ прямое доказательство въ одномъ случаѣ, бывшемъ съ Сигизмундомъ въ томъ же 1522 году и записанномъ въ исторіи Литвы у Віюка Кояловича. Сигизмундъ, желая сколько нибудь достойно наградить князя Константина Острожскаго, знаменитаго полководца своего времени и спасителя отечества, назначилъ его палатиномъ въ Трокп, съ каковою должностію было соединено званіе сенатора или члена королевской рады. Великихъ заслугъ князя Острожскаго никто не могъ отрицать,—онѣ у всѣхъ были на глазахъ,—забыть ихъ было еще некогда; но князь Острожскій былъ православный по вѣрѣ, крѣпко стоялъ за православіе и заодно съ православнымъ духовенствомъ отвергалъ повиновеніе православныхъ папѣ; и этого было достаточно, чтобы на Гродненскомъ сеймѣ 1522 года поднялась страшная буря противъ Сигизмунда, дерзнувшаго сдѣлать такое назначеніе. Латинствующіе вельможи, съ Латинскимъ духовенствомъ во главѣ, прямо обратились къ королю съ протестомъ и говорили, что древній Ягайловскій за-

конъ, не только свято соблюдаемый всѣми великими князьями Литовскими, но и подтверждаемый ими, не допускаетъ въ сенатъ и къ прочимъ достоинствамъ всѣхъ тѣхъ, которые не хотятъ быть въ повиновеніи у Римскаго папы; и протестующіе не прежде успокоились, какъ исторгли у короля торжественное обязательство, вооруженное всѣми публичными формальностями, чтобы ни онъ, ни его преемники ни въ какомъ случаѣ не допускали въ сенатъ людей неисповѣдующихъ католической вѣры» . (Kojalow. pars II, pag. 380). Послѣ такой бури Сигизмунду мудрено было не назвать синагогой православной Русской церкви въ указѣ, данномъ дворянину Гдашицкому на намѣстничество въ Галицкой митрополіи. Въ этомъ случаѣ волей-неволей онъ долженъ былъ писать такъ, какъ хотѣлъ Латинскій костелъ.

Въ указѣ Гдашицкому дѣло преслѣдованія и нетерпимости дѣйствительно было доведено до крайнихъ предѣловъ, далѣе которыхъ идти уже некуда. Костелъ потерялъ религіозное значеніе даже въ глазахъ католиковъ и обратился въ орудіе политической интриги противъ Русской народности и православной церкви въ западной Россіи. Самъ король Сигизмундъ въ послѣдніе годы своего царствованія уже нашелся вынужденнымъ защищать православныхъ отъ своевольства и притѣсненій Латинскаго духовенства; такъ до насъ дошелъ его указъ къ князю Яну, бискупу Виленскому, отъ 1531 года, въ которомъ Іосифа, митрополита Кіевскаго , уже называетъ архіепископомъ и митрополитомъ, и требуетъ, чтобы бискупъ запретилъ своему Виленскому урядинку судить и рядить Виленскихъ православныхъ священниковъ, какъ со-

стоящихъ въ вѣдѣніи Кіевскаго митрополита, и прямо пишетъ въ своемъ указѣ: «ино вѣдь то рѣчь непотребная, чтобы урядникъ твоей милости поповъ закопу греческаго смѣлъ судить и рядить. (Вилен. Арх. Сборн. Т. VI, стр. 29). Подобный же указъ, отъ 1533 года, былъ посланъ къ князьямъ, панамъ, воеводамъ, старостамъ, намѣстникамъ, тіунамъ, боярамъ и всѣмъ заказникамъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, чтобъ они не дѣлали неправдъ и грабежей церковнымъ людямъ православнаго исповѣданія и не вступалися въ духовныя дѣла и судъ митрополита Кіевскаго». (ibid. стр. 19). Такимъ образомъ уже самъ Сигизмундъ перемѣнилъ свою рѣчь, и церквей Русскихъ не называетъ синагогами и защищаетъ митрополита Кіевскаго отъ притѣсненій Виленскаго Латинскаго бискупа; и конечно, измѣненіе тона въ королевскихъ указахъ послѣдовало не даромъ, значитъ оказалась перемѣна въ самомъ направленіи. Дѣйствительно, къ концу царствованія Сигизмунда и особенно при его преемникѣ Сигизмундѣ Августѣ, сами Латиняне уже не вѣрили въ свой костелъ.

Въ слѣдствіе реформатскаго движенія, охватившаго Литву при Сигизмундѣ Августѣ, началась полная реакція, явно въ пользу православной церкви. И Сигизмундъ Августъ въ своей грамотѣ къ Львовскому арцибискупу, тому же Бернарду Вильчкѣ, отъ 9 Апрѣля 1535 года, православныхъ Русскихъ уже называетъ хрістіанами и церкви ихъ величаетъ костелами, а не синагогами, и хотя почти съ извиненіями, но требуетъ отъ Львовскаго арцибискупа, чтобы онъ дозволилъ назначенному отъ Кіевскаго митрополита Макарія намѣстнику, архимандриту Іосифу, управ-

лять свободно православными церквами въ Львовской епархіи, какъ прямо сказано въ грамотѣ: «ижъ бы преречeнный архимандритъ, въ земляхъ ему приказанныхъ, могъ бы то выполняти съ костельными парсунами вѣры своей». (Ак. З. Рос. Т. II, стр. 336). И это черезъ 12 лѣтъ послѣ Сигизмундова указа 1522 года; подлинно быстрая и полная реакція! Король чуть не равняетъ православной Русской церкви съ Латинскимъ костеломъ, по крайней мѣрѣ съ почтительностію говоритъ о томъ и о другомъ, и даже Русскаго митрополита въ своей грамотѣ называетъ: «учливый отецъ Макарій грецкой вѣры и Русскій митрополитъ». Такого униженія Римскаго костела не потерпѣло бы латинское духовенство въ Польшѣ и Литвѣ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ. Конечно и теперь Латинскіе арцибискупы и бискупы еще своевольничали и дѣлали православнымъ жестокія притѣсненія; но Русскій митрополитъ и другіе православные святители могли уже искать на нихъ управы передъ королемъ, хотя и съ большимъ трудомъ, тѣмъ не менѣе уже успѣвали въ этомъ; и латинскимъ бискупамъ въ таковыхъ случаяхъ оставалось только досадовать и горячиться, или прибѣгать къ самоуправству при помощи польскихъ пановъ своихъ пріятелей. Такъ въ 1540 г. арцибискупъ Львовскій, узнавши, что Галицкій намѣстникъ Кіевскаго митрополита Макарія получилъ отъ короля листъ, освобождающій его отъ подчиненности ему, арцибискупу, горячился и кричалъ: «я того не перестану, пока я живъ; або вѣмъ суть Русь у моей моци, король того безъ мене не могъ дати». Но крикъ остался крикомъ, а подсылки поймать и убить намѣстника не удались,

ибо за него стала вся православная Львовская шляхта (ibid. стр. 361). А въ 1545 году, по жалобѣ митрополита Кіевскаго Іосифа на Латинскихъ капплановъ, звонившихъ ночью въ соборной православной церкви въ Вильнѣ и на самаго Виленскаго бискупа Яна, что онъ не взыскиваетъ съ своихъ капплановъ за безпорядки и требуетъ на свой судъ православныхъ священниковъ, Король Сигизмундъ, называя въ своей грамотѣ Іосифа митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ и всея Руси, прямо писалъ къ князю Яну, бискупу Виленскому: «рачилъ бы твоя милость впередъ своихъ духовныхъ повстягнути, абы такого находу и легкости (неуваженія) церквамъ ихъ закону греческаго не чинили, ижъ бы таковыя жалобы на нихъ напотомъ до насъ не доходили. А что касается до звону и кгвалту церковнаго нынѣшняго, что митрополитъ жаловался, ино твоя бы милость митрополиту на тыхъ капплановъ право далъ и справедливость вчинилъ, и тотъ кгвалтъ церковный велѣлъ оправити такъ, какъ бы митрополиту въ томъ жаль не было». (Вилен. Арх. Собр. Т. VI, стр. 24). Князь Янъ бискупъ Виленскій, былъ главой всего Латинскаго костела въ Литвѣ, и отъ него король потребовалъ законнаго удовлетворенія Кіевскому митрополиту, чтобы тотъ не жаловался и былъ доволенъ; въ двадцатыхъ годахъ XVI столѣтія конечно подобное требованіе даже было немыслимо, жалоба Кіевскаго митрополита тогда осталась бы безъ послѣдствій.

Вообще положеніе Латинскаго костела въ Литовскихъ владѣніяхъ около половины XVI столѣтія, быстро стало ухудшаться. Наглость и безцеремонность, съ какимъ онъ относился къ прочимъ хри-

стіанскимъ церквамъ, принесли ему самые горькіе плоды, какихъ онъ и не ожидалъ; вслѣдствіе своихъ нерелигіозныхъ отношеній къ прочимъ христіанскимъ церквамъ, онъ самъ, не замѣчая того, потерялъ религіозное значеніе въ глазахъ народа. И когда въ западной Европѣ начались религіозныя движенія, быстро распространившіяся и по Литовскимъ владѣніямъ; то по свидѣтельству лѣтописи Стрыйковскаго, «въ то время мало уже кто вѣрилъ въ папу». (Chronik. Str. pag. 737). На Латинскій костелъ еще съ первыхъ годовъ XVI столѣтія стали смотрѣть, какъ на государственное, чисто политическое, а не религіозное учрежденіе, и епископскія каѳедры въ своемъ значеніи сравнялись съ воеводствами, старостствами, кастелянствами и подобными чисто мірскими государственными достоинствами и доходными статьями; на нихъ уже выбирались люди не по нравственнымъ качествамъ и не по способностямъ къ духовному сану, а по принадлежности, по происхожденію къ тому или другому роду или фамиліи магнатовъ, какъ вознагражденіе за воинскія или гражданскія заслуги предковъ. И этотъ взглядъ принадлежалъ самому правительству и былъ утвержденъ закономъ еще съ первыхъ годовъ XVI столѣтія; именно: въ постановленіяхъ Радомскаго сейма, 1505 года, прямо сказано отъ имени королевы родительницы (Елисаветы): «по общему совѣту и по согласію всѣхъ нашихъ совѣтниковъ и по просьбѣ всего дворянства симъ, настоящимъ статутомъ и декретомъ освятили, уставили на вѣчныя времена и безвозвратно опредѣлили, чтобы между прочимъ каѳедральнымъ церквамъ въ начальственныя достоинства были производимы только люди принадле-

жащія къ сословію благородныхъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ на строго запрещаемъ подъ наказаніемъ вѣчной ссылки и конфискаціи всего имущества, каковому наказанію подвергаемъ какъ тѣхъ, которые какимъ бы то ни было образомъ осмѣлятся идти противъ настоящаго постановленія, отыскивая выше упомянутыхъ достоинствъ или принимая ихъ по предложенію, такъ и ихъ родителей, родственниковъ и тайныхъ и явныхъ помощниковъ. Такъ что, какъ только кто либо не принадлежащій къ благороднымъ окажется противникомъ сего постановленія, симъ самымъ поступкомъ уже будетъ подвергнутъ помянутому наказанію вмѣстѣ съ своими родителями и родственниками. Ибо какъ дворянство (nobilitas) привыкло собственными шеями защищать государство въ военныхъ случаяхъ, и во время мира всегда стояло за церковь какъ за самого себя; то и ни какимъ образомъ нельзя допустить, чтобы правителями церкви были не тѣ, которые служили ей защитою». (Volum. leg. T. I. pag. 138).

Ежели таковый, явно нерелигіозный, взглядъ на высшія церковныя должности утвержденъ былъ самимъ закономъ: то на практикѣ всѣ высшія церковныя должности просто обратились въ доходныя статьи магнатовъ, часто вовсе неспособныхъ къ занятію таковыхъ должностей. и даже не думавшихъ казаться способными и достойными ни по жизни, ни по научному и религіозному образованію. Послѣ этого не мудрено, что въ Литвѣ въ XVI столѣтіи мало кто вѣрилъ въ папу и Римскую церковь, когда самая церковь даже по закону обратилась въ оброчную статью магнатовъ и ихъ фамилій. При таковомъ по-

рядкѣ дѣлъ реформаціонныя движенія, потянувшіяся изъ западной Европы, здѣсь нашли уже готовую почву; и Латинскій костелъ въ Литвѣ на время даже переставалъ быть орудіемъ къ подавленію Русской народности въ западной Россіи. Мѣстнымъ интересамъ въ Русскихъ областяхъ были даже даны значительныя уступки; такъ значеніе Русской православной церкви, какъ церкви христіанской, а не синагоги, было признано еще при Сигизмундѣ; первымъ Литовскимъ статутомъ 1530 года въ VIII раздѣлѣ этого статута въ 7-мъ артикулѣ сказано: «Уставуемъ ижъ о рѣчь земную (по поземельному владѣнію) и о доводъ держанья земли не маютъ (не имѣютъ права), при пущены быти Жидове, а не Татарове, одно христіане Латинскаго обо Греческаго закона». То же подтверждено статутомъ 1566 года разд. IX, арт. 3; а въ XI раздѣлѣ того же статута въ артик. 3 одинаково ограждаются отъ нападеній какъ Латинскія, такъ и православныя Русскія церкви и школы и дома священно-служителей; въ законѣ сказано: «тѣжъ еслибы кто пришедши гвалтовнѣ на костелъ, або на цвинтару въ школѣ, або въ капланскомъ и поповскомъ дому кого забилъ, або ранилъ; а тые раны значны были, тогды подъ таковымъ способомъ и доводомъ маетъ быти каранъ, яко высшей о гвалтованикахъ писано». А на Варшавскомъ сеймѣ 1564 года, когда рѣчь шла о полномъ соединеніи народовъ Польскаго и Литовскаго въ одинъ народъ; то уже не было и помину объ уничтоженіи или пониженіи православной церкви; вопросъ былъ только въ томъ, какъ устроить и поровнять выборъ короля, ибо въ Польшѣ выборъ короля былъ свободный, а Литовское кня-

жество считалось дѣдиною и отчиною Гедиминовичей (Vol. leg. T. II, pag. 29). Далѣе, въ привилегіи 1569 года, о присоединеніи Волынской земли къ коронѣ Польской сказано: «обыватели сей земли рады наши духовные и свѣтскіе, княжата, панята, шляхта, рыцарство, также и духовные станы Римскаго и Греческаго закона, чтобы познали нашу ласку: постановляемъ, чтобы ихъ города, замки, мѣста, осѣдлости, мѣстечки и веси со всѣми ихъ подданными были свободны отъ всякихъ пошлинъ и поборовъ. Къ тому еще обѣщаемъ и обязываемся всѣхъ помянутыхъ княжатъ земли Волынской и потомковъ ихъ какъ Римскаго, такъ и Греческаго закона содержать въ стародавной чести и достоинствѣ. Такимъ же образомъ обѣщаемъ и обязуемся достоинствъ и почестей и урядовъ нашей Волынской земли духовныхъ и свѣтскихъ, великихъ и малыхъ, какъ Римскаго, такъ и Греческаго закона, не уменьшать, ни затѣмнять, и охранять въ цѣлости». То же самое повторяется въ привиллегіи на присоединеніе Кіевской земли, данной въ томъ же 1569 году. (Wolum. leg. T. II, pag. 82—87). Такимъ образомъ давленіе и нетерпимость Латинскаго костела въ западной Россіи, въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтій, дошедшія до крайнихъ предѣловъ, съ тридцатыхъ годовъ XVI столѣтія на время пріостановились, православная церковь по наружности, по крайней мѣрѣ, получила почти одинакія права съ Латинскимъ костеломъ.

Но не дологъ былъ періодъ такого либерализма. Полякамъ по послѣднимъ разчетамъ нужна была унія политическая, т. е. полное соединеніе Польскаго и Литовскаго государства въ одно цѣлое (до сихъ же

поръ было соединеніе только въ лицѣ короля, да и то большею частію при особомъ великомъ князѣ Литовскомъ, какимъ преимущественно былъ наслѣдникъ Польской короны); для полнаго же соединенія можно было пожертвовать временными уступками. Зато, какъ только въ 1569 году совершилась политическая унія на Люблинскомъ сеймѣ; то въ слѣдъ же за тѣмъ начались новыя, еще небывалыя гоненія на Русскую церковь; но повѣсть о сихъ гоненіяхъ уже не входитъ въ планъ настоящаго труда, который заканчивается Люблинскою уніею.

Мы прослѣдили вкратцѣ разные пріемы дѣятельности Латинскаго костела въ западной Россіи или въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, отъ принятія Латинской вѣры княземъ Ягайломъ Ольгердовичемъ вплоть до Люблинской уніи при Сигизмундѣ Августѣ. Заключимъ повѣсть объ этихъ пріемахъ нѣсколькими общими замѣчаніями о характерѣ этой дѣятельности, по отношенію къ Русской церкви и Русской народности въ западной Россіи.

Литовскій историкъ Нарбутъ, сторонникъ и Латинской церкви и полнаго соединенія Литвы съ Польшей, такъ описываетъ положеніе западной Россіи въ религіозномъ отношеніи до появленія тамъ Латинства и въ слѣдъ за его появленіемъ: «Христіанская вѣра восточнаго исповѣданія первая начала распространяться въ Литвѣ тихимъ путемъ свободнаго убѣжденія въ святыхъ истинахъ, а не по приказу и принужденію. Литвины-язычники нисколько не считали за зло, что живущіе между ними инородцы не поклонялись ихъ мѣстнымъ богамъ; какъ была разница въ языкѣ, такъ допускалась терпимость и въ вѣрѣ. Хри-

стіане Русскіе и язычники Литвины составляли одно отечество, подъ однимъ государемъ, засѣдали на одной скамьѣ и вмѣстѣ рядили о благѣ родины, вмѣстѣ шли на бой и складывали кости въ одной могилѣ; Литвинъ уважалъ знамя св. Юрія на хоругви Русской, а Русскій воздавалъ военную честь богу Кавасу на знамени Литовскомъ. А посему великіе князья, имѣя вѣрныхъ подданныхъ въ христіанской Руси, не касались ихъ религіозныхъ порядковъ, пока интересъ политическій не столкнулся съ религіознымъ. Ягайло, сдѣлавшись королемъ Польскимъ и перешедши въ Римско-католическую церковь, съ тѣмъ вмѣстѣ принялъ на себя обязанность не только обращенія язычниковъ, но и приведенія къ единству вѣры всѣхъ своихъ подданныхъ, всѣми отъ него зависящими средствами.... Коротко сказать, и въ Польшѣ и въ Литвѣ эпоха религіозной нетерпимости началась съ владычествованія Ягайлы и Витовта, т. е. со введеніемъ Латинскаго исповѣданія въ Литву». (Narbut dzeije Staroz. Nar. Litew., кн. 6, стр. 349). Такимъ образомъ, по сознанію самихъ сторонниковъ Латинской церкви она, при самомъ введеніи вмѣсто мира и согласія, царствовавшихъ въ западной Руси, внесла мечь и вражду, и сама явилась орудіемъ политической интриги, веденной изъ Полши. Исторія этой церкви въ западной Россіи свидѣтельствуетъ, что она и въ послѣдствіи сохранила то же значеніе. Все что̀ не предпринимала эта церковь въ западной Россіи,— перекрещивала ли православныхъ, тянула ли ихъ въ унію и подъ верховную власть папы,—все клонилось къ тому, чтобы внести раздоръ въ западную Русь, разшатать народныя силы, создавшія великое княже-

ство Литовское; посѣять вражду между дружественными и всею предшествовавшею исторіею тѣсно связанными другъ съ другомъ населеніями Литвы и Руси, составлявшими до введенія сюда Латинской церкви мужественный народъ, дававшій отпоръ Полякамъ и Нѣмцамъ,—рыцарямъ Ливоніи и Пруссіи.

Силой окрестивши Литву и Жемойть, Латинская церковь отдѣлила сіи два племени отъ Русскихъ и направила свои старанія на то, чтобы сдѣлать эти племена матеріаломъ для распространенія Польщизны, усердно трудилась надъ уничтоженіемъ исконныхъ народныхъ обычаевъ и общественнаго строя народной жизни, и о замѣненіи всего этого Польскими обычаями и Польскимъ строемъ жизни; а Русскихъ въ то же время угнетала и преслѣдовала какъ схизматиковъ и явныхъ своихъ противниковъ. Жизнь Литовцевъ и Жмудиновъ она подтачивала тѣмъ, что вводила въ нее чуждыя и даже враждебныя ей начала, а для разложенія строя общественной жизни Русскихъ не останавливалась ни передъ какими средствами, смотря по удобству, одинаково употребляя то насиліе, то обманы. И надо сознаться, что Латинская церковь работала въ западной Россіи на пользу Польши съ удивительнымъ усердіемъ; и усердная работа эта принесла именно тѣ плоды, которыхъ желала Польская справа. Въ продолженіи первыхъ 180 лѣтъ отъ введенія Латинства въ Литву, она наконецъ успѣла совершенно разстроить общественную жизнь и у Русскихъ и у Литовцевъ, такъ что великое княжество Литовское, прежде грозное и для Поляковъ и для Нѣмецкихъ сосѣднихъ рыцарскихъ орденовъ, почти потеряло возможность продолжать

самостоятельную государственную жизнь, и волей-неволей на Люблинскомъ сеймѣ въ 1569 году должно было присоединиться къ Польской коронѣ, подъ льстивымъ титуломъ *равные къ равнымъ*, а на дѣлѣ, какъ пригодный матеріалъ для поддержанія Польскаго государства, разшатаннаго внутренними безпорядками и своеволіемъ магнатовъ, которые на сеймахъ творили, что̀ хотѣли. Вотъ истинный характеръ дѣятельности Латинской церкви въ западной Россіи за все время отъ введенія ея въ этотъ край до Люблинской уніи; другой памяти она по себѣ не оставила и не имѣетъ другаго значенія для западной Россіи, какъ значеніе разлагающаго и разъѣдающаго начала и какъ служебнаго органа для Польской справы. Вся дѣятельность ея лишена характера самостоятельности; она держалась только постороннею силою, и хотя носила титулъ господствующей церкви, и дѣйствительно старалась выказывать притязанія на господство надъ Литвинами и Русью; но сама въ себѣ постоянно находилась въ служебныхъ отношеніяхъ къ Польской коронѣ, и даже не къ коронѣ, а къ аристократіи, можетъ быть и сама не замѣчая такого своего положенія. Но что она именно находилась какъ бы въ служебномъ отношеніи собственно у Польской аристократіи, этому лучшимъ и самымъ яснымъ свидѣтельствомъ служатъ постановленія Радомскаго сейма 1505 года, которыя уже приведены были выше въ настоящемъ нашемъ разсказѣ, и которыя вполнѣ согласны со всею исторіею этой церкви въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, такъ что Радомскій сеймъ только формулировалъ то, что̀ уже выработала исторія.

РАЗСКАЗЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ВЛАСТЬ.

Полотская земля, какъ Новгородская колонія, и управлялась въ древности по-новгородски, какъ прямо свидѣтельствуетъ Литовскій лѣтописецъ Быховецъ, который говоритъ: «мужи Полочане управлялись вечѣмъ. какъ великій Новгородъ». Такимъ образомъ, по прямому свидѣтельству лѣтописи, верховная власть у Полочанъ, находилась въ рукахъ вѣча, или въ рукахъ самаго народа, выражавшаго свою волю на вѣчѣ. Иного порядка въ управленіи у Полочанъ, какъ у колонистовъ Новгорода, не могло и быть; всѣ колоніи Новгорода управлялись по-новгородски,—это было общее правило, постоянно поддерживаемое самимъ Новгородомъ, пока онъ имѣлъ еще вліяніе на ту или другую колонію; а вліяніе Новгорода на свои колоніи всегда было довольно продолжительно, такъ что Новгородскіе порядки во всѣхъ колоніяхъ всегда успѣвали на столько утвердиться, что колонія, и освободившись отъ вліянія метрополіи, навсегда удерживала у себя Новгородскій строй, и только видоизмѣняла его. смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ. То же самое было и въ Полотскѣ, и даже сильнѣе, чѣмъ въ другихъ Новгородскихъ колоніяхъ, вѣроятно потому, что Новгородское вліяніе здѣсь было болѣе продолжительно; ибо Полотскъ былъ старѣйшею Новгородскою колоніею и стоялъ на томъ пути, которымъ первоначально дорожили Новгородцы; лучшимъ свидѣтельствомъ сему служатъ извѣстія Скандинавскихъ сагъ о томъ, что въ дорюриковское вре-

мя Новгородцы особенно занимались распространеніемъ своихъ владѣній по западной Двинѣ. Вліяніе Новгорода на Полотскъ во время Рюрика, засвидѣтельствовано и нашею лѣтописью, которая говоритъ, что Рюрикъ, по смерти своихъ братьевъ Синеуса и Трувора, началъ раздавать своимъ мужамъ города, кому Полотскъ, кому Ростовъ, кому Бѣлоозеро; а конечно Рюрикъ, приглашенный въ князья въ Новгородъ, не могъ бы отдать Полотска своимъ мужамъ, ежели бы этотъ городъ не былъ въ тѣсной связи съ Новгородомъ и не состоялъ въ зависимости отъ него.

Власть вѣча въ Полотскѣ, такъ же какъ и въ Новгородѣ, первоначально дѣлилась съ властію выборныхъ начальниковъ,—старостъ, сотскихъ и другихъ; а потомъ сюда же присоединилась власть приглашеннаго князя или княжаго намѣстника, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ Новгородѣ; ибо Рюрикъ не могъ передать своему намѣстнику въ Полотскѣ иной власти кромѣ той, которую самъ имѣлъ въ Новгородѣ.

Власть вѣча въ Полотскѣ, какъ выраженіе воли цѣлаго народа, была непрерывною властію и при князѣ и безъ князя, до тѣхъ поръ пока Полотскъ не утратилъ своей самостоятельности, и даже по утратѣ самостоятельности форма этой власти удерживалась въ Полотскѣ вплоть до введенія Магдебургскаго права; княжеская власть нисколько не уничтожала этой власти, подобно тому какъ это было въ Новгородѣ. Полотское вѣче состояло изъ всѣхъ гражданъ Полотска, большихъ и меньшихъ, бывшихъ членами той или другой общины, т. е. самостоятель- Вѣче.

ныхъ домохозяевъ, а не бездомниковъ, и младшихъ членовъ семьи, еще не признававшихся членами общины и не имѣвшихъ права подавать голосъ въ общественныхъ дѣлахъ. Чтобы вѣче было правильнымъ, требовалось, чтобы оно было собрано на опредѣленномъ обычномъ мѣстѣ, чтобы на немъ непремѣнно присутствовали всѣ три класса общества: — бояре, купцы и черные люди, или иначе большіе, средніе и меньшіе; объ этомъ прямо сказано въ уставной грамотѣ Казимира, данной Полотску въ 1456 году: «А сымались (т. е. сходились на вѣчѣ) бы вси посполу на томъ мѣстѣ, гдѣ предъ тѣмъ сыймывались издавна; а безъ бояръ мѣщанамъ и дворянамъ городскимъ и черни соймовъ (вѣчь) ненадо чинить; а дѣла бы городскіе вси згодою посполу справляли по давному». (Ак. Зап. Рос., Т. I, № 60). Но не было непремѣнною обязанностію, чтобы каждый самостоятельный гражданинъ непремѣнно присутствовалъ на каждомъ вѣчѣ, а только каждый имѣлъ право присутствовать на вѣчѣ и подавать голосъ. Вѣче считалось правильнымъ и законнымъ, хотя бы не всѣ граждане присутствовали на немъ, и не присутствовавшіе должны были повиноваться опредѣленіямъ вѣча, состоявшимся въ ихъ отсутствіи. Въ Русскихъ лѣтописяхъ древнѣйшее прямое свидѣтельство о вѣчѣ въ Полотскѣ мы находимъ въ Лаврентіевской лѣтописи подъ 1176 годомъ, гдѣ сказано: «Новгородцы бо изъ начала и Кіяне, и Смольняне, и Полочане, и вся власти, якоже на думу, на вѣча сходятся, и на чѣмъ старѣйшіе сдумаютъ; на томъ и пригороды станутъ» (Лавр. лѣт., стр. 160). Это свидѣтельство говоритъ, что изначала Полотскъ одинаково съ прочими Рус-

скими владѣніями управлялся вѣчемъ, и что вѣче старшаго города было закономъ для младшихъ городовъ или пригородовъ, бывшихъ выселками изъ старшаго города. Позднѣйшія же извѣстія о Полотскомъ вѣчѣ, мы находимъ въ цѣломъ рядѣ Полотскихъ грамотъ за XIV и XV столѣтія, излагающихъ условія сношеній Полотска съ Ригою. Всѣ сіи грамоты писались отъ имени вѣча, или отъ бояръ, мѣщанъ (купцовъ) и отъ черныхъ людей или, какъ говорится въ грамотахъ, отъ поспольства. Вотъ нѣсколько образчиковъ сихъ грамотъ: «отъ намѣстника отъ Полотьскаго отъ Монтигирда и отъ всѣхъ мужъ Полочанъ, къ ратманамъ, што есте съ княземъ Семеномъ миръ взяли и съ мужи Полочаны, штобы то такъ и держати тотъ миръ крѣпко» (Русско-Ливон. акты № 134). Или въ другой грамотѣ: «Паномъ пріятелемъ и сусѣдомъ нашимъ: пану войту, и бурмистрамъ и радцамъ, и мѣщанамъ и всему поспольству Ризьскаго мѣста, наша пріязнь на вся часы отъ бояръ Полотьскихъ, и отъ мѣщанъ и отъ всего поспольства Полоцькаго мѣста». (1476 года грам. ibid. № 264). Или еще: «Иноиечи послали Полоцькіи бояре и мѣщане и все поспольство Полоцькое мѣсто свое послы Полоцкыи и з верещимъ листомъ, отъ бояръ на имя панъ Сенько Радковичь, а отъ мѣщанъ панъ Евлашко Ѳедоровичь, панъ Зеновій Боцько, до вашей ратуши и до всего Ризьскаго мѣста. А Рижане выбрали отъ своихъ ратмановъ три. 1478 годъ». (ibid. № 265). Или отъ намѣстника Полоцькаго и отъ всѣхъ мужъ Полочанъ, отъ мала до велика, поклонъ всѣмъ ратманамъ большимъ и всѣмъ мѣстичамъ Рижанамъ (ibid. № 278). Или отъ пана Василья Дми-

тріевича, и отъ боляръ Полоцькихъ, и отъ мѣстичовъ и отъ всѣхъ мужъ Полочанъ, отъ всего поспольства, пріятелемъ нашимъ панамъ ратманамъ Рижскимъ и проч.» (ibid. № 280). Эта форма грамотъ совершенно одинакова съ формою грамотъ Новгородскихъ; а Новгородскія грамоты писались отъ имени вѣча,—отъ всѣхъ большихъ и меньшихъ; слѣдовательно и въ Полотскѣ таковыя грамоты писалась по приговору вѣча, хотя въ нихъ и не упоминается имени вѣча; и такимъ образомъ Полотскъ управлялся вѣчемъ даже во время владычества Литовскихъ князей вплоть до введенія Магдебургскаго права въ 1498 году, съ котораго времени Полотскія грамоты стали писаться уже не отъ большихъ и меньшихъ, а отъ войта, бурмистровъ и радцевъ и всего поспольства.

Лѣтописи и другіе памятники представляютъ намъ, хотя очень немногія и отрывочныя, но тѣмъ не менѣе прямыя свидѣтельства о значеніи и дѣятельности вѣча въ Полотскѣ. Такъ въ самое крутое время въ 1128 году, когда Полотскія владѣнія были разгромлены великимъ походомъ Кіевскаго князя Мстислава Владимировича со всѣми южными князьями, Полотское вѣче является представителемъ всей Полотской земли, и мимо своихъ князей вступаетъ въ прямые переговоры съ самимъ Мстиславомъ; въ лѣтописи сказано: «и тако Полочане сътнувшеся выгнали Давыда съ сынми, поемши Рогволода идоша къ Мстиславу, просяче его себѣ княземъ; и створи волю ихъ Мстиславъ, поемши Рогволода ведоша и́ Полотску». (Ипат. лѣт., ст. 11). Точно также въ 1151 году Полотское вѣче распорядилось удаленіемъ своего князя Рогволода Борисовича въ Минскъ и приглашеніемъ

къ себѣ Ростислава Глѣбовича; лѣтопись говоритъ: «яша Полочане Рогволода Борисовича князя своего и послаша Меньску, и ту держаша и́ у велицѣй нужи, а Глѣбовича себѣ уведоша; и прислашася Полочане къ Святославу Ольговичу, яко имѣти его (Святослава) отцемъ себѣ и ходити въ послушаньи его; и на томъ цѣловаша крестъ». (ibid. стр. 66). Здѣсь, какъ и въ первомъ свидѣтельствѣ, Полотское вѣче вступаетъ въ переговоры съ стороннимъ княземъ и при томъ отъ своего имени, а не отъ имени своего князя, объ имени котораго даже и не упоминается въ договорѣ; вѣче ведетъ дѣло само по себѣ одно, и кажется смотритъ на своего князя не иначе, какъ на выборнаго сановника, не имѣющаго особеннаго значенія во внѣшнихъ сношеніяхъ. То же самое повторяется въ 1186 году при нашествіи на Полотскъ Давыда Смоленскаго и Мстислава Новгородскаго; Полотское вѣче также вступаетъ въ договоръ съ сими князьями мимо своихъ князей; въ лѣтописи сказано: «Полочане, сдумавше (конечно на вѣчѣ) рекуще: не можемъ мы стати противу Новгородцемъ и Смольняномъ; аще попустимъ имъ въ землю свою, аще и миръ створимъ съ ними; а много ны зла створятъ, попустошатъ ны землю идучи до насъ, пойдемъ къ нимъ на сумежье; и собравшася вси идоша къ нимъ и срѣтоша и́ на межахъ съ поклономъ и честію, и даша имъ дары многи; и уладишася и розъидошася въ страны своя кождо ихъ» (Лавр. лѣт., стр. 170). Или въ 1159 году, Полотское вѣче вступило въ договоръ съ княземъ Друцкимъ Рогволодомъ Борисовичемъ и заставило удалиться своего князя Ростислава Глѣбовича; и когда Ростиславъ, по приглашенію Полочанъ, ѣхалъ

въ Полотскъ изъ Бѣльчицы, то одинъ дѣтскій нагналъ его и сказалъ: «неѣзди княже вѣче ти въ городѣ, а дружину ти избиваютъ, а тебя хотятъ яти» (Ипат. лѣт., стр. 83). Во всѣхъ сихъ извѣстіяхъ, выключая послѣдняго и многихъ другихъ, хотя не упоминается прямо о вѣчѣ, но очевидно народъ въ Полотскѣ дѣйствуетъ вѣчевымъ порядкомъ, совершенно одинаково съ Новгородцами.

Дошедшіе до насъ, хотя поздніе, оффиціальные акты Полотска также прямо свидѣтельствуютъ, что главною властію въ Полотскѣ было вѣче или народное собраніе всѣхъ гражданъ большихъ и меньшихъ. Такъ договорная грамота между Полотскомъ и Ригою 1407 года была писана отъ имени всего вѣча, въ грамотѣ сказано: «мы мужи Полочане даемъ вѣдати, кто сію грамоту узритъ или услышитъ чтучи. Князь великій Витовтъ, господарь нашь, докончалъ промежъ насъ и смирилъ насъ вѣчно, межи Полоцкаго города и Ризькаго города» (Ак. Зап. Рос., Т. I, № 16). Здѣсь въ договорѣ не упоминается ни о какихъ Полотскихъ властяхъ кромѣ вѣча. Мы мужи Полочане и больше никого, никакого сановника Полотскаго». Или въ грамотѣ 1330 года мы встрѣчаемъ договаривающимися только Полочанъ, т. е. Полотское вѣче безъ участія князя или другихъ какихъ властей; въ договорѣ этомъ прямо сказано: «Тако хочемъ мы горожане (Полоцкіе) съ мештеремъ переже, како вѣсити воскъ на скальвахъ, а вамъ чинити такожь въ тяжелѣй нашего полпуда. .... Ажо привезетъ нечистый товаръ, а нелюбъ будетъ, поѣхати ему назадъ со своимъ товаромъ, а свой князь тамо казнитъ». (Ак. Ливон., № LXXIV). По свидѣтельству сего договора князь только

казнить того, кто преступить договоръ. Или въ грамотѣ Витовта 1399 года сказано: «у Полотску Полочанамъ добрымъ людемъ кресть цѣловати на томъ, что имъ чинити Нѣмцемъ всю правду и ву всей у торговли и во всякомъ торговомъ дѣлѣ, такоже и у Ризѣ къ Полочанамъ цѣловати крестъ Нѣмцемъ добрымъ людемъ» (ibid. № CXXII). Здѣсь опять говорится только о Полочанахъ, т. е. вѣчѣ, а не о какихъ-либо Полотскихъ властяхъ. Или въ другой грамотѣ безъ года: «отъ намѣстника отъ Полоцькаго отъ Монтигирда и ото всѣхъ мужъ Полочанъ (князя великого Витовтовымъ повелѣньемъ) къ ратманамъ: што есте со княземъ Семеномъ миръ узяли и съ мужи Полочаны, што бы тако и здержали тотъ миръ крѣпко, а мы такъ и держимъ крѣпко, доколѣ изыдетъ. (ibid. № CXXXIV). Здѣсь опять грамоту пишутъ съ земской стороны мужи Полочане (вѣче), и со стороны Витовта его намѣстникъ, или князь Семенъ и опять мужи Полочане, вѣче, и нѣтъ никакихъ иныхъ земскихъ властей. Или въ грамотѣ 1404 года: «мы Полочане даемъ вамъ вѣдомо, кто сю грамоту узритъ, што же мистеръ Задвинскій отпустилъ нятци Полоцки и товаръ, на руки князя великаго Витовта и наши руки. (ibid. № CLII). Здѣсь рядомъ вѣче и князь даже при Витовтѣ. Или въ грамотѣ 1405 г. изъ Риги: «Мы ратмане Рижскіе, скончали есмы съ Полочаны, на Божію милость надѣючись, -штоже Полочанамъ всѣмъ Нѣмецкимъ купцемъ Ризьскимъ слично и право дѣяти всякоимъ торговемъ дѣлѣ и торговлею безъ всякія хитрости право чинити на обѣ стороне межи собою..... Также мы хочемъ Русскимъ купцамъ у Ризи чинити» (ibid. № CLIII). Здѣсь опять одно

Полотское вѣче. Или въ Полотской грамотѣ въ Ригу того же года: «А се мы Полочане всѣ добрые люди и малые, надѣючись на Богъ святого, Софея милость и князя великого Витовта здоровье, хочемъ съ тобою князь мештерю любовь держати и съ твоею братіею со всѣми рядели. Такожъ хочемъ съ вами Ризьскіе ратмане и со всѣми Ризьскіе купцы межи себе пріязньство держати и любовь на обѣ стороне крѣпко (ibid. № CLIV). Здѣсь, подобно какъ въ Новгородскихъ грамотахъ поминаются только большіе (добрые) и меньшіе (малые), т. е. все вѣче, полное народное собраніе. Или въ договорной грамотѣ между Ригою и Полотскомъ 1407 года: «мы мужи Полочане даемъ вѣдати, кто на сію грамоту узритъ, или услышитъ чтучи. Князь Великій Витовтъ Литовскій, господарь нашь, докончалъ межи насъ и смирилъ насъ вѣчно, межи Полоцька города и Ризьскаго города.... Аже что Полочанинъ проступитъ Ризѣ, ино имъ того до Полоцька послати, ино его тамъ Полочане судятъ по своему праву. Такоже Нѣмечьскій купецъ што проступитъ у Полоцьку; ино его послати къ Ризѣ, ино его тамъ судятъ по Ризьскому праву». (idid. № CLXIV). А въ грамотѣ отъ 1409 года сказано: «Ото князя Ивана Семеновича Полотского намѣстника и отъ всихъ мужъ Полочанъ князю Мештерю Ризьскому и всимъ ратманомъ Ризьскимъ поклонъ. Шго есте прислали къ намъ ратмана Ѳедора; и онъ съ нами докончалъ». (ibid № CLXXII). Эта форма чисто Новгородская, съ тою только разницею, что въ Полотскѣ по грамотѣ нѣтъ ни посадниковъ, ни тысяцкихъ, ни другихъ земскихъ сановниковъ, а только княжій намѣстникъ и вѣче. Или въ грамотѣ 1465 года: «Отъ

мѣщанъ Полоцькихъ и отъ всего поспольства Полоцькаго мѣста тымъ почесливымъ сусѣдомъ нашимъ и пріятелемъ честнымъ и милымъ, пану бурмистру и радцамъ и всѣмъ мѣщанамъ Ризьскимъ поклонъ пріятельскій» (ibid. № CCXLIX). Опять грамота писана отъ всего города, т. е. отъ вѣча, и ни одного сановника. То же почти въ другой грамотѣ того же 1465 года: «Отъ пана Олехнова, намѣстника Полоцкаго Михаила, и отъ мѣщанъ Полоцкихъ и отъ всего поспольства Полоцкаго мѣста, сусѣдомъ и пріятелемъ нашимъ, пану бурмистру и войтамъ, и радцамъ и всѣмъ ратманамъ Ризьскаго мѣста поклонъ» (ibid. № CCL). Обѣ сіи грамоты писаны объ одномъ предметѣ, именно о прекращеніи мороваго повѣтрія въ Полотскѣ, и по случаю этого прекращенія о начатіи снова свободной торговли Полотска съ Ригою; грамоты по содержанію своему, слѣдовательно, одинаковы; главная разница состоитъ только въ томъ, что первая писана отъ одного Полотскаго вѣча, а вторая отъ княжаго намѣстника и отъ вѣча. Изъ сравненія сихъ грамотъ можно заключить, что вѣче въ Полотскѣ пользовалось бо́льшею самостоятельностію, чѣмъ княжій намѣстникъ; ибо намѣстникъ одинъ безъ вѣча не могъ сноситься съ сосѣдями, а вѣче сносилось одно. Или въ грамотѣ 1475 года въ Ригу: «паномъ и пріятелемъ и сусѣдомъ нашимъ: пану войту, и бурмистромъ, и рядцамъ и мѣщанамъ и всему поспольству Ризьскаго мѣста, наша пріязнь на вся часы отъ бояръ Полоцкихъ и отъ мѣщанъ и отъ всего поспольства Полоцкаго мѣста» (ibid. № CCLXIII). Или въ грамотѣ 1478 года: «Буди вѣдомо всѣмъ добрымъ людемъ..... какъ промежи насъ честныхъ

пановъ и бояръ Полоцкихъ, и мѣщанъ, и всего поспольства Полоцкаго мѣста, а также отъ всѣхъ почестливыхъ пановъ бурмистровъ, и ратмановъ, и купцовъ и всего поспольства Ризьскаго мѣста, кая была промежи насъ нелюбовь и неизгода..... и нонѣчи послали Полоцкіе бояре, и мѣщане, и все поспольство Полоцкаго мѣста свои послы Полоцкіи и зверещпмъ листомъ, отъ бояръ на имя панъ Сенько Радковичь, а отъ мѣщанъ панъ Евлашко Ѳедоровичь, панъ Зиновей Боцько, до вашей ратуши и до всего Ризьскаго мѣста» (ibid. № CCLXV). Эта грамота по формѣ своей почти одинакова съ Новгородскою грамотою къ Московскому Великому Князю Димитрію Ивановичу Донскому отъ 1370 года; тамъ также особые послы отъ бояръ и особые послы отъ купцовъ и отъ черныхъ людей. Или также совершенно по Новгородски въ другой грамотѣ того же года: «отъ намѣстника Полоцкаго и отъ всѣхъ мужъ Полочанъ и отъ мала и до велика поклонъ всѣмъ ратманомъ большимъ и всѣмъ мѣстичомъ Рижаномъ малу и велику» (ibid. № CCLXXVIII).

Такимъ образомъ по всѣмъ свидѣтельствамъ съ древнѣйшихъ временъ почти до конца XV вѣка Полотскъ, подобно Новгороду великому, управлялся вѣчемъ, такъ что въ одномъ столѣтіи и въ Новгородѣ и въ Полотскѣ было уничтожено вѣчевое управленіе, и даже Полотское вѣче немногими годами пережило Новгородское вѣче; хотя исторія того и другаго при видимомъ сходствѣ была далеко не одинакова, и Полотское вѣче почти тремя столѣтіями раньше утратило свою самостоятельность и независимость. Первоначально Полотское вѣче находилось въ такомъ же

положеніи какъ и Новгородское, т. е. пользовалось полною самостоятельностію и представляло верховную власть какъ въ самомъ Полотскѣ, такъ и въ многочисленныхъ его пригородахъ и во всей Полотской землѣ и ея колоніяхъ въ Литвѣ, на Жемойти и Летыголѣ; князья изъ дому Изяслава Владимировича, какъ выдѣленные изъ племени Рюриковичей, нисколько не стѣсняли этой самостоятельности вѣча, а напротивъ сами зависѣли отъ него, подобно какъ Новгородскіе князья отъ Новгородскаго вѣча. Зависимость Полотскихъ князей отъ тамошняго вѣча едвали даже не была сильнѣе, чѣмъ зависимость Новгородскихъ князей отъ Новгородскаго, вѣча; ибо князья избираемые Новгородомъ всегда имѣли наслѣдственные удѣлы въ другихъ Русскихъ княжествахъ; Полотскіе же князья изъ потомковъ Изяслава не имѣли никакихъ владѣній внѣ Полотской земли, и по необходимости были въ полной зависимости отъ Полотскаго вѣча. которое съ большею свободою могло предлагать условія приглашаемому князю, и тотъ волей-неволей долженъ былъ соглашаться на нихъ, чтобы не остаться ни причемъ; по крайней мѣрѣ такъ было въ большей части случаевъ. Но когда Изяславичей смѣнили Гедиминовичи изъ Литовскихъ князей, то съ тѣмъ вмѣстѣ измѣнилось и положеніе Полотскаго вѣча. У Гедиминовичей много было владѣній въ Литвѣ, Жемойти и въ другихъ краяхъ; слѣдовательно имъ не было особой надобности въ Полотскѣ; при томъ еще при Изяславичахъ Полотскъ почти утратилъ вліяніе на свои пригороды, особенно отдаленные, и сталъ какъ-то особнякомъ даже въ Полотской землѣ, хотя еще и не лишался первенства

между городами тамошняго края. А по сему Полотское вѣче не могло уже предлагать своихъ условій Гедиминовичамъ, оно волей-неволей признавало ихъ власть и получало отъ нихъ сперва удѣльныхъ князей, а потомъ намѣстниковъ; тѣмъ не менѣе Гедиминовичи признавали Полотскъ старѣйшимъ городомъ, предоставляли ему управляться вѣчемъ и нисколько не вступались въ вѣчевые тамошніе порядки даже въ сношеніяхъ съ сосѣдними государствами, лишь бы вѣче признавало верховную власть великаго князя Литовскаго и принимало отъ него намѣстниковъ, но съ опредѣленными отношеніями къ вѣчу, болѣе или менѣе одинаковыми съ прежними отношеніями князей Изяславичей и похожими на Новгородскія отношенія къ князьямъ или намѣстникамъ великихъ князей Московскихъ. Кромѣ того, власть Полотскаго вѣча, ослабѣвшая и прежде при Изяславичахъ относительно пригородовъ и колоній, при Гедиминовичахъ уже ограничилась однимъ городомъ Полотскомъ и принадлежащею ему землею.

Самое устройство вѣча въ Полотскѣ, по основнымъ своимъ началамъ одинаковое съ Новгородскимъ вѣчемъ, по ходу тамошней исторіи не имѣло того развитія и тѣхъ видоизмѣненій, которымъ подвергалось вѣче Новгородское или Псковское. Въ Новгородѣ и Псковѣ по ходу тамошней исторіи въ XII вѣкѣ успѣли выработаться постоянные органы вѣча,—посадники и тысяцкіе,—сдѣлавшіеся тамъ великими сановниками, до нѣкоторой степени противупоставляемыми князю. Въ Полотскѣ же исторія такъ сложилась, что тамошнее вѣче въ своемъ развитіи не пошло далѣе старость и подвойскихъ, какъ свидѣтельствуютъ памятники;

о посадникахъ и тысяцкихъ тамъ нѣтъ и помину. Въ первый періодъ при Изяславичахъ ни посадникъ, ни тысяцкій не могли выработаться потому, что Изяславичи всегда сами княжили въ Полоцкѣ и никогда не посылали туда своихъ намѣстниковъ или посадниковъ; притомъ Изяславичи были въ такой зависимости отъ вѣча и вообще такъ были слабы, что не было и повода къ учрежденію выборныхъ посадниковъ и тысяцкихъ; для тамошняго вѣча было достаточно старостъ и подвойскихъ, какъ представителей исполнительной земской власти. При Гедиминовичахъ первоначально также посылались въ Полоцкъ удѣльные князья, а въ послѣдствіи хотя Гедиминовичи и посылали туда намѣстниковъ, какъ представителей своей власти; но въ то время Полоцкое вѣче было уже до того слабо, что не могло и думать объ учрежденіи какихъ либо выборныхъ сановниковъ, независимыхъ отъ великаго князя Литовскаго. Такимъ образомъ Полоцкое вѣче до самаго уничтоженія своего при великомъ князѣ Александрѣ Казимировичѣ оставалось въ томъ видѣ, въ какомъ оно было при самомъ учрежденіи по первоначальному Новгородскому образцу. Исторія для него не выработала никакихъ органовъ или выборныхъ властей, выключая уличанскихъ и кончанскихъ старостъ, какъ необходимыхъ представителей общинъ, и еще подвойскихъ, какъ власть приводящую въ исполненіе приговоры вѣча.

Дѣятельность вѣча въ Полоцкѣ, по указаніямъ дошедшихъ до насъ памятниковъ, распространялась какъ на внутреннія, такъ и на внѣшнія дѣла. Вѣче, какъ верховная власть и выраженіе воли народа, издавало законы, имѣло въ своихъ рукахъ верховный судъ; оно

приглашало князей и удаляло ихъ, объявляло войну и заключало миръ и вмѣстѣ съ княземъ и мимо князя, напримѣръ, какъ мы уже видѣли, при нападеніи на Полотскія владѣнія князей Давыда Смоленскаго и Мстислава Новгородскаго въ 1186 году; оно сносилось посольствами и грамотами съ сосѣдними владѣльцами или правительствами даже при Гедиминовичахъ, какъ мы это уже видѣли изъ спошеній Полотска съ Ригою. Оно вступало въ союзы съ сосѣдними Русскими князьями, и по своему усмотрѣнію признавало того или другаго изъ Русскихъ князей покровителемъ своей земли; такъ въ 1151 году, пригласивши себѣ въ князья Ростислава Глѣбовича, Полотское вѣче въ слѣдъ за тѣмъ признало покровителемъ Полотской земли Черниговскаго князя Святослава Ольговича, какъ прямо сказано въ лѣтописи: «и прислашася Полочане къ Святославу Ольговичу, яко имѣти его отцомъ себѣ, и ходити въ послушаньи его, и на томъ цѣловаша крестъ». По выраженіямъ лѣтописей, Полотское вѣче прямо приравниваетъ свою власть къ княжеской власти въ другихъ Русскихъ владѣніяхъ. Какъ въ тогдашнее время князья на Руси избирали себѣ старшихъ князей или покровителей и цѣловали имъ крестъ на томъ, что они будутъ послушны старшему какъ отцу; точно также поступаетъ и Полотское вѣче, не спрашиваясь объ этомъ у своего князя, который, ежели хотелъ оставаться княземъ въ Полотскѣ, долженъ былъ слѣдовать рѣшенію вѣча. По всему вѣроятію, такая обширная и многосторонняя дѣятельность вѣча въ Полотскѣ развилась по смерти знаменитаго тамошняго князя Всеслава Брячиславича во время междоусобія

его потомковъ, когда княжеская власть, и безъ того ограниченная Полотскимъ вѣчемъ, еще болѣе ослабла отъ раздробленія.

По смерти Всеслава княжеская власть, такъ сказать раздробилась между его потомками, которые получили себѣ тѣ или другіе Полотскіе пригороды; власть же вѣча по прежнему оставалась еще одна и нераздѣльна; а посему всѣ князья Всеславовы потомки были въ большей или меньшей зависимости отъ Полотскаго вѣча, оно сажало ихъ на удѣлы и смѣщало съ одного удѣла на другой. Такъ въ 1151 году вѣче перемѣстило Полотскаго князя Рогволода Борисовича въ Минскъ и содержало его въ большой нуждѣ, а въ Полотскѣ посадило Ростислава Глѣбовича. Или въ 1159 году, выгнавши Ростислава Глѣбовича, Полотское вѣче послало за Рогволодомъ Борисовичемъ въ Друцкъ и приняло Рогволода съ большою честію; за тѣмъ Рогволодъ далъ Изяславль Брячиславу, а Стрѣжевъ Всеволоду, съ Ростиславомъ же заключилъ миръ, неуспѣвши выгнать его изъ Минска. Здѣсь по видимому раздавалъ города князьямъ Рогволодъ; но въ сущности онъ раздавалъ ихъ по согласію съ Полотскимъ вѣчемъ, ибо самъ княжилъ въ Полотскѣ по приглашенію вѣча.

Князья въ такихъ отношеніяхъ были къ Полотскому вѣчу, что князь, потерпѣвшій неудачу въ какомъ либо военномъ походѣ, уже не рѣшался воротиться въ Полотскъ; такъ въ 1162 году, когда Рогволодъ потерпѣлъ пораженіе подъ Городцомъ, то не смѣлъ уже воротиться въ Полотскъ и бѣжалъ въ Дрютскъ. (Ипат. лѣт. 91). Или въ 1167 году Всеславъ Васильковичь, разбитый Володаремъ, также не рѣшился воз-

вратиться въ Полотскъ, а бѣжалъ въ Витебскъ подъ покровительство Смоленскаго князя (ibid. 93—94). Но очевидно таковое отношеніе Полотскаго вѣча къ князьямъ могло быть только при потомкахъ Изяслава Владимировича; при Гедиминовичахъ же оно было немыслимо,—тогда вѣче влачило свое жалкое существованіе уже только потому, что Гедиминовичи дозволяли ему существовать, какъ исконному обычному учрежденію, и при томъ для нихъ безвредному.

По всему вѣроятію были вѣча и въ Полотскихъ пригородахъ, устроенныхъ по образцу своего старшаго города, но они не имѣли большаго значенія; ибо, по общему правилу, должны были повиноваться приговору Полотскаго вѣча, какъ старшаго. И конечно, ежели Полотское вѣче не выработало ни посадниковъ, ни тысяцкихъ: то и въ пригородскихъ вѣчахъ не было сихъ сановниковъ. Мы имѣемъ только не ясныя указанія на вѣча въ пригородахъ, такъ есть извѣстіе о вѣче въ Изяславлѣ; подъ 1127 годомъ въ лѣтописи сказано: «Видѣвши Изяславцы князя своего и Лагожаны яже безъ пакости суть переяты, и дашася, рекше Вячеславу: призови ны Бога, яко насъ не даси на щитъ» (Лавр. лѣт. стр. 131). Или еще въ 1159 году Дрютьское вѣче вступило въ переговоры съ Рогволодомъ Борисовичемъ и приглашало его къ себѣ на княженье, въ чемъ частію участвовали и Полочане (Ипат. лѣт., стр. 82). Изъ этого извѣстія видно, что въ настоящемъ случаѣ Дрютьское вѣче дѣйствовало заодно съ одною партіею Полотскаго вѣча.

Судя по симъ неяснымъ указаніямъ, можно полагать, что и въ другихъ Полотскихъ пригородахъ были

свои вѣча, и по общему правилу должны были слушаться приговоровъ вѣча въ старшемъ городѣ Полоцкѣ. Но всегда ли они были въ послушаніи у старшаго города, объ этомъ утвердительно сказать нельзя, тѣмъ болѣе, что древняя исторія Полотской земли до Гедиминовичей до насъ дошла въ незначительныхъ отрывкахъ, въ которыхъ мы встрѣчаемъ только темные намеки объ отношеніяхъ пригородовъ къ Полоцку, и изъ сихъ намековъ мы можемъ только догадываться, что отношенія пригородскихъ вѣчь къ Полотскому вѣчу не всегда были нормальны и согласны съ общимъ правиломъ, а много условливались какою-то отчинностію въ княжескомъ родѣ Изяслава Владимировича, а еще болѣе вмѣшательствомъ Кіевскихъ, Смоленскихъ и Черниговскихъ князей, а также союзничествомъ того или другаго племени Литвы съ тѣмъ или другимъ княземъ изъ потомства Изяславова. Такъ въ 1159 году Рогволодъ Борисовичъ, обдѣленный братьями, искалъ себѣ волости при помощи Святослава Ольговича Черниговскаго и выпросилъ у него дружину, и при этой помощи занялъ Дрютьскъ. Или въ 1162 году Володарь удержалъ за собою Городецъ при помощи Литовцевъ, и Литовцы же помогли ему разбить Рогволода Борисовича съ Полочанами. Въ лѣтописи прямо сказано о главномъ участіи въ этомъ дѣлѣ Литвы. «приходи Рогволодъ на Володаря съ Полочаны къ Городьцу; Володарь же не да ему полку въ дне, на ночь выступи на нь изъ города съ Литвою, и много зла створися въ ту ночь, овыхъ избиша, а другыя руками изымаша множество». (Ипат. лѣт., стр. 91). Когда же въ первой четверти XIII вѣка утвердился въ Новгородѣ Литовскомъ Миндовгъ изъ

Литовскихъ племенныхъ князей, и потомъ при Гедиминѣ и его наслѣдникахъ отношенія пригородовъ и тамошнихъ вѣчь къ Полотскому вѣчу совершенно прекратились ; Литовскіе князья уже не думали справляться съ рѣшеніями Полотскаго вѣча, они уже были на столько сильны и Литовскими и Русскими силами, что въ этомъ вовсе не нуждались. А въ 1263 году уже въ самомъ Полотскѣ княжилъ Литовскій князь Товтивилъ, племянникъ Миндовговъ (ibid. стр. 201). Вѣча можетъ быть продолжали существовать въ Полотскихъ пригородахъ и при Литовскихъ князьяхъ, точно также, какъ и въ самомъ Полотскѣ; но мы не имѣемъ о нихъ никакихъ извѣстій, мы знаемъ только что въ XV столѣтіи еще не во всѣхъ Полотскихъ пригородахъ русскіе старые порядки были замѣнены Магдебургскимъ правомъ, этою обычною въ томъ краю формою отмѣны стараго Русскаго строя ; такъ Новгородъ Литовскій, эта столица Миндовга, получилъ Магдебургское право только въ 1511 году. (Собр. грам. Минск. губерн., № 3); слѣдовательно до сего года тамъ еще держались старые вѣчевые порядки.

Князь. Рядомъ съ вѣчемъ въ Полотской землѣ былъ князь. О князьяхъ въ Полотскѣ есть у Нестора извѣстіе еще задолго до приглашенія Рюрика въ Новгородъ. Несторъ говоритъ: «Словѣни начали держать свое княженіе въ Новгородѣ, а другое на Полотѣ, иже Полочане». Въ Исландскихъ сагахъ также есть извѣстіе о какомъ-то древнемъ Полотскомъ князѣ Палтесѣ, который находился въ подчиненіи у Новгородскаго князя Квиллана. Но какое значеніе имѣли сіи князья и въ какихъ отношеніяхъ находились къ Полотскому вѣчу, объ этомъ мы не имѣемъ никакихъ

извѣстій; изъ приведенныхъ же двухъ извѣстій Нестора и Исландскихъ сагъ мы можемъ только догадываться, что Полотскъ и его князь зависѣли отъ Новгородскаго вѣча. Это же подтверждаетъ Несторъ, говоря что Рюрикъ, утвердившись въ Новгородѣ по смерти своихъ братьевъ, сталъ раздавать своимъ мужамъ города, кому Полотскъ, кому Ростовъ, кому Бѣлоозеро. Такимъ образомъ, дорюриковскіе Полотскіе князья, по всему вѣроятію, были что-то въ родѣ намѣстниковъ, присылаемыхъ изъ Новгорода, да и Рюриковскіе мужи очевидно имѣли то же значеніе. Первымъ самостоятельнымъ князьямъ въ Полотскѣ, независимымъ отъ Новгорода, былъ Варяжскій князь Рогволодъ, о которомъ Несторъ говоритъ: «Бѣ бо Рогволодъ пришелъ изъ-заморья, имяше власть свою въ Полотскѣ, а Туръ въ Туровѣ, отъ него же и Туровцы прозвашася» (Лавр. лѣт., стр. 32). Въ какихъ отношеніяхъ Рогволодъ и Туръ находились къ Полотскому вѣчу, мы объ этомъ не имѣемъ извѣстій; но такъ какъ лѣтопись не говоритъ, чтобы Рогволодъ и Туръ завоевали Полотскую землю; то отсюда можно заключить, что они, подобно Рюрику съ братьями въ Новгородѣ, посажены были Полотскимъ вѣчемъ, одинъ въ Полотскѣ, а другой въ Туровѣ; слѣдовательно по добровольному согласію съ Полотскимъ вѣчемъ и на условіяхъ, которыя оно предложило, т. е. на тѣхъ же самыхъ, на которыхъ Рюрикъ съ братьями былъ принятъ въ Новгородѣ. И Полочане, конечно, сдѣлали это съ цѣлію развязаться съ Новгородомъ, освободить себя отъ зависимости какъ отъ тамошняго вѣча, такъ и отъ князя, и устроиться совершенно также, какъ устроились Новгородцы. Но не-

зависимость Полотска, при помощи Рогволода, была не продолжительна. Въ 980 году Владимиръ изъ Новгорода съ большимъ войскомъ Новгородскимъ и Варяжскимъ подступилъ къ Полотску, разбилъ Рогволода и убилъ его и его сыновей, а дочь его Рогнеду взялъ себѣ въ жены, и затѣмъ, убивъ Ярополка, утвердился въ Кіевѣ, и такимъ образомъ Полотскъ поступилъ въ число владѣній Владимира Кіевскаго. Впрочемъ Владимиръ, кажется, оставилъ его по прежнему управляться вѣчемъ, и даже не назначилъ туда намѣстника, по крайней мѣрѣ лѣтопись не упоминаетъ о Владимировыхъ намѣстникахъ въ Полотскѣ. И такъ продолжалось до 988 года, когда Владимиръ назначилъ въ Полотскіе князья своего сына отъ Рогнеды Изяслава, и выстроилъ для него тамъ городъ Изяславль, конечно имѣя въ виду, что въ самомъ Полотскѣ тяжело будетъ жить князю. Съ этого Изяслава собственно начинаются Полотскіе самостоятельные князья, о которыхъ мы имѣемъ нѣсколько лѣтописныхъ извѣстій. Изяславъ, по распоряженію Владимира, былъ посаженъ въ Полотскѣ не въ качествѣ намѣстника, а какъ самостоятельный князь, владѣнія котораго, т. е. Полотская земля, были совершенно выдѣлены изъ прочихъ Владимировыхъ владѣній, и составляли съ того времени отдѣльное княжество, по смерти Владимира и потомъ сына его Ярослава, уже не поступавшее въ раздѣлъ между ихъ дѣтьми, какъ бы выдѣленное изъ прочаго наслѣдства, подобно Новгороду; такъ что Полотская земля, Новгородская земля и Русская,—наслѣдіе Ярославичей,—составляли три самостоятельныя и не подчиненныя одна другой области, или государства, хотя всѣ три

принадлежали къ одному Русскому міру и по княжескому дому имѣли нѣкоторую связь другъ съ другомъ. Впрочемъ Полотская земля въ отношеніи къ княжескому дому была въ бо́льшемъ отчужденіи чѣмъ Новгородъ; ибо Новгородцы избирали князей изъ всего потомства Ярославова, на Полотскъ же Ярославовы потомки не имѣли никакого права,—князья Полотскіе могли избираться только изъ потомковъ Ярославова брата Изяслава, которые съ своей стороны не имѣли никакого права на всѣ прочія Русскія владѣнія; даже въ лѣтописи есть извѣстіе, что между потомками Изяслава и Ярослава была постоянная непримиримая вражда, какъ сказано въ лѣтописи: «оттолѣ мечь взимаютъ Рогволожи внуки противу Ярославлихъ внуковъ» (Лавр. лѣт., стр. 131). Впрочемъ это извѣстіе Суздальскаго лѣтописца скорѣе говоритъ не о враждѣ Изяславичей къ Ярославичамъ, которой на дѣлѣ не было,—ибо потомки Изяслава не рѣдко роднились и вступали въ союзы съ потомками Ярослава,—а выражаетъ дѣйствительную и постоянную ненависть Новгородцевъ къ Полотску, которому они не могли простить приглашеніе Рогволода, какъ самостоятельнаго князя, независимаго отъ Новгородскаго вѣча, и слѣдовательно выражавшаго полное отдѣленіе отъ Новгорода. Самое указаніе на вражду Рогволожихъ внуковъ прямо свидѣтельствуетъ, что причина вражды,—и не княжеской, а народной,—заключалась именно въ принятіи Полочанами Варяга Рогволода, а отнюдь не въ мести Изяславичей потомкамъ Ярослава за убіеніе дѣда. Между сими двумя княжескими линіями не было и причинъ къ подобной мести; ибо и Ярославъ и Изяславъ происходили отъ

одного отца и матери, отъ Владимира и Рогнеды; слѣдовательно, ежели Изяславъ съ своими потомками обязанъ былъ мстить за убіеніе своего дѣда Рогволода, то конечно та же обязанность лежала и на Ярославѣ и его потомкахъ; тому и другому Рогволодъ одинаково былъ дѣдъ по матери.

Отрицаніе всякаго права Изяславичей на всѣ владѣнія въ Русской землѣ, кромѣ Полотска, естественно ставило этотъ княжескій домъ въ зависимость отъ Полотскаго вѣча, которое смотрѣло на потомковъ Изяслава, какъ на прямыхъ наслѣдниковъ Рогволода, или, какъ сказано въ лѣтописи, «внуковъ Рогволожихъ». А Рогволодъ былъ принятъ въ Полотскѣ такъ же какъ Рюрикъ въ Новгородѣ, на условіяхъ зависимости отъ вѣча какъ въ Полотскѣ, такъ и въ Полотскихъ пригородахъ. Но въ чемъ именно состояла эта зависимость и какія были права и обязанности князя, мы на это не имѣемъ свидѣтельствъ прямыхъ; тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что въ Полотскѣ верховная власть была въ рукахъ вѣча, какъ мы это уже видѣли выше, власть же князя была вторая послѣ власти вѣча. Вѣче, какъ мы уже видѣли, избирало князя, вѣче же показывало ему путь или удаляло его. При Изяславичахъ князь въ Полотскѣ не иначе могъ княжить, какъ съ согласія вѣча или сильнѣйшей партіи на вѣчѣ; на это, при всей бѣдности извѣстій о Полотскихъ событіяхъ, мы имѣемъ довольно свидѣтельствъ, какъ увидимъ въ послѣдствіи. А также довольно ясно указываетъ на одинаковость отношеній Полотскаго князя къ вѣчу съ отношеніями Новгородскаго князя къ Новгородскому вѣчу и то обстоятельство, что Полотскій князь жилъ соб-

ственно не въ Полотскѣ, а подъ Полотскомъ на Бѣльчицѣ, гдѣ жила и его дружина, точно такъ же какъ Новгородскій князь постоянно жилъ на Городищѣ, а не въ Новгородѣ; въ самый Полотскъ или Новгородъ князья только пріѣзжали на время или по приглашенію вѣча, или по своимъ надобностямъ; постоянно же они жили вмѣстѣ съ своею дружиною въ Новгородѣ на Городищѣ, а въ Полотскѣ на Бѣльчицѣ. Такъ подъ 1159 годомъ лѣтопись говоритъ: «и начаша Полочане Ростислава звати лестію у братчину къ святый Богородицѣ старѣй на Петровъ день, да ту имуть ѹ, онъ же ѣха къ нимъ изволочився въ броняѣ подъ порты, и не смѣша на нь дерзнути. На утрій же день начаша ѹ вабити къ собѣ, рекуче: княже поѣди къ намъ, суть ны съ тобою рѣчи; поѣди же къ намъ въ городъ». Здѣсь мы ясно видимъ приглашеніе князя въ городъ для разсужденій на вѣчѣ, граждане говорятъ: *«суть ны съ тобою рѣчи»*. Далѣе лѣтопись продолжаетъ, что князь, извѣщенный дѣтскимъ о вѣчѣ въ городѣ и о намѣреніи схватить его, «и ту воротися опять; и совокупився весь съ дружиною на Бѣльчици, и оттуда пойде полкомъ къ брату Володареви Минску». (Ипат. лѣт., стр. 83). Значитъ, князь не могъ и думать о сопротивленіи вѣчу, и такъ былъ слабъ съ своею дружиною противъ воли вѣча, что, узнавши о вѣчѣ, поспѣшилъ собрать дружину и удалиться отъ Полотска въ болѣе безопасное мѣсто.

Первоначально Владимиръ, при назначеніи удѣловъ своимъ сыновьямъ, очевидно думалъ о возможности высвободить Полотскаго князя отъ вліянія Полотскаго вѣча; и для сего выстроилъ новый городъ Изяславль не подалеку отъ Минска и поближе къ сво-

имъ владѣніямъ, и посадилъ тамъ своего сына Изяслава. То же сдѣлалъ Изяславъ и посадилъ своего сына Брячислава въ новопостроенномъ Брячиславлѣ, поближе къ Полотску. Но ни тому ни другому князю не удалось перетянуть центръ власти надъ всею Полотскою землею въ новопостроенные княжіе города; власть по прежнему осталась въ старшемъ земскомъ городѣ въ Полотскѣ, гдѣ находилось главное вѣче всей Полотской земли съ ея колоніями. И сильнѣйшій и знаменитѣйшій Полотскій князь Брячиславовъ сынъ Всеславъ долженъ былъ передвинуться къ Полотску и дѣйствовать заодно съ вѣчемъ, не замышляя о подчиненіи себѣ вѣча и о перетягиваніи центра власти изъ Полотска въ другой какой-либо городъ, въ чемъ преимущественно, кажется, и состояла особенная сила Всеслава, не смотря на многія неудачи и несчастія. Преемники Всеслава, его многочисленные сыновья и внуки, уже не могли и думать о подчиненіи Полотска другому какому-либо городу; они избрали другое направленіе и начали заботиться объ утвержденіи своей власти въ Полотскихъ пригородахъ; но и здѣсь собственными силами они немогли высвободиться отъ вліянія и даже власти Полотскаго вѣча. И ежели иногда удавалось имъ это не на долгое время, то не иначе какъ при помощи сосѣднихъ князей или Кіевскихъ, или Черниговскихъ, или Смоленскихъ, или наконецъ въ союзѣ съ полузависимою отъ Полотска Литвою, что̀ преимущественно дѣлали князья, утвердившіеся въ Новгородѣ Литовскомъ, въ Городцѣ и другихъ городахъ сосѣднихъ съ Литовскими пущами и лѣсами. Литовская помощь князьямъ мало-по-малу пріобрѣтала большое значе-

ніе въ цѣломъ строѣ Полотской земли; ибо само Полотское вѣче благосклоннѣе смотрѣло на участіе Литовцевъ, чѣмъ на союзы своихъ князей съ сосѣдними князьями. Съ одной стороны Полочане въ Литовцахъ видѣли своихъ же людей, составляющихъ съ ними одно; а съ другой стороны—сосѣдніе князья, помогая тому или другому Полотскому князю, всегда имѣли въ виду или подчиненіе Полотской земли себѣ, или раздробленіе ея и увеличеніе своихъ владѣній, тогда какъ Литовцы сознательно или несознательно всегда стояли за единство и цѣлость Полотской земли, и почти всегда помогали тѣмъ князьямъ, которые стояли за Полотскую землю противъ другихъ Полотскихъ князей, дѣйствовавшихъ въ союзѣ съ сосѣдними Русскими князьями; такъ что Русскіе князья, воюя съ Полотскими князьями, вмѣстѣ воевали и съ Литвою. Слѣдовательно въ глазахъ Полочанъ, Литовцы всегда были собственно на сторонѣ Полотска; а не на сторонѣ сосѣднихъ князей, искавшихъ случая поживиться на счетъ Полотской земли. А посему тѣ Полотскіе князья, которые дѣйствовали при помощи Литовцевъ, скорѣе могли сойтися съ Полочанами, хотя и не всегда, т. е. Литовское вліяніе еще не могло подчинить себѣ Полотскаго вѣча. Полотское вѣче во все то время, когда княжилъ тамъ Изяславовъ родъ, на столько еще было сильно, что постоянно держало Полотскихъ князей въ зависимости отъ себя; и ежели иногда временно уступало посторонней силѣ, то только временно, и отъ своего исконнаго права еще не отказывалось, хотя нельзя не сознаться, что по времени власть Полотскаго вѣча постоянно ослабѣвала.

Многочисленные потомки Всеслава Брячиславича, владѣвшіе въ Полотскѣ и въ Полотскихъ пригородахъ, можетъ быть по распоряженію самаго Всеслава, какъ бы подѣлили Полотскую землю, и образовали въ ней нѣсколько княжествъ, или княжескихъ удѣловъ, которые считались какъ бы отчиною того или другаго княжескаго рода въ потомствѣ Всеслава. Но эта отчинность относилась собственно къ преемству княжеской власти въ томъ или другомъ княжествѣ; самая же княжеская власть отъ этого не пріобрѣтала никакой особой силы: она по прежнему во всѣхъ Полотскихъ удѣлахъ оставалась въ тѣхъ границахъ, въ какихъ пользовался этою властію Варягъ Рогволодъ. Самую отчинность князья должны были поддерживать сторонпею помощію; Полотское же вѣче на эту отчинность вовсе не обращало вниманія, и въ своихъ распоряженіяхъ, относительно замѣщенія княжескихъ столовъ, вовсе не справлялось съ нею; для вѣча всѣ князья были равны, и оно избирало изъ нихъ любаго, чтобы посадить на томъ или другомъ княжествѣ. По смерти Всеслава, осталось семь сыновей: Романъ, Борисъ, Давыдъ, Глѣбъ, Святославъ, Рогволодъ и Ростиславъ. Который изъ Всеславовыхъ сыновей былъ старшій, и кому какой достался удѣлъ, мы объ этомъ не имѣемъ ясныхъ указаній. Но мы знаемъ, что по смерти отца, братья перессорились и не дали или лишили удѣловъ Романа и Давыда. Обдѣленные братья, не найдя пристанища въ Полотской землѣ и у своихъ братьевъ, принуждены были скитаться по землямъ и искать помощи или по крайней мѣрѣ пристанища у сосѣднихъ Русскихъ князей, и Давыдъ нашелъ пристанище, а можетъ и обѣщаніе

помощи у Переяславскаго и Смоленскаго князя Владимира Мономаха, съ которымъ въ 1103 году участвовалъ въ походѣ на Половцевъ; а на слѣдующій годъ онъ уже перешелъ къ Олегу Святославичу Черниговскому и вмѣстѣ съ нимъ и Мономаховымъ сыномъ Ярополкомъ ходилъ къ Минску на своего брата Глѣба; вѣроятно походъ этотъ былъ предпринятъ для отысканія удѣла Давыду, можетъ быть отнятаго Глѣбомъ, но онъ кончился ничѣмъ. Гдѣ скитался другій Полотскій изгнанникъ, Давыдовъ братъ Романъ, мы не знаемъ, есть только извѣстіе, что въ 1114 г. онъ умеръ въ Рязани. Между тѣмъ Мономахъ породнился съ Полотскимъ княземъ Борисомъ, выдавъ замужъ свою внуку, дочь Мстислава, за Борисова сына Брячислава, отъ Давыда же Всеславича вовсе отказался, какъ это можно видѣть изъ того, что въ 1115 году Мономахъ, взявши въ плѣнъ и отвезши въ Кіевъ Минскаго князя Глѣба, Минскія владѣнія отдалъ его сыновьямъ: Ростиславу, Володарю и Всеволоду, Давыда же не только не надѣлилъ изъ Минской области, но даже и не помянулъ о немъ. Но Давыдъ, потерявши покровителя въ Мономахѣ, нашелъ покровительство у Черниговскихъ князей и при ихъ помощи, а еще болѣе успѣвши какъ-то пріобрѣсти себѣ расположеніе Полотскаго вѣча, выгналъ изъ Полотска своего брата Бориса и самъ сдѣлался Полотскимъ княземъ. Этимъ поспѣшилъ воспользоваться Борисовъ сватъ Мстиславъ Владимировичъ Мономашичъ, и, какъ бы вступаясь за Бориса, нагрянулъ съ разныхъ сторонъ на Полотскую землю и побралъ нѣсколько Полотскихъ пригородовъ. Полочане, видя бѣду, поспѣшили выгнать отъ себя Давыда и его сыновей,

вступили въ переговоры съ Мстиславомъ, и при помощи переговоровъ успѣли отклонить возвращеніе Бориса въ Полотскъ, вѣроятно не довольны будучи его прежнимъ правленіемъ, и выпросили у Мстислава согласіе принять къ себѣ въ князья пятаго Всеславича Рогволода. Но Мстиславъ не кончилъ дѣла съ Полотскими князьями изгнаніемъ Давыда; онъ кажется обязалъ всѣхъ Полотскихъ князей признать надъ собою власть Кіевскаго князя на опредѣленныхъ условіяхъ: и когда князья не выполнили сихъ условій, то на другой же годъ велѣлъ схватить ихъ и сослать въ заточеніе въ Константинополь, а по ихъ городамъ посажалъ своихъ мужей, а за тѣмъ въ Полотскѣ и Минскѣ посадилъ князьями своихъ сыновей, Изяслава и Святополка. Борисъ же Всеславичь скончался въ слѣдующемъ 1129 году.

Такимъ образомъ, въ продолженіи двадцати осми лѣтъ по смерти Всеслава, три Всеславича: Романъ, Глѣбъ и Борисъ умерли; трое—Давыдъ, Ростиславъ и Святославъ—сосланы въ заточеніе въ Константинополь; и въ то же время трое—Борисъ, Давыдъ и Рогволодъ, перебывали на Полотскомъ столѣ, отымая его другъ у друга при помощи Кіевскихъ и Черниговскихъ князей. И наконецъ въ это же время вся Полотская земля или вѣрнѣе лучшіе ея города и самый Полотскъ были отданы Мстиславовымъ мужамъ и его сыновьямъ Изяславу и Святополку. Мы не знаемъ, на сколько принимало участія Полотское вѣче во всѣхъ сихъ перемѣнахъ; тѣмъ не менѣе мы имѣемъ извѣстія, что вѣче на столько связывало самостоятельность Полотской земли съ Изяславовымъ родомъ, что даже послѣ Мстиславова разгрома, ког-

да уже все казалось потерянным, Полочане немедленно по смерти Мстислава выгнали его сыновей и мужей изъ Полотскихъ городовъ, и гдѣ-то отыскали Василька Святославича, сына Святослава, сосланнаго въ заточеніе, и посадили его княземъ въ Полотскѣ. За тѣмъ, когда черезъ десять лѣтъ возвратились два княжнича изъ заточенія, то и тѣхъ посадили по городамъ въ ихъ удѣлахъ.

Но возвращенные князья по прежнему не переставали междоусобствовать, и союзничать и родниться съ князьями Кіевскими и Черниговскими, ожидая отъ нихъ пособія въ случаѣ нужды. Такъ въ 1143 году Василько Святославичь Полотскій выдалъ свою дочь за Святослава сына Всеволода Ольговича; а другій Полотскій князь Рогволодъ Борисовичь женился на дочери Изяслава Мстиславича Переяславскаго. При таковыхъ отношеніяхъ вліяніе Кіевскихъ и Черниговскихъ князей на Полотскія дѣла такъ усилилось, что даже Полотское вѣче, чтобы поддержать свое рѣшеніе, искало у нихъ союза и покровительства. Такъ въ 1151 году Полочане, сославши въ заточеніе въ Минскъ своего князя Рогволода Борисовича, и принявши себѣ въ князья Ростислава Глѣбовича, назвали себѣ отцемъ Святослава Ольговича, князя Новгородъ-Сѣверскаго, и цѣловали къ нему крестъ на томъ, чтобы быть у него въ послушаньи. Но Рогволодъ успѣлъ уйдти изъ Минска, и въ 1159 году началъ себѣ искать волости въ Полотскихъ владѣніяхъ, имѣя при себѣ дружину Святослава Ольговича, и, засѣвши въ Слуцкѣ, вступилъ въ сношенія съ Дрючанами и съ своею партіею въ Полотскѣ. Дрючане и частію Полочане приняли его сторону и пригласили его въ

Дрютьскъ, а княжившаго тамъ Глѣба Ростиславича ограбили и выгнали. Глѣбъ, бѣжавши къ отцу въ Полотскъ, возбудилъ въ Полочанахъ великій мятежъ; впрочемъ Ростиславу на первый разъ удалось уладиться съ Полочанами, и онъ съ Всеволодомъ и Володаремъ и со всею братьею Глѣбовичами осадилъ Рогволода въ Дрютьскѣ, но не взявши города помирился съ Рогволодомъ и воротился въ Полотскъ. Между тѣмъ Полочане продолжали тайно сноситься съ Рогволодомъ и наконецъ заставили Ростислава бѣжать въ родовой Минскъ, а Рогволода приняли въ Полотскъ. Утвердившись въ Полотскѣ, Рогволодъ, при помощи Смоленскаго князя Ростислава Мстиславича, двинулся къ Минску, держалъ его въ осадѣ десять дней, и, не взявши города, заключилъ съ Ростиславомъ миръ. Но съ Глѣбовичами миръ былъ не прочент, они и сами съ своими средствами были довольно сильны, что̀ и доказали выдержаніемъ осады; кромѣ того, они имѣли сильныхъ и усердныхъ союзниковъ въ сосѣднихъ Литовскихъ племенахъ, при помощи которыхъ снова начали войну съ Рогволодомъ, которая продолжалась до 1162 года, и кончилась тѣмъ, что Рогволодъ, разбитый на голову подъ Городцомъ, уже не смѣлъ воротиться въ Полотскъ и бѣжалъ въ Слуцкъ; Полочане же выбрали себѣ въ князья Всеслава Васильковича, внука Святослава Всеславича, бывшаго въ родствѣ съ Смоленскими князьями.

Полочане при выборѣ Всеслава имѣли въ виду получить, въ случаѣ нужды, дѣятельную помощь отъ Смоленскихъ князей: ибо ожидали нападенія отъ Глѣбовичей Минскихъ, которые, разбивъ Рогволода, легко уже могли напасть и на Полотскъ, особенно при по-

мощи Литвы,—что̀ дѣйствительно и послѣдовало. Черезъ пять лѣтъ Володарь Глѣбовичь полу-Литвинъ, полу-Русскій по своему образу жизни, въ 1167 году напалъ на Полотскъ, разбилъ Всеслава и совсѣмъ бы завладѣлъ Полотскомъ, ежели бы не явились на выручку Смоленскіе князья, которые заставили его бѣжать въ Минскъ. Такимъ образомъ Полочане чего надѣялись отъ Смоленскихъ князей, то и получили, т. е. Смоленскіе князья, помогая своему родственнику Всеславу, освободили Полотскъ отъ полу-Литвина Минскаго князя Володаря; но зато съ этого времени собственно Полотскіе князья поступили какъ бы въ опеку къ Смоленскимъ князьямъ, и Полотскъ съ тѣмъ вмѣстѣ много потерялъ изъ своего прежняго вліянія на остальныя города Полотской земли; часть этого вліянія сперва перешла на Минскъ, столицу Глѣбовичей, къ которымъ тянула Литва, а потомъ изъ Минска эта сила вліянія перешла въ Новгородъ Литовскій, гдѣ утвердился уже настоящій природный Литвинъ князь Миндовгъ. Полотскъ же, постепенно теряя свое прежнее значеніе въ отношеніи къ другимъ городамъ Полотской земли, къ началу XIII столѣтія вступилъ въ большую или меньшую зависимость отъ Смоленскихъ князей, такъ что въ 1230 году Смоленскій князь Мстиславъ Давыдовичь, заключая договоръ съ Ригою, включилъ уже въ этотъ договоръ Полотскихъ и Витебскихъ князей. Минскіе же князья, положившіе начало ослабленію Полотска, а равно и другіе князья изъ потомства Изяслава Владимировича, мало-по-малу къ тому же времени измелчали или вымерли, и ихъ мѣсто заступили сперва Миндовговичи съ столицею въ Новгородѣ Литовскомъ,

и за тѣмъ Гедиминовичи съ столицею въ Вильнѣ; но и тѣ и другіе въ Русскомъ направленіи, какъ преемники Изяславичей.

Литовскимъ князьямъ тѣмъ удобнѣе было занять мѣсто Изяславичей, что сіи не могли уже держаться собственными силами, и раздѣлились между Смоленскими и Черниговскими князьями; а Смоленскіе и Черниговскіе князья старались поживиться на счетъ Полотской земли; а посему народъ началъ смотрѣть на нихъ съ недовѣріемъ, какъ на призывателей враждебныхъ сосѣдей для расхищенія Полотской земли. Все это ставило Литовскихъ князей, какъ не нуждавшихся въ посторонней помощи, въ такое выгодное положеніе, что народъ сталъ смотрѣть на нихъ, какъ на защитниковъ Полотской земли отъ сосѣднихъ Русскихъ князей. Народъ тѣмъ болѣе пріобрѣталъ довѣрія къ Литовскимъ князьямъ, что при выступленіи ихъ на поприще исторической дѣятельности въ сущности ничего не измѣнялось въ Полотской и Литовской землѣ,—земля сія по прежнему оставалась Русскою землею, перемѣнилась только династія князей. Литовскіе князья даже не вели какихъ-либо общихъ войнъ съ потомками Изяслава, не истребляли ихъ, а жили вмѣстѣ и даже роднились съ ними, пока потомки Изяслава не перевелись сами собою; конечно и здѣсь, какъ и вездѣ при перемѣнѣ династіи, не обходилось безъ частныхъ обидъ и притѣсненій того или другаго князя изъ Изяславичей; но это не нарушало общаго положенія страны. Въ Полотской или Литовской землѣ все оставалось по прежнему; по прежнему господствующимъ языкомъ былъ Русскій языкъ, а не Литовскій; по прежнему въ разныхъ

Полотскихъ удѣлахъ, уже называвшихся Литовскою землею, сидѣли оставшіеся еще потомки Изяслава: такъ въ 1246 году въ Полотскѣ былъ княземъ Брячиславъ, очевидно братъ Всеслава Васильковича; или въ 1235 году княжилъ въ Новгородѣ Литовскомъ Изяславъ, вѣроятно правнукъ Глѣба Всеславича Минскаго, можетъ быть внукъ Володаря Глѣбовича, постояннаго союзника Литвы, полу-Литвина. Но оставляя все въ Полотской землѣ по прежнему, не уничтожая даже вѣчеваго устройства въ городахъ, гдѣ оно было прежде, Литовскіе князья поставили себя совсѣмъ въ иныя отношенія къ Полотскому вѣчу, нежели въ какихъ были потомки Изяслава.

Потомки Изяслава княжили въ Полотскѣ на правахъ пришельца, Варяга Рогволода, какъ его внуки, по согласію Полотскаго вѣча, на опредѣленныхъ условіяхъ, точно также какъ пришелецъ Рюрикъ княжилъ въ Новгородѣ; у того и у другаго не было земли ни въ Полотскихъ, ни въ Новгородскихъ владѣніяхъ, да и потомки ихъ также не имѣли ея, слѣдовательно они были въ прямой зависимости отъ Полотскаго вѣча. Напротивъ того, Миндовгъ и его преемники, князья Литовскіе, были богатыми землевладѣльцами и племенными князьями въ Литвѣ, слѣдовательно не имѣли надобности ставить себя въ зависимость отъ Полотскаго вѣча; къ тому же, какъ мы уже видѣли самое положеніе вѣча ко времени Миндовга потеряло свое прежнее значеніе и вліяніе на Полотскую землю, а посему имъ уже не было надобности спрашивать Полотское вѣче при занятіи того или другаго города. Они явились защитниками и охранителями независимости и самостоятельности Полот-

ской земли, которую Полотское вѣче уже не могло защищать, и которую уже стали раздроблять сосѣдніе князья при посредствѣ Полотскихъ же князей Изяславичей; и посему въ ихъ рукахъ сосредоточилась верховная власть всей Полотской земли; слѣдовательно такимъ образомъ они сдѣлались выше современнаго имъ Полотскаго вѣча, которое уже отслужило свою службу Полотской землѣ и далѣе продолжать ее не могло, и только какъ изкалеченный и израненный заслуженный боецъ, оставлено на покоѣ новымъ бойцомъ,—великимъ княземъ всей Полотской или теперь Литовской земли. Этотъ новый боецъ, изъ уваженія къ заслугамъ своего стараго предшественника, заслугамъ дѣйствительно великимъ, давшимъ бытіе Полотской землѣ, какъ самостоятельному цѣлому, не рѣшился поднять на него руки; но конечно не имѣлъ нужды, да и не могъ возстановлять его въ прежнемъ значеніи; ибо исторически отжившее уже не воскреснетъ,—это законъ исторіи, котораго не могутъ измѣнить никакія человѣческія усилія. А посему Литовскіе князья и оставили Полотское вѣче доживать свой вѣкъ въ томъ положеніи, въ какомъ они его застали. Они, замѣнивши своею властію прежнюю власть Полотскаго вѣча, не только не стѣснили этого вѣча въ современномъ имъ положеніи; но даже до нѣкоторой степени охраняли древнія права Полотскія, какъ бы изъ уваженія къ Полотску; какъ метрополіи всей Полотской и Литовской земли, какъ это можно видѣть въ уставной грамотѣ 1547 г., въ которой Сигизмундъ Августъ между прочимъ пишетъ: «Зъ особливое ласки нашое господарское, вси доброволенства, листы предковъ нашихъ дѣда, дяди и отца

нашего, королей и великихъ князей ихъ милости, симъ нашимъ листомъ подтверждаемъ Полотску права вольныя христіанскія, добрыя справедливыя и симъ нашимъ привильемъ на вѣчныя часы даемъ.... А воеводѣ нашему Полотскому, мѣщанъ одному не судити, судити ему съ бояры и мѣщаны.... А Полочаны намъ не даритися нікому« (Ак. Зап. Рос., Т. III, № 5).

Аристократія

Кромѣ собственно княжеской силы, новой противъ прежняго времени, при Литовскихъ князьяхъ, важное измѣненіе въ правительственномъ строѣ произошло отъ того, что въ это время, въ слѣдствіе разныхъ историческихъ причинъ, особенно усилилась аристократія или боярство, и пріобрѣло право на самостоятельное участіе въ правленіи великаго князя съ нѣкоторыми оттѣнками феодализма. При Изяславичахъ, когда Полотское вѣче было сильно своею властію, княжіе дружинники или бояре не пользовались никакимъ значеніемъ сами по себѣ,—за ними только было значеніе вольныхъ княжескихъ слугъ, хотя приближенныхъ и довѣренныхъ; вѣче относилось къ князю и знало одного князя, а до княжихъ бояръ ему не было и дѣла; пригласитъ князя вѣче, съ нимъ придутъ и его бояре, удалитъ князя вѣче, съ нимъ уйдутъ и его бояре, такъ что лѣтописи даже не упоминаютъ о княжихъ боярахъ при Полотскихъ князьяхъ. Земскіе бояре того времени хотя пользовались большимъ уваженіемъ и были сильны; тѣмъ не менѣе они не представляли собою особой власти; они были только первенствующими, пожалуй, даже руководителями вѣча, но ихъ общественная дѣятельность не отдѣлялась отъ вѣча. Они должны были дѣйствовать именемъ вѣча. Полотское вѣче, какъ мы уже видѣли,

даже не нашло нужнымъ выработать такихъ важныхъ сановниковъ, какъ посадникъ и тысяцкій, въ другихъ мѣстахъ, имѣвшихъ свою опредѣленную власть.

Но съ выступленіемъ Литовскихъ князей на поприще исторіи въ качествѣ властителей Полотской земли этотъ старый порядокъ совершенно измѣнился. Въ Жемойти и собственно въ Литвѣ, какъ мы уже знаемъ, издавна были сильные роды, владѣвшіе большими землями, какъ изъ самихъ Литвиновъ, такъ и изъ древнихъ Полотскихъ колонистовъ *). Первоначально сами Литовскіе князья произошли изъ сихъ сильныхъ родовъ; по крайней мѣрѣ по нашимъ лѣтописямъ въ давно уже знакомой Русскимъ людямъ Литвѣ, о Литовскихъ князьяхъ упоминается только въ началѣ XIII столѣтія, именно подъ 1215 годомъ, гдѣ вдругъ перечисляются особые князья собственно въ Литвѣ, особые въ Жемойти, особые у Рушковичей и Булевичей и въ Дяволтвѣ. Да и въ Литовскихъ лѣтописяхъ, ежели исключить изъ нихъ явное баснословіе

---

*) Литовская лѣтопись Быховца еще въ доисторической древности указываетъ на знаменитые аристократическіе роды землевладѣльцевъ въ Литвѣ и Жемойти. Такъ она говоритъ, что еще у доисторическаго Жемойтскаго князя Монтвила были радными (самостоятельными участниками княжой думы) панами: изъ рода Колумновъ Грумпіа, изъ рода Урсиновъ Экшисъ, изъ рода Рожъ Гровжисъ. Изъ нихъ первый владѣлъ лѣсомъ около рѣки Ошмѣны, второй былъ собственникомъ лѣса, по его имени называвшагося Эйкшискимъ, и третьему принадлежалъ лѣсъ, по его имени названный Гровжискимъ, гдѣ въ послѣдствіи образовались повѣты или уѣзды: Ошменскій, Экшискій и Гровшискій. Отъ сихъ древнихъ родовъ, по словамъ Быховца, произошли знаменитые роды Литовскихъ бояръ, въ послѣдствіи имѣвшихъ большую силу и принимавшихъ дѣятельное участіе въ управленіи Литовскимъ княжествомъ: отъ Грумпія Гаштольды, отъ Эйкшиса Довойны и отъ Гровжиса Монвиды.

о Палемонѣ, Литовскіе князья являются не раньше XII столѣтія. Свидѣтельство Ипатьевской лѣтописи о какихъ-то Рушковичахъ и Булевичахъ говоритъ о какихъ-то сильныхъ Литовскихъ родахъ съ своими изъ сихъ же родовъ князьями. А по свидѣтельству Быховца, Миндовгъ первый великій князь Литовскій, произходилъ изъ древней родовитой боярской фамиліи Колумновъ, отъ которой произошла и знаменитая Литовская боярская фамилія Гаштольдовъ. Другій великій князь Литовскій послѣ Миндовга Тройденъ произходилъ изъ фамиліи Китоврасовъ, древнихъ большихъ людей или бояръ въ Литвѣ. Родоначальникъ новой династіи князей великій князь Литовскій Гедиминъ также произходилъ изъ боярской фамиліи Колумновъ, только не изъ той вѣтви, отъ которой произошелъ Миндовгъ. Отецъ Гедимина Витенъ былъ прежде маршалкомъ у князя Тройдена. Такимъ образомъ, при самомъ появленіи Литовскихъ князей на поприщѣ исторіи, съ ними вмѣстѣ является и сильная аристократія, изъ которой вышли и самые князья. Въ этой Литовской аристократіи, по всему вѣроятію, находились и богатыя фамиліи Полочанъ, которые какъ колонисты были разсыпаны по всей Литовской и даже Жемойтской землѣ и владѣли тамъ большими поземельными имѣніями: ибо безъ присутствія Полочанскихъ фамилій въ Литовской аристократіи, конечно, строй власти Литовскихъ князей не подходилъ бы къ Полотскому строю, и находился бы къ нему во враждебныхъ отношеніяхъ, а на дѣлѣ этихъ враждебныхъ отношеній не было. Литовско-Полотская аристократія, выступившая на поприще исторіи вмѣстѣ съ Литовскими князьями, постепенно пополнялась

и усиливалась, по мѣрѣ того какъ Литовскіе князья утверждались въ тѣхъ или другихъ Полотскихъ и вообще Русскихъ городахъ; ибо въ такомъ случаѣ къ ней присоединялись мѣстные князья изъ Изяславова потомства и другіе, уже утратившіе самостоятельныя владѣльческія права и владѣвшіе городами отъ имени великаго князя Литовскаго, въ качествѣ князей подручниковъ, уже съ служебнымъ характеромъ, съ извѣстными обязанностями службы и какъ бы на ленныхъ правахъ *). А также и земское старѣйшее боярство въ Полотскихъ городахъ, по всему вѣроятію, по крайней мѣрѣ въ значительной долѣ, вошло въ эту княжескую аристократію; ибо сильнѣйшимъ и богатѣйшимъ Полотскимъ боярамъ, съ паденіемъ или ослабленіемъ вѣча, естественно было перейти на сторону великихъ князей Литовскихъ, гдѣ былъ источникъ власти. И въ лѣтописяхъ мы дѣйствительно встрѣчаемъ у Литовскихъ князей между боярами Полочанъ; такъ въ 1263 году у Товтивила князя Полотскаго упоминается бояринъ Прокопій Полочанинъ. (Ипат. лѣт., стр. 202).

Аристократія при Литовскихъ князьяхъ съ перваго же раза при ихъ появленіи имѣла почти такую же силу и значеніе, какая была сила и значеніе въ старое время у Полотскаго вѣча. Бояре и князья ленники при Литовскихъ князьяхъ составляли постоянную раду или думу, и посему получили названіе радныхъ пановъ, или думныхъ бояръ, которые непре-

---

*) Къ таковымъ князьямъ, леннымъ владѣльцамъ, принадлежали князья Друцкіе, Слуцкіе, Острожскіе и другіе изъ древнихъ Русскихъ княжескихъ родовъ.

мѣнно по праву участвовали во всѣхъ велико-княжескихъ совѣтахъ, и безъ которыхъ великій князь не могъ ничего дѣлать относительно управленія государствомъ. По смерти одного великаго князя преемникъ его не иначе занималъ его престолъ, какъ съ согласія радныхъ пановъ или бояръ; такъ въ 1283 году, по смерти Тройдена, сынъ его Римонтъ обратился къ раднымъ панамъ и сказалъ: «возмите себѣ господаря, кого воля ваша будетъ» (Быхов., стр. 13). Или прежде того въ 1212 году, по смерти князя Воишелга, послѣдняго въ родѣ Миндовга: «панове, жалуючи господаря своего прирожонаго, взяли себѣ господаремъ сына великаго князя Литовскаго и Жемойтскаго Утенусова съ Китоврасу Свинтогора (ibid. стр. 10). Кромѣ рады или постояннаго совѣта при великомъ князѣ, въ которомъ участвовали только знаменитѣйшіе изъ бояръ, аристократія имѣла еще сеймы, временно собиравшіеся, въ которыхъ участвовало все боярство, крупное и мелкое, и которые замѣнили собою прежнее народное вѣче и передали власть цѣлаго народа въ руки аристократіи, получившей въ послѣдствіи Польское названіе шляхты. По свидѣтельству Вьюка Кояловича въ 1264 году, по убіеніи Тройнаты: «сенатъ (т. е. рада, дума) назначилъ собраться сейму для избранія государя общими голосами, и за объявленіемъ сейма въ Керновѣ собралась туда знать въ великомъ множествѣ. И Литовцы всѣ желали Воишелга Миндовгова сына, а Жемойть и Ятвяги объ этомъ и слышать не хотѣли; Литовцевъ поддерживала Новгородская и вообще Русская знать; и послѣ большаго шума и многихъ споровъ Литовская партія одержала верхъ, и Воишелгъ

на сеймѣ же провозглашенъ великимъ княземъ Литовскимъ». (Hist. Litw. pars. I, pag. 115—116). Точно также по смерти Воишелга былъ сеймъ знати въ Керновѣ, въ 1268 году, на которомъ единогласно былъ избранъ въ князья Свинторогъ (ibid. pag. 132). Или по смерти Гіермонда (Скирмонта) въ 1275 году также былъ сеймъ въ Керновѣ, на которомъ вельможи выбрали въ князья старшаго Скирмонтова сына Гилигина (ibid. p. 146). Въ 1280 году былъ также сеймъ въ Керновѣ, на которомъ единогласно большими (радою senatus) и меньшими (рыцарствомъ Ьэnites) боярами былъ выбранъ въ великіе князья Литовскіе Наримунтъ, и затѣмъ начальникъ двора (Маршалъ), которымъ тогда былъ Монивидъ, передалъ ему вмѣстѣ съ обнаженнымъ мечемъ власть и титло великаго князя (ibid. pag. 154). Такимъ образомъ, по свидѣтельству Кояловича, мы видимъ цѣлый рядъ сеймовъ, которые, въ сущности бывши выраженіемъ воли только высшаго сословія, состоявшаго изъ радныхъ пановъ и шляхты, взяли на себя ту самую власть, которая прежде принадлежала вѣчу, какъ выраженію воли цѣлаго народа, всѣхъ классовъ, а не одного высшаго класса. Конечно сеймы для великихъ князей были сподручнѣе и сговорчивѣе вѣча; ибо члены сейма, какъ высшіе, такъ и низшіе состояли на службѣ у князя, слѣдовательно находились въ нѣкоторой зависимости отъ него, тогда какъ вѣче составлялось изъ людей свободныхъ, независимыхъ отъ князя, и выражало настоящую народную силу, вовсе неподатливую на служебныя приманки. Но за то, когда въ послѣдствіи великимъ князьямъ понадобилась народная сила противъ усилившейся аристократіи, то тако-

вой силы уже не оказалось; она вся по частямъ была разобрана и порабощена аристократами, которые образовали въ Литовскомъ княжествѣ свою сильную общественную власть, въ сущности независимую отъ власти великокняжеской, хотя по виду удерживавшую за собою служебное значеніе.

Ежели Полотскому вѣчу при Изяславичахъ не удалось выработать себѣ особыхъ органовъ въ родѣ посадниковъ, тысяцкихъ и другихъ земскихъ сановниковъ; то, напротивъ, при Литовскихъ князьяхъ аристократія, конечно частію по своему служебному характеру, успѣла выростить многочисленную іерархію чиновъ, по формѣ служебныхъ, а на дѣлѣ разобравшихъ или разхитившихъ по частямъ княжескую власть надъ народомъ; такъ что непосредственныя отношенія, а съ ними и власть надъ народомъ перешли къ аристократамъ, занимавшимъ тѣ или другія должности по управленію. Хотя все управлялось въ Литвѣ именемъ князя, но власть, связанная съ симъ именемъ, принадлежала аристократамъ, и раздѣлялась между ними почти произвольно, особенно со временъ Ягайлы, принявшаго вмѣстѣ съ Литовскимъ княжествомъ и Польскую корону. Соединеніе Литвы съ Польшею въ лицѣ Государя мало-по-малу повело къ введенію почти всего Польскаго строя въ управленіи Литвою. Польская аристократія, уже давно поработившая народъ въ Польшѣ и привыкшая къ своеволію, такъ успѣла повліять на Литовскихъ аристократовъ, что еще при Ягайлѣ они признали для себя большимъ почетомъ причислить себя къ гербамъ польскихъ аристократическихъ фамилій. А за тѣмъ скоро явились въ Литвѣ сенатъ съ сенаторами (прежняя рада) и по-

сольская изба отъ рыцарства, и другіе Польскіе порядки съ разными привиллегіями аристократамъ, дававшими имъ власть почти равняющуюся княжеской власти въ опредѣленной мѣстности; такъ что въ концѣ концовъ каждый аристократъ, какъ въ Польшѣ, такъ и въ Литвѣ, сдѣлался въ своихъ владѣніяхъ самовластнымъ государемъ, на котораго некуда было жаловаться его несчастнымъ подданнымъ, который на сеймѣ голосованьемъ съ своими товарищами, такими же самовластцами, писалъ законы для всего государства, а у своего государя великаго князя Литовскаго выжималъ привиллегію за привиллегіей, власть за властію.

Уже при Ягайлѣ въ 1413 году аристократія Литовская получила право пользоваться всѣми прерогативами аристократіи Польской; такъ что Государь не могъ имѣть права ни надъ личностію, ни надъ имуществомъ благородныхъ болѣе нежели сколько дозволено государственнымъ закономъ. Право избирать Государя, предоставлено сенату и рыцарству. Земское управленіе и сенаторскіе классы, получили устройство по образцу Польскому. Сеймы отъ обоихъ народовъ, должны быть собираемы на узаконенномъ мѣстѣ въ Люблинѣ или Парчовѣ. Аристократія и рыцарство Литовскіе причислены къ гербамъ Польской аристократіи. Всѣ мѣста и должности въ Литвѣ получили такое же устройство, какъ и въ Польшѣ; назначены палатины и кастелланы въ Вильну и Троки, (Wolum. leg. T. I, pag. 29—31). Вельможи получили право быть поруками за своихъ государей, значитъ вельможи пріобрѣли въ управленіи такую силу, какъ и Государь, и даже больше. Такъ въ 1430 го-

ду, когда Свидригайло далъ обѣщаніе дать Ягайлѣ города: Каменецъ, Смотричъ, Скалу и Чермени; то таковая же обѣщательная запись взята и съ бояръ Свидригайловыхъ. (Метр. Княж. Лит. Т. I, стр. 458). Или въ 1431 году Свидригайло и Литовскіе бояре (а не одинъ Свидригайло), заключили перемиріе съ Ягайломъ (ibid.). Или, по смерти Витовта, Ягайло просилъ Литовскихъ бояръ, чтобы избрали въ князья его брата Свидригайла (Быховецъ стр. 44). Уже по убіеніи Сигизмунда Кестутьевича въ Литвѣ носились жалобы на чрезмѣрное усиленіе аристократіи, захватившей въ свои руки всю власть надъ областями и заботившейся только о собственныхъ выгодахъ и нисколько не думавшей объ общей пользѣ государства. У Кояловича подъ 1440 годомъ сказано: многіе разсуждали: «Съ самаго отшествія Ягайлы въ Польшу, какимъ бѣдствіямъ подверглось великое княжество Литовское? внутреннія области день отъ дня тяжелѣе угнетаются могуществомъ захватившихъ власть, а пограничныя провинціи оставляются въ пренебреженіи безъ всякой защиты. (Kojal. pag. II, pars. 179). Сила и значеніе мѣстныхъ управителей съ владѣльческими правами всего яснѣе высказались при смерти князя Симеона Олельковича Кіевскаго, желавшаго передать управленіе Кіевомъ своему сыну Василію; ибо когда Казимиръ велікій князь Литовскій и сенатъ, не уважившіи таковаго желанія, назначили въ Кіевъ палатиномъ Мартына Гастольда; то Кіевскіе вельможи, недовольные такимъ назначеніемъ, два раза выгоняли Гастольда изъ Кіева, и только послѣ многихъ настояній Казимира согласились принять его (ibid. pag. 238—239). Уже въ 1457 году Казимиръ далъ Литов-

ской аристократіи всѣ права и порядки Польской аристократіи, относительно суда, владѣнія вотчинами и освобожденія ихъ отъ разныхъ податей и повинностей (Ак. Зап. Рос. Т. I, № 61). По судебнику Казимира (1468 года) аристократамъ принадлежалъ судъ надъ людьми живущими на ихъ земляхъ. (ibid № 81). Такимъ образомъ люди, живущіе на владѣльческихъ земляхъ, по самому закону уже были переданы въ полную власть землевладѣльческой аристократіи.

По смерти Казимира, при его преемникѣ Александрѣ, сила и значеніе аристократіи развились до громадпѣйшихъ размѣровъ, такъ что на дѣлѣ власть перешла къ нимъ и Государь былъ поставленъ въ полную зависимость отъ аристократовъ, народъ же поступилъ къ нимъ въ порабощеніе и утратилъ свое прежнее значеніе въ государствѣ. Казимировъ сынъ Александръ, наслѣдникъ великаго княжества, въ 1492 году, извѣщая о смерти отца, вотъ уже какъ писалъ къ вельможамъ своего государства: «Отца нашего, слугамъ вѣрнымъ и пріятелемъ нашимъ, всѣмъ князьямъ, панамъ и земяномъ. Повѣдаемъ вамъ пригоду нашу.... иж отца нашего въ животѣ не стало.... Про то ожидаемъ васъ, яко слугъ отца нашего вѣрныхъ, и пріятелей нашихъ, ажбы есте памятовали на присяги предковъ вашихъ и на свои». И въ то же время Литовская рада или сенатъ писали о томъ же предметѣ такъ: «Просимъ и напоминаемъ вашей милости, яко братьи пріятелямъ нашимъ милымъ; ажъ бы вспомянули на свои души и на свою вѣру, и на присяги, а съ нами были за одинъ посполу..... А прибыли въ Вильну на сеймъ на день св. Иліи, на выбранье господаря (Ак. З. Р. Т. I, №100). У Вьюка Кояло-

вича, при избраніи Александра на престолъ вельможи чрезъ великаго Литовскаго маршала такъ говорили вновь избранному государю: «Ты долженъ устроивать порядокъ управленія не по чужеземнымъ законамъ и учрежденіямъ, а по обычаю Литовцевъ и примѣру Витовта, отъ котораго ежели ты отступишь, въ какую бы то ни было сторону, то погубишь себя и насъ и государство. Въ дѣлахъ опасныхъ и важныхъ ты долженъ поступать не по своей воли, и ничего не дѣлать одинъ, но раздѣлять трудъ съ другими» (Kojal. pars. II, pag. 260). Или, когда Александръ въ 1496 году вздумалъ помогать своему брату Іоанну Альберту въ войнѣ съ Валахіей, не объявивши о томъ напередъ сенату, то вельможи прямо и не обинуясь стали говорить ему: «Зачѣмъ съ такими издержками тащишь благородныхъ на войну, о которой ничего не представилъ сенату. И за тѣмъ объявили ему, что они, какъ охранители законовъ и государства, ни въ какомъ случаѣ не пойдутъ за нимъ съ рыцарствомъ, но не препятствуютъ ему идти съ своими наемниками» (ibid. pag. 271). Или, когда въ 1505 году Александръ хотѣлъ отнять староство въ Лидѣ у Христофора Илинича и передать Андрею Дрозду; то сенатъ воспротивился этому и говорилъ: «не слѣдуетъ въ угожденіе частныхъ прихотей нарушать права и законы рыцарства, въ которыхъ содержится бо́льшая и важнѣйшая часть свободы; а по Литовскимъ законамъ Государь не имѣетъ права по собственному изволенію отнимать власть данную кому-либо» (ibid. pag. 301).

Сенатъ и сеймъ были ежели не высшею, то равною властію съ великимъ княземъ Литовскимъ. Се-

натъ или рада Литовская отъ своего имени писала грамоты по государственнымъ дѣламъ; такъ въ 1507 году паны рада (Сенатъ) отъ своего имени писали къ митрополиту Кіевскому Іосифу и къ державцѣ Минскому князю Богдану Жеславскому, чтобы они въ Кіевѣ наблюдали осторожность на случай непріятельскаго нападенія, и чтобы митрополитъ привелъ къ присягѣ тамошнихъ княжятъ, панятъ, бояръ и мѣщанъ и простыхъ людей» (Ак. Зап. Рос., Т. II, № 10). Сенатъ даже имѣлъ право заграничныхъ сношеній, также отъ своего имени. Такъ мы имѣемъ грамоту Литовской рады отъ 1513 года къ Московскимъ боярамъ, чтобы они постарались о заключеніи мира между Московскимъ государемъ и Литвою (ibid. № 84). Мѣстные управители, воеводы и намѣстники и проч. писали грамоты на имя рады, въ которыхъ доносили о своихъ распоряженіяхъ; такъ въ 1515 г. воевода Кіевскій Андрей Немировичъ писалъ до пановъ радъ о своихъ сношеніяхъ съ Перекопскимъ царемъ (ibid. № 93). Рада Литовская даже отправляла посольства отъ своего имени къ королю Польскому своему государю; такъ мы имѣемъ наказъ Литовской рады посламъ къ королю Сигизмунду отъ 1526 года, въ которомъ напоминаются разныя обязанности короля въ отношеніи къ Литвѣ (ibid. № 144). Самъ государь отправлялъ отъ себя посольство къ Литовской радѣ; такъ до насъ дошелъ наказъ Сигизмундову послу къ радѣ Литовской отъ 1538 года, который начинается такъ: «Государь нашъ, король его милость, разказалъ вашей милости ласку свою повѣдати, и сдоровье вашей милости радъ своихъ видѣти, и вашей милости молвити» (ibid. № 191).

Сеймъ отъ своего имени издавалъ законы и уставы; такъ до насъ дошелъ уставъ Виленскаго сейма 1507 года, въ которомъ изложены правила о переписи людей, состоящихъ за княжатами, панятами и шляхтой, а также о порядкѣ военной службы и объ опредѣленіи количества серебщизны (Ак. Зап. Рос. Т. II, № 12). На Виленскомъ сеймѣ 1547 года панове рада, княжата, панята и все рыцарство подали слѣдующія просьбы королю Сигизмунду Августу: 1е) чтобы въ земскомъ статутѣ уничтожить артикулъ, что король давности не имѣетъ, и всегда можетъ отнять имѣнье выслуженое или какимъ другимъ образомъ набытое; на это король отвѣчалъ, что будетъ держаться старыхъ статутовъ. 2-е) Просили, чтобы всѣ листы и привиллегіи на права и вольности хранились не въ земскомъ королевскомъ скарбѣ, а въ другомъ приличномъ мѣстѣ за печатью какъ пановъ радъ, такъ и рыцарства; король изъявилъ на это свое согласіе. 3-е) Просили, чтобы король дозволилъ имъ избрать коммиссію изъ пяти членовъ Римскаго закона и изъ пяти членовъ Греческаго закона для исправленія статута; король изъявилъ согласіе. 4-е) Просили, чтобы никто не былъ наказываемъ заочно отнятіемъ урядовъ и держаній; король отвѣчалъ: я не знаю, чтобы у кого отнимали урядъ безъ явной причины и впередъ этого не будетъ. 5-е) Просили, чтобы король по старому обычаю содержалъ Литовскій дворъ на своемъ дворѣ, а дворянамъ давать жалованье изъ тѣхъ же источниковъ, изъ какихъ давалось прежде; чтобы дворяне, служа при дворѣ, навыкали рыцарскимъ порядкамъ; король отвѣчалъ, что не отвергаетъ этого, но долженъ подумать съ пана-

ми радою, на какія средства содержать этотъ дворъ; ибо тѣ источники, на которые содержался этотъ дворъ, частію отошли къ непріятелю, частію достались самимъ же панамъ и рыцарству. 6-е) Просили, чтобы государь не билъ монеты безъ согласія сейма; на это король отвѣчалъ, что монету всегда билъ государь по совѣщанію съ радою, а сеймовъ для этого не созывали, и онъ остается при старомъ обычаѣ. 7-е) Просили, чтобы серебщизна, собираемая на земскую оборону, собиралась не въ королевскій скарбъ (казну), а чтобы позволено было дворянству изъ среды себя выбирать людей способныхъ и пользующихся довѣріемъ,—одного изъ Римскаго закона, другаго отъ Греческаго, и третьяго писаря, и имъ поручить сборъ и охраненіе серебщизныхъ денегъ за своимъ ключемъ, и чтобы деньги сіи не употреблять ни на какія надобности и ни по чьему приказу, какъ только на общую земскую оборону и на служилыхъ людей, и чтобы по симъ деньгамъ отдавался отчетъ самому дворянству. На это король не согласился; но обѣщалъ устроить это дѣло такъ, чтобы скарбные реэстры яснѣе показывали приходъ и расходъ серебщизныхъ денегъ, и земскій подскарбій (казначей) давалъ отчетъ королю и радѣ. 8-е) Просили, чтобы предоставлено было самому дворянству выбирать повѣтовыхъ судей и присяжнаго писаря; а не предоставлять это по статуту панамъ-воеводамъ. Король на это отвѣчалъ, что онъ не перемѣнитъ постановленія земскаго статута. 9-е) Просили о перемѣнѣ порядка при выборѣ вижовъ и относительно сбора вижоваго (пошлины); король отвѣчалъ, чтобы они нашли къ тому средства при исправленіи статута. 10-е) Про-

сили, чтобы не вызывать къ суду изъ Литвы въ Польшу; король изъявилъ на это согласіе и дозволилъ записать о томъ въ новый статутъ. 11-е) Просили, чтобы король не давалъ чужеземцамъ урядовъ земскихъ и дворовыхъ, а также держанья за́мковъ, дворовъ мѣстъ и волостей; король обѣщалъ соблюдать это. 12 е) Просили, чтобы объѣзжанье, попись за́мковъ, дворовъ и волостей королевскихъ, а также учетъ королевскихъ доходовъ не поручать чужеземцамъ; король отвѣчалъ, что въ своихъ имѣньяхъ онъ воленъ посылать кого хочетъ, и поручать надзоръ за доходами тому, кого считаетъ болѣе способнымъ, и шляхтѣ до этого нѣтъ дѣла. 13-е) Просили, чтобы король далъ Виленскому войту, бурмистрамъ и другимъ тамошнимъ справцамъ твердый и нерушимый уставъ, по которому бы разные городскіе ремесленники не полагали непомѣрныхъ цѣнъ за свои работы, и тѣмъ не доводили шляхту до убожества; король обѣщалъ исполнить эту просьбу. 14-е) Просили, чтобы на основаніи стародавняго обычая, король при переѣздѣ изъ Польши въ Литву Польскихъ придворныхъ чиновниковъ оставлялъ на границѣ, или привозилъ ихъ съ собою только какъ гостей; но чтобы они въ Литвѣ не имѣли права на отправленіе своихъ придворныхъ должностей, а чтобы должности сіи исправляли Литовскіе чиновники тѣхъ же чиновъ. Король обѣщалъ соблюдать старые порядки (Ак. Зап. Рос. Т. III, № 4). Сіи просьбы шляхты на сеймѣ и отвѣты короля довольно ясно выражаютъ—до чего доходили требованія Литовской аристократіи, хотѣвшей даже распоряжаться въ собственныхъ имѣніяхъ короля и указывать ему въ назначеніи управителей.

Здѣсь же до нѣкоторой степени видно, въ какихъ отношеніяхъ былъ король къ шляхтѣ, въ чемъ ей могъ отказать и въ чемъ долженъ былъ исполнить ея требованія. Но требованія шляхты съ каждымъ сеймомъ повторялись и увеличивались, такъ, что король въ чемъ отказалъ на одномъ сеймѣ, не рѣдко долженъ былъ уступить на другомъ или на третьемъ сеймѣ; ибо шляхта не отступалась отъ своихъ требованій до тѣхъ поръ пока не добьется до исполненія того о чемъ проситъ.

Таковое постепенное увеличеніе требованій со стороны шляхты всего очевиднѣе изъ послѣдующихъ сеймовъ, которыхъ акты дошли до насъ. Такъ на сеймѣ 1551 года шляхта уже требовала: 1-е) чтобы управленіе пограничными областями поручалось людямъ въ годности дознаннымъ и заслуженнымъ; а когда кто будетъ старъ и немощенъ, того смѣщать съ пограничнаго управленія на болѣе спокойную должность; 2-е) чтобы пограничные замки содержались на королевскій счетъ: 3-е) чтобы никакого новаго учрежденія не было безъ одобренія сейма; 4-е) чтобы не подерживать ничего, что не постановлено на вольномъ сеймѣ; 5-е) чтобы съ духовныхъ имѣній была несена военная служба одинаково съ шляхетскими имѣніями; 6-е) чтобы чужоземцевъ не допускать къ завѣдыванію казною» (ibid. № 11). На сеймѣ 1554 года шляхта обращается опять съ просьбами къ государю о разныхъ привиллегіяхъ, и, какъ бы торгуясь съ нимъ, говорить: что онъ долженъ согласиться на ея просьбы, дабы она тѣмъ охотнѣе ему служила и съ большею смѣлостію шла на непріятелей. И между разными требованіями проситъ, чтобы

государь освободилъ шляхетскія имѣнія отъ станцій и подводъ; чтобы духовенство владѣющее землями, и мѣщане, которые шляхетскія имѣнія держатъ, несли земскую службу наравнѣ съ шляхтою. А Жемойтская шляхта просила, чтобы съ нея были сложены покопныя деньги и чтобы шляхта была освобождена отъ платежа мыта съ хлѣба и скота, продаваемыхъ за границу. Шляхта Волынская просила, чтобы подати городничему, ключь и мостовничее шли не къ старостѣ, а чтобы этимъ завѣдывали тамошніе земяне; и чтобы съ подданныхъ Волынской шляхты, которые торгуютъ хлѣбомъ, не сбирать никакого мыта (ib. № 13). На сеймѣ 1559 года Полотская шляхта просила, чтобы государь держалъ ее по привиллегіямъ предковъ и запретилъ вступаться въ домъ св. Софіи и св. Спаса и въ ихъ людей, и уставилъ церковныхъ опекуновъ; чтобы съ шляхетскихъ подданныхъ не брать серебщизны, а съ шляхетскихъ товаровъ мыта, и чтобы дозволилъ самой шляхтѣ выбрать своихъ судей и присяжнаго писаря, и не накладывать на шляхту замковыхъ работъ (ib. № 24). На сеймѣ 1563 года шляхта, между прочимъ, просила, чтобы служба въ сенатѣ и въ управленіи областями и по другимъ не военнымъ должностямъ не освобождала отъ военной службы при оборонѣ государства, чтобы мѣщане всѣхъ городовъ съ своихъ городскихъ дворовъ и фольварковъ, выставляли пѣшихъ ратниковъ; чтобы гости Армяне, Нѣмцы, Волохи и иныхъ народовъ, поселившіеся въ Литвѣ, несли земскую повинность службы съ своихъ товаровъ, и чтобы положена была такса на ихъ имущество. А которые изъ сихъ гостей умрутъ, то чтобы двѣ трети ихъ мает-

ностей шли на земскую оборону, а остальная треть отдавалась ихъ же родственникамъ; чтобы Жиды, сколько ихъ есть въ Литвѣ, выставили на войну двѣ тысячи пѣшихъ ратниковъ, и чтобы съ костельныхъ скарбовъ взять половину на военныя потребности (ibid. № 33).

Такимъ образомъ во время владычества Литовскихъ государей въ западной Россіи, особенно по принятіи Ягайломъ Польской короны, шляхетство или дворянство имѣло громадную силу и значеніе въ государствѣ; оно въ цѣломъ своемъ составѣ пользовалось властію почти равною власти великаго князя. Радные паны, высшая аристократія, составляли постоянную раду или думу (Сенатъ) при великомъ князѣ, безъ которой онъ не могъ отправлять государственныхъ дѣлъ. Низшее же дворянство, или вѣрнѣе цѣлое сословіе дворянства, княжата, панята и вся шляхта, чрезъ своихъ выборныхъ или пословъ, владычествовала на сеймахъ, мимо которыхъ не могъ пройдти ни одинъ общій законъ, ни одна государственная мѣра, и на которыхъ рѣшались всѣ дѣла первой важности: избраніе государя, наложеніе податей, объявленіе войны и заключеніе мира. Могущество дворянства съ одной стороны основывалось на громадныхъ поземельныхъ имѣніяхъ старѣйшей и высшей аристократіи, которой принадлежало болѣе половины всей земли въ Литовскомъ государствѣ, и иные члены которой владѣли, частію на ленномъ, частію на вотчинномъ правѣ, цѣлыми древними княжествами и областями; такъ что поземельныя имѣнія самаго государя, разбросанныя по разнымъ краямъ, передъ сплошными имѣніями аристократическихъ фамилій, казались и

дѣйствительно были очень не велики. Такъ по уставамъ 1557 и 1558 годовъ объ управленіи волостями, принадлежащими государю, на Жемойти было только двадцать одно тіунство или держава, т. е. волость; въ Троцкомъ повѣтѣ государю принадлежали только замки, дворы и фольварки, числомъ сорокъ три; при томъ нѣкоторые изъ нихъ платили только извѣстные доходы, напримѣръ: капщизну, неводничество, бобровничество и подоб., слѣдовательно не составляли полной собственности. Въ Виленскомъ повѣтѣ государю опять принадлежали только замки, дворы и фольварки, числомъ двадцать девять, въ томъ числѣ Виленская мельница, капщизна въ Новгородѣ Литовскомъ, а въ Русскихъ волостяхъ, т. е. по Днѣпру и Двинѣ пятнадцать мѣстностей (Ак. Зап. Рос. Т. III, № 19). Такимъ образомъ, государю принадлежали съ немногимъ сто мѣстностей, разбросанныхъ по притокамъ Днѣпра, Западной Двины и Немана; тогда какъ напримѣръ князь Острожскій владѣлъ чуть не цѣлою Волынью, или Сапеги, Радивилы и другіе древніе аристократы владѣли громадными имѣніями.

Съ другой стороны аристократіи, и частію всей шляхтѣ, принадлежали по праву государственному разныя общественныя должности съ громадными доходами и обширною властію надъ народомъ, приписаннымъ къ тому или другому уряду, и который въ это время до того былъ униженъ и порабощенъ аристократами, что обыкновенно назывался песью кровью и хлопскою породою, и за исключеніемъ Вильны, Полотска и нѣкоторыхъ большихъ городовъ, пользующихся Магдебургскимъ правомъ, почти не имѣлъ никакого государственнаго значенія, и по праву не

могъ подавать своего голоса въ общественныхъ дѣлахъ, такъ что на сеймахъ, какъ мы уже видѣли, была одна только шляхта. Должности давались аристократамъ пожизненно, такъ что по закону безъ доказанной вины Государь не могъ смѣнить сановника съ одной должности на другую; а ежели когда и смѣнялъ, то съ соблюденіемъ разныхъ предосторожностей, чтобы не возбудить неудовольствія. Такъ напримѣръ въ 1507 году Сигизмундъ, смѣняя князя Глинскаго съ Кіевскаго воеводства, пишетъ: «ино мы тотъ замокъ Кіевъ съ его державы вынемши и къ своей руцѣ взяли, не рушаючи его во чти и въ мѣстцы его въ томъ, которое жъ онъ водлѣ годности и заслуги своее мѣлъ, будучи воеводою Кіевскимъ; а противъ того дали ему замокъ нашъ Новгородокъ отъ насъ держать со всѣми врады Новгородскими, съ ключомъ изъ городничимъ до его живота; и къ тому нехотели его писати въ титулѣ его иначей, какъ передъ тымъ писалъ, и тѣжъ мѣстца его отъ него неотдаляючи, маемъ его воеводою Новгородскимъ и маршалкомъ нашимъ въ титулѣ его писать; а мѣсто въ радѣ, межи пановъ рады нашое великаго княжества Литовскаго, дали есмы ему подлѣ пана старосты Жомойтскаго; и съ того держанья Новгородка немаемъ его рушити до живота его» (Ак. Зап. Р., Т. II, № 9). Не рѣдко одному и тому же вельможѣ давалось по нѣскольку должностей съ особыми доходами отъ каждой; такъ въ грамотѣ 1507 года, князь Семенъ Гольшанскій въ одно и то же время былъ старостою Луцкимъ, маршалкомъ Волынской земли и намѣстникомъ Каменецкимъ, получая отъ каждой должности положенные доходы (ibid. № 14). Или князь Кон-

стантинъ Ивановичъ Острожскій былъ гетманомъ великаго княжества Литовскаго, старостою Луцкимъ, Браславскимъ и Винницкимъ и маршалкомъ Волынской земли. Должности и чины съ приписанными къ нимъ доходами, раздѣлялись на низшія и высшія, на дворовыя и земскія.

Къ высшимъ земскимъ должностямъ принадлежали: должности гетмана, канцлера и подскарбія. Должности сіи были общегосударственными, онѣ относились до управленія военнаго, гражданскаго и финансоваго во всемъ государствѣ, а не къ той или другой области, ихъ всегда занимали члены рады и вообще высшая аристократія.

1-е. *Гетманъ*, такъ назывался главный начальникъ того или другаго войска, собраннаго на войну. Гетманы были нѣсколькихъ степеней: первую, высшую степень, составлялъ великій гетманъ, или наивысшій гетманъ великаго княжества Литовскаго, верховный начальникъ всѣхъ войскъ, собранныхъ на войну, ему были подчинены всѣ другіе гетманы; за великимъ гетманомъ по значенію слѣдовалъ дворный гетманъ, главный начальникъ наемныхъ войскъ государева двора; за тѣмъ слѣдовали гетманы отдѣльныхъ корпусовъ, дѣйствовавшихъ хотя и подъ главнымъ начальствомъ наивысшаго гетмана, но отдѣльно на своихъ мѣстахъ и до нѣкоторой степени самостоятельно; наконецъ были еще польные или напольные гетманы, которыхъ значеніе по имѣющимся даннымъ, нельзя опредѣлить прямо и положительно, но кажется такъ назывались временные гетманы на полѣ битвы, подчиненные великому гетману, такъ сказать впце-гетманы, или товарищи гетмана. Гетманъ.

Чинъ наивысшаго или великаго гетмана всегда давался людямъ заслуженнымъ и знаменитымъ, и эта должность обыкновенно соединялась съ другими важными и доходными должностями; такъ напримѣръ: великій гетманъ, князь Константинъ Ивановичъ Острожскій, въ 1505 году былъ еще старостою Луцкимъ и маршалкомъ Волынской земли, а въ 1511 году онъ же былъ и старостою Браславскимъ и Велицкимъ (Ак. Зап. Рос., Т. II, №№ 31 и 64). Или въ 1534 году панъ Юрій Николаевичъ Радивиловичъ былъ паномъ Виленскимъ, наивысшимъ гетманомъ, старостою Городенскимъ, маршалкомъ дворнымъ, и державцою Лидскимъ и Бѣлицкимъ (ibid № 175). По свидѣтельству памятниковъ, наивысшій гетманъ въ военное время и въ краю занятомъ войсками пользовался полною безаппелляціонною властію, какъ относительно самаго войска, такъ и въ отношеніи къ жителямъ и даже правителямъ областей, гдѣ находилось войско; приказанія гетмана должны были исполняться безотговорочно всѣми, какъ приказанія самаго государя, и ослушаніе таковымъ приказаніямъ наказывалось также, какъ неисполненіе повелѣній государя, такъ что наивысшій гетманъ пользовался почти диктаторскою властію въ военное время и въ краю занятомъ войсками. Такъ, въ грамотѣ 1567 года, посланной къ старостѣ Вольмарскому князю Александру Ивановичу Полубенскому и всѣмъ старостамъ и державцамъ замковъ арцибискупства Рижскаго, сказано: «Даемъ вамъ вѣдати, ижъ отправили есмо старосту Жомойтскаго, маршалка великаго княжества Литовскаго, державцу Плотельскаго и Тельшевскаго пана Яна Ходкевича до земли Лифлядской,

и злѣтили ему есмо всю справу, моць и владность и гетманство земли Лифляндскія, давши ему зупольную моць въ оной земли Лифляндской, также и вами людьми служебными рядити и правити и непріятелемъ границъ отпоръ чинити, и укривжонымъ (обиженнымъ) подданнымъ справедливость дѣлати, и служебныхъ пріймовати въ службу и имъ приповѣдати, и всякія рѣчи (дѣла) во длугъ зданья его милости справовати. И вы бъ о томъ вѣдали, и его милость, яко высокаго раду нашого и справцу той земли Лифляндской головнаго, и гетмана нашего во всякой учтивости мѣли, и всякое послушенство къ его милости чинили» (Ак. Зап. Р., Т. III, № 40). Или въ уставѣ Виленскаго сейма 1563 года, въ параграфѣ 12-мъ сказано: «Никто отъ пана гетмана особою, а ни почтомъ (съ своимъ отрядомъ служилыхъ людей) не можетъ быть освобожденъ отъ военной послуги, а также никто не можетъ отпрашивать или вымоивлять у пана гетмана своихъ слугъ отъ посылокъ на военныя надобности, а равнымъ образомъ и самъ своею особою никто неимѣетъ права отговариваться отъ таковыхъ посылокъ, гдѣ панъ гетманъ кому укажетъ посылку на земскую службу съ почтомъ, будутъ ли то ихъ милости паны рады, или княжата, панята и врядники» (ibid № 33). Гетманъ, какъ главный начальникъ походнаго войска, завѣдывалъ и распоряжался всѣмъ походомъ по своему усмотрѣнію, посылалъ отъ себя большихъ воеводъ на поиски надъ непріятелемъ, и получалъ донесенія и вѣсти какъ отъ воеводъ, такъ и отъ всѣхъ пограничныхъ державцевъ и урядниковъ. Напримѣръ въ грамотѣ 1534 года отъ Сигизмунда къ гетману Радивилу сказано: «твоя ми-

лость пишешь до насъ, что ты сначала отправилъ было къ Быхову воеводу Кіевскаго, пана Андрея Якубовича Немировича, и конюшаго нашего дворнаго, пана Василья Богдановича Чижа съ передовыми людьми; а когда сдѣлалъ это распоряженіе, то къ твоей милости была принесена вѣсть отъ державцы Мстиславскаго, Юрья Юрьевича Зиновьевича, что Московскіе люди пришли къ Смоленску» (Ак. Зап. Р. Т., II, № 181). Гетманъ, какъ главный начальникъ войска, былъ въ то же время и главнымъ судьею военныхъ людей, состоящихъ въ его командѣ, и пользовался судебными пошлинами: къ нему шли всѣ жалобы на военныхъ людей, и онъ имѣлъ право приговаривать даже къ смертной казни. Въ окружной грамотѣ 1507 года, права гетмана описаны слѣдующимъ образомъ: «кто бы изъ военныхъ сталъ брать силою у кого-либо не заплативши надлежащей цѣны, того панъ гетманъ имѣетъ право казнить поманьемъ (арестомъ), а кто бы кого ограбилъ, того повѣсить; кто на кого подыметъ кордъ, у того отсѣчь руку, а кто кого ранитъ, у того отрубить голову. Ежелибы кто что нашелъ, и удержалъ у себя, а не донесъ гетману, а будетъ находка дороже полукопы то таковаго на шибеницу (висѣлицу). А кто съ пчелами дерево посѣчетъ, того также на шибеницу, а кто выдереть пчелы, ино заплатити полкопы, а вины пану гетману полкопы жъ грошей. Также, ежели у корчмита медъ краденый найдутъ, того корчмита выслать изъ войска, а панъ гетманъ казнитъ виною (пенею) по заслугѣ. А кто бы ушелъ отъ войска домой, и его въ томъ поймаютъ, такого на шибеницу. Приказуемъ, чтобы гетману нашему были во всемъ

послушны; ибо мы повелѣли ему послушныхъ чествати, а упорныхъ и непослушныхъ карати, не менѣе какъ мы панъ господарь, по его заслугѣ (ibid. № 25). Гетманъ отъ явки служилыхъ людей въ полки и отъ записки ихъ въ полковые реэстры получалъ опредѣленную пошлину.

Дворный гетманъ, какъ главный начальникъ войскъ, состоящихъ на жалованьѣ у государя, въ отношеніи къ симъ войскамъ имѣлъ ту же власть и тѣ же права, какъ великій гетманъ въ отношеніи къ войскамъ великаго княжества Литовскаго. Такъ въ грамотѣ дворному гетману Христофору Радивилу 1577 года сказано: «Приказуемъ тебѣ, чтобы твоя милость въ належности вряду своего дворнаго гетманства до тое службы и потребы нашей господарской земской людъ служебный, рыцарство на пенязи скарбу нашего пріймовалъ и способлялъ, и звелъ всего почту людей служебныхъ тысячу пятьсотъ коней ѣздныхъ по гусарски и по казацки, такъ, яко ся твоей милости видѣти будетъ, и подъ тымъ обычаемъ, яко есмо о томъ тебѣ достаточную науку дали....съ которымъ же почтомъ людей служебныхъ абы твоя милость къ границамъ панствъ нашихъ до земли Московскаго прилеглыхъ близко притянулъ, и тамъ ся положилъ, гдѣ самъ почтешь за лучшее и удобнѣйшее къ оборонѣ панства и подданныхъ нашихъ». (A. З. Р., Т. III, № 84). Но дворный гетманъ, будучи въ одномъ дѣлѣ съ великимъ гетманомъ, состоялъ подъ приказаніями сего послѣдняго; такъ въ вѣстовой отпискѣ 1564 года прямо сказано: «съ росказанья (приказанья) пана гетмана напвышаго панъ гетманъ дворный подступилъ къ непріятелямъ съ людомъ и приказалъ учи-

нить нападенье пану старостѣ Чечерскому, пану воеводичу Новгородскому и князю Соломерецкому, а также своему почту (т. е. гетманскому полку), которые и сразились съ непріятелемъ и его разбили на голову. (ib. № 35). О другихъ правахъ и обязанностяхъ дворнаго гетмана по дошедшимъ до насъ памятникамъ мы не имѣемъ свидѣтельствъ или извѣстій.

Гетманы отдѣльныхъ корпусовъ имѣли ту же власть и тѣ же права надъ ввѣреннымъ имъ войскомъ и надъ страною, гдѣ имъ назначалось дѣйствовать, какъ и великій гетманъ; они въ назначенной имъ мѣстности дѣйствовали также самостоятельно, какъ и великій гетманъ, и таковыхъ гетмановъ могло быть по нѣскольку и даже въ одной мѣстности; но они подчинялись распоряженіямъ великаго гетмана, какъ скоро онъ вступалъ въ предѣлы той мѣстности, гдѣ были расположены корпуса отдѣльныхъ гетмановъ; такъ въ грамотѣ Сигизмунда отъ 23 Декабря 1559 года сказано: «гетманомъ нашимъ до земли Лифляндской отъ насъ посланнымъ: стольнику великаго княжества Литовскаго, старостѣ Люценскому, пану Яну Еронимовичу Ходкевичу, и старостѣ Чечерскому и Пропойскому, пану Юрью Николаевичу Зеновьевичу. Увѣдомляемъ васъ, что воеводѣ Троцкому гетману наивышему великаго княжества Литовскаго, старостѣ Мозырскому, державцѣ Лидскому и Бѣлицкому, пану Николаю Юрьевичу Радивилу съ нашими войсками приказали рушитися (идти въ походъ), и панъ гетманъ на день новаго лѣта уже имѣетъ быть на мѣстѣ назначенномъ для сбора всѣмъ землямъ, и въ тожъ время отправляемъ особливый почетъ (отрядъ) людей на помочь войску Лифляндскому, для того, что-

бы вы поспѣшили занять всѣ замки, до которыхъ посланы». (А. З. Р., Т. III № 26).

Польный гетманъ, по значенію своему былъ ниже всѣхъ предшествовавшихъ гетмановъ, онъ былъ гетманомъ на время, когда не было другихъ гетмановъ, при настоящихъ же гетманахъ поступалъ подъ ихъ начальство и передавалъ имъ свои полномочія или команду. О польныхъ гетманахъ мы имѣемъ извѣстія въ окружной грамотѣ Литовской рады 1575 года, гдѣ члены рады пишутъ: урядили есмо сполномъ зъ рыцарствомъ отправить на границы гетмана польнаго, подчашаго великаго княжества Литовскаго, старосту Солецкаго его милость пана Христофа Радивила, приповѣдавши его милости службу на дванадцать сотъ жолнеровъ ѣздныхъ «(А. З. Р., Т. III, 63). При настоящемъ гетманѣ польный гетманъ былъ собственно его товарищемъ, вторымъ лицомъ, исполнялъ его приказанія; но какъ скоро настоящій гетманъ былъ убитъ, или сильно раненъ, или попадался въ плѣнъ, то польный гетманъ принималъ его команду, и на время вступалъ въ его права и обязанности. Великій гетманъ Потоцкій предъ Корсунской битвой польнаго гетмана Калиновскаго прямо сравнивалъ съ викаріемъ, и говорилъ такъ: «я здѣсь главный. Когда пробощъ въ приходѣ, викарій не имѣетъ тогда власти. Дѣло польнаго гетмана исполнять, а не судить». Слова Потоцкаго,— «когда пробощъ въ приходѣ, викарій не имѣетъ тогда власти»,—ясно говорятъ о значеніи польнаго гетмана, какъ только товарища великаго гетмана въ присутствіи сего послѣдняго; но въ отсутствіи его польный гетманъ занимаетъ его мѣсто, а посланный отдѣльно пользуется его властію и пра-

вами, какъ это видно изъ приведенной выше грамоты 1575 года. Изъ той же грамоты видно, что въ польные гетманы назначались также люди заслуженные; такъ польный гетманъ Криштофъ Радивилъ былъ въ то же время и подчашимъ и старостою Солецкимъ.

Канцлеръ. По высокому значенію своему въ іерархіи государственныхъ чиновъ въ Литовскомъ княжествѣ, за гетманомъ слѣдовалъ канцлеръ, въ первое время Литовскаго княжества, кажется носившій названіе великокняжескаго писаря. Это былъ одинъ изъ первыхъ сановниковъ при великомъ князѣ, у него была на рукахъ велико-княжеская печать, и чрезъ его руки шли всѣ важнѣйшія бумаги отъ имени великаго князя; онъ былъ непремѣннымъ членомъ велико-княжеской думы или рады, а въ послѣдствіи сената. Въ жалованной грамотѣ 1457 года, данной Казимиромъ Литовскому, Русскому и Жмудскому духовенству и дворянству, прямо сказано: «А на свидѣтельство сего листа печать наша есть привѣшена. А дѣялося и дано черезъ руцѣ велемощнаго Михаила Кезкгайловича Здявилтовича, великаго князьства Литовскаго канцлера». (А. З. Р., Т. I, № 61). Первое упоминаніе о канцлерѣ мы встрѣчаемъ въ Казимировой грамотѣ 1450 года, данной Немиру Рязановичу на отчины, гдѣ въ концѣ сказано: «А притомъ были воевода Троцкій панъ Монивидъ, намѣстникъ Смоленскій панъ Сенко Кгедикголдовичъ, панъ Михайло канцлеръ». А въ жалованной грамотѣ 1455 года, данной Казимиромъ же князю Воротынскому на вотчину, канцлеръ названъ уже членомъ велико-княжеской думы или рады; въ грамотѣ сказано. «А при томъ были рада наша, князь Миколай бискупъ Ви-

ленскій, воевода Виленскій панъ Иванъ Кгаштовтъ; маршалокъ земскій панъ Петрашъ, панъ Андрей Саковичь намѣстникъ Полоцкій; панъ Михайло намѣстникъ Смоленскій канцлеръ нашь и иные панове всѣ старшые». (ibid. № 57). Или въ грамотѣ 1482 года сказано: «Притомъ были: князь Андрей бискупъ Виленскій; панъ Виленскій староста Жомоитской, панъ Янъ Кезкгайловичь; воевода Виленскій панъ Олехно Судимонтовичь канцлеръ нашъ; маршалокъ земскій, намѣстникъ Полоцкій панъ Богданъ Андреевичь; намѣстникъ Смоленскій панъ Миколай Радивиловичь» (ibid. № 78). Съ званіемъ канцлера, какъ вообще со всѣми важными должностями, были соединены другія должности, какъ важныя по своему значенію, такъ въ то же время доходныя,— должности воеводъ, намѣстниковъ и старостъ; такъ канцлеръ Михайло Кезкгайловичь въ то же время былъ намѣстникомъ Смоленскимъ; потомъ тотъ же канцлеръ Михайло Кезкгайловичь въ 1460 году былъ вмѣстѣ и воеводою Виленскимъ; и съ сего времени воеводство Виленское уже постоянно соединялось съ званіемъ канцлера; такъ послѣ Михайлы Кезкгайловича былъ канцлеромъ и воеводою Виленскимъ Олехно Судимонтовичь (ibid. № 78). Послѣ Олехна былъ канцлеромъ панъ Николай Радивиловичь, который вмѣстѣ съ канцлерствомъ былъ и воеводою Виленскимъ (ibid. № 100). Потомъ былъ канцлеромъ и воеводою Виленскимъ и старостою Бѣльскимъ и Мозырскимъ панъ Олбрехтъ Мартыновичь Кгаштолтъ. (Ак. З. Р., Т. II, № 186). Въ 1547 году упоминаются: Воевода Виленскій, канцлеръ великаго княжества Литовскаго, державца Бобруйскій и Борисовскій, панъ

Янъ Юрьевичь Глѣбовичь (Ак. З. Р., Т. III, № 5). Какъ членъ рады или сената, канцлеръ со времени занятія сей должности Николаемъ Радивиловичемъ, во всѣхъ бумагахъ, исходящихъ отъ рады, подписывался въ слѣдъ за Бискупомъ Виленскимъ первымъ членомъ рады; слѣдовательно въ Сенатѣ или радѣ канцлеръ считался вторымъ членомъ за Виленскимъ бискупомъ примасомъ Литвы.

Подскарбій.

Подскарбіевъ было двое — земскій и дворный. Земскимъ подскарбіемъ назывался главный казначей Государства, а подскарбіемъ дворнымъ главный казначей Государева двора. И тотъ и другій подскарбій были членами рады или сенаторами. Такъ въ грамотѣ Сигизмунда на село Прилѣпъ въ 1512 году сказано: «При томъ были панове рада: панъ Виленскій гетманъ наивысшій....Князь Константинъ Ивановичь Острожскій; маршалокъ, староста Берестейскій, панъ Юрьи Ивановичь Ильинича; подскарбій земскій староста Ковенскій, панъ Аврамъ Езофовичь; маршалокъ и писарь, державца Каменецкій, панъ Богушь Боговитиновичь; Подскарбій дворный, намѣстникъ Виленскій, панъ Иванъ Андреевичь». (А. З. Р., Т. II, № 78). Подскарбій земскій завѣдывалъ всѣми доходами и расходами въ Государствѣ, смотрѣлъ за исправностію сборовъ и для сего въ его вѣдѣніи были коморники и другіе сборщики податей, они ему подавали отчеты, приносили жалобы на неисправныхъ плательщиковъ и доставляли собранныя деньги въ скарбницу или казну Государственную, самъ же земскій подскарбій давалъ отчетъ или личбу Государю: такъ въ памятной записи 1542 года сказано: «Господарь его милость казалъ записати, яко панъ

Иванъ Гарностай, подскарбій земскій, личбу его милости чинилъ со всякихъ платовъ и приходовъ и съ мытъ и съ коморъ, и положилъ на личбѣ всего расходу, за 6 годъ и за 4 мѣсяца, до Мая 1-го дня, который есть въ индикту пятнадцатомъ: 141,543 копы, 58 грошей и 3 пѣнези. А въ скарбѣ еще осталось (съ чого будетъ повиненъ личбу чинити въ переднихъ годѣхъ) 29,499 копъ, 38 грошей и пѣнезь одинъ. Съ четырехъ серебщизнъ, въ четырехъ реэстрахъ всего приходу положилъ на личбѣ: 80,289 копъ, 40 грошей и 8 пѣнезей; а розходу тыхъ всихъ пѣнезей съ четырехъ серебщизнъ выдано: 21,902 копы 47 грошей и полгроша. А чого еще на личбѣ въ розходѣ не положилъ, что ся тое серебщизны у него въ скарбѣ осталось: 28,386 копъ, 58 грошей и 3 пѣнези, съ того будетъ повиненъ личбу учинити». (А. З. Р., Т. II, № 220). Кромѣ отчета Государю подскарбій земскій представлялъ подробныя росписи доходовъ и расходовъ собираемой казны сейму и панамъ радѣ, и уговаривался съ ними отъ лица государя объ удовлетвореніи государственнымъ нуждамъ. Вообще земскій подскарбій относительно казенныхъ сборовъ былъ посредникомъ между Государемъ и сеймомъ, сейму онъ передавалъ требованія государя, а государю рѣшенія сейма; такъ въ 1538 году подскабрій земскій панъ Иванъ Горностай отъ имени государя говорилъ Виленскому сейму: «што есмо первѣй сего, о томъ прошломъ соймѣ Виленскомъ, черезъ подскарбія нашего земскаго... пана Ивана Горностая о справахъ нашихъ господарскихъ и земскихъ, напоминаючи вашу милость радъ нашихъ, абы есте мыслили и рáдили о оборонѣ земской и объ укрѣпленіи украинныхъ

замковъ...И ваша бы милость съ подскарбіемъ земскимъ о томъ обмовивши, такъ тымъ державцамъ и писарямъ росказали вчинити: продаючи сбожья съ дворовъ нашихъ, тыми пѣнязи накупити на замки украинные збожья и всякихъ живностей; а мы на то соизволяемъ, чтобы то такъ было учинено». (ibid. № 191). Чрезъ земскаго подскарбія шли всѣ денежныя выдачи по государевымъ приказамъ изъ земской казны; такъ въ королевской грамотѣ 1542 года земскому подскарбію Ивану Горностаю сказано: «чтобы ты князю Шуйскому и царевичу Пуньскому въ каждый годъ давалъ первому по 80 копъ грошей, а второму къ прежней дачѣ придавалъ бы еще по 50 копъ грошей, а всего по сту копъ на годъ. И ту дачу давалъ бы имъ каждый годъ сполна, до нашей господарской воли; а мы о томъ будемъ спрашивать съ тебя при отчетѣ (личбѣ)» (ibid. № 223).

Земскій подскарбій, какъ членъ рады или сенаторъ, кромѣ обязанности земскаго казначея, или министра финансовъ, всегда имѣлъ еще нѣсколько почетныхъ должностей, приносящихъ большіе доходы; такъ напримѣръ, по свидѣтельству, приведенной выше грамоты 1538 года, подскарбій земскій Иванъ Горностай, былъ въ то же время маршалкомъ дворнымъ, писаремъ государевымъ, старостою Слонимскимъ и Мстибоговскимъ; державцою Дорсунскимъ и Зельвенскимъ.

Подскарбій дворный завѣдывалъ всѣми доходами и расходами по королевскимъ имѣніямъ, а посему въ полномъ его вѣдѣніи были всѣ государевы города, замки и дворы и другія имѣнія. Такъ въ уставной грамотѣ 1514 года Городенскому старостѣ Юрью Ра-

дивилу сказано: «Дали есьмо замокъ нашь Городенъ со всѣми нашими дворами, которые приписаны къ сему замку, отъ насъ держать воеводѣ Кіевскому подчашему, намѣстнику Мерецкому и Мозырскому, пану Юрью Николаевичу Радивилу. А увязати (свести во владѣніе) его въ тотъ замокъ нашь и въ дворы, что къ нему приписаны, приказали подскарбію нашему дворному, намѣстнику Веленьскому, пану Ивану Андреевичу» (ibid. № 87). На обязанности дворнаго подскарбія лежалъ надзоръ за управленіемъ королевскихъ имѣній, ему подавали отчеты всѣ управители и заказщики сихъ имѣній; онъ же заботился, чтобы имѣнія сіи не подвергались разоренію и упадку и чтобы доходы съ нихъ собирались сполна и въ опредѣленные сроки; въ случаѣ же недоимокъ подскарбій посылалъ своихъ дѣтскихъ, которые доправляли недоимки сполна и сверхъ того сбирали пошлину на себя, извѣстную подъ именемъ дѣцкованья, и вины или штрафы на государя. Такъ въ льготной грамотѣ 1511 года, королевскимъ даннымъ людямъ: сказано: «Если бы они на показанныя сроки всей сполна дани нашей грошовой, и медовой, и бобровой и куничной до скарбу и до ключа нашего не отнесли; то подскарбій нашь, нисколько не мѣшкаючи, послѣ велика дня, долженъ послать дѣтскихъ своихъ, и ту дань нашу на нихъ справить съ винами нашими и съ дѣцкованьемъ ихъ» (ibid. № 75). Дворный подскарбій, также какъ и земскій, кромѣ прямой своей должности, имѣлъ еще должности почетныя, приносящія доходъ; такъ дворный подскарбій, какъ мы уже видѣли, былъ и намѣстникомъ Веленскимъ.

За должностями обще-государственными слѣдовали въ Литовскомъ государствѣ высшія должности областныя; таковы: должность *воеводы* или палатина, должность *старосты*, должность *кастелана*, должность *маршалка*. Съ сими должностями была соединена огромная мѣстная власть, и онѣ доставляли большіе доходы, частію утвержденные закономъ, а еще болѣе зависѣвшіе отъ произвола того, кто занималъ ту или другую должность. Должности сіи обыкновенно предоставлялись высшей аристократіи, и нѣкоторыя изъ нихъ были даже соединены съ званіемъ сенатора.

Воевода. *Воевода или Палатинъ* былъ наивысшею областною властію; съ должностію воеводы всегда соединялось званіе сенатора или члена рады, или княжой думы. Воеводы назначались только въ большіе и важные города, бывшіе столицами великихъ или удѣльныхъ князей прежняго времени, таковы: Вильна, Троки, Полотскъ, Новгородъ Литовскій, Владимиръ-Волынскій, Кіевъ и нѣкоторые другіе. Воеводѣ или палатину принадлежали всѣ уряды въ порученной ему области, т. е. всякое управленіе военное, судебное, административное и финансовое; такъ что во всѣхъ отношеніяхъ онъ былъ хозяиномъ въ своей области; отъ него непосредственно зависѣли, имъ назначались и судьи, и намѣстники и тіуны, и мытники и другіе служебные чины суда и администраціи, обыкновенно называвшіеся врядниками или урядниками воеводы на тогдашнемъ оффиціальномъ языкѣ. Они состояли на службѣ собственно у воеводы, а не у великаго князя Литовскаго; онъ ихъ назначалъ, онъ ихъ и смѣнялъ; и они въ своей служебной дѣятельности отвѣчали передъ нимъ, а на передъ вели-

кимъ княземъ Литовскимъ; такъ что за всѣ ихъ неисправности по службѣ и за злоупотребленіе власти отвѣчалъ передъ государемъ воевода; и отъ государя, въ случаѣ жалобъ отъ жителей, писалась къ воеводѣ грамота, чтобы онъ смотрѣлъ строже за своими урядниками. Къ тому же воеводы вообще были несмѣняняемы и назначались пожизненно, а не на срокъ; отъ чего власть ихъ, сама по себѣ громадная, получила еще большую силу и значеніе; при томъ, всѣ они какъ мы уже видѣли, были членами рады или сената, слѣдовательно тѣмъ еще болѣе увеличивали свою власть.

Воевода, какъ хозяинъ и главный начальникъ области, состоящей въ его вѣдѣніи, завѣдывалъ всѣми служилыми людьми своей области; подъ его надзоромъ и по его распоряженіямъ собирались мѣстныя войска по требованію правительства; въ пограничныхъ областяхъ онъ былъ главнымъ предводителемъ мѣстныхъ войскъ, ходилъ съ ними въ походъ противъ непріятелей и распоряжался защитою своей области, а также ссылался съ сосѣдними государями, вступалъ съ ними въ переговоры и получалъ отъ нихъ грамоты, которыя по прочтеніи отсылалъ или къ великому князю, или въ княжную раду, какъ о всемъ этомъ подробно говорится въ письмѣ короля Сигизмунда къ Кіевскому воеводѣ пану Юрію Радивилу, писанномъ въ 1534 году (А. З. Р., Т. II, № 177). Пограничные воеводы также добывали вѣсти изъ непріятельской земли чрезъ перебѣжчиковъ и и шпіоновъ и иными подручными путями, и добытыя вѣсти отсылали къ государю, или въ государеву думу или гетману, смотря по надобности, какъ это за-

свидѣтельствовано вѣстовой отпиской 1534 года отъ Полотскаго воеводы Яна Глѣбовича въ королю Сигизмунду (ibid. № 179). Послѣ служилыхъ людей въ вѣдѣніи воеводы состояла вся земля, порученной ему области, даже вотчины частныхъ владѣльцевъ, выключая привиллегированныхъ; а посему всѣ переходы поземельныхъ имѣній и всѣ споры по этому предмету производились съ разрѣшенія воеводы, какъ напримѣръ: воевода Кіевскій Андрей Немировичь въ 1516 году судилъ споръ о Борщовской пашнѣ, между старцами Николаевскаго Пустынскаго монастыря и намѣстникомъ Софійскимъ (ibid. № 97). Или въ 1524 году воевода Виленскій Гаштольтъ, отводилъ пустовскую землю въ Виленскомъ повѣтѣ Юрьевскимъ законникамъ въ Вильнѣ (ibid. № 127). Или въ 1508 году Кіевскій воевода Юрій Монтовтовичь, придалъ Николаевскому Пустынному монастырю Долобское озеро (ibid. № 38). Воевода даже имѣлъ право отдавать монастыри въ патронатъ (ibid. № № 121 и 122). Земли, назначаемыя служилымъ людямъ, по жалованнымъ государевымъ грамотамъ, отводились по распоряженію воеводы, который назначалъ въ какихъ мѣстахъ отводить земли (ibid. № 119).

Относительно суда воевода назначалъ своихъ судей по всѣмъ повѣтамъ своего воеводства, которые должны судить шляхту въ назначенные сроки (Ак. Зап. Р., Т. III, № 4). Самъ воевода былъ главнымъ судьей въ своемъ воеводствѣ, онъ судилъ всѣ дѣла уголовныя и по поземельнымъ спорамъ въ своемъ главномъ городѣ, но неиначе какъ вмѣстѣ съ князьями и боярами порученной ему области; на воеводскій судъ, можно было приносить жалобы только са-

мому государю; воеводскому суду были подвѣдомы, хотя не во всѣхъ дѣлахъ, не только князья и бояре, но и старосты и другіе державцы повѣтовъ, состоящихъ въ области подчиненной воеводѣ, даже монастыри, въ дѣлахъ не подлежащихъ церковному суду, не были изъяты отъ воеводскаго суда. Воеводѣ даже подавались жалобы на неправильный раздѣлъ монастырскихъ доходовъ; такъ въ 1534 году Полотскій воевода Янъ Глѣбовичь судилъ по челобитью черницовъ Предтечевскаго монастыря, тамошняго архимандрита Стефана Рогозу, въ неправильномъ раздѣлѣ монастырскихъ доходовъ, и, въ присутствіи Полотскихъ бояръ, обвинилъ архимандрита (А. Зап. Р., Т. II, № 176). Въ судѣ же надъ старостами и другими державцами повѣтовъ, по жалобамъ повѣтовыхъ людей на притѣсненія, воевода, лично разобравши дѣло, давалъ обвиненному старостѣ или державцу особую уставную грамоту, по которой онъ долженъ управлять повѣтомъ, какъ это засвидѣтельствовано уставною грамотою 1539 года, данною Кіевскимъ воеводою Андреемъ Немировичемъ Черкасскому старостѣ Яну Пеньку (ibid. № 195). Въ дѣлахъ уголовныхъ воеводскому суду было предоставлено, смотря по винѣ, назначать и смертную казнь (ibid. № 70). Во всѣхъ дѣлахъ отъ воеводскаго и его тіуновъ суда шли воеводѣ опредѣленныя закономъ судныя пошлины.

Собственно въ административномъ отношеніи воевода, какъ главный хозяинъ, начальникъ края, завѣдывалъ всѣмъ управленіемъ; отъ него зависѣли всѣ административныя низшія власти; онъ давалъ областямъ уставы и привиллегіи; такъ напримѣръ въ 1523 году воевода Виленскій панъ Олбрехтъ Марты-

новичь Кгаштолтъ далъ городу или мѣсту Клещелязи уставную грамоту, на основаніи Хелмскаго права, въ которой подробно опредѣленъ платежъ податей и порядокъ управленія чрезъ войта и бурмистровъ, на основаніи Хелмскаго права (ibid. № 123). Къ воеводѣ, какъ главному управителю, стекались всѣ книги и отчеты по управленію мѣстными урядниками. Даже князья, паны и бояре имѣющіе свои вотчины въ области, состоящей въ вѣдѣніи воеводы, были въ нѣкоторой зависимости отъ него, онъ смотрѣлъ за исправностью службы съ ихъ имѣній; и мѣстный землевладѣлецъ панъ или князь не могъ уѣхать за границу, не испросивши дозволенія у государя или у воеводы, при чемъ воевода долженъ былъ имѣть обезпеченіе, что служба уѣзжающаго и въ его отсутствіи будетъ исправна (ibid. № 164).

По финансовому отдѣлу воевода имѣлъ надзоръ за исправнымъ сборомъ податей; къ нему относились коморники и другіе сборщики, назначаемые подскарбіемъ; онъ назначалъ новыя мыта и дѣлалъ другія распоряженія по сбору податей и пошлинъ. Этотъ отдѣлъ вмѣстѣ съ судебнымъ былъ главнымъ источникомъ воеводскихъ доходовъ. Такъ по Кіевской уставной грамотѣ 1499 года, Кіевскому воеводѣ шли слѣдующіе доходы: 1-е) какіе купцы или казаки пріѣзжаютъ въ Кіевъ и останавливаются у Кіевскихъ гражданъ; то сіи должны объявлять объ этомъ Кіевскому воеводѣ и платить опредѣленную пошлину, подъ именемъ обѣстницы; а который не объявитъ о пріѣзжемъ гостѣ, съ того пени въ пользу воеводы, 12 копъ грошей; 2-е) въ пользу воеводы шло осминничіе, когда воеводскій осмъникъ застанетъ котораго

мѣщанина или купца или казака христіанина съ бѣлыми головами (вдовами), непочестныя рѣчи дѣлаючи; то намѣстнику митрополичьему съ того опредѣленная пеня, а воеводѣ съ того пени копа грошей; а ежели осмъникъ застанетъ въ таковыхъ же рѣчахъ гостя Турчина, или Татарина, или Армянина; то воеводѣ съ таковаго вины 12 копъ грошей; 3-е) которые казаки ходятъ водою на добычу внизъ до Черкасъ и дальше; то со всего добытаго должны платить воеводѣ десятое и безъ того не допускались къ продажѣ своего товара; 4-е) которые перекупщики сидятъ въ ряду и торгуютъ хлѣбомъ идругими съѣстными припасами; тѣ каждую субботу платятъ воеводину осмънику по деньгѣ съ товару; а кто вновь открываетъ въ ряду лавку съ съѣстными припасами, тотъ платитъ осмънику куницу въ 12 копъ грошей; 5-е) которые купцы, когда ѣдутъ изъ Кіева, и чтобы меньше платить мыта, такъ тяжело накладываютъ возы товаромъ, что возы ломятся, то всякій возъ съ товаромъ, сломившійся до выѣзда за золотыя вороты или до Почайны, отбирается на Кіевскаго воеводу; 6-е) лучники Кіевскіе должны давать воеводѣ полуку на великъ день и на Рождество Христово; 7-е) кузнецы и чоботари должны давать воеводѣ топоры и чоботы (А. Зап. Р., Т. I, № 170). Кромѣ того, на воеводу шла пошлина, извѣстная подъ названіемъ выводной куницы; она сбирались тогда, когда кто бралъ дѣвицу въ замужество за волость, т. е. не въ воеводскій присудъ (А. Зап. Т. II, № 30). А также ему шла пошлина, подъ названіемъ гостинца отъ всякой пивной вари по полукопѣ грошей (ibid. № 70); далѣе, съ мясныхъ лавокъ на каждую суб-

боту шло мясо на за́мокъ, или воеводѣ; также опредѣленная плата съ горѣлаго вина; воевода же обыкновенно имѣлъ надзоръ за продажею питій въ шинкахъ и получалъ съ нихъ опредѣленный доходъ (ibid. № 71).

Впрочемъ права, обязанности, доходы и значеніе воеводъ не во всѣхъ областяхъ были одинаковы; привеллегіи, даваемыя тѣмъ или другимъ областямъ, много измѣняли положеніе воеводъ; такъ напримѣръ Полотскіе и Витебскіе воеводы назначались не иначе, какъ по согласію Полочанъ и Видблянъ и, недовольные однимъ воеводою, они могли просить о назначеніи другаго, и даже указывать, кого желаютъ. Полотскій или Витебскій воевода, вступая въ должность, въ первый же день долженъ дать присягу гражданамъ, что Полочанина или Видблянина ни въ чемъ некарать безъ исправы. Полотскій или Витебскій воевода не могъ судить мѣщанъ одинъ, а непремѣнно вмѣстѣ съ старшими боярами и мѣщанами (А. Зап. Р., Т. I, № 175 и 204). Вообще въ уставныхъ грамотахъ областямъ обыкновенно писалось, чтобы воеводамъ править областью по стародавнимъ обычаямъ и новинъ не вводить; но на дѣлѣ это рѣдко исполнялось, и воеводы давали большой просторъ своему произволу. Даже Полотскіе воеводы, болѣе другихъ по видимому ограниченные, плохо слѣдовали предписаніямъ правительства, даже не однократно повторяемымъ. Такъ въ грамотѣ Короля Сигизмунда Полотскому воеводѣ Петру Станиславовичу Кишкѣ 1527 года сказано: «Многократно прежде сего жаловались намъ мѣщане Полотскіе, о кривды, утѣсненія, грабежи и нарушенія ихъ правъ отъ твоей милости, и о

многихъ неправдахъ, убійствахъ, бояхъ и грабежахъ, отъ твоихъ урядниковъ и слугъ. И мы не однократно писали къ твоей милости и дворянъ своихъ посылали, приказывая тебѣ, чтобы ты никакихъ неправдъ и утѣснѣній имъ не чинилъ. И твоя милость, не обращая вниманія на наши приказанія, еще большіе неправды и утѣснѣнія имъ подѣлалъ» (Ак. Зап. Рос., Т. II, № 147). И тѣмъ не менѣе Кишка оставался Полотскимъ воеводою и послѣ этой грамоты.

Воеводства, кажется, имѣли между собою старѣйшинство, т. е. одно воеводство считалось выше другаго, какъ это можно видѣть изъ примѣра съ княземъ Глинскимъ: ибо когда въ 1507 году Сигизмундъ смѣстилъ князя Ивана Глинскаго съ Кіевскаго воеводства на Новгородъ-Литовское, то въ грамотѣ писалъ: «Тожъ мѣстца отъ него не отдаляючи, маемъ его воеводою Новгородскимъ и маршалкомъ нашимъ въ титулѣ его писати; а мѣсто въ радѣ межи пановъ рады нашея В. К. Литовскаго, дали есми ему подлѣ пана старосты Жомойтскаго» (ibid. № 7). Есть и другіе примѣры подобные сему: такъ въ одномъ дѣлѣ о правахъ Кіевскихъ мѣщанъ и объ ихъ отношеніяхъ къ воеводѣ былъ спрашиванъ Полотскій воевода, бывшій прежде Кіевскимъ воеводою. Все это показываетъ, что воеводы хотя назначались не на срокъ, а пожизненно; тѣмъ не менѣе могли быть переводимы съ одного воеводства на другое, въ видахъ повышенія, но едвали въ видахъ пониженія, какъ видно изъ примѣра князя Ивана Глинскаго.

Воеводы или палатины, какъ непремѣнные члены Государевой рады, и притомъ не рѣдко бывшіе канцлерами и исправлявшіе другія важныя государ-

ственныя должности, естественно не могли постоянно присутствовать въ своихъ воеводствахъ; посему большею частію они управляли воеводствами чрезъ своихъ намѣстниковъ, а сами пользовались только доходами и лишь временно пріѣзжали въ свое воеводство. А для засѣданія въ велико-княжеской радѣ члены чередовались между собою, но въ какіе сроки, по дошедшимъ до насъ памятникамъ этого невидно. Воеводы обыкновенно при воеводствахъ бывали еще старостами и державцами собственно для доходовъ; такъ въ 1529 году Князь Константинъ Острожскій, будучи воводою Троцкимъ, съ тѣмъ вмѣстѣ былъ и старостою Браславскимъ и Винницкимъ, или Полотскій воевода Петръ Станиславовичь Кишка былъ въ тоже время старостою Дорогицкимъ, и державцою Ожскимъ и Переломскимъ. (ibid. N 164). Даже случалось, что кромѣ доходовъ отъ управленія воевода иногда получалъ еще особое жалованье. Такъ въ 1508 году, при назначеніи князя Юрія Гольшанскаго на Кіевское воеводство, въ грамотѣ Сигизмунда прямо сказано: далиесмо воеводство Кіевское, и замокъ нашъ Кіевъ отъ насъ въ держанье князю Юрію Александровичу, и къ тому прирекли есмо ему давать въ каждый годъ по триста копъ грошей для вспоможенья, (Ак. З. Р., Т. II, № 44). Но таковое денежное жалованье не было общимъ для воеводъ, а какъ особое исключеніе.

Старосты. *Старосты*. По Литовскому статуту должность старосты была слѣдующею за должностью воеводы. Старосты были разныхъ степеней. Одни старосты были начальниками надъ цѣлою страною, такими же какъ воевода или палатинъ, т. е. самостоятельными управителями, каковы напримѣръ староста Волынской

земли, староста Жомойтскій или Городенскій, и другіе; таковые старосты большею частію бывали съ тѣмъ вмѣстѣ и членами Государевой рады или думы. Таковы напримѣръ: староста Жомойтскій, староста Городенскій, староста Луцкій, староста Берестейскій. Напротивъ, другіе старосты были правителями одного или нѣсколькихъ повѣтовъ; таковы напримѣръ старосты: Коневскій, Черкасскій, Мозырскій, Бѣльскій, которые даже находились въ нѣкоторой зависимости отъ воеводъ, покрайней мѣрѣ имѣли власть болѣе или менѣе ограниченную.

1-е. По судебнику князя Ягайлы Ольгердовича 1423 года судебной власти старосты подлежали: 1-е насиліе женщинъ, 2-е разбой на добровольной дорогѣ. 3-е пожогъ, и 4-е гвалтъ домовый; по другимъ же дѣламъ старосты не имѣютъ права принимать жалобы. (А. З Р., Т. I, № 27). Но это общее правило въ послѣдствіи не вездѣ примѣнялось хотя постоянно оставалось общимъ правиломъ. Такъ напримѣръ староста Волынской земли: 1-е не могъ казнить и сажать въ тюрму ни князей, ни пановъ, ни земянъ; а въ случаѣ ихъ преступленій обязанъ былъ представлять Государю и поступать съ ними такъ, какъ будетъ указано отъ Государя; 2-е не имѣлъ права судить и рядить княжескихъ, панскихъ и земянскихъ людей, ни брать съ нихъ ни пеней ни заруки; они подлежали суду своихъ господъ; 3-е онъ могъ судить княжескихъ, панскихъ и земянскихъ людей только въ городѣ, въ случаѣ разбоя, гвалта, шляхетской раны и пожога; 4-е также старостѣ и его намѣстникамъ предоставленъ судъ въ уголовныхъ дѣлахъ по ярмаркамъ; уголовныя же дѣла въ имѣніяхъ Княжескихъ, панскихъ и земян-

скихъ не подлежали суду старосты, ихъ судятъ на мѣстѣ свои судьи, назначенные самими владѣльцами имѣній; 5-е въ дѣлахъ исковыхъ судъ надъ Князьями, панами и земянами принадлежалъ старостѣ; но у него на судѣ непремѣнно должны присутствовать мѣстные князья, папы и земяне; притомъ князь, панъ и земянинъ могли отозваться на судъ самаго Государя, и староста не имѣлъ права сему препятствовать. (А. З. Р, Т. II, № 54). Между другими дѣлами старостѣ принадлежалъ судъ по поземельнымъ владѣніямъ; по наказу 1511 года старостѣ Дрогичинской земли: «Ежели бы была испорчена борть; то для суда должны отправиться на мѣсто порчи гаевникъ (лѣсничій), вижъ городній, два коморника,—судьинъ и подсудковъ, и городскій писарь, и должны то дѣло разобрать и рѣшить. А ежели бы они не могли рѣшить этого дѣла, то должны его представить старостѣ, судьѣ и подсудку, которые должны рѣшить дѣло. А что касается споровъ при размежеваньи границъ: то для разбора ихъ должны выѣзжать на мѣсто староста съ судьею и подсудкомъ, а судовые листы или правыя грамоты долженъ выдавать старостинъ писарь. Что же касается до дѣлъ военныхъ, то староста не имѣетъ права вступаться въ нихъ, ни судить ни рядить; дѣла сіи должны быть въ вѣдѣніи судьи съ подсудкомъ. Въ самыхъ даже уголовныхъ дѣлахъ староста судитъ только тогда, когда есть поличное, и безъ поличнаго судъ принадлежитъ судьѣ и подсудку. (ibid. 64). Впрочемъ этотъ порядокъ суда былъ не повсемѣстный. Судъ по уголовнымъ дѣламъ оставался за старостою даже тогда, когда жители города получали магдебурское право. Такъ въ жалованной грамотѣ 1507 года Волковый-

скимъ мѣщанамъ на магдебурское право, сказано: «что же касается къгвалту, пожоги, разбоя и насильства; то Государь взялъ на себя и на своихъ урядниковъ (старостъ) (ibid. № 13). Жомойтскій староста, по уложенью 1542 года, по давнему обычаю и по привиллегіямъ Жомойтской земли, не имѣлъ права судить Жомойтской шляхты безъ тіуновъ и безъ бояръ шляхты. А когда самъ отъѣзжалъ въ свои имѣнія, то вмѣсто себя долженъ былъ оставлять тіуна и двухъ бояръ, шляхту и своего урядника, которые должны судить въ его отсутствіи по давнему обычаю. (ibid. № 221). Въ уложеніи 1547 года для всей Литвы въ просьбѣ 12 сказано, что каждый обязанъ судиться передъ воеводами, старостами и другими державцами, кто въ въ чьемъ повѣтѣ будетъ. (А. З. Р, Т. III, № 4). Изъ уложенья 1551 года видно, что въ Жомойтской землѣ въ дѣлахъ по забиранью земель, людей и въ другихъ обидахъ должны судиться передъ Жомойтскимъ старостою не только великіе паны съ ихъ урядниками, но даже Жомойтскій князь Вискупъ съ своимъ духовенствомъ не исключался отъ старостина суда (ibid. № 11). Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ оказывается, что старостѣ принадлежалъ вообще судъ по уголовнымъ дѣламъ съ поличнымъ и въ дѣлахъ по поземельному владѣнію; но судъ этотъ, смотря по времени и мѣсту, подлежалъ разнымъ ограниченіямъ. Въ дѣлахъ исковыхъ гражданскихъ судъ также принадлежалъ старостѣ, только дѣла сіи судилъ не самъ староста, но выбранные имъ судьи и подсудки или въ землѣ Жомойтской тіуны; тѣмъ не менѣе недовольные тіунскимъ судомъ могли судиться у старосты, который для этого открывалъ свой судъ на четыре

срока въ году и вмѣстѣ съ тіунами разбиралъ представленныя ему дѣла; и отъ этого суда никто непмѣлъ права отзываться на другой—ни тіуны ни шляхта; а кто бы сталъ уклоняться, таковыхъ панъ староста съ тіунами безъ суда объявлялъ виноватыми. (А. З. Р, Т. II, № 160). По крайней мѣрѣ таковый порядокъ наблюдался въ Жомойтской землѣ.

Старосты также, какъ и воеводы, сами назначали судей, и судьи должны судить вмѣстѣ съ подстаростою, и на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ укажетъ староста, начетыре срока въ году. Въ уставѣ 1551 года прямо сказано: «Судьи въ повѣтахъ воеводскихъ и старостинскихъ имѣютъ быть уставлены отъ пановъ воеводъ и старостъ повѣтовыхъ, согласно съ статутомъ. А судить они должны вмѣстѣ съ намѣстникомъ воеводинымъ или съ подстаростой, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имъ укажутъ панове воеводы и старосты, а съѣзжаться на сіи суды на четыре срока въ году, т. е. каждую четверть года, и въ каждый срокъ судить по четыре недѣли. А позвы должны давать за печатьми намѣстниковъ воеводиныхъ или подстаростъ; а при нихъ долженъ быть писарь присяжный, воеводы или старосты. Аппеляціи на сихъ судей должны подаваться на имя воеводы или старосты, и для сего воеводы или старосты каждый годъ два раза, на Михайловъ день и на седмую субботу, должны давать судъ и пріѣзжать въ свой столичный городъ каждый разъ на четыре недѣли. Недовольные судомъ воеводы или старосты имѣютъ право жаловаться панамъ радѣ или самому Государю одинъ срокъ году на св. Мартына. (А. З. Р, Т. III, № 11).

2-е. Послѣ суда въ вѣдѣніи старостъ находились всѣ земли, приписанныя къ его повѣту, будутъ-ли то земли государевы или частныхъ лицъ и обществъ; а посему всѣ перемѣны по поземельному владѣнію должны производиться не иначе какъ съ вѣдома старосты и при записке въ установленныя для того книги. Такъ въ уставной грамотѣ 1501 года, данной Бельской области, сказано: Земяне могутъ свои поземельныя имѣнія вотчинныя и купленныя продавать, мѣнять, закладывать, и распоряжаться или по собственному усмотрѣнію, только не иначе какъ съ дозволенія старосты, и притомъ платить старостѣ допустнаго, (при введеніи во владѣніе) копу грошей: (А. З. Р, Т. I, № 189). Или въ уставѣ 1551 года, данномъ на Виленскомъ сеймѣ, предписано: «всякія записи на отчужденіе недвижимыхъ имѣній и на людей должны быть справованы и чинены не иначе какъ предъ урядомъ, т. е. или предъ самимъ Государемъ, или передъ панами радами, или передъ воеводами, или передъ старостами и судьями повѣтовыми. И кто бы хотѣлъ кому что изъ недвижимыхъ имѣній продать или подарить или какъ иначе уступить, таковый долженъ самолично придти передъ урядъ и устно объявить, что онъ такое-то имѣніе уступаетъ такому-то; и это объявленіе должно быть записано въ книги того уряда. (А. З. Р, Т. III, № 11). Или въ уставахъ 1559 года, когда Жомойтская шляхта просила Государя, чтобы ей по давному обычаю дозволенъ былъ свободный входъ въ Государевы лѣса для рубки бревенъ на строенья и на иныя потребы, и для ловли рыбы въ озерахъ: то Государь отвѣчалъ, что онъ прикажетъ Жомойтскому старостѣ довѣдаться о лѣсахъ, въ которые дoз-

воленъ свободный входъ по старымъ привиллегіямъ». (ibid. № 24). Въ имѣніяхъ Государевыхъ староста даже смотрѣлъ какъ распорядиться Государевымъ хлѣбомъ. Такъ въ уставной грамотѣ 1514 года Городенскому старостѣ, когда будетъ сжато на нашихъ Городенскихъ дворахъ жито, то староста прежде всего долженъ выдать мѣсячину челядинцамъ нашимъ на цѣлый годъ; а потомъ съ жита и съ яринъ всякихъ двѣ части на насъ Государя, а третью часть на самаго старосту». (А. З. Р., Т. II, № 87).

3-е Староста наблюдалъ, чтобы въ повѣтѣ не было обидъ жителямъ и нарушенія законовъ относительно разныхъ промысловъ; такъ онъ смотрѣлъ, чтобы не было ярмарокъ на неузаконенныхъ мѣстахъ, а также корчемъ и другихъ торговыхъ заведеній, чтобы торги производились правильно и на ярмаркахъ не было безпорядковъ. Такъ въ уставныхъ грамотахъ Жомойтскимъ областямъ 1527 и 1530 годовъ сказано: «чтожъ касается шляхты, кому бы въ чемъ до кого было дѣло, или кто будетъ люди и земли безъ нашей данины позабралъ, или торги и корчмы въ своихъ имѣніяхъ уставлялъ; о томъ писали мы пану старостѣ Жомойтскому, чтобы его милость на то съемъ (съѣздъ) вамъ всей земли положилъ, и приказалъ стать передъ собою, и листы и данины на земли и на люди и на торги и на корчмы положить, и о томъ о всемъ достаточно довѣдался бы и справедливость учинилъ и намъ объявилъ». (ibid. № 149). Или на Виленскомъ сеймѣ 1554 года шляхта просила, чтобы воеводы и старосты въ своихъ урядахъ или сами или черезъ своихъ урядниковъ досмотрѣли, чтобы была ровность въ мѣстѣхъ, въ торгахъ, въ мѣрахъ и вагахъ,

и чтобы также при продажѣ живности и всякихъ вещей отъ ремесленныхъ людей былъ установленъ шацунокъ (А. З. Р. Т. III. № 13). Или въ уставной грамотѣ 1509 года для Волынской земли сказано: что старосты обязаны посылать своихъ намѣстниковъ по ярмаркамъ для суда и надзора за порядкомъ. (А. З. Р, Т. II, № 54). Или въ королевскихъ отвѣтахъ на просьбы Жомойтской земли 1542 года поручается Жомойтскому старостѣ донести Государю о новоуставленныхъ лѣсничихъ, введенныхъ старостами Кишкою и Радивиломъ. А также донести Государю о вотчинныхъ людяхъ и челяди новольной, которые утекаютъ до Шавль и другихъ городовъ и слободъ, и оттуда ихъ невыдаютъ». (ibid. № 221). По уставной грамотѣ 1539 года Черкасскій староста наблюдалъ за рыбными ловлями и бобровыми ухожаями, и жители безъ воли старостиной не имѣютъ ходить ни на рыбную ловлю, ни на бобровые гоны, ни на другія какія добычи по звѣроловству. (ibid. № 195).

4-е. Въ отношеніи къ оборонѣ области ввѣренной старостѣ, подъ его вѣдѣніемъ находились всѣ укрѣпленія и оборонительныя средства, а равнымъ образомъ и всѣ служилые или военные люди, живущіе въ его повѣтѣ. Пограничные же старосты сносились съ сосѣдними владѣльцами, и даже по мѣрѣ надобности для обороны предпринимали небольшіе военные походы съ служилыми людьми своего повѣта. Такъ въ уставахъ 1551 года сказано: «панове воеводы и панове старосты по своей обязанности должны строго смотрѣть, чтобы каждый, кто повиненъ работать при укрѣпленіи замковъ, работалъ исправно, и чтобы не было никому поблажки и отпуску. (А. З. Р., Т. III,

№ II). Изъ просьбъ Мстиславскаго повѣта видно, что панъ староста распоряжался возведеніемъ укрѣпленій въ городѣ и даже по своимъ соображеніямъ для выгоды укрѣпленій могъ разбирать частныя зданія. (Томъ III, стр. 106—107). Староста Жомойтскій выбиралъ хоружаго, какъ непосредственнаго начальника служилыхъ людей повѣта, и представлялъ свой выборъ государю. Утвержденный Государемъ хоружій, какъ и всѣ хоружіе въ княжествѣ Литовскомъ, долженъ водить до пана старосты служилыхъ людей для записки въ войско, и во время похода носить хоругвь. А когда староста самъ отправлялся въ военный походъ, то хоругвь находилась у старосты. (ibid. № 24). Въ 1524 году, по слухамъ о нашествіи Крымцевъ, въ королевской грамотѣ къ старостѣ Городенскому писано: «Ажъ бы ваша милость и всѣ паны рады наши съ дворы своими и со всѣми слугами конно и збруйно собралися и поготову были... А князьямъ и панамъ, и боярамъ и дворянамъ нашимъ всѣмъ, которые имѣютъ свои имѣнія въ Городенскомъ повѣтѣ, также бы твоя милость сказалъ готовымъ быти конно и сбройно и чтобъ ѣхали съ тобою на срокъ до Берестья. (А. З. Р., Т. II, № 129). Изъ Королевской грамоты 1528 года видно, что Черкасскій и Каневскій староста сносились съ Татарскими царевичами, кочевавшими въ сосѣднихъ степяхъ, и доносили о своихъ сношеніяхъ Государю прямо безъ посредства, и государь чрезъ свои грамоты давалъ ему наказы по сему дѣлу. (ibid. № 156).

5-е. Доходы старосты отъ своей должности были не одинаковы по разнымъ мѣстностямъ; ибо въ Литовскомъ княжествѣ было столько привиллегій и изъятій,

что почти каждая область пользовалась своими особыми правами. Такъ Городенскій староста пользовался доходами какъ съ Городна, такъ и со всѣхъ государевыхъ дворовъ, которые тянутъ къ Городну. Въ грамотѣ 1514 года Государь Литовскій пишетъ: «Князьямъ, панамъ, боярамъ и дворянамъ нашимъ, и войту и мѣщанамъ, и тивунамъ, и сотскимъ, и людямъ нашимъ путнымъ и тяглымъ дворовъ нашихъ Городенскихъ; и вы бы послушны были ему во всемъ потому, какъ и прежнимъ старостамъ Городенскимъ. А ввести его во владѣніе мы приказали подскарбію нашему дворному. На дворахъ государевыхъ староста по сжатіи хлѣба прежде всего долженъ выдать мѣсячину челяди невольной Государской на весь годъ, затѣмъ изъ хлѣба двѣ части Государю и часть старостѣ. А вины всякія малыя и великія идутъ на Государя, кромѣ старостина повиннаго и выметнаго, когда выкинетъ на него въ какомъ дѣлѣ. Староста Городенскій и его урядники получаютъ свои доходы съ сотниковъ тіуновъ и приставовъ, и съ сорочниковъ, а также мостовое мѣсто на Неманѣ, и иные доходы свои старостины имѣетъ право собирать какъ и прежніе старосты Городенскіе, и по старому обычаю держать и вѣдать мельницы по Неману и по другимъ рѣкамъ» (ibid. № 87). Староста Черкасскій, по суду Кіевскаго воеводы 1539 года, получалъ съ каждаго домахозяина по два гроша въ годъ на сторожу, съ каждаго двора по возу сѣна; кромѣ того мѣщане не имѣли права возить въ Кіевъ медъ на продажу, а непремѣнно должны были продавать Черкасскому старостѣ по 85 грошей за кадь. Что же касается до рыбныхъ ловель и бобровыхъ гоновъ по Днѣпру, то

для этого требовалось дозволеніе старосты и за это ему платилась извѣстная доля улову или выть, какую онъ назначитъ. А осенью, когда будутъ ставить колодки на бобровъ, давать старостѣ на городъ бобра, также при ловлѣ и продажѣ всякой рыбы и звѣря и при всякой добычѣ платить старостѣ на городъ условленную выть, т. е. долю изъ добычи. А отъ коледы, т. е. отъ обрядоваго славленья на канунѣ Рождества Христова, мѣщане и казаки должны были платить старостѣ по лисицѣ или куницѣ, или по шести грошей. Сверхъ того мѣщане обязывались давать старостѣ подводу до Канева по два человѣка. (ibid. № 195). Изъ грамоты 1558 года старостѣ Мстиславскому и Радомскому видно, что старостѣ принадлежалъ весь прѣсный медъ, собираемый въ обоихъ повѣтахъ. (А. З. Р., Т. III, № 23). По общимъ уставамъ 1551 года старостамъ отъ суда по гражданскимъ дѣламъ или пересуда отъ десяти грошей шло полгроша, отъ копы три гроша, отъ рубля пять грошей, которые платилъ истецъ, получившій по суду свой искъ; а ежелибы отвѣтчикъ въ какомъ дѣлѣ большомъ или маломъ оправдался; то платилъ старостѣ памятнаго четыре гроша. Въ дѣлахъ же уголовныхъ убійца платилъ старостѣ двѣнадцать рублевъ грошей. А ежелибы кто кого охромилъ, или руку сломалъ, тотъ кромѣ другихъ взысканій платилъ старостѣ повѣтому шесть рублевъ грошей повиннаго (ibid. № II). По уставной грамотѣ 1561 года Могилевскимъ мѣщанамъ, старостѣ платилось писчаго при платежѣ поземельныхъ податей по 12 пѣнязей съ волоки, отъ воротъ по 2 пѣнязя, отъ полевой или сѣнокосной земли съ моргу по пенязю. Кромѣ того староста вездѣ получалъ опредѣленную пошлину

отъ явки пріѣзжихъ иногородныхъ купцовъ или гостей, которая называлась обѣстною, и одинъ разъ въ году имѣлъ право торговать въ свою пользу сыченымъ медомъ. Ему же шла третья доля отъ всѣхъ пеней и штрафовъ, а отъ свадебъ выводная куница по девяти грошей отъ каждой свадьбы, отъ войтовскаго суда по межамъ, и спашамъ и стравамъ по четыре гроша отъ каждаго дѣла, и наконецъ торговая пошлина съ пріѣзжихъ торговцевъ съ мѣры и съ бочки по четыре пѣнязя (ibid. № 28).

Должность старосты нерѣдко придавалась къ другимъ высшимъ должностямъ, напримѣръ къ гетманству, канцлерству, воеводству, иному сановнику давалось по нѣскольку старостъ; такъ воевода Подляшскій, маршалокъ земскій панъ Янушь Костевичь въ одно и тоже время былъ старостою Переломскимъ, Радунскимъ и Ожьскимъ, или воевода Кіевскій Радивилъ былъ вмѣстѣ и старостою Городенскимъ. Таковые старосты обыкновенно держали подстаростей или намѣстниковъ, которые и управляли ввѣренною имъ областью, сами же старосты пользовались только доходами съ области. Староства, равно какъ и другіе уряды, разъ данные кому либо, уже не могли быть отняты иначе какъ по суду въ случаѣ какихъ либо злоупотребленій, или когда бы староста или другій какой урядникъ своимъ нерадѣніемъ причинялъ убытокъ въ сборѣ государевыхъ податей. (Ibid. № П. §. 5). Иногда староства, какъ оброчная доходная статья, передавались женѣ и дѣтямъ выбывшаго старосты; такъ когда въ 1577 году староста Волмерскій и Трикатскій князь Полубенскій былъ взятъ въ плѣнъ Московскими войсками, то управленіе его областію было передано

его женѣ и дѣтямъ, и Государь писалъ жителямъ и урядникамъ тамошнимъ, чтобы они были послушны княгинѣ Полубенской и ея урядникамъ, и чтобы она въ своихъ правахъ не терпѣла никакого убытка, и для наблюденья за симъ и для управленія тамошними дѣлами былъ посланъ королевскій дворянинъ Рабечь Филипповичь Гноицкій (ibid. № 88). Такимъ образомъ ежели самое правительство на должность старосты смотрѣло какъ на доходную статью, то конечно сами старосты тѣмъ болѣе считали порученный имъ повѣтъ за пожизненное доходное владѣніе.

Маршалокъ.

Прямыхъ и ясныхъ опредѣленій должности маршалка въ Литовскомъ княжествѣ дошедшіе до насъ памятники не представляютъ; тѣмъ не менѣе можно указать на нѣкоторыя черты этой должности, которыя могутъ дать о ней хотя приблизительное понятіе. Должность маршалка была одна изъ почетнѣйшихъ, маршалокъ былъ представителемъ высшаго класса, т. е. шляхты, онъ выборный отъ всѣхъ своихъ собратій, и разъ выбранный оставался въ этомъ достоинствѣ пожизненно, хотя бы по времени получалъ и высшія достоинства до воеводы Троцкаго. Такъ напримѣръ знаменитый князь Константинъ Ивановичь Острожскій, будучи уже гетманомъ Великаго княжества Литовскаго и старостою Луцкимъ, Браславскимъ и Винницкимъ, былъ въ то же время и маршалкомъ Волынской земли. (Грам. 1507 года А. З. Р., Т. II, № 29). И тотъ же князь Острожскій въ 1522 году писался маршалкомъ Волынской, хотя въ то время онъ былъ уже не только наивысшимъ Гетманомъ, но и паномъ Виленскимъ. (ibid. № 110). Только съ полученіемъ достоинства

воеводы Троцкаго князь Острожскій пересталъ писаться маршалкомъ Волынской земли.

Достоинство маршалка имѣло нѣсколько степеней: высшую степень представлялъ великій маршалокъ земскій, онъ былъ представителемъ всей шляхты великаго княжества Литовскаго, или иначе представителемъ всей господствующей земщины, онъ предводительствовалъ на сеймахъ, онъ при коронаціи великаго князя Литовскаго, по свидѣтельству Кояловича, какъ представитель всей Литовской земли, вручалъ великому князю мечъ и жезлъ и заклиналъ его сохранять неприкосновенными старые обычаи и законы Литовскаго княжества (Kojalow. pars. II, Lib. VI, pag. 60). За земскимъ маршалкомъ слѣдовалъ маршалокъ дворный, представитель служилыхъ людей великаго князя Литовскаго; избирался ли онъ государемъ или служилыми людьми, на это мы не имѣемъ указаній, но онъ также былъ великимъ сановникомъ и членомъ государевой рады или думы. Такъ въ 1528 году членами рады, между прочими, были: панъ Виленскій, староста Городенскій, маршалокъ дворный, державца Лидскій и Бѣлицкій, панъ Юрьи Николаевичъ Радавиловичъ, и маршалокъ земскій, воевода Новгородскій, державца Мерецкій, Ошменскій и Довкговскій панъ Янъ Яновичъ Заберезынскій. (А. З. Р. Т. П, № 157). Третью степень маршалковъ составляли земскіе маршалки разныхъ областей или земель, избираемые мѣстною шляхтою и бывшіе представителями этой шляхты; такъ напримѣръ князь Константинъ Ивановичъ Острожскій былъ маршалкомъ Волынской земли; или въ грамотѣ В. К. Свидригайлы 1438 году упоминается панъ Козаринъ маршалокъ Луцкой земли; значитъ въ каждомъ

повѣтѣ былъ свой мѣстный маршалокъ или предводитель мѣстой шляхты. (А. З. Р, Т I, № 36). Были даже маршалки у епископовъ. Такъ въ грамотѣ 1475 года написано: «присылалъ до насъ владыка Смоленскій Якимъ маршалка своего Богдана Олтуфьевича. (ibid. № 70). Но кажется избранный вообще въ достоинство маршалка утверждался въ этомъ достоинствѣ самимъ великимъ княземъ Литовскимъ; такъ въ Казимировой грамотѣ 1488 года написано: «Старостѣ Луцкому , Маршалку Волынской земли пану Петру Яновичу, и маршалку нашему, намѣстнику Володимерскому, пану Ивашку Юрьши, и инымъ, кто потомъ будетъ отъ насъ, Лучоскъ и маршалство Волынской земли Володимеръ держать» (ibid. № 92).

Маршалокъ повѣтовый, какъ представитель земщины, долженъ былъ знать всѣ земскія владѣнія повѣта и къ нему переходилъ судъ по всѣмъ поземельнымъ спорамъ о границахъ, когда кто былъ недоволенъ судомъ подкоморего, и подкоморій долженъ былъ самъ явиться на судъ повѣтоваго маршалка (статутъ 1566 г. Разд. IV арт. 70). Потомъ маршалокъ, какъ представитель земщины; долженъ былъ вѣдать всю служилую шляхту своего повѣта, и въ случаѣ военнаго похода долженъ вести ее на сборное мѣсто къ воевода или гетману. По свидѣтельству 6 артикула 11-го раздѣла статута 1566 года, когда выйдетъ приказъ отъ государя или отъ рады или отъ гетмана объ отправленіи на войну: то хоружія должны объявить объ этомъ мѣстной шляхтѣ своей хоругви, и когда она съѣдется на указанное имъ мѣсто, вести ее къ маршалку своего повѣта и, приведши, передать ее маршалку съ подробнымъ отчетомъ всѣ ли и сполна

ли собрались. За тѣмъ маршалокъ съ хоружими долженъ вести шляхту къ воеводѣ на сборное мѣсто и передать шляхту воеводѣ съ отчетомъ, кто явился на службу и кто не явился и по какой причинѣ, и, по указанію воеводы или по стародавнему обычаю занять съ своею шляхтою опредѣленное мѣсто въ собранномъ войскѣ. Впрочемъ эта обязанность лежала на маршалкѣ только до введенія кастелановъ; но такъ какъ каштеляне были далеко не во всѣхъ областяхъ, то и въ послѣдующее время эта обязанность оставалась за маршалками въ тѣхъ повѣтахъ, гдѣ каштеляны не были введены. Кромѣ того, маршалки земскіе, т. е. повѣтовые, участвовали въ судѣ старостъ по уголовнымъ дѣламъ; такъ въ уставной грамотѣ Волынской землѣ 1509 года сказано: «который слуга, или человѣкъ княжескій, или панскій, или земянскій, когда кого убьетъ; то старосты и намѣстники наши, и маршалокъ земскій и ключникъ и конюшій на нихъ головщины бирали» (А. Зап., Т. II, № 54). По всему вѣроятію маршалки отъ своей должности получали значительные доходы, ибо большая часть радныхъ пановъ были въ то же время и маршалками тѣхъ или другихъ повѣтовъ; но по дошедшимъ до насъ памятникамъ мы не можемъ указать на источники доходовъ отъ должности маршалка.

Должность маршалка очевидно заимствована изъ Польши; ибо ни въ одномъ Русскомъ княжествѣ ни въ древности ни въ послѣдующее время маршалковъ не было; не замѣнялъ ли въ Литовскомъ княжествѣ Польскій маршалокъ древне-Русскаго тысяцкаго, который на Руси также былъ представителемъ земщины? Тѣмъ не менѣе Литовскій маршалокъ не совсѣмъ выра-

жалъ ни Польскаго маршалка, ни стараго Русскаго тысяцкаго; ибо въ Польшѣ мы знаемъ только земскихъ или коронныхъ и дворныхъ маршалковъ, и не встрѣчаемъ маршалковъ повѣтовыхъ; на Руси же тысяцкій предводительствовалъ только земщиною, для двора же княжескаго былъ свой предводитель, называвшійся дворскимъ. Но какъ бы то ни было, въ Литовскомъ маршалкѣ есть значительная доля Русскаго тысяцкаго и Польскаго маршалка, и наивысшій земскій маршалокъ великаго княжества Литовскаго какъ разъ напоминаетъ Русскаго тысяцкаго въ Кіевѣ или въ Москвѣ.

Кастеляны.

Кастеляны въ великомъ княжествѣ Литовскомъ были сравнительно позднимъ достоинствомъ. По памятникамъ, въ первый разъ они упоминаются въ первомъ Литовскомъ статутѣ 1529 года; въ третьемъ раздѣлѣ въ 4 артикулѣ, этого статута сказано: «во всякомъ случаѣ мы ни чѣмъ не уменьшаемъ прежнихъ урядовъ воеводства Виленскаго и воеводства Троцкаго и иныхъ воеводъ и кастеляновъ, и канцлерства и маршальства земскаго и дворнаго и старостъ». Хотя это свидѣтельство статута показываетъ, что кастеляны были извѣстны на Литвѣ и прежде изданія сего законодательнаго памятника; но по всему вѣроятію ихъ учрежденіе не многимъ опередило статутъ, ибо, какъ уже сказано въ дошедшихъ до насъ древнѣйшихъ памятникахъ, они не упоминаются; достоинство кастезяна было собственно военное и въ Польшѣ по Вислицкому статуту. Кастелянъ былъ собственно градодержецъ, комендантъ крѣпости или замка, непосредственный начальникъ гарнизона; но въ Литовскомъ княжествѣ обязанности кастеляна были

нѣсколько обширнѣе: онъ не только былъ непосредственнымъ начальникомъ гарнизона, но и второстепеннымъ предводителемъ всей мѣстной шляхты во время военнаго похода. По Литовскому статуту 1566 года, хоружій представлялъ собранную въ походъ шляхту кастеляну, который велъ ее къ воеводѣ и подавалъ ему отчетъ,—кто явился на службу и кто не явился и по чему (Разд. II, арт. 6).

Кастеляны были только въ тѣхъ областяхъ, которыя управлялись воеводами или палатинами, напримѣръ въ Кіевской землѣ, въ Полотской и другихъ подобныхъ; кастеляны были собственно помощниками—товарищами воеводъ, и въ ихъ отсутствіи временно заступали ихъ мѣсто, и на ступеняхъ служебной іерархіи считались выше старостъ, т. е. старостство имъ давалось какъ бы въ придачу для дохода, напримѣръ Полотскій кастелянъ панъ Юрьи Николаевичь Зеновьевичъ былъ въ то же время старостою Лепельскимъ и державцемъ Чечерскимъ и Пропойскимъ. Что кастеляны были товарищами или помощниками воеводъ, на это мы имѣемъ свидѣтельство грамотъ 1563 и 1570 годовъ, изъ которыхъ видно, что въ одно и то же время Полотскимъ воеводою былъ панъ Станиславъ Станиславовичь Довойна и кастеляномъ панъ Юрій Николаевичь Зеновьевичь (А. Зап. Рос., Т. III, № 42 и 48).

Первою обязанностію кастеляна было смотрѣніе за исправностію укрѣпленій, состоящихъ въ его вѣдѣніи; такъ въ 1568 году къ Полотскому кастеляну пану Юрью Николаевичу была послана грамота, чтобы онъ укрѣпилъ замокъ Лепель, по случаю войны съ Московскимъ государемъ (ibid. № 43). Потомъ,

какъ военачальникъ, онъ преимущественно завѣдывалъ военными людьми, состоящими на жалованьи, или наемными; но тѣмъ не менѣе на его обязанности лежало собирать въ походъ всю мѣстную шляхту и вести ее на сборное мѣсто и передавать воеводѣ, а иногда онъ и самъ въ походѣ занималъ мѣсто воеводы; такъ въ грамотѣ 1567 года къ Кіевскому кастеляну Павлу Сапегѣ, государь пишетъ: назначаемъ опредѣленное мѣсто для сбора войска въ Молодечнѣ, и приказываемъ тебѣ, чтобы твоя милость самъ особою своею конно и збройно и съ почетомъ своимъ ѣзднымъ и пѣшимъ, не отступая отъ сеймоваго установленья на опредѣленный срокъ спѣшилъ къ войску въ назначенное сборное мѣсто (ibid. № 39). Этотъ же кастелянъ Павелъ Сапега, въ 1568 году дѣлалъ съ своимъ отрядомъ военный поискъ въ землѣ непріятельской, какъ это видно изъ письма къ нему Гетмана Григорья Ходкевича (ibid. № 45). Такимъ образомъ за кастеляномъ оставалось предводительство своимъ отрядомъ не только въ походѣ на сборное мѣсто, но и во все продолженіе войны. Но кромѣ собственно военныхъ дѣлъ на обязанности кастеляна лежали дѣла судебныя по поземельному владѣнію; кастелянъ, подобно маршалку, былъ высшимъ судьею, когда тяжущіеся были недовольны судомъ подкоморего (Статут. 1566 г., розд. IV. арт. 70). Были ли въ вѣдѣніи кастеляна другія судебныя дѣла, объ этомъ пока нѣтъ извѣстій; но, по всему вѣроятію, кастелянъ завѣдывалъ всѣми судебными и административными дѣлами, когда онъ заступалъ мѣсто отсутствующаго воеводы, или когда ему поручалось какое-либо староство, данное какому либо воеводѣ,

который тамъ не жилъ, а получалъ только съ данаго староства доходъ. Такъ, напримѣръ, когда Минское старостве въ 1565 году было дано Подляшскому воеводѣ пану Василью Тишковичу, то для управленія Минскомъ, былъ назначенъ кастелянъ, панъ Тальбошъ. Получалъ ли какіе доходы кастелянъ отъ своей должности и изъ какихъ источниковъ, мы объ этомъ не имѣемъ извѣстій; но кажется должно признать, что кастеляну за его кастелянскую службу всегда назначалось какое-либо староство или державство, какъ источникъ опредѣленнаго дохода; ибо всѣ извѣстные по памятникамъ кастеляны были въ тоже время или старостами, или державцами въ какихъ-либо городахъ: такъ Кіевскій кастелянъ Павелъ Сапега былъ державцою Любечскимъ; Полотскій кастелянъ Юрій Зеновьевичь былъ старостою Лепельскимъ и державцою Чечерскимъ и Пропойскимъ; или Минскій кастелянъ Мартынъ Стравинскій былъ въ то же время державцою Губскимъ; или Витебскій кастелянъ Мальхеръ Завиша былъ тогда же державцою Сомлишскимъ; или Тальбошъ, кастелянъ Минскій, былъ старостою Динабургскимъ. Такимъ образомъ, самая должность кастеляна кажется не имѣла собственныхъ опредѣленныхъ доходовъ, а доходъ за нее, какъ безденежную, назначался изъ постороннихъ источниковъ. Правда, въ одной грамотѣ есть упоминаніе о доходахъ отъ кастелянства. Король Стефанъ Баторій, переведя Минскаго кастеляна, Мартына Стравинскаго, пишетъ въ своей грамотѣ: тую кастелянію Витебскую потому, яко и первшые кастелянове Витебскіе держати, и засѣдаючы мѣстце свое сенаторское при боку нашомъ, каштелянiи Витебской на-

лежачое; вота свои подавати и всякое учтивости владзы и пожитковъ той каштеляніи належачое, ужывати будетъ до живота своего» (Рукописное отдѣленіе Виленской библіотеки, выпускъ 1-й, стр. 86). Но эта грамота писана уже въ 1592 году, т. е. черезъ 20 слишкомъ лѣтъ послѣ Люблинской уніи, когда въ Литву окончательно были введены Польскіе порядки; въ памятникахъ же до Люблинской уніи нѣтъ ни одного указанія ни на доходы отъ кастелянской должности, ни на сенаторское званіе кастелянова. Очевидно, что кастеляны въ Литовскомъ княжествѣ до Люблинской уніи имѣли далеко не то значеніе, какое они получили послѣ Люблинской уніи, слѣдуя Польскимъ порядкамъ.

Намѣстникъ. Намѣстники первоначально и въ Литовской Руси, имѣли то же значеніе, какъ и въ сѣверо-восточной или Московской Руси, т. е. были вообще правителями областей, замѣнявшими въ области самаго князя, управлявшіе и судившіе именемъ князя, подобно какъ древніе мужи, которымъ князья поручали города съ областями, или въ послѣдствіи княжіе посадники, такъ что еще во все продолженіе княжествованія великаго князя Александра Казимировича, т. е. до начала XVI столѣтія большая часть областей, и при томъ значительнѣйшія, составлявшія прежде самостоятельныя княжества, а въ послѣдствіи бывшія воеводствами или палатинатами, въ это время управлялись намѣстниками, и намѣстники сіи были членами рады или думы государевой; напримѣръ въ 1505 года намѣстникъ Новгородскій Подчашій панъ Олбрехтъ Мартыновичъ былъ членомъ рады (А. Зап. Р., Т. I., № 213). Или въ 1450 году намѣстникъ

Полотскій панъ Андрей Саковичь также былъ членомъ рады; или въ томъ же году намѣстникъ Смоленскій панъ Сенко Кгедикгольдовичь былъ также членомъ рады (ibid. № 3, 54). Или въ 1460 году панъ Олехно Судимонтовичъ былъ намѣстникомъ Полотскимъ (ibid. № 64). Или въ 1483 году намѣстникомъ Полотскимъ былъ маршалокъ земскій панъ Богданъ Андреевичь и намѣстникомъ Смоленскимъ панъ Николай Радивиловичь,—оба члены государевой рады (ibid. № 78). Или въ 1494 году Смоленскимъ намѣстникомъ былъ панъ Юрій Глѣбовичь, также членъ рады (ibid. № 118). Или въ 1495 году намѣстникомъ Витебскимъ былъ князь Михаилъ Жесловскій и намѣстникомъ Путивльскимъ князь Богданъ Глинскій (ibid. № 27, 29). Или въ 1496 г. намѣстникомъ Черниговскимъ князь Иванъ Глинскій (ibid. № 133). Или въ 1499 году намѣстники: Смоленскій панъ Юрій Глѣбовичь, Городенскій князь Александръ Юрьевичь, Полоцкій панъ Юрій Пацовичь и Витебскій панъ Станиславъ Глѣбовичь, были членами рады (ibid. № 172). Даже въ 1511 году были еще намѣстники членами рады; такъ въ одной грамотѣ этого года между членами рады былъ намѣстникъ Мѣльницкій панъ Немира Грималичь (A. Зап. Р., Т. II, № 70). Но съ сего года нѣкоторые прежніе намѣстники уже стали называться воеводами; такъ Полотскій намѣстникъ панъ Станиславъ Глѣбовичь уже названъ воеводою Полотскимъ (ibid. № 66). Намѣстники этого разряда имѣли то же значеніе, какъ воеводы и старосты, въ которыхъ они въ послѣдствіи были переименованы; ихъ права и обязанности были совершенно одинаковы: они были предводителями мѣстныхъ служилыхъ

людей во время войны, оберегателями порученной имъ области отъ непріятельскихъ нападеній; въ ихъ вѣдѣніи было управленіе и судъ, они же имѣли общій надзоръ за сборомъ податей и за службою мѣстной шляхты; доходы ихъ были тѣ же, которыми пользовались воеводы и старосты: отъ нихъ зависѣлъ выборъ судей и другихъ служителей суда и администраціи; всякая перемѣна въ поземельномъ владѣніи могла быть произведена только съ ихъ вѣдома и дозволенія. Пограничные намѣстники этого разряда даже сносились и переговаривались съ сосѣдними государями, а сами непосредственно ссылались или съ государевою радою, или съ самимъ государемъ, не имѣя подъ собою старшихъ посредниковъ. Намѣстники этого разряда перестали упоминаться даже въ титулахъ при другихъ достоинствахъ послѣ 1514 года, надъ которымъ въ одной грамотѣ въ числѣ пановъ рады упоминается: маршалокъ и писарь намѣстникъ Довкговскій панъ Богушь Боговитиновичь (ibid. № 90). Послѣ же этого года въ подобныхъ случаяхъ давался уже титулъ державцы; такъ въ грамотѣ 1520 года тотъ же Богушь Боговитиновичь названъ маршалкомъ и писаремъ и державцею Каменецкимъ (№ 108).

Послѣ 1514 года намѣстники являются уже съ новымъ характеромъ, княжескіе намѣстники удерживаются только въ княжескихъ или дворовыхъ областяхъ и городахъ, въ городахъ же и областяхъ земскихъ намѣстники уже принимаютъ характеръ воеводскихъ или старостинскихъ урядниковъ, по приказу и назначенію самихъ воеводъ и старостъ управляющихъ областью въ отсутствіи старостъ и воеводъ, или посылаемыхъ старостами и воеводами въ тотъ

другой повѣтъ или городъ творить судъ и управу ихъ именемъ.; или ежели иногда удерживаютъ прежнее названіе государевыхъ намѣстниковъ, то уже не съ прежнимъ значеніемъ, а съ характеромъ державцевъ, т. е. управителей низшей степени противъ старостъ. Такъ напримѣръ Янъ Юрьевичь Ильинича Берестейскій въ одной грамотѣ 1529 года названъ намѣстникомъ Мстиславскимъ; а въ другой грамотѣ того же года сказано: «старостичу Берестейскому, державцу Мстиславскому, пану Яну Юрьевичу Ильинича, и инымъ державцамъ Мстиславскимъ, кто потомъ будетъ отъ насъ Мстиславль держати» (ibid. № 162, 163). Слѣдовательно старое названіе намѣстника здѣсь пишется по старой привычкѣ, и означаетъ уже державцу, а не намѣстника.

Намѣстники въ дворцовыхъ или Государевыхъ областяхъ во первыхъ вмѣстѣ съ тіунами были судьями въ тѣхъ областяхъ по всѣмъ дѣламъ; такъ въ 1512 году великая княгиня Елена пишетъ: тіуномъ нашимъ и намѣстникомъ Жомойтскихъ волостей, пану Станьку, а пану Мартину и пану Петру Белевичомъ, а пану Войтку Пацевичу и Словику Ивашковичу: приказуемъ вамъ, чтобы обославшись между собою, и положивши срокъ, на тотъ срокъ съѣхалися къ пану Станьку; и которымъ Борко боярамъ нашимъ и людемъ въ пожогѣ и убыткахъ своихъ вину даетъ, тѣмъ бы приказали предъ собою стать на судъ». (ibid. № 82). Во 2-хъ намѣстники отводили поземельныя владѣнія по приказу государеву; такъ великая княгиня Елена къ намѣстнику Дирвальскому Словику Ивашковичу пишетъ въ томъ же 1512 году: «приказуемъ тебѣ, чтобы ты сговорившись съ нашими тіунами

съ паномъ Станкомъ Ивашковичемъ и паномъ Петромъ Санковичемъ, ввелъ бы во владѣніе дворянина нашего Бартоломея Станковича землею и людьми наши пожалованными ; а еслибы тіуны съ тобою не согласились; то ты бы и одинъ ввелъ его во владѣніе тѣми землями и людьми (ibid.). Въ 3-хъ, намѣстники въ Государевыхъ дворцовыхъ волостяхъ получали по свидѣтельству грамоты 1540 года, слѣдующіе доходы: «намѣстнику грошь обѣстный (т. е. при явкѣ съ пріѣзжаго купца). А на замокъ вряднику, т. е. намѣстнику , они живность дають съ трехъ сохъ солянку (т. е. соляную бочку) жита , а солянку овса, а осьмь яловицъ, а осмъ вепровъ, и десять барановъ, а десять каменей (вѣсъ) меду прѣснаго, а двѣ бочки соли, а сѣна съ дыму по возу, а дровъ по возу жъ; а кромѣ того съ волости дають по курятн, по десяти яицъ, по сыру, по фаскѣ (мѣра) масла , у кого корова есть , а полюдья по полтора гроша съ дыму и въ осень , а о радуницкой недѣли , кто поймаетъ селезня , а кто не будетъ имѣть селезня , тотъ полгроша даетъ, а мѣщане, а ни Орлинцы, а ни горожане того и Радуницы не дають. А все то они должны отвезти въ замокъ, а ни куды въ иное мѣсто не обязаны возить. А обортное дерево и о пчелы они должны судиться между собою сами, а кто останется виноватъ , тотъ долженъ по старому платить на замокъ по десяти грошей, а пересуду три гроша, а по межевымъ дѣламъ по столькужъ. А которыя дѣвки идутъ замужъ съ своей же волости, съ тѣхъ куницъ не берутъ , а мірская куница (т. е. когда выдаютъ въ другую волость) по шести грошей» (А. З. Р., Т. II, № 203). Такимъ образомъ намѣстники въ госу-

даревыхъ волостяхъ получали почти тѣ же доходы, какъ и старосты съ своихъ повѣтовъ. И замѣчательно, что распорядки въ государевыхъ волостяхъ были почти тѣ же какъ и въ Московскихъ и вообще восточно-русскихъ владѣніяхъ; такъ напримѣръ раздѣленіе дворовъ и земель на сохи, какъ крупную единицу сбора податей, состоящую изъ нѣсколькихъ дворовъ; даже сохранился древній русскій сборъ полюдья осенью. Или въ уставной грамотѣ 1529 года объ обязанностяхъ намѣстниковъ въ государевыхъ волостяхъ сказано: «Всѣ державцы (такъ названы здѣсь намѣстники) дворовъ нашихъ, какъ Виленскаго такъ и Троцкаго, повинни будутъ два раза въ годъ, одинъ осенью, а другій на весну дѣлать учетъ по гумну и по другимъ пожиткамъ нашимъ, которые имъ поручены, и которые должны быть доставлены въ нашу казну (ibid. № 159). А въ слѣдующей уставной грамотѣ того же года о доходахъ намѣстниковъ или державцовъ сказано: «на содержаніе державцовъ уставуемъ: каждому державцу и тивуну отъ каждые службы людей нашихъ должно быть дано пять грошей въ каждый годъ, а съ двухъ службъ бочка овса, или за бочку два гроша, изъ дву службъ одинъ возъ сѣна, или за возъ грошъ, а по двѣ куры, або за нихъ грошъ; а съ четырехъ службъ одна бочка пива, цѣною въ пять грошей; а съ одной службы каждый долженъ дать по одному бохону хлѣба цѣною въ полгроша» (ibid. № 160).

Намѣстники, замѣняющіе воеводъ или старостъ, или другихъ какихъ урядниковъ, хотя назначались самими сими урядниками и зависѣли отъ нихъ, тѣмъ не менѣе они состояли на государственной службѣ завѣды-

вали разными городками и волостями, и непосредственно получали грамоты отъ государя; такъ въ королевской грамотѣ 1535 года написано: «намѣстниковъ замковъ нашихъ Пропойскаго и Чичерскаго, которые завѣдаютъ тѣми замками отъ старосты Черкасскаго и Каневскаго, Пропойскаго и Чичерскаго пана Остафья Дашковича, абы вы не мешкаючи ни одного дня выбрали изъ тѣхъ волостей Пропойской и Чичерской двадцать человѣкъ съ топорами, и отправили ихъ къ замку Гомей» (ibid. № 183). Но иногда таковые намѣстники не имѣли въ своемъ завѣдываніи особыхъ областей, а только занимали мѣсто воеводы или старосты въ отсутствіи сихъ урядниковъ, или по ихъ приказу; такъ въ уставной грамотѣ 1557 года сказано: «Всѣ урядники наши сами особами своими должны присутствовать на своихъ урядахъ въ пріѣздъ ревизора, кромѣ пановъ радъ нашихъ, или которые находятся на другихъ нашихъ службахъ; но таковые должны разсказать своимъ намѣстникамъ, чтобы они присутствовали на урядахъ въ пріѣздъ ревизора и во всемъ повиновались его распоряженіямъ (А. З. Р., Т. III, № 19). Такъ какъ всѣ члены рады и другіе старѣйшіе сановники имѣли въ своемъ завѣдываніи по нѣскольку староствъ, державствъ и другихъ урядовъ, потому всѣ они имѣли по нѣскольку намѣстниковъ, на каждый урядъ особаго, и намѣстники сіи исправляли всѣ обязанности по порученному имъ уряду, какія лежали на ихъ старшемъ урядникѣ, котораго они замѣняли, и всѣ отчеты по порученному уряду подавали своему старшему, т. е. воеводѣ или старостѣ или державцѣ, у котораго кто былъ намѣстникомъ; но доходами съ уряда пользо-

вался старшій, намѣстникъ же получалъ изъ дохода только то, что̀ ему предоставлялось старшимъ.

Державцы.

Подъ именемъ державцы вообще разумѣлся каждый управитель области, былъ ли то воевода или староста или другій какой старшій урядникъ ; но были и такіе управители областей , которые не были ни воеводами ни старостами, а только назывались державцами; они иногда имѣли почти тѣ же права и обязанности, какъ и воеводы со старостами, и считались самостоятельными правителями своихъ областей, только въ своемъ достоинствѣ они были ниже воеводъ и старостъ. По Литовскому статуту и по грамотамъ, державцы слѣдовали въ степеняхъ своихъ достоинствъ за воеводами и старостами ; такъ въ грамотѣ 1541 года великій князь Жикгимонтъ пишетъ: «княземъ и панамъ, воеводамъ и старостамъ и державцамъ, и войтомъ, и бурмистромъ, и всякимъ заказникамъ по дворамъ и мѣстамъ и по волостямъ нашимъ» (А. З. Р., Т. II, № 215). По свидѣтельству 33 артикула VI раздѣла Литовскаго статута 1529 года державцы не имѣли права судить шляхту и бояръ , ни посылать за ними дѣтскихъ. Въ статутѣ сказано: «державцы, которые недавно названы державцами, а прежде назывались тіунами , не имѣютъ права шляхты и бояръ нашихъ судить и дѣтскихъ своихъ по нихъ посылать, они подлежатъ суду воеводъ , моршалковъ нашихъ земскихъ и дворныхъ, и старостъ» . Кромѣ этого важнаго ограниченія въ правахъ суда самыя области, поручаемыя державцамъ ,были только частями воеводствъ и староствъ ; такъ напримѣръ въ огромномъ Жомойтскомъ старостве были державы : Вилькейская , Веленьская, Скирстомоньская, Ясвоинская (А. З. Р.,

Т. II, № 149). Державы раздѣлялись на державы въ волостяхъ государевыхъ или дворцовыхъ и на державы въ областяхъ земскихъ; державцы первыхъ волостей были собственно тіунами или ключниками государя, управлявшими его имѣніями, и только передъ изданіемъ перваго Литовскаго статута были названы державцами; они отличались отъ тіуновъ тѣмъ, что управляли дворами государевыми, а тіуны управляли волостями; державы же втораго разряда преимущественно раздавались членамъ рады и другимъ высокимъ сановникамъ не столько для управленія, сколько для полученія доходовъ; такъ напримѣръ Жомойтскій староста Радивилъ былъ державцою Василишскимъ, или воевода Витебскій Яно́вичь былъ державцою Волковыйскимъ. Но бывали также державцы въ земскихъ городахъ и областяхъ, которые жили въ данныхъ имъ державахъ и управляли ими сами, какъ управляли своими повѣтами старосты; такъ въ грамотѣ 1528 года, данной Берестейскому старостичу пану Яну Юрьевичу Ильиничу, сказано: «дали мы замки наши Мстиславль и Радомль ему пану въ держанье отъ насъ держати, со всѣми дворцы и фольварки и волостьми и съ корчмами и съ присуды и съ иными всѣми пожитками и доходами, что тянетъ къ тѣмъ землямъ издавна; и къ тому половину даней грошовыхъ и медовыхъ ему придали для его пожитку, чтобы онъ самъ и съ слугами своими могъ содержаться, управляя тѣми замками, а другую половину той дани грошовой и медовой онъ долженъ отдавать каждый годъ князю Михайлу Мстиславскому (ленному владѣльцу этой области» (ibid. № 155). Мстиславль и Радомль даны были пану Ильиничу по

его челобитью и по письму князя Мстиславскаго, который не надѣялся на своихъ собственныхъ урядниковъ на случай нападенія со стороны Московскаго Государя ; слѣдовательно державство давалось какъ и доходная статья , и какъ обезпеченіе обороны на случай непріятельскаго нападенія , и державца долженъ былъ имѣть отъ себя военный отрядъ, на содержаніе котораго назпачались опредѣленные доходы съ порученной области. Очевидно, державство Мстиславское и Радомльское было дано пану Ильиничу только на годъ; ибо въ 1529 году были уже отданы сіи замки другому державцѣ пану Зеновьевичу и характеръ его державства въ данной по сему случаю грамотѣ выраженъ въ слѣдующихъ условіяхъ: «Дали мы отъ насъ въ держанье до воли нашей замки наши Мстиславль и Радомль съ мѣсты и съ дворы, и съ волостьми, и со всѣми людьми волостными пану Юрью Юрьевичу Зеновьевичу, а даемъ ему тѣ замки и дворы со всѣмъ держати , съ корчмами медовыми и пивными , и съ данью медовою и грошовою и со всѣми платы и пожитки на годъ, и обязанъ въ этотъ годъ тѣ наши замки Мстиславль и Радомль укрѣпить съ тѣхъ нашихъ доходовъ. А какъ тотъ годъ выйдетъ , съ того часу тѣ дани бобровые и куничные и медовые и грошовые и иные всѣ поборы и поплатки наши половину беремъ на насъ Государя; а ему даемъ на содержаніе слугъ мыта и корчмы Мстиславльскіе и Радомльскіе, и другую половину даней всѣхъ медовыхъ и грошовыхъ, и бобровыхъ и куничныхъ всѣхъ поборовъ, и къ тому со всѣхъ дворовъ и фольварковъ нашихъ половину пашни ему и слугамъ его на пожитокъ въ каждый годъ; а другая половина пашни со всѣхъ дво-

ровъ должна быть соблюдена на вооруженіе тѣхъ замковъ нашихъ, а съ тѣхъ корчемъ и мытъ и съ данней обязанъ панъ Юрій содержать на тѣхъ замкахъ пушкарей и имѣть въ готовности потребное количество пороха, и непремѣнно имѣть въ замкахъ пятьдесятъ паколковъ добрыхъ. А самъ непремѣнно должепъ быть въ тѣхъ замкахъ и не съѣзжать оттуда безъ нашего указу или безъ указу паповъ радъ». (ibid. № 167).

Такимъ образомъ по приведеннымъ двумъ грамотамъ на державство, державцы только пользовались опредѣленными доходами съ порученныхъ областей, и обязаны были пещись объ укрѣпленіи и защитѣ замковъ отъ непріятельскаго нападенія. Въ приведенныхъ грамотахъ ни о судѣ ни объ управленіи державцевъ нѣтъ и помину; по мы имѣемъ указанія на державцевъ и какъ на судей и управителей. Такъ въ уставной грамотѣ 1514 года, данной Могилевскимъ боярамъ и мѣщанамъ и всѣмъ людямъ, сказано: «А державца нашь панъ Юрьи имѣетъ право съ нихъ брать каждый годъ: узъѣзду (въѣзду) своего 50 копъ грошей, а полюдованья, коли у волость не поѣдетъ, 50 же копъ грошей. А вины малыя и великія выймуемъ на насъ господаря, кромѣ повиннаго и вымстнаго, кто на него или на врядника нашего чимъ ся выкинетъ (т. т. кто принесетъ жалобу на судъ державцѣ или государеву уряднику); а повиннаго ему отъ рубля по десяти грошей, а пересуда по четырѣ гроши; а слугамъ его отъ ѣзду и дѣцкованья на милю по грошу....А которые доходы, обвѣски и иные, которые въ семъ листу не выписаны, а на державцевъ Могилевскихъ хаживали, тѣ и нынѣ онъ имѣетъ право

собирать по тому же». (ibid. № 86). По этой грамотѣ державца уже имѣетъ характеръ не кормленщика только и завѣдывающаго оборонною замка, но вмѣстѣ судьи и правителя подобно древнимъ намѣстникамъ или послѣдующимъ воеводамъ и старостамъ. Вообще державцы были не одинаковы относительно своихъ правъ и обязанностей, и при общемъ характерѣ кормленщиковъ, самое кормленье или доходы были не одинаковы въ разныхъ областяхъ и даже разнымъ державцамъ въ одной и той же области, и все это опредѣлялось жалованными или уставными грамотами, въ которыхъ прописывались подробно и права и обязанности каждаго державцы.

По судебнику Казимира Ягайловича, данному великому княжеству Литовскому въ 1468 году тіуны подобно намѣстникамъ были правителями повѣтовъ; въ судебникѣ сказано: «А коли нашъ человѣкъ (Государевъ Земскій) вину далъ (искалъ) князьскому или панскому или боярскому человѣку, а въ которомъ повѣтѣ подъ нашимъ намѣстничьствомъ или тивунствомъ; ино нашему намѣстнику, а любо тивуну, обослати, ижъ бы нашому человѣку сталося право. А будутъ ли на нашомъ человѣцѣ князьскіи или панскіи или боярскіи люди чого искати: ино тому судъ и право передъ нашими намѣстники и тивуны, который отъ насъ гдѣ что держитъ». (А. З. Р., Т. I, № 67). Слѣдовательно тіунъ по сему судебнику былъ державцею подобнымъ намѣстнику, хотя и низшей степени, и самостоятельно завѣдывалъ порученнымъ ему повѣтомъ, или частію повѣта; но это значеніе тіуна, какъ державцы или управителя опредѣленной области, въ послѣдствіи осталось только въ Жомойтской землѣ или въ Жомойтскомъ

Тіуны.

старостѣ, въ другихъ же земляхъ или областяхъ тіунъ получилъ иное значеніе и не былъ державцею или управителемъ области.

Въ Жомойтской землѣ, по свидѣтельству просительныхъ пунктовъ Жомойтской шляхты и бояръ 1542 г., тіуны назначались правительствомъ по просьбѣ мѣстной шляхты изъ лицъ выбранныхъ ею же и по старымъ привиллегіямъ изъ мѣстной же шляхты непремѣнно. И каждый тіунъ не имѣлъ права держать за собою болѣе одной волости. Староста Жомойтскій самъ одинъ безъ пановъ тіуновъ и безъ бояръ шляхты не имѣлъ права судить Жомойтскую шляхту. А когда староста отъѣзжалъ въ свои имѣнія, то обязанъ былъ въ свое мѣсто оставлять тіуна и двухъ бояръ шляхту и своего урядника, чтобы они безъ него судили и справовали по давнему обычаю. (А. З. Р., Т. II, № 221). По просьбамъ 1551 года отнятіе тіунства зависѣло отъ Короля, ежели на тіуна будутъ жалобы въ притѣсненіяхъ, или тіунъ окажется нерадивымъ къ своимъ обязанностямъ. Въ Жомойтской землѣ между тіунами избирался одинъ старшій по назначенію старосты и въ качествѣ хоружаго по давнему обычаю держалъ хоругвь земли Жомойтской, и всю шляхту, которая должна была отправляться въ походъ, поимянно записывалъ въ реэстръ съ обозначеніемъ кто какъ конецъ людень и оружень явился на службу, и этотъ реэстръ тіунъ обязанъ былъ передать старостѣ Жомойтскому, а староста передаетъ реэстръ гетману. Тіунъ каждый въ своемъ тіунствѣ вмѣстѣ съ приставами собиралъ съ плательщиковъ куничное и другія подати и по счету сдавалъ собранное въ казну государеву. (А. З. Р., Т. III, № II). Такимъ образомъ Жомойтскіе тіуны были

выборными отъ Жомойтской же шляхты, но утвержденными государемъ, правителями и судьями Жомойтскихъ волостей подъ прямымъ начальствомъ Жомойтскаго старосты, и на ихъ же отвѣтственности былъ сборъ мѣстнаго войска и разныхъ податей. Источниками доходовъ для Жомойтскихъ тіуновъ, по общему порядку, были опредѣленные закономъ пошлины отъ суда и управы. Тіунъ, какъ управитель порученной ему волости, долженъ былъ знать, кто владѣетъ какою землею и по какому праву, а также ежели на чьей землѣ есть торги и корчмы, то съ чьего дозволенія они уставлены; такъ въ уставной грамотѣ 1527 года Жомойтской землѣ сказано: «хто будетъ люди и земли безъ данины нашей (государевой) позабралъ, или торги и корчмы въ своихъ имѣніяхъ уставилъ; о таковыхъ важныхъ дѣлахъ мы писали къ пану старостѣ Жомойтскому, чтобы онъ назначилъ съѣздъ всѣмъ тіунамъ Жомойтской земли и приказалъ бы имъ стать предъ собою, и положить листы и данины на земли и на люди и на торги и на корчмы, и о всемъ о томъ достаточно довѣдался, и справедливость учинилъ». (А. З. Р., Т. II, № 149). Вообще тіуны въ землѣ Жомойтской имѣли почти такое же значеніе какъ волостели въ Сѣверовосточной Руси.

Тіуны въ прочихъ земляхъ великаго княжества Литовскаго, оставшіеся при своемъ названіи, послѣ того какъ бо́льшая часть ихъ была переименована по статуту 1529 года въ державцевъ, имѣли значеніе земскихъ выборныхъ начальниковъ и судей надъ небольшими округами, стоявшихъ какъ бы въ сторонѣ отъ воеводъ и старостъ и другихъ управителей, назначаемыхъ правительствомъ. По статуту 1529 года ті-

уны сіи не могли судить шляхты и бояръ; ихъ управа и судъ ограничивались только тяглыми людьми и въ незначительныхъ дѣлахъ, не касающихся землевладѣнія и не относящихся къ уголовнымъ; за тѣмъ тіунамъ принадлежало завѣдываніе сборомъ податей и поборовъ какъ на Государя, такъ и на старосту или другаго кормленщика, назначеннаго правительствомъ. Тіуны были и городскіе и волостные. Такъ въ грамотѣ, данной Полотску въ 1511 году, сказано: «А воеводинымъ слугамъ тіунства городскаго не держати, и воеводиным слугамъ съ тіунами не ѣздити по волости Полотской; а тіуну городскому давати на нашъ дворъ (въ Полотскѣ) по три гроша на день. А на Черствяти воеводинымъ слугамъ не судити, судити тіуну по старой пошлинѣ. Также на Невлѣ судьѣ не быти и по всей волости Полотской судити воеводѣ Полотскому на городѣ». (ibid. № 70). Такимъ образомъ мѣстный княжій дворъ, гдѣ жилъ воевода или староста съ своими слугами, получалъ отъ тіуна, по свидѣтельству сей грамоты, опредѣленную пошлину. Это же подтверждаетъ уставная грамота 1514 года, данная Городенскому старостѣ, гдѣ сказано: «староста Городенскій и врядники его должны требовать свои доходы съ сотниковъ, съ тіуновъ и съ приставовъ и съ сорочниковъ». (ibid. № 87). На то же указываетъ грамота 1525 года объ освобожденіи Себежской волости отъ даней и пошлинъ, въ которой сказано, что жители Себежской волости отъ непріятельскаго разоренія не могутъ платить даней и другихъ сборовъ и бобровщины и тіунщины, ни медовыхъ даней». (ibid. № 137). По свидѣтельству Даниловича въ его Skarbiec diplomatów, тіунъ былъ непосредственнымъ начальникомъ всѣхъ тяглыхъ лю-

дей въ порученной ему волости, и никакой высшій начальникъ и владѣлецъ не могъ взять тяглаго человѣка безъ согласія или разрѣшенія тіуна и всѣхъ тяглыхъ людей данной волости на ихъ сходкѣ, или копѣ. Тіунъ непремѣнно выбирался изъ мѣстныхъ коренныхъ жителей, и по показанію памятника, приведеннаго Даниловичемъ и относящагося къ 1549 году, утверждался въ своей должности королевскимъ листомъ. (Skrb. dip. T. II, № 2349). Такимъ образомъ въ XVI столѣтіи тіунъ мало-по-малу во всѣхъ владѣніяхъ Литовскаго княжества, за исключеніемъ Жомойтской земли, изъ державца, почти равнаго намѣстнику, обратился какъ бы въ сельскаго старосту, или волостнаго старшину выборнаго отъ тяглыхъ людей своей волости, и его права и обязанности ограничились судомъ и управою между сельчанами въ ихъ мелкихъ тяжбахъ и сборомъ нѣкоторыхъ податей, на которыя не было назначено особыхъ сборщиковъ или урядниковъ.

Но тіуны, потерявшіе свое значеніе въ послѣднее время, почти до половины XVI столѣтія по ступенямъ мѣстныхъ начальниковъ и кормленщиковъ стояли довольно высоко и имѣли много вліянія и власти надъ народомъ. Такъ по уставной грамотѣ 1529 года содержаніе тіуновъ было одинаково съ содержаніемъ державцевъ: тіуну отъ каждой службы людей давалось на каждый годъ по пяти грошей, съ двухъ службъ бочка овса или два гроша, съ двухъ же службъ возъ сѣна или одинъ грошъ, по двое куръ или за нихъ грошъ, съ четырехъ службъ бочка пива или пять грошей, и съ каждой одной службы по одному бохону хлѣба цѣною въ полгроша. Въ той же грамотѣ опре-

дѣляются объѣзды тіуна по своей волости, показывающіе какое значеніе имѣлъ тіунъ въ народѣ и какъ тяжело отзывались его посѣщенія на волости. Въ грамотѣ сказано: «что же касается до въѣздовъ тіунскихъ на волости и сбиранья податей на Государя и тіунскихъ доходовъ; то тіуны не должны часто ѣздить въ волость и подолгу оставаться тамъ, ѣздили бы только на два срока въ году, на рождество Христово и на Успеньевъ день, и оставались бы тамъ въ каждый срокъ не больше трехъ недѣль; и притомъ должны объѣзжать свою волость съ небольшою свитою слугъ, чтобъ не отягощать народъ, и въ показанныя шесть недѣль собрать всѣ слѣдующія подати и свои доходы, а равно покончить всѣ справы и суды, и дольше шести недѣль не проживать въ волости и не оставлять тамъ ни намѣстниковъ, ни слугъ своихъ, и чего изъ собраннаго на свое содержаніе не истратятъ, того не оставлять у волостныхъ людей на сбереженіе, и не брать съ волостныхъ людей подводъ, а вести все собранное на своихъ лошадяхъ; также не имѣютъ права оставлять въ волости на прокормленье своихъ коней и охотничьихъ собакъ». (А. З. Р, Т. П, № 160).

Городничій.

Должность городничаго въ Полотской земли и вообще въ великомъ Княжествѣ Литовскомъ сравнительно была поздняя. Въ грамотѣ 1460 года, данной Казимиромъ Полотскому намѣстнику, сказано, что Полочане писали Государю, что городничаго у нихъ въ Полотскѣ издавна не бывало, и просили чтобы городничаго къ нимъ не назначать, а обязанности его поручить намѣстнику. А обязанности городничаго, по свидѣтельству той же грамоты, состояли въ томъ, чтобы смотрѣть за городскими укрѣпленіями и распоряжаться

ихъ постройкою и исправленіемъ, и на сіе наряжать по росписямъ какъ городскихъ жителей, такъ и волостныхъ. (А. З. Р, Т. I, № 64). Ежели Полочане просили государя объ отмѣнѣ должности городничаго, и просьба ихъ была уважена, то значитъ, что съ должностію городничаго были соединены тягости для народа какъ по содержанію городничаго и его слугъ, такъ и при раскладкѣ повинности, при возведеніи и поправкѣ городскихъ укрѣпленій; ибо Полочане не отказывались содержать укрѣпленія въ исправности, а просили только, чтобы обязанность городничаго возложить на Государева намѣстника. И дѣйствительно, по свидѣтельству грамоты 1511года, городничій вмѣстѣ съ воеводою имѣлъ надзоръ за городскими корчмами и устанавливалъ какъ продажную мѣру пива и меда, такъ и цѣну, по чемъ какая мѣра должна продаваться, т. е. отъ воеводы и городничаго назначалась большая или меньшая мѣра ведра и продажная цѣна ведра меда и пива; кромѣ того они же смотрѣли засборомъ пошлинъ съ корчемъ. (А. З. Р, Т. II, № 71). За тѣмъ городничій былъ членомъ воеводскаго суда, и дѣла по купчимъ и другимъ актамъ на владѣніе именно производились въ квартирѣ или домѣ (господѣ) городничаго, и городничій разсматривалъ владѣнные акты и судилъ по нимъ (А. З. Р, Т. II, № 228). Наконецъ въ вѣдѣніи городничаго состояла продажа казеннаго всякаго хлѣба, получаемаго при сборѣ податей, а посему тіуны и другіе сборщики весь собранный хлѣбъ должны представлять городничему, ему же доставлялись деньги подякольныя, пентшпичныя и дровныя, и вообще все что на урядъ замковый идетъ. Собранныя такимъ образомъ и вырученныя отъ продажи хлѣба

деньги городничій отсылалъ до скарбу Государева (ibid. № 159). Вообще должно полагать, что должность городничаго была въ числѣ почетныхъ и доставляла значительные доходы; ибо мы имѣемъ указанія, что она давалась людямъ приближеннымъ къ Государю и вообще заслуженнымъ и высоко-поставленнымъ; такъ напримѣръ въ 1511 году былъ Троцкимъ городничимъ писарь Государевъ и близкій къ Государю человѣкъ панъ Иванъ Богдановичъ Сапѣга, какъ это видно изъ письма къ нему великаго Гетмана князя Константина Острожскаго (ibid. № 72). Во всѣхъ ли городахъ были городничіе, на это прямыхъ указаній нѣтъ, но скорѣе должно положить что не во всѣхъ, а только въ значительнѣйшихъ, да и тамъ не вездѣ; ибо мы уже видѣли, что Полочане добились до того, что должность городничаго въ Полотскѣ была отмѣнена.

Хорунжій. Хорунжіе были трехъ разрядовъ: хорунжій земскій великаго княжества Литовскаго, хорунжій дворный и хорунжій повѣтовый. Главная обязанность хорунжихъ опредѣляющая ихъ власть и значеніе, состояла въ томъ, чтобы носить и охранять военное знамя или хоругвь, т. е. земскій хорунжій имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи хоругвь великаго княжества Литовскаго, хорунжій дворный носилъ знамя или хоругвь государеву, а хорунжему повѣтовому поручалась хоругвь повѣтовая. Съ обязанностію носить хоругвь были тѣсно связаны и даже вытекали изъ нея всѣ другія обязанности и права хорунжаго. Хорунжій повѣтовый всегда былъ выборный отъ своего повѣта, но непремѣнно утвержденный государемъ, какъ это видно изъ уставной грамоты 1559 года, данной Мстиславскому повѣту, гдѣ въ 3-мъ пунктѣ сказано: «повѣдаетъ го-

сударь, что у васъ въ настоящее время въ Мстиславлѣ нѣтъ хоружаго, и просите, чтобы государь далъ тамошнее хоружее брату вашему Богдану Селицкому; и король его милость утверждаетъ тамошнее хоружее за братомъ вашимъ Богданомъ Селицкимъ» (А. Зап. Р., Т. III, № 24). По Литовскому статуту 1566 года права и обязанности хоружаго опредѣляются слѣдующимъ образомъ: Раздѣлъ II-й, артикулъ 5-й. «Хоружества во всѣхъ земляхъ и повѣтахъ великаго княжества должны быть устроены и соблюдаемы такимъ порядкомъ: Мы государь должны назначать въ хоружіе только людей извѣстныхъ, добрыхъ, расторопныхъ, состоятельныхъ и оседлыхъ въ томъ повѣтѣ. Хоружій, когда будетъ держать хоругвь, долженъ имѣть на себѣ сбрую добрую, шлемъ или прилбицу и броню, и конь бы подъ нимъ былъ добрый. А хоругвь въ своемъ гуфѣ (полку) на шыху (на смотру) долженъ держать самъ хоружій; а хоругви должны выдаваться изъ нашего скарба (казны) по давнему обычаю. А хоружіе земскіе и дворные должны быть соблюдаемы по давнему обычаю. Арт. 6-й. Также мы государь для поряднѣйшаго сбора на войну, чтобы не было тягости людемъ, установляемъ такъ: когда за потребою земскою или отъ насъ, или отъ пановъ радъ или отъ гетмана будетъ сказано всей землѣ ѣхать на войну; тогда хоружій, повѣстивши о томъ шляхтѣ, каждый въ своемъ повѣтѣ, самъ долженъ выѣхать въ поле и сказать своимъ повѣтникамъ, чтобы они за три дни до выступленья въ походъ съѣхались къ нему со всего повѣта; а они обязаны, ничѣмъ не отговариваясь, въ тотъ же часъ съѣзжаться на назначенное мѣсто съ своими почта-

ми (т. е. каждый съ своимъ отрядомъ вооруженныхъ слугъ, смотря по вотчинѣ), съ которыми повинны служить на войнѣ. За тѣмъ хоружій, собравшись съ ними, и имѣя подробную вѣдомость и печу (т. е. зная согласно ли съ своимъ состояніемъ каждый вышелъ на службу) о каждомъ изъ нихъ, со всѣми долженъ идти до каштеляна; и съѣхавшись съ каштеляномъ хоружій долженъ сдать свой повѣтъ шляхту каштеляну съ подробною вѣдомостію, всѣ ли явились въ полномъ вооруженіи и кто не явился и почему, а въ которомъ повѣтѣ нѣтъ каштеляна, тамъ хоружій должень сдать шляхту маршалку, который будетъ имѣть власть каштеляна. И когда сойдутся съ каштеляномъ хоружіе съ шляхтою должны подъ начальствомъ каштеляна или маршалка идти до воеводы того воеводства; и сошедшися съ нимъ каштелянъ или маршалокъ съ хоружимъ должны сдать шляхту воеводѣ съ подробною вѣдомостью, кого нѣтъ и почему». Арт. 7-й. Шляхта на войнѣ не должна нигдѣ становиться, какъ только подъ своею повѣтовою хоругвью, и повѣтчики должны разбивать свой станъ на войнѣ непремѣнно при своемъ хоружемъ и въ одномъ мѣстѣ, а не розно. Арт. 11-й. Каждый шляхтичъ, по болѣзни немогущій явиться на службу, долженъ непремѣнно извѣстить о томъ хоружаго своего повѣта съ свидѣтельствомъ трехъ шляхтичей о дѣйствительности его болѣзни. Арт. 12-й. Кто же вмѣсто себя пошлетъ на службу своего сына, тотъ съ тремя сосѣдами своими шляхтичами долженъ представить его хоружому своего повѣта, а хоружій, признавши приведеннаго годнымъ къ военной службѣ, долженъ вмѣстѣ съ каштеляномъ донести объ этомъ гетману.

Арт. 13-й. Хоружій не имѣетъ права кого изъ своихъ повѣтниковъ оставлять дома или отпускать со службы; а который хоружій не донесетъ гетману о неявившемся, то за это лишается своей должности». Раздѣлъ VIII. Арт. 3-й указываетъ, что хоружій въ военное время въ отношеніи къ утвержденію духовныхъ завѣщаній, замѣнялъ повѣтовый земскій судъ, въ законѣ сказано: «завѣщаніе вскорѣ по написаніи должно быть явлено передъ государемъ или передъ земскимъ судомъ на первыхъ срокахъ судовыхъ, а на войнѣ—передъ гетманомъ или передъ хоружимъ повѣтовымъ.

Кромѣ статута 1566 года, мы имѣемъ еще уставъ 1563 года, въ которомъ также объяснены права и обязанности хоружаго, въ которомъ сказано: «Каждый хоружій передъ сборомъ на войну, долженъ шляхтѣ своей хоругви по старому обычаю назначить срокъ сбора. И шляхта, собравшися съ почты своими, должна ѣхать съ хоружимъ на мѣсто, гдѣ приказано сбираться войску до гетмана. А ѣдучи по дорогѣ, хоружій обязанъ строго наблюдать, чтобы шляхтичь ни кому никакой обиды не дѣлалъ. Что же касается шляхты дѣленыхъ и недѣленыхъ братьевъ, которые бы дома остались, а на войну бы не поѣхали, таковыхъ каждый хоружій въ своемъ хоружествѣ обязанъ занести въ реэстръ поимянно, справедливо подъ присягою своею, и пріѣхавши до войска донести о томъ королю его милости или гетману и справу въ томъ дать. А за тѣмъ, что касается до шляхты, которые поддались панамъ, или земяномъ съ имѣньями своими; таковыхъ хоружіе каждый въ хоружествѣ своемъ долженъ записать особо по име-

намъ, никого не укрываючи, и о томъ подать подробную вѣдомость государю, который повелитъ возвратить ихъ къ повѣтамъ съ ихъ имѣніями» (А. Зап. Р., Т. III, № 33).

На хоружемъ, кромѣ военно-административныхъ обязанностей, лежали еще обязанности и невоеннаго характера; такъ хоружій въ своемъ округѣ называвшемся хоружествомъ, обязанъ былъ объявлять шляхтѣ всѣ вновь выходящія узаконенія, до нея относящіяся. Такъ въ уставахъ, данныхъ Литвѣ въ 1551 г., прямо сказано: «Хоружіе, взявши теперешные уставы выпись, обязаны каждый въ своемъ хоружествѣ о томъ повѣдать шляхтѣ» (ibid. № 11). На хоружихъ же лежала обязанность собирать серебщизну съ шляхетскихъ имѣній, состоящихъ въ его вѣдѣніи; на Гродненскомъ сеймѣ 1507 года былъ установленъ, такой порядокъ: «Державцы наши (государевы) обязаны ту серебщизну сбирать безъ мѣшканья, каждый въ своемъ повѣтѣ, съ нашихъ (государевыхъ) людей, а хоружій каждый въ своемъ повѣтѣ обязанъ сбирать серебщизну съ людей боярскихъ и дворянскихъ и вдовьихъ Татарскихъ, подъ свѣдомомъ каждаго державца нашего, а князей и пановъ радъ нашихъ съ ихъ имѣній ихъ намѣстники обязаны збирать серебщизну и отдавать до скарбу нашего» (А. Зап. Р., Т. II, № 17). По уставамъ 1559 года хоружіе присутствовали при выборахъ шляхты на сеймъ; хоружимъ слѣдовала опредѣленная подать съ шляхты на расходы при поѣздѣ на сеймъ и при отвозѣ въ казну серебщизны; хоружіе участвовали при вызовѣ повѣтовой шляхты на судъ, и за это получали опредѣленныя пошлины по 10 грошей отъ девяти копъ,

или помильное» (А. Зап. Р., Т. III, № 24). Хоружіе очевидно имѣли въ своихъ повѣтахъ большое значеніе, какъ земскіе выборные и представители мѣстной шляхты, и можетъ быть ходатаи за мѣстные шляхетскіе интересы на общихъ сеймахъ и, какъ кажется послы или выборные отъ шляхты въ посольскую избу отправлялись на сеймъ отъ каждаго повѣта, не иначе какъ при своемъ хоружемъ. Хоружіе же земскіе, или хоружіе великаго княжества Литовскаго, были кажется въ числѣ пановъ радъ, или еленами государевой думы или сената. Такъ по крайней мѣрѣ въ грамотѣ 1563 года, данной Сигизмундомъ Литовскому дворянству и рыцарству православной вѣры, въ числѣ пановъ радъ мы встрѣчаемъ хоружаго земскаго державцу Радуньскаго пана Щастнаго Гарцыка (А. Зап. Р., Т. III, № 32).

Писарь. Писари были государевы и писари земскіе. Государевы писари были двухъ видовъ: —писарь состоящій при государѣ былъ большимъ паномъ при дворѣ великаго князя, самымъ довѣреннымъ лицомъ у государя, членомъ государевой рады или сената; такъ напримѣръ въ приведенной выше Сигизмундовой грамотѣ 1563 года, въ числѣ членовъ рады или радныхъ пановъ, написаны: «маршалокъ и писарь нашъ, староста Тикотинскій, панъ Янъ Шишковичь; писарь нашъ конюшій Городенскій, державца Ошменкій, Вилькейскій и Красносельскій панъ Янъ Миколаевичь Гайка; писарь нашъ державца Марковскій и Меденьскій панъ Миколай Нарушевичь». Эта грамота свидѣтельствуетъ, что при государѣ было по нѣскольку писарей. Мы не рѣдко встрѣчаемъ государевыхъ писарей въ числѣ посланниковъ къ другимъ государямъ;

такъ въ грамотѣ 1507 года отъ В. К. Василья Ивановича Московскаго, написано: «сказано посламъ В. К. Литовскаго маршалку пану Яну Миколаевичу и кухмистеру пану Петру Олехновичу и писарю пану Богдану Сапегѣ (А. Зап. Р., Т. 1, № 16). Или въ грамотѣ Сигизмунда къ Московскому великому князю, писанной въ 1511 году, сказано: «послали къ тебѣ пословъ нашихъ: воеводу Полоцкаго пана Станислава Глѣбовича, а маршалка нашего охмистра королевы ея милости намѣстника Ковенскаго и Бѣльскаго, пана Войтка Яновича, и писаря нашего ключника Виленскаго намѣстника Свислоцкаго Грынка Громыку» (ibid. № 66).

Второй разрядъ государевыхъ писарей составляли чиновники, посылаемые отъ государя по областямъ для сбора недоимокъ, или для управленія и надзора за доходами собственно въ государевыхъ или дворцовыхъ волостяхъ и дворахъ. Обязанности, права и значеніе этого разряда писарей мы можемъ видѣть изъ слѣдующихъ грамотъ. Въ льготной грамотѣ Поднѣпровскимъ и Подвинскимъ королевскимъ волостямъ 1511 года сказано: «тыхъ волостей нашихъ наши данники жалуются на обиды отъ писарей нашихъ, которыхъ мы посылаемъ править недоимки, что ихъ слуги отъ году до году не выѣзжаючи живутъ на тѣхъ волостяхъ, корчмы сытятъ для своей корысти, а волости обязаны каждую недѣлю давать имъ содержаніе деньгами и припасами и ставить по нѣскольку сторожей, къ тому же и судятъ ихъ и рядятъ и великія вины на нихъ берутъ. А и сами писари наши, взъѣхавши на волости, непомѣрные взъѣды и стацеи берутъ, и для своихъ присудовъ и винъ на каж-

дой волости остаются по нѣскольку недѣль, а волости обязаны давать имъ содержаніе. И съ того великаго грабежу и вымоганья многіе данники наши съ тѣхъ волостей разошлися, а которые остались, тѣ не могутъ уже нѣсколько лѣтъ и половины дани заплатити» (А. Зап. Р., Т. II. № 75). Уставная грамота 1530 года державцамъ и тіунамъ Жмудскихъ королевскихъ волостей описываетъ права и обязанности государева писаря слѣдующимъ образомъ: «Для пожитковъ нашихъ господарскихъ, уставили мы писаремъ въ землѣ Жомойтской Андрея Мацковича, тѣмъ же обычаемъ, какъ и въ дворахъ нашихъ Виленскаго и Троцкаго повѣту писари отъ насъ установлены. И поручили мы ему въ тѣхъ дворахъ нашихъ и держаньяхъ нашихъ, пустовщины наши всѣ раздавать и мѣдницы медовъ прѣсныхъ съ нихъ выбирать на насъ; а къ тому дякла наши овсяные и житные съ людей нашихъ тамошнихъ и корчемные пѣнязи со всѣхъ мѣстечекъ нашихъ Жомойтскихъ онъ обязанъ на насъ выбирать по старому обычаю. Также пущи наши господарскія въ тѣхъ дворахъ нашихъ Жомойтскихъ по обѣимъ берегамъ Немана, поручили мы ему завѣдывать; обязанъ онъ въ тѣхъ пущахъ нашихъ строго смотрѣть и стеречь, чтобы никто безъ нашей воли господарской не смѣлъ будъ и всякихъ работъ древесныхъ и попельныхъ (добыча золы), производить и купцамъ раздавать. А кому мы дозволили тамъ буду (смоляный заводъ) имѣть; и онъ писарь обязанъ о томъ вѣдать и за тою работою строго смотрѣть и записывать, чтобы намъ въ мытѣ или въ чемъ убытку не было; а кгобы своевольно сталъ производить тамъ работы, таковыхъ мы приказали ему забирать

и ни до какихъ работъ не допускать. И вы бы осочниковъ тамошнихъ всѣхъ ему отдали, и за тѣмъ въ наши пущи тамошнія ни въ чемъ не вступалися. А въ которыхъ дворахъ нашихъ не было осочниковъ извѣчныхъ; ино тотъ писарь земли Жомойтской обязанъ тамъ уставить осочниковъ, сколько нужно изъ нашихъ людей тамошнихъ, чтобы строго стерегли наши пущи и чтобы намъ ни въ чемъ не было убытка. Также приказали ему довѣдываться, кто изъ васъ сколько людей присадилъ къ пожитку нашему, и кто будетъ разогналъ, или кто забралъ себѣ нашихъ людей, пустыя земли и пущи во всей Жомойтской землѣ; и кто бы забралъ безъ нашего дозволенья или жалованья, того всего довѣдавшись достаточно написалъ въ реэстръ, и прислалъ бы къ намъ, а все забранное безъ нашего дозволенья воротилъ къ нашимъ дворамъ и волостямъ. Что же касается нашихъ пашенъ въ тѣхъ дворахъ, то онъ обязанъ поступать также какъ и въ дворахъ Виленскаго и Троцкаго повѣта установлено, и отбирать на насъ всякій хлѣбъ. Онъ также обязанъ строго смотрѣть, чтобы соль, привозимая отъ Нѣмцевъ, не проходила не оплативши соленаго мыта по три гроша съ бочки. А сколько будетъ вы собрали въ послѣдніе три года съ половиною нашихъ винъ (т. е. судебныхъ штрафовъ), то подали бы ему писарю Жомойтской земли Андрею подробный реэстръ. Также онъ писарь обязанъ объѣзжать всѣ наши дворы и волости Жомойскія по два раза въ годъ, смотрѣть за нашими доходами и довѣдываться, не будетъ ли какихъ обидъ и отягощеній нашимъ подданнымъ отъ васъ самихъ и отъ вашихъ урядниковъ. А вамъ приказываемъ, когда онъ бу-

ѣетъ объѣзжать, то вы бы приказали нашимъ людямъ давать содержаніе ему самому и слугамъ и лошадямъ, а за труды ему выдавали бы изъ нашихъ винъ съ каждаго двора нашего и съ тамошнихъ волостей нашихъ по рублю грошей. А кто будетъ изъ васъ не доставилъ въ которомъ году установленныхъ денежныхъ и другихъ доходовъ нашихъ, о томъ о всемъ писарь обязанъ довѣдаться. А вы не должны вступаться во всѣ доходы и пожитки наши господарскіе порученные писарю» (А. Зап. Р., Т. III, № 149). Такимъ образомъ, государевы писари, посылаемые по дворцовымъ дворамъ и волостямъ государя, были собственно наблюдатели и охранители государевыхъ доходовъ и людей, живущихъ на государевыхъ земляхъ; они стояли выше мѣстныхъ управителей тіуновъ и державцевъ, хотя и не вмѣшивались въ ихъ обязанности по управленію и суду.

Земскіе писари были собственно выборные люди мѣстнаго общества или земства. Въ Литовскомъ статутѣ 1566 года, разд. 4-го, артик. I, сказано: «Въ каждомъ повѣтѣ княжата, панове рада наша, также рыцарство и шляхта, всѣ кто бы къ какому стану ни принадлежалъ, у которыхъ будутъ тамъ свои имѣнья, должны съѣхаться до двора на то установленнаго въ повѣтѣ, и выбрать со всей шляхты того повѣта братью свою на каждый урядъ: на судейство четырехъ человѣкъ добрыхъ, на подсудство другихъ четырехъ, на писарство третьихъ четырехъ человѣкъ добрыхъ, честныхъ, дѣятельныхъ и знающихъ законы, изъ шляхетскаго рода, въ томъ повѣтѣ добре осѣлыхъ и не иной вѣры, только христіанской; и выбравши ихъ представить ихъ намъ государю съ сво-

ими выборными листами; а мы изъ тѣхъ двѣнадцати особъ выберемъ троихъ для земскаго суда, въ томъ повѣтѣ ,—судью, подсудка и писаря. Которые отъ насъ выбранные и утвержденные обязаны на первыхъ срокахъ судовыхъ дать присягу передъ повѣтовымъ воеводою, а въ небытность воеводы предъ каштеляномъ, а въ землѣ Жомойтской передъ старостою Жомойтскимъ, при собраньи шляхты. Артикулъ 8-й. «На писарство не могутъ быть выбраны особы духовныя, ни старосты, державцы, ни тіуны того повѣта, ни хоружіе и никто таковый, кто бы въ томъ повѣтѣ былъ урядникомъ. Арт. 10-й. Писарь земскій долженъ хранить у себя повѣтовую печать, которою онъ долженъ печатать только одни позвы къ суду подъ государевымъ титуломъ; другія же судебныя бумаги должны быть припечатываемы печатью судьиною или подсудковою и только подписаны рукою земскаго писаря. Обязанности земскаго писаря, выраженныя въ его присягѣ, состояли въ томъ, что онъ долженъ на судѣ записывать вѣрно, какъ споры и рѣчи сторонъ, ничего не прибавляя ни убавляя, такъ и записывать въ судовыя книги всѣ бумаги, представленныя на судъ и судебныя рѣшенія. Земскій писарь по закону могъ имѣть одного или двухъ или сколько ему понадобится помощниковъ, которые назывались подписками, но помощники или подписки были на отвѣтственности самаго писаря, онъ долженъ строго смотрѣть, чтобы они вѣрно и справедливо безъ проволочки записывали въ книги; а ежели бы подпискомъ сдѣлана была какая нибудь въ дѣлѣ поруха, то за это отвѣчалъ самъ писарь, и платилъ всѣ убытки. Такимъ образомъ земскій писарь, по статуту 1566

года, былъ выборнымъ присяжнымъ членомъ суда, на немъ собственно лежала обязанность правильно вести письменную часть на судѣ и заносить ее въ судовыя книги, которыя были постояннымъ оффиціальнымъ документомъ для справовъ, выписовъ и подтвержденья правъ. Книги сіи хранились за тремя замками и тремя печатьми,—судьиною, подсудковою и писаревою. Узаконенные доходы писарей земскаго и городскаго, т. е. отъ правительства, а не выборнаго, были слѣдующіе: «отъ каждыхъ позвовъ по грошу, за вписываніе въ книги грошь, отъ выпису изъ книги грошь, отъ оповѣданья кривды грошь, отъ судовыхъ листовъ и выписовъ за каждый позовъ съ виноватаго по два гроша. Когда по дѣлу письма будетъ много и дѣло важное, то писарямъ за ихъ трудъ должно платить по 12 грошей съ пергаменнаго листа, а также особую цѣну за пергаменъ, шнуры и воскъ (тамъ же, Арт. 3-й). Но таковый порядокъ относительно земскихъ писарей установился только съ статута 1566 года, прежде же и по статуту 1529 г. писари были чиновниками воеводы, старостъ и другихъ державцевъ; ихъ обязанности состояли въ записываніи судныхъ рѣчей и судебныхъ рѣшеній и въ сборѣ судебныхъ штрафовъ и другихъ доходовъ отъ суда какъ въ пользу государя, такъ и для своихъ начальниковъ (стат. 1529 года, раздѣлъ VI, арт. 3). Мы имѣемъ даже свидѣтельство, что разныя области нѣсколько разъ просили правительство о дозволеніи имъ имѣть земскихъ выборныхъ судей и писарей; такъ въ уставахъ 1559 года упоминается, что Полотское земство просило государя, чтобы онъ, для большей справедливости и скорѣйшаго рѣшенія дѣла

дозволилъ имъ выбирать судей и писаря присяжнаго и далъ имъ свою государскую повѣтовую печать, на что государь отвѣчалъ, что исполненіе этой просьбы онъ отлагаетъ до изданія новаго статута, гдѣ будетъ особый артикулъ о судьяхъ (А. Зап. Р., Т. III, № 34, стр. 104).

Судебныя власти. Къ симъ властямъ причислялись: судья, подкоморій, вижъ, возный, войтъ.

Судъ въ Литовскомъ великомъ княжествѣ, какъ и вообще на Руси, принадлежалъ государю и его урядникамъ, воеводамъ, старостамъ, державцамъ, тіунамъ и вотчинникамъ или земянамъ, т. е. землевладѣльцамъ изъ высшаго класса, князей, пановъ и шляхты, каждому въ своемъ вѣдомствѣ, въ войскѣ—гетману, въ духовенствѣ—духовнымъ властямъ. Но кромѣ сихъ судей, урядниковъ или владѣльцевъ были еще собственно судьи, занимавшіеся только судомъ и не имѣвшіе никакого другаго уряда. Значеніе сихъ судей въ разное время и въ разныхъ областяхъ было не одинаково; но общее всегда между ними было то, что имъ принадлежалъ судъ въ тяжбахъ и спорахъ по дворянскимъ или шляхетскимъ имѣніямъ въ повѣтѣ.

Судья. Судя по уставной грамотѣ 1501 года, данной жителямъ Бѣльской земли, судья былъ выборнымъ представителемъ земщины своего повѣта, но эту земщину составляли только земяне, т. е. землевладѣльцы—шляхта. Въ грамотѣ сказано: «Шляхетный Петръ Люба, въ качествѣ судьи Бѣльскаго повѣта, именемъ и по довѣренности всѣхъ земянъ того повѣта, просилъ государя, чтобы онъ далъ Бѣльской землѣ тѣ же права, которыя даны Дрогичинскому повѣту. Изъ этой же грамоты видно, что въ Бѣльскомъ повѣтѣ кромѣ судьи

былъ еще подсудокъ также выборный отъ земщины, и въ ихъ вѣдѣніи состояли всѣ судебныя дѣла между земянами кромѣ уголовныхъ, которыя судилъ государевъ староста въ замкѣ (А. Зап. Рос., Т. I, №179). Но кажется сіи судьи и подсудки были занесены изъ Польши, т. е. принадлежали къ Польскимъ учрежденіямъ, и первоначально встрѣчаются только въ Подляшьи, и въ самой грамотѣ эта привиллегія названа Польскимъ привиліемъ. Въ другихъ же мѣстностяхъ великаго княжества Литовскаго по чисто Русскому праву, судьи въ тяжебныхъ дѣлахъ между земянами первоначально избирались самими тяжущимися, какъ видно изъ судебника В. К. Казимира Ягайловича, изданнаго въ 1468 году, гдѣ сказано: «а коли бы двое имѣли судиться, а возмутъ себѣ ѣздоковъ и судей; тогда назначать имъ срокъ за четыре недѣли, чтобы тотъ и другій успѣли приготовиться для явки предъ судьями, судьямъ же и ѣздокамъ выѣхать на мѣсто тяжбы» (ibid. № 67). Тотъ же порядокъ выбора судей тяжущимися находимъ въ уставной грамотѣ Волынской земли, данной въ 1509 году, въ которой сказано: на ярмарки старостины намѣстники имѣютъ право ѣздить по давному; а людей ихъ одинъ намѣстникъ не имѣетъ права судить; позванный въ судъ передъ намѣстника долженъ посадить себѣ судью съ своей руки, выбравши какого земянина». Въ той же грамотѣ есть извѣстіе, что староста и его намѣстники не имѣютъ права одни судить ни князя ни пана, ни земянина, а должны при себѣ посадить князей, пановъ и земянъ и при нихъ производить судъ (А. Зап. Р., Т. II, № 54). То же повторяется въ уставной грамотѣ Полотску 1511 года, гдѣ ска-

зано: «А воеводѣ нашему Полотскому, мѣщанъ одному не судити, судити ему съ бояры и мѣщаны» (ibid. № 70). Таковый порядокъ соблюдался до изданія Литовскаго статута 1529 года, т. е. судьи выбирались сторонами и присутствовали на судѣ у старостъ и другихъ государевыхъ урядниковъ и выбирались на время, или скорѣе на одно дѣло.

Но съ изданіемъ статута 1529 года этотъ порядокъ измѣнился, и земскіе судьи изъ временныхъ обратились въ постоянные, и хотя назначались изъ мѣстныхъ земянъ или землевладѣльцевъ, но не по выбору земщины, а по усмотрѣнію воеводъ или старостъ и другихъ державцевъ. Въ статутѣ прямо сказано: «Воеводы, старосты и державцы, каждый въ своемъ повѣтѣ, обязаны избрать двухъ земяниновъ, людей добрыхъ, стоющихъ довѣрія и привести ихъ къ присягѣ. А установить это такимъ обычаемъ, когда панъ воевода и староста и державца нашъ, сами за нѣкоторыми справами нашими или земскими не будутъ имѣть времени судить которыя права; то тѣ два земянина вмѣстѣ съ намѣстниками и маршалками тѣхъ нашихъ пановъ урядниковъ обязаны того смотрѣть и то справовать согласно съ писанными правами, которыя мы дали всей землѣ. И писари присяжные тѣхъ пановъ воеводъ и старостъ и державцевъ нашихъ обязаны также при нихъ быть и все записывать, и при томъ паблюдать за штрафами какъ на насъ государя, такъ и на своихъ пановъ, и за другими доходами. А безъ тѣхъ пановъ земянъ присяжныхъ, ежели ихъ не будетъ обѣихъ, тогда намѣстники и маршалки не имѣютъ права судить, необходимо, чтобы при нихъ былъ хотя одинъ изъ тѣхъ

земянъ (Разд. VI, арт. 3). Далѣе въ артикулѣ 24 сказано: «судьи, которые должны быть уставлены въ повѣтахъ, когда судятъ съ урядниками воеводиными и старостными, тогда обязаны пересудъ дѣлить на трое: одну часть воеводѣ, а другую судьямъ, и третью намѣстнику воеводину. За тѣмъ въ артикулѣ 25-мъ установлено: «Ежели бы который воевода или староста, или державца, или судья взялъ отъ кого пересуду больше, чѣмъ положено въ уставѣ; тотъ повиненъ будетъ возвратить сторонѣ съ прибавкою, и сверхъ того заплатить штрафъ на государя двѣнадцать рублей грошей». Такимъ образомъ, по статуту 1529 года, судьи хотя и изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ сдѣлались не больше какъ помощниками воеводъ, старостъ и другихъ урядниковъ, исправляли свои обязанности только тогда, когда самому воеводѣ или старостѣ было недосугъ заняться судомъ, и когда онъ поручалъ это дѣло своему намѣстнику; слѣдовательно по сему статуту значеніе судьи потеряло всякую самостоятельность, онъ находился въ полной зависимости отъ повѣтоваго воеводы или старосты; онъ въ сущности былъ его чиновникъ, а не представитель земщины.

Таковое зависимое положеніе судьи и такой его служебный характеръ естественно немогли нравиться земянамъ, которые такимъ образомъ потеряли право участвовать на судѣ самостоятельно и защищать свою братью; а посему на сеймахъ поднялись жалобы и просьбы къ государю, чтобы онъ отмѣнилъ этотъ порядокъ и дозволилъ имѣть земскихъ судей и писарей выборныхъ отъ земщины и независимыхъ отъ воеводы или старосты. Сколько извѣстно, тако-

выя просьбы начались съ Берестейскаго сейма, въ 1544 году, потомъ повторились на Виленскомъ сеймѣ въ 1547 г., на которомъ чины въ 9-й своей просьбѣ писали: чтобы королевская милость позаботился дать имъ въ повѣтахъ судьями людей добрыхъ, которые бы были выбраны ими самими между собою, и которые подъ присягами своими судили бы свою братью согласно съ страхомъ Божіимъ и справедливостію, и чтобы писарь въ каждомъ повѣтѣ также былъ присяжный, выбранный шляхтою. На эту просьбу былъ данъ такой же отвѣтъ, какъ и на Берестейскомъ сеймѣ,—что судьи должны быть назначаемы согласно съ статутомъ 1529 года (А. Зап. Р., Т. III, № 4). За тѣмъ та же просьба повторилась на второмъ Виленскомъ сеймѣ въ 1551 году, и полученъ таковый же отвѣтъ,—что судьи въ повѣтахъ какъ воеводскихъ, такъ и старостинскихъ должны быть установлены отъ пановъ воеводъ и отъ пановъ старостъ таковымъ обычаемъ, какъ установлено въ статутѣ, и должны справы судить вмѣстѣ съ намѣстникомъ воеводинымъ и съ подстаростою на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ панове воеводы и старосты укажутъ» (ibid. № 11), Тѣ же просьбы о судьяхъ и писаряхъ земскихъ были повторены на третьемъ Виленскомъ сеймѣ въ 1554 году, въ сихъ просьбахъ было прямо указано на обычай Подляшской земли; но полученъ прежній отвѣтъ, что судей должны назначать воеводы и старосты только прибавлено: «что же касается до судей, которые отъ пановъ воеводъ уставлены, и напередъ, гдѣ нужно будетъ уставить судей, его королевская милость хочетъ таковыхъ судей утверждать своимъ листомъ господарскимъ» (ibid. № 13). Наконецъ на

четвертомъ Виленскомъ сеймѣ 1559 года Полотскіе чины прямо просили, чтобы дать имъ присяжныхъ выборныхъ судей и писарей земскихъ и господарскую повѣтовую печать. На что получили отвѣтъ, что его милость король откладываетъ это дѣло до изданія новаго статута, которое не замедлится (ibid. № 24).

Постоянныя просьбы земскихъ чиновъ почти на всѣхъ сеймахъ наконецъ достигли того, что земскіе судьи и писарь сдѣлались выборными отъ земщины представителями на судѣ, подобно тому, какъ это было въ Польшѣ и Подлясьѣ. Въ статутѣ 1566 года о судьяхъ постановлено: «Въ каждомъ повѣтѣ княжата, панове рада наша, также рыцарство, шляхта всѣ, кто бы какого стану ни былъ, у которыхъ будутъ имѣнья въ томъ повѣтѣ, должны съѣхаться до двора на то установленнаго въ повѣтѣ и выбрать изъ всей шляхты того повѣта, братьи своей, на каждый урядъ таковый,—на судейство четырехъ людей добрыхъ, на подсудство другихъ четырехъ, на писарство третьихъ четырехъ людей добрыхъ, честныхъ, дѣятельныхъ и знающихъ законы, шляхетскаго рода, въ томъ повѣтѣ добре осѣлыхъ, не иной вѣры, какъ только Христіанской, и выбравши ихъ представить къ государю съ своими выборными листами. А государь изъ тѣхъ двѣнадцати особъ выберетъ троихъ для земскаго суда въ томъ повѣтѣ—судью, подсудка и писаря. Которые выбранные и утвержденные государемъ обязаны на первыхъ срокахъ судовыхъ дать присягу предъ повѣтовымъ воеводою, а въ небытность его передъ каштеляномъ, а въ землѣ Жомойтской передъ старостою Жомойтскимъ при собраньи шляхты». (Раздѣлъ IV, арт. I).

За тѣмъ сказано во 2-мъ артикулѣ того же раздѣла: «Также узаконяемъ тѣмъ урядомъ повѣтовымъ въ каждомъ повѣтѣ, — судьѣ и подсудку на положенные сроки позывать передъ себя и судить и справовать всѣхъ пановъ радъ духовныхъ и свѣтскихъ княжатъ, пановъ хоругвовыхъ, шляхту и бояръ о дѣлахъ по землямъ, всѣхъ которые будутъ имѣть въ томъ повѣтѣ свои вотчины, никого неисключая, кромѣ самаго государя и государевыхъ урядниковъ, за которыми будутъ государевы а не свои имѣнья, и которыхъ земскіе судьи судить не могутъ, а только самъ государь или кому онъ прикажетъ. Но земскій судъ не имѣетъ права судить тѣхъ дѣлъ, которыя принадлежатъ замковому суду, судятся воеводами, старостами и державцами особымъ порядкомъ». Такимъ образомъ по статуту 1566 года земскій судъ совершенно освобожденъ отъ вліянія государевыхъ урядниковъ, воеводъ, старостъ и державцевъ, и получилъ отдѣльную независимую юрисдикцію съ своимъ особымъ родомъ дѣлъ. По осьмому артикулу настоящаго статута даже отъ выбора въ судьи, подсудки и писаря были изключены всѣ лица, за которыми бы въ томъ повѣтѣ былъ какой либо государевъ урядъ, и всѣ духовныя особы. А по седьмому артикулу, земскіе судьи и подсудки, ежели бы сами по какой либо законной причинѣ не могли производить суда въ положе́нный срокъ, то сами должны выбирать на свое мѣсто годныхъ людей изъ мѣстной шляхты, независимо отъ государевыхъ урядниковъ. Слѣдовательно земскій судъ по статуту вполнѣ былъ предоставленъ самой земщинѣ, т. е. землевладѣльцамъ, — шляхтѣ. Государь только утверждалъ выбранныхъ судей, подсудковъ и

писарей, государевы же повѣтовые урядники не имѣли на этотъ судъ никакого вліянія.

Но учрежденіе особаго самостоятельнаго и независимаго земскаго суда въ повѣтахъ не уничтожило суда повѣтовыхъ государевыхъ урядниковъ,—воеводъ, старостъ, державцевъ и другихъ, который получилъ названіе замковаго суда. Къ нему по артикулу 20 отнесены слѣдующія дѣла, изъятыя отъ земскаго суда: «наѣздъ гвалтовный на домы шляхетскіе, гвалтъ въ мѣстахъ (городахъ), пожога, разбой на дорогахъ, гвалтованье паненъ и невѣстъ, злодѣйство, фальшъ, убійство шляхтича и вообще дѣла уголовныя. Замковый судъ составляли государевы повѣтовые урядники,—воеводы, старосты, державцы, ихъ намѣстники и выбранные урядниками по прежнимъ порядкамъ судьи. Артикулъ 21-й гласитъ: «Установляемъ, чтобы воеводы, старосты и всѣ державцы замковъ и дворовъ нашихъ, каждый на своемъ урядѣ, обязанъ выбрать человѣка добраго, шляхтича въ томъ повѣтѣ осѣлаго, присяглаго, который повинепъ будетъ вмѣстѣ съ замковымъ урядомъ судить и справовать всѣ дѣла судовыя, которыя замку или уряду нашему будутъ принадлежать». Такимъ образомъ судьи, избираемые государевыми урядниками по статуту 1529 года, остались при замковомъ судѣ, и ихъ обязаности были прежнія,—въ небытность самихъ государевыхъ урядниковъ судить при ихъ намѣстникахъ.

Подкоморимъ назывался судья собственно по межевымъ дѣламъ, именно по разсмотрѣнію и отводу межей на мѣстѣ; онъ начиналъ свой судъ не иначе какъ по передачѣ ему дѣла отъ земскаго суда. Чинъ подкоморего учрежденъ не раньше статута 1566 года, Подкоморій.

до прежде же межевыя дѣла были въ вѣдѣніи государевыхъ урядниковъ,—воеводъ, старостъ и державцевъ и выбранныхъ ими судей. По 70 артикулу I раздѣла статута 1566 года въ каждомъ повѣтѣ установляется подкоморій присяглый, непремѣнно осѣлый въ томъ повѣтѣ; его назначаетъ Государь и онъ на своемъ урядѣ остается на всю жизнь, какъ и прочіе урядники земскіе, и при вступленіи въ должность долженъ дать присягу. По всѣмъ розницамъ (спорамъ) земляным и граничнымъ въ слѣдствіе передачи дѣла отъ земскаго суда, подкоморій обязанъ, по праву своего уряда, дать позвы сторонамъ отъ своего имени и за своею печатью и назначить срокъ завитый (не отложный) для выѣзда на спорную землю. Выѣхавши на мѣсто подкоморій и разсмотрѣвши выводовъ права листовъ и знаковъ граничныхъ, и разспросивши приведенныхъ сторонами людей знающихъ границы, долженъ допустить къ доводу ту сторону, чьи листы (т. е. крѣпости) лучшіе и знаки яснѣйшіе и знающіе люди заслуживающіе бо́льшаго довѣрія, и выслушавши доводъ согласно статуту, долженъ отвести настоящее правильное владѣніе и покопать границы концы (ямы), знаки граничные, и дать на то листы своего суда, подъ своею печатью и подписомъ своей руки. По суду подкоморего, ежелибы за присужденьемъ земли и границъ оказалась надобность взыскать какіе убытки; тогда подкоморій долженъ дѣло о томъ отослать въ тотъ земскій судъ, изъ котораго оно къ нему прислано. А гдѣ бы споры о земляхъ приплись на границѣ общей между двумя повѣтами, тогда на таковую спорную землю должны выѣзжать подкоморіи обоихъ повѣтовъ. Пошлины или плата подкоморему

по закону опредѣлялись такъ: за каждый наружный конецъ (яму) по двадцать четыре гроша Литовскихъ, а отъ среднихъ по двадцати грошей отъ каждаго. А концы должны быть дѣланы одинъ отъ другаго не ближе какъ на три шнура волочные (которыми мѣряютъ волоки), выключая тѣхъ случаевъ, гдѣ граница будетъ очень изкривлена и потребуетъ концовъ болѣе частыхъ. А гдѣ бы концовъ не требовалось, а только проложеніе межи, тамъ отъ таковой межи отъ каждыхъ трехъ шнуровъ волочныхъ идетъ подкоморему двѣнадцать грошей. А чтобы отправленіе всякихъ судовъ, подлежащихъ уряду подкоморего, не замедлялось, подкоморій въ каждомъ повѣтѣ для вспоможенія себѣ имѣетъ право выбрать одного или двухъ коморниковъ, шляхтичевъ въ повѣтѣ осѣлыхъ, людей вѣры годныхъ и состоятельныхъ, которые на судовыхъ срокахъ передъ каштеляномъ или маршалкомъ повѣтовымъ и передъ урядомъ земскимъ или дворнымъ обязаны дать такую же присягу на свой комориицкій урядъ, какъ и самъ подкоморій. А потомъ каждый изъ нихъ отдѣльно, по назначенію подкоморія, гдѣ бы самъ подкоморій на которой справѣ (судѣ) не могъ быть, пользуются тѣми же правами и полною властію, какъ и самъ подкоморій.

Вижъ—это былъ полицейскій урядникъ при судѣ, дѣйствовавшій по приказу суда. Вижъ избирался и назначался воеводами, старостами, державцами и другими урядниками государевыми, онъ былъ необходимый оффиціальный посредникъ и свидѣтель при всякомъ судебномъ дѣлѣ, гдѣ что нужно осмотрѣть, узнать и исполнить по судебному приговору; вижъ былъ правою рукою и глазомъ суда. Въ статутѣ 1529 года Вижъ.

обязанности вижа изложены слѣдующимъ образомъ: Раздѣлъ V, артикулъ 8. «Ктобы кому поручилъ въ опеку дѣтей своихъ или свое имѣнье или жену, то опекуны должны поступить слѣдующимъ порядкомъ, взявши отъ уряду вижа того повѣта и при немъ еще трехъ шляхтичей достойныхъ вѣры, и при сихъ свидѣтеляхъ описать все имѣнье; и взявши отъ того вижа и отъ тѣхъ бояръ шляхты два реэстра подъ ихъ печатьми, одинъ реэстръ беречь у себя, а другой передать въ повѣтъ воеводѣ или старостѣ въ которомъ повѣтѣ. Разд. VI арт. 10. Вижъ посылался отъ уряду къ знатнымъ панамъ, когда по суду требовалось разсудить ихъ людей: «По княжескихъ людей не должно посылать дѣтскихъ для вызова въ судъ, а наперед должно обослать того пана, чьи то люди, приказуючи ему учинить справедливость передъ вижемъ нашимъ или урядовымъ». Артик. 31. Ежелибы общіе судьи (третейскіе) кому присудили и положили срокъ платежа; а тотъ бы на тотъ срокъ платить не хотѣлъ; тогда тѣ судьи имѣютъ право взять вижа отъ нашего двора, который ближе будетъ, и при томъ вижѣ должны того пограбить, и тотъ грабежъ отдать тому, кому что присудятъ». Арт. 36. Когда по рѣшенію суда на комъ кому нужно будетъ взыскать имѣніе или сумму денегъ, то, получивши на это право, таковый не можетъ исполнить судебнаго приговора, а долженъ взять съ собою вижа отъ урядника отъ судей, которые рѣшили дѣло и приговорили взысканіе. Раздѣлъ VII, артик. 2. Ежели бы кто гвалтомъ наѣхалъ на чей домъ и кого бы тамъ ранилъ и убилъ; то изъ того дому въ слѣдъ за гвалтомъ должно извѣстить своихъ сосѣдей, за тѣмъ взять съ ближайшаго уряду

вижа, и показать ему гвалтъ и раны или убитаго и сосѣдями и вижемъ уличать виноватаго въ гвалтѣ, артик. 17. При позывѣ въ судъ гвалтовника жалобникъ долженъ доказать гвалтъ вижомъ урядовымъ и шляхтою людьми добрыми, которымъ онъ показывалъ гвалтъ, или которые видѣли, какъ произошелъ гвалтъ. Разд. VIII, арт. 9. Судьи, данные кому на землю не иначе могутъ выдать листы для вызова отвѣтчика, какъ при вижѣ, взятомъ отъ ближняго уряду. Арт. 15. Ежели бы кто на чужой землѣ посѣялъ жито, то хозяинъ, называющій землю, своею долженъ взять отъ уряду вижа и при вижѣ, объявить, чтобы онъ пожавши не свозилъ жита съ земли. Арт. 19. Вижъ по приказу суда или уряда описывалъ имѣнія за долги и по судебнымъ взысканіямъ, причемъ онъ долженъ былъ опись производить при двухъ или трехъ шляхтичахъ, добрыхъ стороннихъ людяхъ, и писать сему имѣнію три реэстра за печатьми: своею и тѣхъ добрыхъ людей, и одинъ реэстръ отдать тому, у кого описалъ имѣніе, другій оставить у себя и третій представить въ тотъ урядъ, отъ котораго былъ посланъ. Раздѣлъ X, арт. 2. Ежели бы заложившій свое имѣніе хотѣлъ на срокъ его выкупить, а кто взялъ въ закладъ—не захотѣлъ принять своихъ денегъ и отдать имѣніе; то залогодатель долженъ былъ взять вижа отъ уряда своего повѣта, и съ вижемъ къ нему ѣхать, чтобы взялъ свои деньги. И ежели бы онъ не хотѣлъ брать денегъ и при вижѣ; то вижъ, взявши деньги, долженъ представить ихъ въ казну государеву, а залогопринимателя обязать относительно имѣнія. По тому же статуту, именно по 35 артикулу VI раздѣла, назначены слѣдующіе доходы вижамъ: «Вижу и дѣцкому нашему

вижоваго и дѣцкованья рубль, а вижу воеводину земскаго маршалка и старосты полтину, а державцовымъ вижамъ и дѣцкимъ, которые державцы прежде назывались тіунами, по двѣнадцати грошей, а ежели бы были вижы ихъ намѣстниковъ, тѣ беруть помильное на милю по грошу, а воеводныхъ намѣстниковъ вижамъ по двѣнадцати грошей. А ежелибы вижи и дѣцкіе наши, и воеводъ и старостъ нашихъ, и державцевъ нашихъ, а также ихъ намѣстниковъ не имѣли бы нужды ѣхать, а оставались бы въ городѣ, то имъ вижоваго и дѣцкованья половина. А ежели котораго дѣцкаго мы или рада наша воеводы, маршалки и старосты пошлемъ на взысканія денегъ, то имъ дѣцкованья отъ каждаго рубля по десяти грошей. По 35 артикулу показаніе вижа, ежели оно подтверждено бывшими при немъ двумя или тремя шляхтичами, имѣло такое важное значеніе, что его нельзя было отвести никакими показаніями. Въ общихъ чертахъ обязанности и доходы вижа въ уставахъ 1551 года на второмъ Виленскомъ сеймѣ изложены въ слѣдующихъ словахъ: «Вижъ долженъ дать присягу, что онъ все что̀ будетъ видѣть или слышать, то все справедливо передъ правомъ (судомъ) или книгами судовыми долженъ разсказать и засвидѣтельствовать. Вижи при своемъ вижованьи обязаны имѣть при себѣ всегда сторону людей добрыхъ по давному обычаю. А за ихъ трудъ и за проѣздъ вижу платится за каждую милю по грошу. (А. З. Р, Т. III, стр. 35). Такимъ образомъ и по имени своему, и по указанію законодательныхъ памятниковъ вижъ представлялъ глаза и уши суда или судей. По закону свидѣтельство вижа передъ судомъ или урядомъ имѣло такую силу, какъ будто бы

судъ или урядъ самъ то видѣлъ и слышалъ своими глазами и ушами. А посему вижъ имѣлъ большое значеніе и для уряда или суда, и для самаго общества; и та и другая сторона должны были желать, чтобы на вижа или его показанія можно было вполнѣ положиться; и по статуту 1529 года урядъ или судъ былъ въ этомъ отношеніи обезпеченъ тѣмъ, что вижи по этому статуту назначались самимъ урядомъ, т. е. воеводами, старостами и державцами. Но таковый порядокъ естественно не могъ нравиться обществу оно постоянно съ недовѣріемъ смотрѣло на вижей, назначенныхъ урядомъ, и называло ихъ людьми нестоющими довѣрія, и на всѣхъ сеймахъ чины просили государя, чтобы вижи были выборные отъ общества и присяглые. Такъ на второмъ Виленскомъ сеймѣ 1551 года чины говорили Государю, чтобы въ повѣтахъ вижи были присяжные, шляхта осѣлая и избиралась такимъ же порядкомъ, какъ возные въ Подлясьѣ, т. е. по Польскому обычаю отъ общества, а не отъ уряду. То же повторилось на третьемъ Виленскомъ сеймѣ 1554 года, и въ оба раза правительство отвѣчало чинамъ отказомъ, желая поддержать порядокъ статута 1629 года. Наконецъ и на четвертомъ Виленскомъ сеймѣ 1559 года повторилась та же просьба, которая вынудила отъ правительства такой отвѣтъ, что вопросъ о выборныхъ судьяхъ, писаряхъ и вижахъ будетъ разсмотрѣнъ при изданіи новаго статута, которое должно скоро послѣдовать, и тамъ относительно этого артикула по возможности будутъ удовлетворены просьбы чиновъ. (А. З. Р, Т. III, № 21). И дѣйствительно. въ статутѣ 1566 года вопросъ о вижахъ, какъ и о земскихъ судьяхъ, былъ

пересмотрѣнъ и почти всѣ обязанности вижа переданы возному, а вижъ уже столлъ на заднемъ планѣ, и кажется былъ оставленъ только при гетманѣ и вообще при военачальникахъ во время военныхъ походовъ. По крайней мѣрѣ въ статутѣ 1566 года вижъ упоминается только при гетманѣ, (Раздѣлъ Партикулъ 21 и 22).

Возный. Возный,—этотъ чинъ по первоначальному происхожденію принадлежитъ Польшѣ и въ статутѣ 1529 года вовсе не упоминается и до 1566 года встрѣчается только въ уставныхъ грамотахъ нѣкоторыхъ повѣтовъ Подляшской земли, пользовавшихся Польскимъ правомъ, напримѣръ въ Дрогичинскомъ и Бѣльскомъ; такъ въ уставной грамотѣ 1511 года сказано: «А возваго Дрогичинскій староста долженъ выбирать съ судьею и подсудкомъ, и со всею землею». (А. З. Р., Т. II, № 64). Возный, какъ общій чинъ во всемъ Литовскомъ княжествѣ, является только съ изданіемъ Литовскаго статута 1566 года, гдѣ вмѣстѣ съ своею первоначальною обязанностію онъ несетъ и всѣ обязанности прежняго вижа. Первоначальная обязанность возваго состояла въ вызовѣ къ суду, онъ въ этомъ отношеніи сходился съ доводчикомъ и недѣльщикомъ Московской администраціи.

Объ учрежденіи возныхъ для Литовскаго княжества статутъ 1566 года говоритъ слѣдующимъ образомъ: «желая чтобы въ правѣ (судѣ) земскомъ всегда былъ порядокъ и исправа обычайная, установляемъ и уполномочиваемъ, чтобы воеводы въ каждомъ повѣтѣ судовомъ, гдѣ книги лежатъ, а староста Жемойтской тамъ въ землѣ Жемойтской возныхъ выбирали пострыгали, уставляли, какъ и судей, изъ шляхты лю-

дей добрыхъ, достойныхъ довѣрія, пользующихся уваженіемъ и осѣлыхъ въ томъ повѣтѣ. А число возныхъ назначать смотря по обширности повѣта и по потребности. Выбравши возпаго, воевода долженъ принять отъ него присягу, занести его имя въ свои реэстры, и выдать ему свой листъ на должность возпаго. (Разд. IV, артик. 4). Обязанности и права возпаго въ 5 артикулѣ того же раздѣла описаны такъ: «носить позвы и ими позывать (къ суду) хотя безъ вѣдомости урядовой, и назпачать сроки по старому обычаю, и заповѣдовать, чтобы отъ права (суда) не уѣзжали, выдавать присягу свидѣтелямъ по приказу суда, присутствовать при всякомъ освидѣтельствованіи, арестовать по опредѣленію и приказу судьи и подсудка за ихъ листами, осматривать гвалты, разбои и раны, и заносить ихъ въ урядовыя книги того уряду, отъ котораго будетъ посланъ, и при всякой таковой справѣ возный всегда обязанъ имѣть при себѣ двухъ шляхтичевъ для подкрѣпленія своихъ показаній. Впрочемъ по дѣламъ незначительнымъ, не кровавымъ, онъ можетъ дѣлать осмотры одинъ безъ стороны шляхты и даже безъ посланья отъ уряду, только безъ всякаго замедленія долженъ заносить въ книги урядовыя все, что осмотритъ, и показаніе возпаго въ книгахъ такую же будетъ имѣть силу, какъ бы возный самъ стоялъ налицо. Что же касается до доходовъ возному, отъ кого что онъ имѣетъ право брать: когда поѣдетъ на какую справу, тогда отъ мили по грошу въ одну сторопу, а что назадъ поѣдетъ, за то ничего не брать; ежели мили не проѣдетъ, а исправитъ свое дѣло въ самомъ городѣ, то отъ дѣла грошъ. А когда поѣдетъ кого арестовать по искамъ, то брать

съ того отъ службы (съ тягла) по грошу, съ пустоши. которую пашутъ, и отъ полслужбы по полугрошу, а отъ суммы пенязей отъ копы по два пенязя». Въ охраненіе вознаго при отправленіи имъ своей должности артикуломъ 6-мъ узаконено: «кто бы вознаго во время отправленія имъ своей должности прибилъ и отнялъ у него и разорвалъ листы, данные отъ уряду; съ того взыскать безчестье вознаго противъ его достоинства вдвое, и сверхъ того посадить его подъ стражу на шесть недѣль въ замкѣ или на повѣтовомъ дворѣ». Кромѣ изчисленныхъ выше обязанностей вознаго, на его же обязанности лежало по артикулу 29-му сопровождать истцовъ къ тѣмъ знатнымъ землевладѣльцамъ, слуги которыхъ учинили истцамъ какую обиду, и требовать отъ землевладѣльцевъ суда надъ своими слугами, присутствовать на этомъ судѣ. По артикулу 67-му возный посылался урядомъ для взысканія съ имѣнія, ежели бы хозяинъ его на положенный срокъ чего не выплатилъ по приговору суда. По артикулу 68-му возный отправлялся судомъ для заарестованія имѣнія, съ котораго присуждено судомъ взыскать извѣстную сумму денегъ. При чемъ возный за каждыя двадцать копъ (сумму денегъ), службу людей или уволоку (мѣру земли) осѣлую, за десять копъ полслужбы или полволоки, за копу грошей моркгъ земли унавоженной. По артикулу 69-му урядъ или судъ посылалъ вознаго съ приказаніемъ, чтобы выгнавшій гвалтомъ хозяина изъ имѣнія передалъ имѣніе выгнанному хозяину во временное владѣніе до окончанія суда. По 4-му артикулу VI раздѣла возный долженъ по приказу уряда присутствовать при принятіи имѣнія въ опеку, и опись

имѣнію, сдѣланную опекунами, утвердить своею печатью. По 15-му артикулу IX раздѣла возный долженъ былъ присутствовать при описи имѣнія, отписываемаго на государя. По 6-му артикулу XIV раздѣла возный, данный отъ уряда, долженъ присутствовать на судѣ копы или сельской общины, когда какое селеніе отобьетъ кошу на татинномъ слѣду, и копа потребуетъ отъ уряда вознаго. Возный, прибывши на мѣсто вмѣстѣ съ копою, долженъ оцѣнить убытки, причиненные татьбою, на которыхъ обиженный присягнетъ самтретей, и вмѣстѣ съ копою обязанъ донести объ этомъ уряду, отъ котораго былъ посланъ.

При сравненіи обязанностей и правъ возпаго, изложенныхъ въ статутѣ 1566 года съ правами и обязанностями вижа и дѣцкаго, обязанныхъ по статуту 1529 года вызывать въ судъ и брать подъ арестъ непослушныхъ судебному вызову, оказывается, что возный по статуту 1566 года совмѣщалъ въ себѣ прежнихъ вижа и дѣцкаго, и конечно при таковомъ совмѣщеніи пользовался большимъ значеніемъ въ обществѣ. Но чины, постоянно требовавшіе на сеймахъ, чтобы вижи были выборными отъ общества, съ введеніемъ возпаго не достигли своихъ желаній; ибо возный не былъ выборнымъ отъ общества, а назначался изъ мѣстной осѣлой шляхты воеводами, старостами и другими державцами такимъ же порядкомъ, какъ и прежніе вижи.

По городамъ, гдѣ мѣстскій судъ былъ отдѣленъ отъ суда земскаго и замковаго, а особенно въ городахъ пользовавшихся Магдебургскимъ правомъ, главнымъ, а иногда и единственнымъ судьею былъ войтъ; его суду, по грамотѣ 1510 года, подлежали въ Полоцкѣ Войтъ.

всѣ мѣщане, т. е. члены городскаго общества, а также всѣ черные люди и закладни, живущіе какъ въ замкѣ, такъ около замка, также за Двиною и на всякомъ мѣстѣ въ городѣ Полотскѣ, за кѣмъ бы закладни ни жили,—за владыкою, за игуменьею, за князьями и за боярами, за игуменами и за попами на всякихъ земляхъ церковныхъ, княжескихъ и боярскихъ. (А. З. Р., Т. II № 61). По грамотѣ 1511 года Новгороду Литовскому на Магдебургское право, судъ и управа мѣстскія были переданы войту, при которомъ назначались для суда и управы еще шесть радцевъ и восемь присяжниковъ; изъ радцевъ и вмѣстѣ съ ними войтъ каждогодно долженъ выбирать двухъ бурмистровъ, которымъ отдѣлялись нѣкоторые разряды судебныхъ дѣлъ. По уставу войтъ получалъ отъ всѣхъ пересудовъ (по гражданскимъ дѣламъ) и винъ (по уголовнымъ дѣламъ) третій пенязь, а два пенязя шли на ратушу. Мѣстскій судъ во всѣхъ городахъ, пользовавшихся Магдебургскимъ правомъ, производился не иначе какъ войтомъ вмѣстѣ съ бурмистрами и радцами, и въ этотъ судъ никакіе урядники государевы не имѣли права вступаться, ни воеводы, ни старосты. (ibid. № 71). Войты въ города пользующіеся Магдебургскимъ правомъ назначались самимъ государемъ, и войтову суду подлежали всѣ дѣла судебныя за исключеніемъ дѣлъ по поземельному владѣнію, которыя дѣла постоянно оставались за государевыми урядниками,—воеводами, старостами и державцами. (А. З. Р., Т. I, № 75).

Въ городахъ непользующихся Могдебургскимъ правомъ и гдѣ мѣстскій судъ не былъ отдѣленъ отъ земскаго суда и отъ суда государевыхъ урядниковъ,

равно какъ и въ государевыхъ селахъ хотя и бывали войты, но они не имѣли права суда, это были просто городскіе или сельскіе старосты или головы, и ихъ обязанности были только административныя, а не судебныя. Такъ въ уставной грамотѣ Могилевскимъ мѣщанамъ 1561 года сказано: «поручили и дали войтовство въ мѣстѣ нашемъ Могилевскомъ тамошнему мѣщанину Нефеду Іосифовичу и при немъ уставили четырехъ сотниковъ. Войтъ обязанъ во всемъ смотрѣть за мѣстскимъ (городскимъ) порядкомъ, и во всѣхъ дѣлахъ управлять слушнѣ и рядне, и о городскихъ потребностяхъ доносить замковому уряду нашему, но войты по дѣламъ общественнымъ, касающимся цѣлаго города, не иначе должны дѣлать распоряженія, какъ по согласію съ сотниками и главнѣйшими мѣщанами; а главнѣйшею обязанностію войта должна быть забота о пріумноженіи государевыхъ доходовъ и о правильности при сборѣ податей и другихъ поборовъ, и посему онъ всегда долженъ присутствовать при урядѣ, когда взносятся подати». А за труды одна волока и одинъ домъ занимаемый войтомъ освобождаются отъ платежа податей. (А. З. Р., Т. III, стр. 113). Въ государевыхъ селахъ по уставу 1557 года обязанности войтовъ были слѣдующія: выгонять людей на работу по приказу уряда, также выгонять съ оброками и податьми, приводить вмѣсто дѣцкаго къ суду въ урядъ, при всякихъ работахъ вмѣсто пристава стоять надъ людьми войтовства своего, отвозить овесъ и сѣно до Вильны или куда прикажетъ урядъ, поправлять и поновлять межи крестьянскихъ полей, присутствовать при урядовомъ судѣ и помогать члену своей волости или вой-

товства, но не судить. Сельскіе войты избирались по одобренію крестьянъ (ibid. стр. 74).

Есть извѣстіе, что городскія войтовства, по крайней мѣрѣ въ концѣ XV столѣтія, были наслѣдственныя и продавались правительствомъ въ потомственное владѣніе со всѣми доходами, привиллегіями и правами, иногда одному войту по два войтовства, а можетъ быть и болѣе. Такъ въ грамотѣ В. К. Александра 1494 года сказано: «билъ намъ челомъ сынъ Ивановъ Лудевъ войта Володимерскаго, на имя Ѳедько, и показывалъ передъ нами листы отца нашего, что продалъ отцу его Ивану Луду войтовство Володимерское и Литовижское вѣчно, ему и дѣтямъ его, и будущимъ потомкамъ, съ землями пашенными, съ сѣножатьми, съ озеры, съ мельницами, и со всѣми платами и пожитками, которые издавна къ тѣмъ войтоствамъ Владимирскому и Литовижскому тянутъ; а также показывалъ передъ нами листъ отца нашего, что отецъ нашъ освободилъ его не ходить на войну съ старостою Луцкимъ, и съ намѣстникомъ Владимирскимъ и съ маршалкомъ Волынской земли, и съ князьями и панами Волынской земли. И просилъ насъ Ѳедько, чтобы мы ему тѣ войтовства и на войну не ходить подтвердили нашимъ листомъ согласно съ листами нашего отца. И мы ему тѣ войтовства Владимирское и Литовское и на войну не ходить подтверждаемъ, согласно съ листами отца нашего, вѣчно, ему и его дѣтямъ и ихъ потомкамъ. (А. З. Р., Т. I, № 121). По свидѣтельству сей грамоты войтъ имѣлъ опредѣленную власть, независимую отъ другихъ мѣстныхъ властей или урядовъ, и власть эта давала значительные доходы, такъ что она продавалась какъ вотчина

или другая какая собственность. Впрочемъ настоящая грамота говоритъ только о войтовствахъ въ Волынской землѣ; но соблюдался ли таковый же порядокъ относительно этого предмета въ другихъ земляхъ великаго княжества Литовскаго, мы на это не имѣемъ свидѣтельствъ, но знаемъ что въ Волынской землѣ были свои порядки, а равнымъ образомъ и въ другихъ земляхъ были также свои порядки, не всегда согласные съ общими порядками всего великаго княжества Литовскаго и вытекавшіе не изъ стараго строя Полотскаго.

Кромѣ изчисленныхъ должностей и достоинствъ были еще придворныя разныя должности или чины, съ которыми находилась въ соединеніи та или другая власть надъ тѣмъ или другимъ повѣтомъ или какою либо областію, и эта власть имѣла за собою извѣстные доходы въ данной области. Таковые чины или придворныя должности были слѣдующіе.

Конюшій. Конюшій одинъ изъ самыхъ важныхъ придворныхъ чиновъ. Конюшіи раздѣлялись на земскихъ и дворныхъ; земскій конюшій считался выше дворнаго, кромѣ того были еще конюшіе по нѣкоторымъ областямъ; всѣ конюшіе кажется считались членами государевой думы или рады. Такъ въ одной жалованной грамотѣ 1563 года сказано: при томъ были панове рады наши ихъ милости,—князь Валеріанъ бискупъ Виленскій.... Конюшій нашъ дворный великаго княжества Литовскаго, староста Мельницкій, державца Кгерановскій панъ Ярошъ Корыцкій, писарь нашъ конюшій Городенскій, державца Ошменскій, Вилькейскій и Красносельскій панъ Янъ Миколаевичъ Гайко» (А. З. Р.

Т. III, № 32). Или въ одной дарственной записи 1564 года сказано: «А при томъ были и того добрѣ свѣдомы его милость панъ Остафей Воловичь маршалокъ дворный, подскарбій земскій, писарь его королевской милости, староста Могилевскій державца Озерицкій и Усвятскій, а панъ Янъ Юрьевичь Волошковича, конюшій Виленскій, державца Васплишскій (ibid. № 36). А въ грамотѣ 1569 года есть указаніе и о доходахъ конюшаго въ назначенной ему области; въ грамотѣ сказано: «который слуга или человѣкъ княжескій или панскій или земянинъ убьетъ кого . ино старосты и намѣстники наши, и маршалокъ земскій, и ключникъ и конюшій на нихъ головщины бирали». (А. З. Р., Т. II, № 54). Эта грамота показываетъ, что конюшіе принимали какое-то участіе въ судѣ и управленіи тою областію, въ которую они назначались конюшими, хотя въ то же время въ той же области были и другіе урядники,— старосты, маршалки и подобн.

Ключникъ. Ключникъ первоначально въ Литовскомъ княжествѣ, равно какъ и въ другихъ Русскихъ княжествахъ, былъ дворнымъ слугою князя, которому поручалось завѣдываніе хозяйствомъ въ томъ или другомъ княжескомъ имѣніи, даже въ древнія времена по Русской Правдѣ ключничество влекло за собою холопство, и ключники бывали городскіе и сельскіе. Но когда дворъ великаго князя Литовскаго получилъ государственный характеръ и сдѣлался центромъ, куда стремилась служилая аристократія, и когда всѣ придворныя должности сколько нибудь значительныя сдѣлались предметомъ искательствъ со стороны богатыхъ и знатныхъ аристократовъ; то и должность го-

сударева ключника сдѣлалась важною должностію и стала поручаться знатнымъ людямъ, вельможамъ. Такъ въ одной купчей 1512 года написаны свидѣтелями: «писарь господаря, короля его милости, панъ Григорій Исаевичь Громыка, и ключникъ Виленскій, державца Свислоцкій, а дворяне господарскіе князь Иванъ Филипповичь Крошинскій, а панъ Яцко Ивановичь Ратомскій» (ibid. N 78). Но перемѣна общественнаго значенія ключниковъ не измѣнила характера ихъ должности, они остались довѣренными лицами государя, которымъ въ государевыхъ имѣніяхъ и городахъ поручалось управленіе, а въ городахъ земскихъ онъ завѣдывалъ государевыми доходами, къ нему приносились всѣ государевы сборы съ повѣта, и онъ пересылалъ ихъ до подскарбія въ казну государеву; кромѣ того въ его вѣдѣніи состояли села и деревни государевы, такъ что къ нему посылались указы о передачѣ села или деревни тому или другому лицу въ пожалованіе отъ государя, при чемъ онъ обязанъ былъ справиться—можетъ ли быть передано сказанное имѣніе. Такъ въ грамотѣ 1456 года, присланной Казимиромъ въ Луцкъ, великій князь пишетъ: «ключнику Луцкому, пану Андрюшку Ѳедковичу, и инымъ кто по немъ будетъ ключникомъ въ Луцкѣ: билъ панъ челомъ Богданъ Волчковичь, а просилъ утвердить за нимъ имѣніе Привередовъ, которое онъ выслужилъ у княгини Швидригайловой; ино коли то имѣніе отъ вѣка боярское, а не тяглое, и мы ему то имѣнье подтверждаемъ симъ нашимъ листомъ». (A. З. Р., Т. I, № 59). А уставная грамота 1509 года, приведенная выше, свидѣтельствуетъ, что ключники вмѣстѣ съ старостами и намѣстниками пользовались извѣстны-

ми доходами отъ своей должности; а судя по тому что ключничество не рѣдко давалось знатнымъ лицамъ, при дворѣ занимавшимъ важныя должности, и давалось какъ доходная статья, должно полагать, что доходы ключника были значительны, особенно въ большихъ городахъ, напр. въ Вильнѣ, Трокахъ и под.

Кухмистръ. Кухмистръ былъ одинъ изъ важныхъ придворныхъ чиновъ, кухмистры иногда участвовали въ посольствахъ къ сосѣднимъ государямъ; такъ въ отвѣтѣ Литовскимъ посламъ 1507 года великій князь Московскій пишетъ: «Жигимонта короля Польскаго и великаго князя Литовскаго посламъ: маршалку пану Яну Николаевичу и кухмистру Петру Олехновичу и писарю Богдану Сопежичу» (А. З. Р., Т. II, № 16). Кухмистры кромѣ своей придворной должности, получали иногда другія административныя мѣста какъ доходныя статьи; такъ кухмистръ Петръ Олехновичъ былъ въ то же время намѣстникомъ Скертомоньскимъ (ibid. № 36). Они состояли членами государевой рады; такъ въ одной грамотѣ 1512 года упоминается членомъ рады кухмистръ государевъ, намѣстникъ Утенскій панъ Петръ Олехновичъ. (ibid. № 79). Въ чемъ собственно состояла придворная должность кухмистра, мы на это не имѣемъ прямыхъ указаній въ памятникахъ; но судя по названію должности онъ очевидно завѣдывалъ столомъ государевымъ.

Подчашій Подчашій также была придворная должность, можетъ быть въ вѣдѣніи подчашаго находились напитки государевы; но во всякомъ случаѣ эта должность при дворѣ была одна изъ важныхъ,—она давалась лицамъ заслуженнымъ и довѣреннымъ, которые занимали другія важныя государственныя должности; такъ напри-

мѣръ воевода Кіевскій панъ Юрій Николаевичь Радивилъ, приближеннѣйшій человѣкъ къ Сигизмунду, былъ въ то же время государевымъ подчашимъ и державцею Мерецкимъ и Мозырскимъ, какъ это видно изъ письма короля Сигизмунда, писаннаго къ нему Радивилу въ 1534 году. (ibid. № 177) Подчашіе были нетолько членами государевой рады, какъ значится въ одной грамотѣ 1541 года, гдѣ между членами рады помѣщенъ староста Жемойтскій, подчашій государевъ, державца Василишскій панъ Янъ Николаевичь Радивилъ (ibid. № 215). Но бывали и докладчиками государю отъ рады или отъ сейма; такъ въ уставахъ, данныхъ Литвѣ на второмъ Виленскомъ сеймѣ въ 1551 году, сказано: «Пришедши передъ его королевскую милость князи, панове, бояре, и вся шляхта княжества Литовскаго подали свое мнѣніе черезъ подчашаго Господарскаго, старосту Тыкотинскаго и Могилевскаго, черезъ пана Станислава Николаевича Кгезгайла». (А. З. Р., Т. III, № 11). Конечно, должность подчашаго, всегда соединенная съ другими непридворными должностями, имѣла большое значеніе; и пользовалась значительными доходами не только отъ соединенныхъ съ нею должностей, но и отъ волостей приписанныхъ на путь подчашаго, т. е. для доставленія ему доходовъ.

Къ придворнымъ должностямъ или чинамъ также принадлежали должности: подстолія, стольника, райчаго, мечника великаго княжества Литовскаго и охмистра королевы; все это принадлежало къ высокимъ придворнымъ чинамъ, занимавшіе сіи придворныя должности были членами государевой рады или въ послѣдствіи сената. Къ каждой изъ сихъ должно-

стей приписаны были разныя волости на содержаніе и кромѣ того каждый изъ сихъ сановниковъ былъ урядникомъ или управителемъ какого-либо повѣта илл области; такъ панъ Юрій Александровичъ Ходкевичъ, кравчій великаго княжества Литовскаго, былъ въ то же время и старостою Бѣльскимъ; или панъ Янъ Ходкевичъ, стольникъ великаго княжества Литовскаго, въ то же время былъ старостою Плотельскимъ и державцею Тельшевскимъ, какъ значится въ одной жалованной грамотѣ 1563 года, гдѣ они поставлены между членами государевой рады (А. Зап. Р., Т. III, № 32). Или въ 1541 году подстолій панъ Никодимъ Яновичъ Тѣхоновскій, былъ въ то же время старостою Мѣльницкимъ (А, Зап. Р., Т. III, № 215). Или въ 1507 году, охмистръ королевы панъ Войтѣхъ Яновичъ былъ намѣстникомъ Ковельскимъ и Вѣльскимъ (ibid. № 29). Такимъ образомъ и придворная служба посредственно или непосредственно являлась тою или другою властію надъ земщиною или народомъ.

Власть землевладѣльцевъ

Но власть надъ народомъ не ограничивалась государемъ и государевымъ урядомъ, на народѣ лежала еще власть аристократіи землевладѣльцевъ, власть тяжелая, сложившаяся исторически и независимо отъ государева уряду или отъ службы, власть самовольная, почти безконтрольная, почти не подчинявшаяся правительству, которая по самому строю Литовскаго государства, сложившемуся исторически, находилась какъ бы внѣ государственнаго закона, и тѣмъ не менѣе была признана закономъ, власть порабощавшая себѣ не только простой народъ, но и мелкую или небогатую шляхту, какъ это между про-

чимъ засвидѣтельствовано просьбами Жомойгской шляхты поданными государю на второмъ Виленскомъ сеймѣ 1551 года, гдѣ шляхта жаловалась, что великіе паны и недумаютъ судить своихъ урядниковъ которые дѣлаютъ большія обиды и притѣсненія шляхтѣ въ забраніи у нихъ земель и людей и другихъ предметовъ хозяйства, и даже запрещаютъ своимъ урядникамъ являться на судъ передъ паномъ старостою» (А. Зап. Р., Т. III, стр. 39). Относительно же людей живущихъ на земляхъ большихъ пановъ вельможъ, къ какому бы классу ни принадлежали сіи люди, по самому закону судъ и управа были собственностію землевладѣльцевъ; такъ что мѣстные государевы урядники, воеводы, старосты, державцы, въ дѣлахъ между панскими людьми и государевыми должны были отсылать таковыя дѣла къ панамъ земле-владѣльцемъ, которые чрезъ своихъ урядниковъ и чинили судъ по таковымъ дѣламъ и налагали штрафы и другія наказанія на виновныхъ, и штрафы брали въ свою пользу, а не въ государеву казну. Въ 10 артикулѣ, VI раздѣла, статута 1529 года прямо сказано: ежели бы кому какая обида была отъ слугъ или людей княжескихъ или панскихъ; то ни мы государь, ни воеводы наши по таковыхъ людей не имѣемъ права посылать дѣцкихъ, а напередъ должны послать къ тому пану, чьи то люди, чтобы онъ учинилъ надъ ними судъ, передъ нашимъ или передъ урядовымъ вижомъ». Таковыми самостоятельными, такъ сказать прирожденными судіями, властителями и притѣснителями народа по Литовскому строю были служилые князья, паны и земяне, вообще землевладѣльцы

Образованіе и развитіе такой страшной и противугосударственной власти аристократовъ землевладѣльцевъ прямо вытекало изъ историческаго образованія самой аристократіи, какъ она сложилась въ Литовско-Русскомъ государствѣ при Гедиминовой династіи.

Служилые князья въ Литовскомъ княжествѣ происходили или изъ дома Гедимина или отъ старыхъ Русскихъ княжескихъ родовъ; и тѣ и другіе до поступленія на службу великаго князя Литовскаго владѣли въ разныхъ Русскихъ городахъ и областяхъ, на правахъ удѣльныхъ Русскихъ князей, т. е. съ такою же властію въ своемъ удѣлѣ, съ какою великій князь владѣлъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. Въ послѣдствіи, съ поступленіемъ на службу великаго князя, удѣльные князья удержали за собою свои прежніе удѣлы на ленномъ правѣ, т. е. съ обязанностію служить за нихъ великому князю Литовскому; а вмѣстѣ съ удѣломъ они удержали за собою и прежнюю власть надъ жителями удѣла; ибо государь по учиненному обязательству съ ленникомъ требовалъ съ него только вѣрной и усердной службы, а объ отношеніяхъ его къ жителямъ лена или удѣла вовсе не упоминалъ. Владѣтельный удѣльный князь первоначально и поступалъ на службу великаго князя и дѣлался его ленникомъ именно на такомъ условіи, чтобы его домашняя власть въ удѣлѣ оставалась неприкосновенною и независимою отъ великаго князя, какъ частная собственность или отчина. Лень или удѣлъ, разъ получившій таковый характеръ частной собственности, удерживалъ его и тогда, когда государь почему либо передавалъ его въ другія руки,

другому ли роду служилыхъ князей, или и не князямъ, а какому-либо боярскому или панскому роду. Вообще при всѣхъ переходахъ съ лена не снималось клеймо частной собственности, и съ тѣмъ вмѣстѣ за владѣльцемъ лена всегда оставалось право независимаго, безконтрольнаго владыки въ своихъ владѣніяхъ; такъ что какія бы распоряженія онъ ни дѣлалъ въ границахъ своего владѣнія, какъ бы ни притѣснялъ своихъ подданныхъ, какія бы ни налагалъ подати и повинности, на него нельзя было искать управы; даже самъ великій князь прямо отказывался вступаться въ подобныя дѣла и оправдывалъ всегда леннаго владѣльца, на томъ основаніи, что владѣніе ему принадлежало какъ вотчина, какъ объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ одна судная грамота 1591 г., въ которой сказано: «Когда Пинскіе мѣщане жаловались великому князю Александру Казимировичу на своего князя Ѳедора Ивановича Ярославича, который притѣснялъ ихъ разными новыми поборами, подводами и корчемными пенѣзями: то разсмотрѣвши жалобы Пинянъ, Александръ, по разсужденіи съ своею радою, далъ дѣлу такое рѣшеніе: «Такъ, какъ городъ Пинскъ, мы дали князю Ѳедору въ вотчину; то онъ и имѣетъ держать его какъ вотчинникъ, прибавлять и разширять, какъ ему лучше покажется, какъ вотчинному господарю въ своемъ имѣніи» (А. Зап. Р., Т. I, № 191). Послѣ таковаго рѣшенія рады и самаго государя, конечно нечего уже и говорить о каковомъ-либо контролѣ надъ судомъ и управою большихъ землевладѣльцевъ, служилыхъ князей и пановъ въ границахъ своихъ владѣній: здѣсь произволъ землевладѣльцевъ былъ уже не злоупотребленіемъ власти,

а напротивъ дѣломъ законнымъ, не выходящимъ изъ обычнаго порядка и охраняемымъ верховною властію въ государствѣ.

Ленное владѣніе или жалованная вотчина, какъ мы уже упомянали выше, переходя отъ одного владѣльца къ другому, съ тѣмъ вмѣстѣ давало и всѣ права прежняго владѣльца новому владѣльцу, т. е. жалованная вотчина, переходя отъ служилаго князя къ пану или земянину, переходила къ нему со всѣми правами, которыя имѣлъ на нее прежній владѣлецъ служилый князь. А переходы жалованныхъ отчинъ или ленъ не имѣли никакого ограниченія со стороны закона; ибо въ самыхъ жалованныхъ грамотахъ на таковый ленъ или вотчину прямо писалось, что владѣлецъ имѣетъ право продать эту вотчину, подарить и промѣнять. Такъ напримѣръ въ жалованной грамотѣ 1499 года князю Михаилу Ярославскому на Мстиславль и Мглинъ сказано: «Вѣдая вѣрную и усердную службу князя Михаила Ивановича Юрьевича Ярославскаго, и желая, чтобы и впередъ онъ охотно служилъ намъ, какъ его дѣдичному государю (пану), пожаловали его и дали ему городъ Мстиславль и городъ Мглинъ, со всѣми дворы и со всѣми пожитки и доходы и платы (подати) и со всѣми боляры и съ ихъ имѣньи и слугами путными и данники, и со всѣмъ правомъ и паньствомъ (съ правами господства владѣльчества), не оставляючи ничего на насъ и на нашихъ наслѣдниковъ..... А далп ему въ вотчину вѣчно и его княгинѣ и ихъ дѣтямъ и будущимъ ихъ потомкамъ, волепъ онъ то отдати, и замѣнити и на свои прибытки обернути» (А. Зап. Р., Т. I, № 172). При таковыхъ порядкахъ, каждый владѣлецъ таковой

вотчины или лена могъ безпрепятственно продать, промѣнять и подарить, все ли свое владѣніе или часть его, кому угодно,—другому ли князю, или пану, или земянину, и съ тѣмъ вмѣстѣ передавалъ новому владѣльцу и всѣ свои права на это имѣніе и на людей тамъ живущихъ, т. е. и права собственнаго суда надъ тамошними жителями, и права жизни и смерти, и права безконтрольнаго распоряженія имуществомъ своихъ подданныхъ. Такимъ образомъ, чрезъ посредство передачи имѣній по частнымъ сдѣлкамъ всѣ права, какъ и имѣнья отъ служилыхъ князей, прежнихъ самостоятельныхъ удѣльныхъ государей, переходили и къ другимъ членамъ аристократіи, не принадлежавшимъ къ княжескимъ родамъ. Но и самое государево пожалованіе имѣній панамъ и земянамъ не отличалось отъ пожалованія служилымъ князьямъ; такъ въ грамотѣ, 1450 года, данной пану Немиру Резановичу на вотчины, сказано: «Мы, Казимиръ король, видѣвши вѣрную и усердную службу пана Немира Резановича, и подумавши съ нашими князьми и паны, съ нашею вѣрною радою, дали пану Немиру Резановичу и записали села съ лѣсы и съ дубравы.... и съ мыты, и съ болоты, и съ бобровыми гоны, невыймуючи ничего на себя, тыя имѣнья, на имя Литовиши, села Торговицы, Червища, Ствоповичи. А можетъ то себѣ улучшать, разширять, сажать на новомъ корени; а то дали ему и записали вѣчно, и его женѣ, и дѣтямъ и его ближнимъ сродственникамъ» (ibid. № 54). Или въ жалованной грамотѣ того же 1450 года, земянину Олизару Шиловичу, король Казимиръ пишетъ: «видѣвши службу намъ вѣрную и усердную нашего земянина Луцкаго, пана Олизара

Шиловича, и подумавши съ нашими князьми и паны, съ нашею вѣрною радою, даемъ и дали ему Олизару Шиловичу, въ Луцкомъ повѣтѣ: Серники, а Любче, а Гороховъ, а Губинъ, а Марковичи, а къ тому приселки: Подлѣщи, Доросины, а Поварскъ, что выслужилъ у дяди нашего Швидрикгайла въ Мѣльницкой волости; а то дали ему его вотчину, то держанье (владѣніе) все, что выслужилъ, въ вотчину, со всѣмъ тѣмъ, что издавна къ тѣмъ селамъ прислушало, вѣчно и нерушимо, со всѣми приходы и уходы,.... со всѣми платы (податьми), что къ тѣмъ имѣньямъ прислушаетъ и передъ тѣмъ шло службами и тягостью; а дали ему, и его женѣ, и дѣтямъ, и его ближнимъ и сродникамъ, вѣчно и нерушимо« (ibid. № 53).

Таковое равенство правъ у служилыхъ князей пановъ и земянъ на принадлежащія имъ имѣнія, полученныя ими какъ по пожалованію отъ государя, такъ и по частной передачѣ покупкою, дареніемъ, мѣною и наслѣдствомъ, естественно должно было сравнять ихъ и передъ закономъ во всѣхъ ихъ правахъ, и образовать изъ нихъ исключительный, привиллегированный классъ подъ общимъ именемъ шляхты или аристократіи, освободить ихъ отъ мѣстнаго государева уряда и предоставить имъ право независимыхъ владѣльцевъ надъ всѣми людьми, живущими въ ихъ имѣніяхъ. И дѣйствительно, законъ признавалъ за князьями, панами и земянами, таковое исключительное привиллегированное положеніе, и въ этомъ отношеніи не полагалъ между ними никакого различія въ правахъ. Такъ въ уставной грамотѣ 1509 года, данной Волынской землѣ, сказано: «старосты

и намѣстники наши не имѣютъ права посылать дѣтскихъ на князей, пановъ и земянъ, а когда на кого изъ нихъ будетъ жалоба, то напередъ должны дважды извѣщать ихъ о томъ своими листами; а когда и послѣ двухъ извѣщеній кто неявится, за тѣмъ уже посылать дѣцкаго. А который слуга или человѣкъ княжескій или панскій или земянскій кого убьетъ; ино старосты наши и намѣстники въ то не вступаются, п[illegible]ть самп господа съ своихъ слугъ и людей берутъ головщину. А князей, пановъ и земянъ старостѣ нашему злыми словами не срамить, въ казнь и въ вѣжу (тюрму) не сажать; а ежели бы который князь или панъ или земянинъ въ чемъ провинился, то староста долженъ о томъ донести намъ, государю, и какъ мы его научимъ нашимъ листомъ, или посломъ нашимъ, такъ чтобы онъ съ тѣмъ и поступилъ по нашему наученью. А старосты и намѣстники наши не должны брать ни винъ (штрафовъ) ни заруки, ни съ князей, ни съ пановъ, ни съ земянъ, ни съ ихъ людей, и людей ихъ не должны ни судить ни рядить; судити имъ самимъ своихъ людей, и вины брать каждому съ своего человѣка. А судить старостѣ въ нашей землѣ княжескихъ или панскихъ или земянскихъ людей, только въ такихъ случаяхъ, когда или пойманъ будетъ въ разбоѣ, клеветѣ и въ шляхетской ранѣ, и пожогѣ, чтобы злодѣйство немножилось; а злодѣя приличнаго (пойманнаго на дѣлѣ), гдѣ когда поймаютъ на чьемъ имѣніи, тамъ его и должны судить и наказать по давному обычаю..... А который князь, или панъ, или земянинъ, стоя у права (на судѣ) передъ старостою, отзовется до насъ государя на высшее право (судъ); ино старостѣ и намѣстни-

камъ нашимъ въ томъ имъ не препятствовать, и отпускать ихъ къ намъ, положивши срокъ, когда имъ стать передъ нами. А князя, пана и земянина, старостѣ и намѣстникамъ нашимъ одному ихъ не судить, а долженъ при себѣ посадить князей, пановъ и земянъ, и тогда уже судить передъ ними (А. Зап. Р., Т. II, № 54). Таковое исключительное привилегированное положеніе аристократіи и безконтрольная власть ея надъ людьми живущими на земляхъ аристократовъ или шляхты, т. е. князей, пановъ и земянъ, было признано и общими законами великаго княжества Литовскаго, или статутами. Въ Литовскомъ статутѣ 1529 года даже былъ учрежденъ особый судъ для аристократовъ. Въ 5-мъ артикулѣ VI раздѣла сего статута сказано: «Установляемъ для обидъ шляхты, которыя дѣлаются отъ пановъ, или отъ урядниковъ нашихъ и панскихъ въ земляхъ, грабежахъ гвалтахъ и головщинахъ, или также между самими панами и ихъ подданными, для чего установляемъ на съѣханье таковыхъ дѣлъ два срока въ каждомъ году, на которые паны повинны будутъ съѣзжаться на мѣсто положеное до Вильны, о седьмой субботѣ и о святомъ Покровѣ; на которыхъ срокахъ, какъ завитыхъ (непремѣнныхъ), каждый панъ, одинъ другому долженъ дать удовлетвореніе (маетъ быти правъ); а также кому дадутъ вину (пожалуются), что онъ былъ сужденъ не по праву, на тѣхъ же срокахъ долженъ отвѣчать и дать удовлетвореніе. А тѣ суды, нигдѣ немогутъ быть сужоны, какъ только во дворцѣ нашемъ господарскомъ въ Вильнѣ».

Такимъ образомъ и по обычаю, сложившемуся исторически, и по государственному закону писанному,

въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, кромѣ власти государевой и его урядниковъ, заявляющихъ свою власть именемъ государя, на жителяхъ той или другой мѣстности, лежала тяжелая и безконтрольная власть аристократовъ землевладѣльцевъ князей, пановъ и земянъ, которая вытекала не изъ службы государю, а прямо изъ владѣльческихъ правъ, и которой были отданы всѣ живущіе на владѣльческихъ земляхъ безъ различія состоянія, т. е. были ли то невольники, или люди свободные, и даже мелкая шляхта, состоящая въ службѣ у аристократовъ и живущая на ихъ земляхъ. Такъ въ 8-мъ артикулѣ III раздѣла Литовскаго статута 1566 года сказано: «А что касается злодѣйства, убійства и иныхъ преступленій; то княжата и панове рада наша имѣютъ право судить каждаго изъ шляхты и рыцарства, которые у нихъ въ службѣ, только должны имѣть при себѣ шляхту людей добрыхъ, и передъ ними чинить судъ, и кто въ чемъ на этомъ судѣ будетъ обвиненъ, тотъ и долженъ тутъ же понести наказаніе за свое преступленіе, хотя бы дѣло дошло до смертной казни». Такъ было по закону, а на дѣлѣ въ практикѣ большой панъ далъ своего слугу шляхтича сколько хотѣлъ, никого не спрашивалъ, а о людяхъ простыхъ не шляхтичахъ и въ законѣ не было помину, панъ могъ ихъ вѣшать, рубить имъ головы и дѣлать разныя изтязанія по первому капризу. Отъ этой страшной и произвольной власти аристократовъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ по закону были освобождены только люди, принадлежащіе самому государю, и городскіе жители тѣхъ городовъ, которые не принадлежали къ вотчинамъ князей и пановъ, и

которые въ этомъ отношеніи были сравнены съ шляхтою, какъ прямо сказано въ статутѣ 1529 г.: «Слюбуемъ своею персоною господарскою, ижъ всю шляхту, княжата и паны хоруговные и всѣ бояре посполитые, и мѣщаны и ихъ люди заховати (содержать) при свободахъ и вольностяхъ, отъ предковъ нашихъ данныхъ имъ, а также и отъ насъ» (Разд. III, арт. 7).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

РАЗСКАЗЪ ПЕРВЫЙ.

Страна.

Полотскъ 1. Полотская земля 7. Полотскія колоніи: въ Ливоніи 15. Въ Литовской землѣ 22. Въ землѣ Ятвяжской 25.

РАЗСКАЗЪ ВТОРЫЙ.

Люди.

Ятвяги 31. Литва 58. Летыгола, Зимигола и Корсь 84. Ливь 97. Дреговичи 106. Полочане 109. Формы общественнаго быта у Полочанъ 135. Бояре 138. Купцы 148. Городскіе дворяне 160. Черные люди 161. Уѣздные жители: путники и панцырные бояре 166. Тяглые люди 170.

РАЗСКАЗЪ ТРЕТІЙ.

Церковь.

Двѣ церкви въ Полотской землѣ 176. Литовская языческая церковь 181. Христіанская православная церковь 191. Епископъ 195. Соборныя церкви 202. Монастыри 207. Приходскія церкви и бѣлое духовенство 222. Церковныя братства 234. Латинская церковь и ея отношенія къ православной церкви и обществу 244.

РАЗСКАЗЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Власть.

Вѣче 293. Князь 316. Аристократія 327. Гетманъ 347. Канцлеръ 354. Подскарбій 356. Воевода или палатинъ 360. Староста 368. Маршалокъ 380. Кастелянъ 384. Намѣстникъ 388. Державцы 395. Тіуны 399. Городничій 404. Хоружій 406. Писарь 411. Судья 418. Подкоморій 425. Вижъ 427. Возный 432. Войтъ 435. Конюшій 439. Ключникъ 440. Кухмистеръ, Подчашій 442. Власть землевладѣльцевъ 444.

2007042950